МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ
ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2010

Актуальные проблемы истории парламентаризма

Международная научная конференция

С.-Петербург
2011

УДК 328
ББК 67.400.6
Т 13

Научное издание

Печатается по решению Оргкомитета
международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора А.Б. Николаева

Т 13

Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7 декабря 2010 г. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. 378 с.

ББК 67.400.6

ISBN 978-5-904247-46-1

© Коллектив авторов, 2011.
© Николаев А.Б., идея, редактирование, составление, 2011.
© Центр истории парламентаризма, 2011.

ISBN 978-5-904247-46-1

Содержание

Предисловие 5
Вступительное слово к читателям сборника 8
Приветственное слово к участникам международной конференции 9

Государственная дума Российской империи: формирование и деятельность

И.В. Лукоянов. Манифест 17 октября 1905 г.: 105 лет спустя 12
Куликов С.В. Государственная дума и Государственный совет в проектах Основных законов П.А. Харитонова, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь-декабрь 1905 г.) 29
О.Г. Малышева. Избирательная система и выборы в Государственную думу Российской империи 100
Н.М. Корнева. Запросы Государственной думы о деятельности тюремных учреждений (1906—1917) 112
Н.С. Сидоренко. Депутаты и политика (из истории Уральского депутатского корпуса Государственной думы России (1906—1917) 135
О.А. Яковлева. Проблемы развития системы путей сообщения на Российском Дальнем Востоке в деятельности Государственной думы (1906—1917 гг.) 144
В.В. Ведерников. Первая парламентская дуэль (альтернативные подходы к решению аграрного вопроса в I Государственной думе и их судьба) 158
А.В. Костылев. Санкт-Петербург и Москва на выборах во II Государственную думу 170
Г.Ю. Афанасьев. Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и ее общественно-политический резонанс: выигрыши и просчеты 183

Ф.А. Гайда. «Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства 192
Л.С. Бокарева. К вопросу о законодательных предположениях IV Государственной думы по реформированию православного прихода (1913 г.) 203
М.А. Златина. IV Государственная дума и проблема еврейских беженцев в годы Первой мировой войны 213
А.А. Иванов. Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н.Е. Маркова в Государственной думе 22 ноября 1916 г. 220
А.Д. Гронский. Отношение политической полиции к депутатам Государственной думы (по воспоминаниям руководителей политического сыска) 231
И.К. Кирьянов. Парламентаризация монархии в России начала XX века: провал первого отечественного опыта перехода к демократии 248
Николаев А.Б. К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.) 260

Думская биографика

Т.Д. Исмагулова. Жизнеописание «фарфорового» барона: депутат Государственной думы Николай Борисович фон Вольф (1866—1940) 310

Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ

С.Т. Гаджиев. История парламентаризма в Азербайджане (декабрь 1918 —апрель 1920 годы) 323
Е.А. Тарасова. Съезд народных депутатов РСФСР-РФ 1990—1993 гг. — коммунистическая оппозиция или демократическая альтернатива? 331
В.В. Ткаченко. Отмена «политреформы 2004 года: новые политические реалии и перспективы дальнейшего развития Украины 348
В.Н. Колесников. Эволюция российского парламентаризма: традиция против модернизации 357
Сведения об авторах 374
Список сокращений и аббревиатур 376

ПРЕДИСЛОВИЕ

7 декабря 2010 г. в Санкт-Петербурге прошла международная научная конференция «Актуальные проблемы истории парламентаризма» («Таврические чтения 2010»). Организатором конференции выступил Центр истории парламентаризма при МПА СНГ. Он сформировал ее оргкомитет и наметил дату проведения конференции[1]. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Л.А. Крохина, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПбИИРАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, заведующий Научно-исследовательским архивом СПбИИРАН И.В. Лукоянов, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ А.Б. Николаев (председатель), доктор исторических наук, доцент, председатель научно-методического совета при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко. Оргкомитет, опираясь на тематику поданных заявок, сформировал программу конференции. Информация о предстоящей международной научной конференции была помещена на различных сайтах в Интернете[2].

Конференция открылась пленарным заседанием, на котором было заслушано 3 доклада. В дальнейшем работа конференции проходила в секционных заседаниях: «Думская биографика» (секция 1, зал № 16, руководитель: Д.Н. Шилов); «Государственная дума Российской империи: формирование и деятельность» (секция 2, подсекция 1, зал № 11, руководитель: А.Б. Николаев; подсекция 2, зал № 20, руководитель: И.В. Лукоянов); «Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ» (секция 3, зал № 9, руководитель: К.А. Пшенко). Как и на предыдущих «Таврических чтениях» (2007, 2008 и 2009 гг.), в ходе конференции выступили не только ученые, изве-

[1] Конференция проходит ежегодно с 2007 года в Таврическом дворце, где располагается Центр истории парламентаризма.

[2] [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.konferencii.ru; Scientific Social Community [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.science-community.org/uk/node/2274.

стные своими трудами по истории парламентаризма, но и студенты различных вузов Санкт-Петербурга. Они приняли активное участие в работе молодежной секции «Парламентские дебаты на тему: «СНГ: инструмент интеграции стран — участников или препятствие для реализации национальных интересов». Руководил работой секции кандидат политических наук, доцент кафедры политологии РГПУ С.А. Наумов[3]. Отметим, что студенты участвовали и в других секционных заседаниях, правда, уже только в качестве гостей.

Информация о прошедшей конференции была дана на сайте МПА СНГ[4], а студенты факультета социальных наук РГПУ поместили о ней две статьи в своей газете «Двадцатый корпус». В одной из них магистрант К. Макаров замечает: «“Таврические чтения” уже не первый год собирают заинтересованных герценовцев. И хотя конференция в декабре 2010 г. прошла намного скромнее, чем в предыдущем году[5], но все равно была многоплановой и интересной»[6]. Определенный интерес вызвали у студентов доклады, прозвучавшие на первой секции: «Пышный зал, имперские орлы... Атмосфера величия! Старинные кресла красной кожи, которые помнят политических деятелей начала XX века. Кем они были? Чем они жили? Что привело их в думский зал? Ответы на эти вопросы рисуют образы парламентариев начала прошлого века. Именно на эти вопросы и пытались ответить докладчики секции Думская биографика», — пишет студентка 4-го курса В. Чикова[7].

Все доклады, сделанные на конференции, были переработаны их

[3] Материалы молодежной секции в данном сборнике не публикуются.

[4] 7 декабря 2010 / Новости // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.ipa.spb.su/html/index.php?id=17&nid=1217

[5] В декабре 2009 г. прошла международная научная конференция, в ходе которой было проведено пленарное и семь секционных заседаний. По итогам конференции было опубликовано два сборника научных статей: Таврические чтения 2009. Актуальные проблемы парламентаризма в России (1906—1917). Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2010; Таврические чтения 2009. (Часть II). Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева (отв. ред.) и А.Л. Реймана. СПб., 2011.

[6] *Макаров К.* Научная экспансия КРИ / Парламент Его Величества: Таврические чтения-2010 // Двадцатый корпус. 2011. Январь-февраль. № 66. С. 3.

[7] *Чикова В.* Думская биографика // Там же.

авторами в научные статьи, которые и публикуются в четвертом уже сборнике «Таврические чтения». Сборник открывается вступительным словом Генерального секретаря МПА СНГ М.И. Кротова и приветствием к участникам конференции председателя НМС при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко. В первом разделе «Государственная дума Российской империи: формирование и деятельность» публикуется 16 статей. Укажем, что в этот раздел были включены материалы пленарного заседания и отчасти секции «Думская биографика». Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют статьи И.В. Лукоянова о Манифесте 17 октября 1905 г., С.В. Куликова, в которой автор предпринимает попытку показать, как отразилась идея о высшем представительном органе — Государственной думе и Государственном совете — в проектах Основных законов П.А. Харитонова, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена, а также И.К. Кирьянова, который характеризует парламентаризацию монархии в начале XX века как провал первого отечественного опыта перехода к демократии. Две статьи посвящены избирательной системе (О.Г. Малышева) и выборам во II Государственную думу (А.В. Костылев). В ряде работ рассматриваются различные аспекты деятельности IV Государственной думы (Ф.А. Гайда, Л.С. Бокарева, М.А. Златина, А.А. Иванов). Определенный интерес представляют и другие статьи первого раздела.

По разным причинам второй раздел сборника — «Думская биографика» — недосчитался большей части статей. И, увы, в нем печатается только одна работа, в которой Т.Д. Исмагулова сообщает новые данные о депутате IV Государственной думы бароне Николае Борисовиче Вольфе.

В третьем разделе — «Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ» — публикуются четыре статьи: С.Т. Гаджиев пишет об истории парламентаризма в Азербайджане в 1918—1920 гг.; Е.А. Тарасова доказывает в своем исследовании, что Съезд народных депутатов РСФСР-РФ 1990—1993 гг., в действительности, был не коммунистической оппозицией, а демократической альтернативой тому строю, который конструировал Президент России Б.Н. Ельцин и его сторонники; В.В. Ткаченко сообщает о новых политических реалиях и перспективах дальнейшего развития Украины в свете отмены «политреформы» 2004 года; в последней статье раздела В.Н. Колесников рассуждает об эволюции российского парламентаризма на современном этапе.

Надеемся, что и этот сборник будет интересен как ученым, которые занимаются изучением истории парламентаризма дореволюционной России и стран СНГ, так и политикам, прибегающим в своей деятельности к парламентской практике.

А.Б. Николаев

18 октября 2011 г.

Вступительное слово к читателям сборника

Уважаемые друзья!

Проведение в декабре ежегодных «Таврических чтений» становится хорошей традицией. Международная научная конференция «Актуальные проблемы истории парламентаризма» (Таврические чтения 2010), состоявшаяся 7 декабря 2010 года, была посвящена чрезвычайно важному этапу нашей истории — становлению и развитию парламентаризма в России и других странах СНГ.

Это уже четвертые Таврические чтения, проводимые Центром истории парламентаризма. И, если в первых конференциях принимали участие только российские ученые, то важной особенностью данной конференции явилось участие в ней также крупных историков и других специалистов из стран Содружества Независимых Государств.

Опубликованные в сборнике доклады и выступления участников конференции несомненно будут содействовать сохранению и развитию лучших традиций исторической науки и обогатят наши знания о противоречивом процессе становления парламентаризма в России и других странах СНГ.

Уверен, что материалы данного сборника будут востребованы политиками, историками и всеми, кого интересует история парламентаризма России и других государств — участников СНГ.

Генеральный секретарь Совета МПА СНГ,
доктор экономических наук, профессор М.И. Кротов.

Приветственное слово к участникам международной конференции

Уважаемые участники конференции!

Разрешите сердечно приветствовать вас от имени Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ в историческом Думском зале Таврического дворца, где работал первый российский парламент, а сейчас находится штаб-квартира Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ.

Тема конференции, «Актуальные проблемы истории парламентаризма» (Таврические чтения 2010), представляет большой интерес и, несомненно, важна. Без знания истории того, что делали и чего добились наши предшественники, жить нельзя. Как говорили античные философы, «не обернувшись назад, не поймешь, что делать впереди».

Хочу привести еще одну цитату, которая мне очень нравится: «История, говорят, ...никого ничему не научила..., — подчеркивал великий русский историк Василий Осипович Ключевский, — ...если это даже и правда, истории это нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но и это неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ей, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней». То есть, я бы сказал, что история — наука справедливая, она все расставляет по своим местам и воздает по заслугам».

Проводимые сегодня четвертые «Таврические чтения» посвящены актуальным проблемам становления и развития парламентаризма в России и других странах СНГ. Вопросы, которые будут здесь обсуждаться, имеют значение не только для современной России, но и для всех стран Содружества Независимых Государств.

Государственная дума России, деятельности которой будет посвящено большинство докладов сегодняшней конференции, явила пример конструктивного выстраивания межконфессиональных и

межнациональных отношений. В Первой, Второй, Третьей и Четвертой Государственных думах взаимодействовали между собой депутаты — представители разных народов — русские, украинцы, белорусы, представители народов Кавказа, Средней Азии, Сибири, Польши, Прибалтики и других территорий, входивших в состав Российской империи. В составе депутатского корпуса были образованы польское коло, мусульманская фракция, другие объединения, опыт работы которых востребован и сегодня. Можно образно сказать, что именно тогда были брошены семена для развития современных национальных парламентов стран Содружества.

Поэтому не случайно именно здесь, в Таврическом дворце, уже современные парламентарии стран Содружества проводят свои встречи. В настоящее время, как вам известно, в нем работает Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ.

Основной задачей МПА СНГ является подготовка модельных законодательных актов, направленных на сближение национальных законодательств стран Содружества. Принимаемые МПА СНГ модельные законодательные акты — это международные, главным образом европейские правовые демократические стандарты, адаптированные к специфике Содружества. Используя их, страны СНГ не только взаимно гармонизируют национальные законодательства, но и приводят их в соответствие с международными и европейскими стандартами.

Следует также отметить, что в последние годы значительно активизировалась работа по изучению исторического опыта и деятельности Государственных дум, появились новые научные труды, и не только в России, но и в странах Содружества Независимых Государств. Важным шагом на этом пути стало создание Центра истории парламентаризма, который активно занимается восстановлением исторического значения и пропаганды парламентаризма.

Досконально историю знают, наверное, лишь специалисты-историки, в том числе, присутствующие сегодня на нашей конференции, но в общих чертах последовательность тех или иных событий знают многие. Вместе с тем, к сожалению, сегодня значительная часть молодежи черпает информацию об историческом прошлом из Интернета, кинофильмов, телевидения. Мне кажется, важно понимать, где проходит грань, которая отделяет историю как совокупность фактов и как науку, от ее художественного прочтения и политической целесообразности, которая искажает историческую правду в угоду сиюминутной конъюнктуре. Нельзя смотреть на историю с позиции современного человека и переносить туда свои мировоззренческие предпочтения или неприязнь. Еще одна из проблем нашей исторической науки, на мой взгляд, это героизация руководи-

телей — князей, царей, императоров, генеральных секретарей и так далее. Хотя за их победами и успехами стоят простые люди. И наши «Таврические чтения» наглядно показывают этих простых людей, ставших депутатами, готовыми вести борьбу за интересы своей Родины. Решению этих задач будет способствовать и наша конференция. Это уже четвертые «Таврические чтения», проводимые Центром истории парламентаризма. Первые «Чтения» прошли в 2007 году и впоследствии стали ежегодными. И если в первых «Таврических чтениях» принимали участие только российские ученые и специалисты, то важной особенностью нынешней конференции является участие в ней также и крупных историков и специалистов из стран Содружества Независимых Государств. Я благодарен сегодня всем, кто приехал и пришел к нам на конференцию. Особо хотел бы выделить присутствие здесь, в Думском зале, студентов Санкт-Петербурга. Именно им предстоит в будущем строить новую Россию и Содружество Независимых Государств, используя исторический опыт предшественников и исторические уроки.

Убежден, что эти «Таврические чтения» будут содействовать сохранению и развитию лучших традиций российской исторической школы и обогатят наши знания о противоречивом процессе становления парламентаризма в России и других странах СНГ, а принятые решения и материалы конференции будут востребованы действующими политиками и специалистами.

Нынешняя конференция — это еще одна из страниц в летописи изучения актуальных проблем развития парламентаризма в России и других странах СНГ.

Желаю участникам и гостям конференции творческих успехов, счастья, благополучия и всего самого доброго.

Председатель научно-методического совета
при Центре истории парламентаризма К.А. Пшенко

Государственная дума Российской империи: формирование и деятельность

И.В. ЛУКОЯНОВ

Манифест 17 октября 1905 г.: 105 лет спустя

Документ, возвестивший, по мнению части современников, зарю российской свободы, был не самым значительным по объему. Суть его такова. Констатируя «смуты и волнения», охватившие Россию, Манифест 17 октября предписывал власти «принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий», что, собственно, уже не раз объявлялось в 1905 г. Далее в документе для прекращения смуты идет указание правительству выполнить царскую волю, изложенную в трех пунктах:

— дарование гражданских свобод (совести, слова, собраний и союзов) и установление «действительной неприкосновенности личности»;

— расширение «по мере возможности» избирательного права в еще не созванную Думу;

— и, наконец, дарование Думе законодательных прав («Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы»).

Разумеется, эти пункты меняли характер государственного строя Российской империи, о чем уже написано немало. Можно ли рассматривать Манифест 17 октября как конституцию? Сам Николай II ответил на этот вопрос утвердительно еще 16 октября, написав Д.Ф. Трепову: «Да, России даруется конституция» (разумеется, имея в виду не формальную сторону дела, а объем уступок)[1]. Правоведы же (Н.И. Лазаревский, Б.А. Кистяковский и др.) сказали однозначно: нет. Манифест — это не закон, не указ, не подзаконный

[1] Николай II — Д.Ф. Трепову 16 октября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 45. ЛЛ. 7—7 об.

акт, а публичное заявление о намерениях. Прямого действия такая декларация иметь не может, но, разумеется, она оказывает колоссальное воздействие не только на последующие решения, но и на текущую деятельность власти. По форме манифест возможно было бы приравнять к закону (так как подписан царем и выражает его волю), но он не содержал готовых разработанных норм права (реализация обещанного возлагалась на правительство). То есть на практике манифест неприменим, поэтому гражданские свободы и законодательный статус Думы — это обещания подготовить соответствующие акты. Однако следует иметь в виду и другую сторону документа. Провозглашение гражданских свобод требовало отмену имеющихся в праве ограничений, препятствовавших реализации этих свобод. Здесь отчасти можно говорить о прямом значении Манифеста 17 октября, так как на практике власти учитывали документ и стремились не применять законы, противоречащие ему. Другой вопрос, что соответствующие изменения в законодательство так и не были внесены в полном объеме к 1917 г.

В историографии уже обоснована точка зрения, что Манифест 17 октября продолжал линию принятых в 1904—1905 г. актов, медленно, но неуклонно двигавших самодержавие в направлении конституционного строя[2]. Торжественное обещание гражданских свобод делалось, по сути, вдогонку уже состоявшимся переменам и являлось их неизбежным следствием. Еще в процессе обсуждения Положения о Государственной думе, принятого 6 августа 1905 г., министр внутренних дел ставил вопрос о необходимости допустить собрания для выдвижения и обсуждения кандидатов в нее, несмотря на то, что это противоречило существовавшему законодательству. Еще ранее, в указе Сенату 18 февраля 1905 г. Совету министров предписывалось рассматривать запрещенные до этого обращения подданных и различных обществ по вопросам реформы государственного строя (запрет на политическую деятельность). А чтобы принять такое обращение, его предварительно нужно публично обсудить, что ранее было строжайше запрещено (свобода собраний). То есть размывались основы цензуры и допускалась в некоторых рамках свобода слова. Единственная новелла Манифеста 17 октября — свобода союзов, т.е. легальных политических партий. Но ее начали вводить перед Манифестом уже де-факто. Например, учредительный съезд кадетов стартовал 12 октября 1905 г.

Придание Государственной думе законодательного статуса часто приравнивается к появлению на Руси настоящего парламента. Но

[2] *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 217.

Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин заметили, что между законосовещательной и законодательной Думой нет пропасти. Булыгинская Дума, если бы она была созвана, имела право отвергать законопроекты, внесенные в нее министрами, квалифицированным большинством (2/3)[3]. А другой порядок утверждения законов, кроме как через Думу, не предусматривался. Получается, что в случае отклонения законопроекта единственно, что мог сделать самодержавный царь — это повелеть министру внести законопроект в палату повторно. Кроме того, Манифест 17 октября не обещал ответственности исполнительной власти перед Думой, что практиковалось в парламентских государствах. В России же министры действовали независимо от народного представительства, руководствуясь лишь императорской волей. Действительно серьезным в политическом отношении шагом следует признать лишь расширение избирательного права — но за него власть поплатилась революционным составом первых двух Дум[4]. Это сделало невозможным их «мирное» сотрудничество с правительством, результатом стал законодательный тупик. Понадобилось вновь сузить избирательное право 3 июня 1907 г., чтобы Дума и правительство начали работать в связке. То есть, громкие фразы Манифеста 17 октября на деле означали по большей части серьезные перемены, которые предстояло еще реализовать. С.Ю. Витте предупреждал во всеподданнейшем докладе 17 октября 1905 г., что путь к свободам не будет быстрым — так оно и оказалось.

По сути также политический характер имело решение «объединить деятельность высшего правительства». 17 октября прозвучало, наконец, то решение, которого на протяжении ряда месяцев доби-

[3] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 219.

[4] 11 декабря 1905 г. появился царский указ «Об изменениях и дополнениях Положения о выборах в Государственную думу». Он расширил круг городских избирателей, включив в него не только собственников недвижимости (от 1500 руб. по земской оценке), но и плательщиков налогов (540 руб. — в уездных городах, 700 руб. — в губернских, 1320 руб. — в столицах). Благодаря этой мере число избирателей в городах выросло более чем в 10 раз (с 230 тыс. до 2,7 млн чел.) и составило в среднем 10—15% всех горожан (в Петербурге и Москве эта цифра не превышала 5%). В деревне к избирателям добавились арендаторы и мелкие земельные собственники. Обращает на себя внимание, что увеличение круга избирателей шло преимущественно за счет приращивания оппозиционной его части. В итоге на первых выборах в Государственную думу, проходивших в начале 1906 г., уверенную победу по всем куриям одержали кадеты — 42,9% голосов выборщиков в губерниях Европейской части России и 153 депутатских мандата (34,1% от всего состава Думы).

вался председатель Комитета министров С.Ю. Витте: не просто согласовать действия ведомств, а учредить пост премьера — главы правительства. Более подробно об этом сообщил не Манифест 17 октября, а сопровождавший его всеподданнейший доклад С.Ю. Витте, который надо рассматривать в тесной связи с ним.

Для С.Ю. Витте гражданские свободы не были самоцелью. С.Ю. Витте боролся прежде всего за создание кабинета министров в европейском смысле, чтобы возглавить его. Он, разумеется, имел в виду не ответственность исполнительной власти перед законодательной, а независимость правительства от царя, ликвидацию порядка личного всеподданнейшего доклада каждого министра, право премьера представлять кандидатов на министерские должности и, наконец, реальные полномочия председателя Совета министров по определению политического курса всего кабинета.

Путь к манифесту 17 октября через призму борьбы С.Ю. Витте за власть и объединение правительства отлично показан в уже упомянутой книге Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина. Начало ее относится к первым месяцам 1905 г., когда при обсуждении рескрипта А.Г. Булыгину уже зазвучали идеи увязать призыв выборных и объединение министров. Затем большую роль сыграла анонимная (вероятно, А.В. Кривошеина)[5] записка 6 августа 1905 г. о категорическ-

[5] Впервые автора записки назвал Е.Д. Черменский, сославшись на Л.М. Клячко-Львова (*Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 135). К.А. Кривошеин в книге об отце воспроизвел текст этой записки, не усомнившись в авторстве А.В. Кривошеина, хотя прямых доказательств этого не привел (*Кривошеин К.А.* А.В. Кривошеин (1857—1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 28—34). Л.М. Клячко-Львов, известный репортер начала XX в., был весьма информированным журналистом, получавшим сведения о заседаниях Комитета министров, к примеру, от самого С.Ю. Витте. Авторство записки об объединении правительства он без всяких колебаний приписывал А.В. Кривошеину и располагал также весьма подробными данными не только о содержании текста, но и реакции на него. Так, Л.М. Клячко-Львов знал, что записка была по распоряжению Николая II размножена типографским способом и передана в Особое совещание Д.М. Сольского, а царь специально подчеркнул то место в записке, где говорилось о Людовике XVI и главной причине его краха — пустил государственный корабль Франции без надлежащего руля (*Клячко-Львов Л.М.* Граф С.Ю. Витте // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 3. Д. 1. ЛЛ. 2—3, 9). Но есть еще более интересный вопрос — не стоял ли за запиской А.В. Кривошеина Д.Ф. Трепов, всесильный тогда товарищ министра внутренних дел, пользовавшийся доверием царя и покровительствовавший А.В. Кривошеину?

кой необходимости единого правительства перед лицом будущей Думы. Оно виделось как однородный кабинет с единой программой и без единоличных всеподданнейших докладов (за исключением 4 министров). Возглавить его должен был не император, а один из членов. Ему же давалось право представлять императору кандидатов на министерские должности. Существовавшие Комитет и Совет министров упразднялись[6]. Царь долго не решался дать делу ход, лишь три недели спустя он отдал текст Д.М. Сольскому, настоявшему на том, чтобы вопрос об объединении министров был поручен его совещанию. А разработка проекта создания кабинета министров попала фактически в руки С.Ю. Витте[7]. Его тактика состояла в том, чтобы забрать себе как можно больше полномочий, пугая самодержца революционным движением (а в октябре всеобщая политическая стачка испугала уже самого С.Ю. Витте). Царю предоставлялся выбор: либо кабинет вместе с уступками обществу (гражданские свободы), либо диктатура. С.Ю. Витте не побоялся использовать даже понятие «конституция»[8]. Суть замысла С.Ю. Витте изложил его «наемный автор» И.И. Колышко: нужно побороть страх Николая II перед словом «конституция», которая, на самом деле, «глубочайший, не только государственный, но и всенародный переворот, с которого и государственная, и народная жизнь начинаются заново. От самодержавия к народовластию династия не меньшего размера, чем от анархии к монархии». Сановник также полагал, что «конституцию надо подготовить не только в законах, но и в быте, в нравах. Дело государя — согласиться на конституцию, дело его правительства — подготовить и провести ее». На эту тему С.Ю. Витте заказал И.И. Колышко записку, которую следовало опубликовать «вместе с указом об учреждении Совета министров и должности его председателя, то есть премьера. И моим назначением на эту должность»[9]. Иначе говоря, чем глубже перемены, тем более сильное правительство требуется, тем больше возможностей и власти должно быть у его главы. Но, с другой стороны, — надо больше уступить обществу, чтобы

[6] *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 204—205.

[7] Там же. С. 206.

[8] Там же. С. 210—213.

[9] *Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С.151. Автор — И.И. Колышко — уточнил: «Я не ручаюсь за дословную точность приведенной беседы, но я ручаюсь за точность ее смысла» (С. 151). В опубликованной записке, принадлежащей, очевидно, перу И.И. Колышко, говорится только о необходимости единства правительства (Красный архив. 1925. № 4/5. С. 51—61).

привлечь его на свою сторону. То есть, манифест 17 октября отчасти вырос из стремления С.Ю. Витте стать первым российским премьер-министром европейского типа. Он понимал, что путь его к премьерству лежит через конституцию. Получилось, что карьерные устремления С.Ю. Витте и гражданские свободы оказались увязаны друг с другом.

Дальнейшая история хорошо известна: Николай II принял условия С.Ю. Витте, вот только свободы он решил даровать от своего имени, прямым обращением к народу. Так появился Манифест 17 октября. Удивительно, что оба документа, исходившие «от Витте», по-разному относились к революции. Манифест представлял позицию царя и его окружения: обещания необходимы для борьбы с революцией путем уступок. В докладе же, отразившем логику борьбы С.Ю. Витте за власть, дарованные перемены связывались не со смутой, а с тем, что «Россия переросла форму существующего строя». Далее шла программа намечаемых к постепенному осуществлению мер (гражданские свободы, выборы в Государственную думу при невмешательстве правительства). С.Ю. Витте обещал последовательность и искренность правительства, законность его действий. Не забыл он упомянуть и о единстве министров. От общества он ждал содействия в этой большой работе.

На содержание Манифеста 17 октября повлияла в том числе и иллюзия, которую разделяли многие сановники, что революционным движением в России руководят либералы. Стоит исполнить их условия — и массовое антиправительственное движение успокоится. Для подтверждения этого можно привести немало свидетельств.

Например, в разговоре 17 января 1905 г. с царем А.С. Ермолов пугал самодержца не столько самим рабочим движением, сколько действиями неких «агитаторов» (явно не рабочих), которые, как он полагал, вскоре разложили бы и деревню. 18 января, обсуждая проект царского манифеста по поводу событий 9 января, Н.В. Муравьев говорил: «Движение рабочих обострено политическими подстрекателями, кои долгое время раздували пламя недовольства. ... Все произведено политической агитацией; жертвой — рабочие»[10]. Ему вторил П.Н. Дурново: «Смуту, как революцию, не делает толпа, а лишь образованный класс»[11]. По-видимому, в это верил и С.Ю. Витте.

Действительность разочаровала премьера. Реакция общества оказалась совсем не такой, на какую рассчитывал новоиспеченный премьер-министр. С.Ю. Витте требовалась поддержка, прежде всего

[10] Красный архив. 1925. № 4/5 (11/12). С. 29.
[11] Там же. С. 31.

перед лицом царя и правых, которая доказывала бы, что уступки достигли своей цели — успокоения России.

Иначе как поразительной наивностью С.Ю. Витте нельзя объяснить историю, рассказанную журналистом, подписавшегося Николаем Васильевым (вероятно, псевдоним) и сотрудничавшего в октябрьские дни в газете, очень близкой к С.Ю. Витте, редактировавшийся Павлом Ивановичем М. (возможно, также псевдоним). Этот Н. Васильев уже вечером 17 октября, примерно в 17—18 часов, в кабинете редактора ознакомился с текстом Манифеста 17 октября и «запиской» (вероятно, со всеподданнейшим докладом), после чего по поручению своего патрона отправился прямо к С.Ю. Витте в его особняк на Каменноостровском проспекте. Новоиспеченный премьер сразу послал журналиста к членам Совета рабочих депутатов с поручением переговорить с ними о приостановлении всеобщей забастовки или, по крайней мере, возобновлении деятельности типографий, чтобы распечатать манифест и дать возможность периодической печати высказаться по этому поводу. Однако миссия Н. Васильева завершилась неудачей: если сам Г.С. Хрусталев-Носарь соглашался приостановить забастовку, то остальные члены Совета были против. С этим журналист вернулся к С.Ю. Витте уже в ночь с 17 на 18 октября. Неудача очень огорчила С.Ю. Витте, но он еще надеялся, что утро вечера мудренее и что 18 октября столица «с восторгом встретит свой первый конституционный день!»[12]. Обращает на себя внимание попытка С.Ю. Витте выдать Манифест 17 октября за конституцию — «конституционный день». Кажется, в те горячие дни он действительно верил в это[13]. Нелишне вспомнить,

[12] *Васильев Н.* Из воспоминаний о 17 октября // Петроградский курьер. 1915. 17 октября. Статья входит в том газетных вырезок, собираемых Бюро газетных вырезок для Императорского Русского музея, ныне отложившийся в РГИА (РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1173. Л. 456).

[13] Позднее С.Ю. Витте пытался отречься от «конституционности» Манифеста 17 октября, утверждая, что это не он стоял за ней: «мои сотрудники (А.Д. Оболенский и Н.И. Вуич — И.Л.) шли дальше меня. У них была одна цель: дать акт настолько ясный, чтобы немыслимы были кривотолки и поворот назад. Если бы не было борьбы и интриг, если бы не было страха, что конституция может быть заменена диктатурой, я, разумеется, никогда не издал бы документа, практическая стоимость которого могла быть оспариваема, но в этот момент, повторяю, речь шла о захвате позиций противника» (Как был дан манифест // Вечернее время. 1915. 16 октября. См. коллекцию вырезок, посвященных Манифесту 17 октября 1905 г.: РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1173. Л. 445). То есть, в Манифесте 17 октября виноват А.П. Игнатьев — так изменился взгляд С.Ю. Витте после революции.

что для революционных сил требование демократических свобод было давно пройденным этапом. На меньшее, чем Учредительное собрание, они уже не согласились бы. То есть Манифест 17 октября было бы бесполезно адресовать им.

Вместо поддержки даже умеренные, либеральные силы по сути сразу отвернулись от главы правительства. Показательна реакция кадетского лидера П.Н. Милюкова на Манифест 17 октября: «...этот текст производил смутное и неудовлетворительное впечатление». С одной стороны, в нем звучали привычные слова «о смутах и волнениях», с другой — обещание гражданских свобод и неприкосновенности личности, законодательной Думы и расширения избирательного права. «Что это такое? Новая хитрость и оттяжка или, в самом деле, серьезные намерения? Верить или не верить?»[14] «Общественность» предъявляла все новые и новые требования — упразднения цензуры, политической амнистии, ответственного перед народным представительством правительства и т.п. Подавляющее большинство было настроено **продолжать** давление на власть с тем, чтобы добиваться от нее дальнейших уступок. Манифест 17 октября был важной точкой на этом пути, но совсем не его завершением.

Это прозвучало уже на известной встрече С.Ю. Витте с представителями столичной печати уже 18 октября 1905 года[15]. Затем последовали отказы лидеров «общественности» войти в новый кабинет. Разочарование С.Ю. Витте передал его секретарь И.И. Колышко: «С общественностью я распростился. Кабинет будет из чиновников... Люди не хотят мне помочь. Власть к обществу, а общество от власти... Им подай Учредительное собрание, присягу!... Даже во Франции этого поначалу не было»[16]. В общем, расчет С.Ю. Витте на поддержку общества имел известные основания, но премьер сильно переоценил свои возможности. С.Ю. Витте также показал, что намерен держаться средней линии: не разделяя желания либеральных кругов «продолжить» начатое, он также аккуратно, но определенно отвергал «советы» справа, призванные «обезопасить» Манифест 17 октября.

Отношение радикально настроенной части общества к Манифесту вылилось в первые дни в чисто психологическое состояние триумфа после одержанной важной победы, которой предшествовала длительная и упорная борьба. Происходившие события были схожи во многих городах империи. То, что случилось, например, в Киеве,

---

[14] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 314—315.

[15] Редакторы петербургских газет и журналов у С.Ю. Витте // Красный архив. 1925. № 4/5. С. 100—105.

[16] *Колышко И.И.* Великий распад. Воспоминания. С. 152.

ярко описал очевидец — В.В. Шульгин. Получив известие о Манифесте 17 октября, «все, кто мог ходить», вышли на улицы. «Толпа была возбужденная, в общем, радостная, причем радовались — кто как: иные назойливо, другие “тихой радостью”, а все вообще дурели и пьянели от собственного множества». Что-то говорили многочисленные ораторы, но их не очень слушали. Выступающие постепенно смелели, стали призывать «к свержению», «к восстанию». Наконец, «во время разгара речей о “свержении” царская корона», укрепленная на балконе здания Киевской городской думы, «вдруг сорвалась или была сорвана и на глазах у десятитысячной толпы грохнулась о грязную мостовую. Металл жалобно зазвенел о камни... И толпа ахнула. По ней зловещим шепотом пробежали слова: Жиды сбросили царскую корону...». Происшествие отрезвило лишь часть людей. «Толпа, среди которой наиболее выделялись евреи, ворвалась в зал заседаний и в революционном неистовстве изорвала все царские портреты, висевшие в зале. Некоторым императорам выкалывали глаза, другим чинили всякие другие издевательства. Какой-то рыжий студент-еврей, пробив головой портрет царствующего императора, носил на себе пробитое полотно, исступленно крича: Теперь я — царь!»[17].

Нельзя бороться за свободы с помощью надругательства над портретами. Это была чисто психологическая реакция на происходившее, точнее, истерика. Она дошла до выстрелов в направлении солдат из окон городской Думы. Ответом были залпы, разгон толпы, бежавшей в ужасе.

Об аналогичной ситуации в Екатеринославе сообщил немецкий консул в Харькове Шиллер: «Первые массовые собрания в Екатеринославе, как мне передавали вполне заслуживающие доверия лица, которые были очевидцами, были организованы и руководимы евреями. При этом группою евреев на главной улице был разорван и втоптан в грязь портрет императора»[18]. В Николаеве 18 октября, как только поступило известие о Манифесте 17 октября, в общественных местах стали собираться толпы «преимущественно из местного еврейского населения». Ораторы призывали к дальнейшей борьбе с правительством, освобождению заключенных. 19 октября забастовали фабрики и заводы, в этот же день на центральной площади Николаева собралась толпа с портретами Николая II. Масса народа, «почти исключительно евреев», пыталась остановить ее:

[17] *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 340—343.

[18] Донесение немецкого консула в Харькове Шиллера Б. Бюлову 15 февраля 1906 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 8. ЛЛ. 7 об.—8.

«...раздались выстрелы, в царский портрет бросали камни, между обеими толпами завязалась схватка, после чего сразу же начался погром»[19]. Число таких примеров можно легко увеличить, но очевидно, что события во многих городах империи развивались по схожему сценарию: «Утром: праздничное настроение — буйное у евреев, по "высочайшему повелению" — у русских; войска — в недоумении. Днем: революционные выступления: речи, призывы, символические действия, уничтожение царских портретов, войска — в бездействии. К сумеркам: нападение революционеров на войска, пробуждение войск, залпы и бегство»[20]. Евреи здесь — совсем не единственное и обязательное условие повторения всей цепочки событий, но по свидетельству большого числа мемуаристов, самые ожесточенные схватки проходили в черте оседлости и в крупных городах.

Почему несмотря на развитие революции активность монархических сил была ограничена? Вероятно, объяснение также надо искать в области психологии. Начало революции 1905 г. застало их врасплох. Пока со страниц газет и на полулегальных собраниях раздавались обоснованные упреки в адрес самодержавия, они медленно формировали разрозненные и малочисленные организации и долго не могли объединиться. Но к середине октября 1905 г. ситуация начала постепенно меняться. Есть некоторые факты, показывающие, что в середине октября 1905 г. появлялись первые признаки возможного перелома ситуации в сторону, противоположную революции.

В Москве же произошел перелом до манифеста: 14—15 октября там «черная сотня» уже избивала на улицах студентов. Это был ответ Гостиного двора на забастовку, прекратившую подвоз товаров[21]. 17 октября на имя Николая II была отправлена телеграмма от столичных мусульман. В отличие от многих посланий, адресованных императору в те дни, мусульмане ничего не требовали. Наоборот, в телеграмме прозвучали слова, которых царь, по-видимому, ждал: представители 12 тыс. единоверцев после молебна за царское здравие дали «обет быть ему верными подданными и охранять его жизнь неприкосновенно от всех крамол и козней»[22]. Косвенно это означало готовность защищать и неприкосновенность самодержавия. По-

[19] Донесение германского вице-консула в Николаеве, б/д // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. Л. 20.

[20] *Шульгин В.В.* Годы. Дни. 1920. С. 344.

[21] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 312.

[22] Телеграмма столичных мусульман В.Б. Фредериксу 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. Л. 3.

здно? Наверное, да. Начнись эти телеграммы хотя бы неделей раньше, возможно, царь принял бы другие решения. До этого, 10 октября 1905 г., Николай II принял депутацию московской Добровольной охраны, от которой он, казалось, мог ждать поддержки. Депутация же поднесла ему икону и благодарила за манифест 6 августа — и только, ничего не обещая[23].

Монархисты прочитали в Манифесте 17 октября совсем другое, чем оппозиция самодержавию. Выразительно об этом написал С.А. Степанов[24]: «Эти люди поняли Манифест 17 октября как свободу борьбы за свои идеи, против ненавистных им революционеров. Они собирались, как правило, у стен храмов, начинали останавливать сомнительных прохожих, ультимативно требуя от них снимать головной убор перед портретом государя, петь государственный гимн и т.п. Попытки противодействовать им силой (выстрелы, бросание камней и т.п.) вызывали не просто взрыв негодования, а истерический всплеск, ведущий немедленно к избиению встреченных «интеллигентов» и возможный погром». Так, 19 октября в Петербурге состоялась грандиозная верноподданническая демонстрация, которая буквально смела с улиц всю либеральствующую публику. Немецкий консул сообщил со слов московского генерал-губернатора П.П. Дурново, что всеобщая стачка во второй столице прекратилась, по его мнению, испугавшись реакции. «Студенты, которые еще 8 дней тому назад ходили по улицам с красными розетками в петлицах мундиров и с красными флагами, теперь боятся показываться на улицу в мундире и в большом числе покидают город». Интеллигенция, по наблюдениям генерал-губернатора, стала умереннее и начала «высказывать удовлетворение тем, что уже достигнуто»[25].

[23] РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Секретарская часть. 1905 г. Д. 18. Л. 61. Это была та самая депутация «хоругвеносцев», которая на следующий день побывала у Е.В. Богдановича (*Богданович А.В.* Тетрадь записи событий 1904—1905 гг. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 293. Л. 19 об.) и 15 октября была отправлена при содействии властей на санитарном поезде обратно в Москву. Ф.А. Львов, обвиняя Е.В. Богдановича в организации погромов по всей России, пытался представить «хоругвеносцев» как имеющих «черные» боевые дружины во многих городах. Однако нет никаких данных, свидетельствующих о том, что «Добровольная охрана» располагала организациями за пределами Москвы и, может быть, Нижнего Новгорода (См. подробн.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М., 1992. С. 69—70).

[24] *Степанов С.А.* Указ. соч. С. 52—54.

[25] Донесение германского консула в Москве Кольгада фон Бюлову 8 ноября 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 6. ЛЛ. 88—89.

Во многих случаях «патриотические» демонстрации легко перерастали в погромы, в том числе и при прямом содействии отдельных представителей местной администрации либо ее попустительстве. Широкую известность получил ответ одесского градоначальника Д.Б. Нейдгарта депутации, просившей защитить население от погрома: «Я ничего не могу сделать, вы хотели свободы, вот вам жидовская свобода»[26]. Но нельзя списывать все это на целенаправленную политику центральной администрации. Это признал, например, Г.Б. Слиозберг в своем выступлении на съезде «Союза для достижения полноправия еврейского народа в России» 22—25 ноября 1905 г.: «Сколько ни ходили разные представители, приезжавшие из провинции, к министру внутренних дел Дурново с жалобами на полицию, он всем неизменно отвечал: “Не говорите о полиции — я знаю, я знаю”. И он действительно знает, никто, может быть, лучше него не знает, и когда доходит до того, чтобы устранить преступную полицию, то он сознает свое бессилие перед ней. Ошибка думать, что он, Дурново, управляет полицией, — нет, полиция управляет им»[27].

По подсчетам С.А. Степанова, погромы прокатились не менее чем по 358 населенным пунктам, в том числе — по 108 городам[28]. Их жертвами в те дни по всей России стало порядка 4 тыс. человек, а пострадавших физически — до 10 тысяч[29]. Однако вывод из этого может быть лишь один — Манифест 17 октября при значительно ослабевшей власти усилил поляризацию общества. Проблема противостояния «общество-власть» была переведена им в плоскость противостояния «правые-левые» или «монархисты-демократы». Для власти такой перевод стал спасительной передышкой. Умеренный обыватель, оказавшись один на один с черной сотней, вдруг вспомнил, что в России есть власть, к которой он и бросился за защитой. Погромы отрезвили многих людей, поддавшихся революционному настроению. Конечно, они не повлияли на позицию убежденных революционеров, которые стали лишь более энергично готовиться к вооруженному противостоянию со своими противниками уже не только в лице власти, но и монархических сил. Возможно, именно эти

[26] Цит. по: *Степанов С.А.* Указ. соч. С. 71.

[27] Протоколы съезда Союза для достижения полноправия еврейского народа в России 22—25 ноября 1905 г., Санкт-Петербург // ОР РНБ. Ф. 332. Оп. 1. № 82. Л. 8. Г.Б. Слиозберг несомненно преувеличил степень организованности полиции: местной властью управляла скорее растерянность, чем трезвое понимание ситуации или расчет, а также настроение отомстить этим «борцам за свободу».

[28] *Степанов С.А.* Указ. соч. С. 54—55.

[29] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 324.

факторы — передышка для власти и отрезвление части общества — стали решающим в поражении революции. Видимо, спад массового революционного движения — заслуга не столько карательных предприятий власти, сколько следствие резкого усиления антиреволюционных выступлений, в том числе и в виде еврейских погромов и жестоких расправ с революционерами (а иногда просто с интеллигентами). То есть Манифест 17 октября действительно способствовал перелому революции, но не обещанием законодательной Думы, а провозглашением свобод, в том числе и для сторонников власти, что позволило самодержавию устоять. Это был итог, которого не предвидел С.Ю. Витте. Царю премьер давал совершенно другие обещания: «Он сам мне говорил еще в Петергофе, что как только Манифест 17 окт[ября] будет издан, правительство не только может, но должно решительно проводить реформы и не допускать насилий и беспорядков. А вышло как будто наоборот — повсюду пошли манифестации, затем еврейские погромы и, наконец, уничтожение имений помещиков!»[30].

Черту под иллюзиями премьера подвел его противник Д.Ф. Трепов, который проанализировал обстановку в России в течение трех недель после Манифеста 17 октября 1905 г. и пришел к неутешительному выводу, что Манифест не остановил беспорядки, а во многих местах они только усилились. В частности, Д.Ф. Трепов упомянул Польшу, где повсеместно звучали требования об автономии, Прибалтику и некоторые губернии Европейской части России. Революционеры воспользовались Манифестом и объявили, что он провозгласил право крестьян захватывать помещичьи земли, что стимулировало аграрные волнения в ряде губерний. Особую тревогу Д.Ф. Трепова вызывало брожение среди солдат, в том числе на почве превратных толкований Манифеста 17 октября[31]. Конечно, кроме констатации тревожных явлений, это была попытка генерала дискредитировать С.Ю. Витте и оправдать собственную позицию до манифеста. Но в главном она не оставляет сомнений — противники самодержавия не остановились.

Однако успех Манифеста 17 октября в части активизации монархических сил сыграл злую шутку с властью. Многие, в том числе царь, решили, что уступать оппозиции столько не следовало. Уже десять дней спустя после манифеста Николай II явственно выразил

[30] Николай II — Марии Федоровне 10 ноября 1905 г. // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 173—174.

[31] Всеподданнейшая записка Д.Ф. Трепова 17 ноября 1905 г. о положении дел в империи за три недели после 26 октября 1905 г. // ГАРФ. Ф. 595. Оп. 1. Д. 24. ЛЛ. 1—20.

разочарование в сделанном шаге. В письме к матери, демонстрируя некоторый подъем духа в связи с улучшением общего положения, он горько сожалел: «Я получаю много телеграмм отовсюду, очень трогательного свойства, с благодарностью за дарование свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше — добрые люди?»[32].

«Много телеграмм отовсюду» из письма Николая II матери — это, вероятно, те обращения, которые попадали к самодержцу преимущественно через министра двора В.Б. Фредерикса. Порядка двух сотен их сохранилось в архиве Министерства двора. Телеграммы в связи с Манифестом 17 октября начали поступать 18 октября. Первое время — преимущественно от биржевых обществ, городских дум, рабочих, отдельных лиц и небольших групп умеренных обывателей. Среди них были и лично знакомые царю. Например, Иоанн Кронштадтский с прихожанами[33]. Они, как правило, содержали благодарность за «дарованные свободы». Многие поняли Манифест так, что отныне они стали свободными гражданами России, а не подданными императора. Выводы же из данных свобод были сделаны различные, в большинстве — о прекращении массового движения. 19 октября 1905 г. служащие станции Протопопово Сызрано-Рязанской железной дороги заявили: «...вняв призыву Вашего величества, принялись за прежние работы в надежде, что материальные нужды их будут удовлетворены»[34]. Вот так: материальные нужды, а не свободы.

Манифест 17 октября упоминался в телеграммах не так часто. Благодарность за законодательную Думу встречается редко. Еще реже — представление, что Манифест есть конституция[35]. Были и попытки развить царские милости в либерально-конституционном направлении. Так, профессура Московского университета усмотрела в Манифесте «новый исторический путь: участие всего народа в управлении государством на основе общего избирательного права»[36]. Этого в документе и близко не содержалось. Раздавались отдельные голоса с призывом продолжить перемены. В частности, тот же Московский университет осторожно призвал царя к политической амнистии: радость от дарованных свобод увеличится от возвращения

[32] Николай II — Марии Федоровне 27 октября 1905 г. // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 169.

[33] Телеграмма 19 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. Л. 52.

[34] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. Л. 67.

[35] Телеграмма Нижегородского биржевого общества 19 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. ЛЛ. 109—110.

[36] Телеграмма Московского университета 19 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. ЛЛ. 99—100.

«к полезной общественной деятельности всех пострадавших за исповедование начал, ныне положенных в основу жизни обновленной России». Москвичей поддержали некоторые городские думы, например, в Воронеже и Тобольске, Самарское биржевое общество[37]. С.Ю. Витте, ознакомленный с посланием профессоров, предложил через В.Б. Фредерикса Николаю II ответить Московскому университету по вопросу о политической амнистии ссылкой на уже опубликованный указ Сенату 21 октября, то есть отказом. Царь так и сделал 24 октября 1905 года[38].

В письме матери Николай II, вероятно, имел в виду преимущественно другие телеграммы, которые также стали после 17 октября поступать на его имя. Например, от торговцев Сенного рынка: «Мы, видя в этом акте залог процветания России, положили объединиться всем русским людям под знаменем самодержавия на борьбу с крамолой и страх врагам. Ура![39]». Крикнули «Ура!» и торговцы из Курска[40]. Показательно, что эти обращения носили сдержанный характер. Даже ходатайство «Союза русского народа», представленное А.И. Дубровиным В.Б. Фредериксу 10 декабря 1905 г., призывало принять меры к прекращению смуты и — к скорейшему созыву Государственной думы[41].

Надо сказать, прямая поддержка монархистов в адрес царя зазвучала лишь в декабре 1905 г. Одним из первых был голос из Казани, от «Царско-народного русского общества», изложившего принцип нового русского государственного строя 4 декабря 1905 г.: «царь самодержавный и народ свободный». Казанские монархисты настаивали на Думе образца 6 августа 1905 г. (то есть законосовещательной), но с депутатами, избранными согласно Манифесту 17 октября[42]. По сути, это осторожный призыв к власти двинуться вспять. С.Ю. Витте, который знакомился, по крайней мере, с частью подобных телеграмм, счел необходимым ответить на эту телеграмму, подчеркнув, что обновление российской государственной жизни последует «на указанных в Манифесте 17 октября (а не 6 августа — *И.Л.*) началах»[43]. Таким образом, премьер определенно подчеркнул: поворота вспять не будет.

---

[37] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. ЛЛ. 102—103, 105, 107.

[38] Там же. ЛЛ. 98, 101.

[39] Телеграмма 21 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59а. Л. 80.

[40] Там же. Л. 127.

[41] Там же. Д. 27а. Л. 179.

[42] Там же. Д. 59Б. ЛЛ. 54—55.

[43] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59Б. Л. 58.

Вообще телеграммы правых появились в этой коллекции в заметном количестве лишь в начале 1906 г., и то их было относительно немного на фоне, например, телеграмм от крестьянских обществ, благодаривших за отмену выкупных платежей. Но царь дорожил такой поддержкой и принял меры, чтобы авторы посланий получали от него необходимый сигнал одобрения их деятельности. Первоначально В.Б. Фредерикс от имени царя стандартно благодарил всех, даже тех, кто предлагал амнистии или понимал Манифест 17 октября как конституцию. Первой ласточкой стала телеграмма 30 старшин Вольмарского уезда Рижской губернии 26 января 1906 г., в которой они не только благодарили Николая II за восстановление внутреннего порядка, но и осуждали агитаторов, недостойных редакторов и учителей, сеявших смуту[44]. Через (и по настоянию?) начальника Военно-походной канцелярии В.Н. Орлова самодержец в этот же день (!) распорядился напечатать в «Правительственном вестнике» 29 января его благодарность за адрес. Это был первый случай размещения адреса и царской благодарности за него в печати, а вместе с ним и один из первых уроков публичной политики.

Удивительно, но власть на первых порах препятствовала выражению верноподданнических чувств лично монарху. Когда 9 декабря 1905 г. депутация нижегородского общества «Белое знамя» пыталась испросить аудиенцию у царя для вручения адреса, министр внутренних дел П.Н. Дурново пытался отклонить их просьбу, ссылаясь на сильную занятость царя. Думаю, что министр прежде всего опасался за безопасность императора, а не стремился изолировать его от поддержки. Аудиенцию «белознаменцы» все-таки получили 23 декабря благодаря обращению к В.Б. Фредериксу[45]. После первого прецедента подобные депутации пошли потоком. Так, представители «Русского собрания», обратившиеся с просьбой об аудиенции 28 декабря, получили ее уже 31 декабря. Наверное, такие встречи утешали Николая II, вселяли в него уверенность, позволяли почувствовать опору. Этот фактор не следует недооценивать. Поведи себя самодержавие в октябрьские дни тверже и решительнее, кто знает, чем бы окончилась революция. Например, один из лидеров кадетской партии В.А. Маклаков, правда, уже в эмиграции, предполагал, что в октябрьские дни 1905 г. самодержавие могло бы довести страну до гражданской войны и «..Могло бы победить, что очень возможно, и эра либерализма была бы надолго отсрочена»[46]. Подобные

[44] РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1905 г. Д. 59Б. ЛЛ. 161—162.

[45] В.Б. Фредерикс — П.Н. Дурново 20 декабря 1905 г. // РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Секретарская часть. 1905 г. Д. 18. Л. 76.

[46] *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С. 405.

суждения оказались позднее весьма распространены. Показателен диалог А.С. Карцова уже в эмиграции с П.Г. Курловым. «Как полагаете вы, Павел Григорьевич, — вопрошал я Курлова, — следовало ли давать конституцию? Не целесообразнее было бы какую-нибудь законосовещательную палату, бросив интеллигенции в виде кости, взяться за социальные реформы? — Конституции давать, разумеется, не следовало, — соглашался Курлов, — крестьянам земля, евреям равноправие, мужичка приманить, а интеллигенцию под ноготок, и не было бы революции»[47].

Это было отношение к Манифесту, совершенно не укладывающееся в традиционные рамки историографии. И, как представляется, такое толкование имеет много оснований. По крайней мере, больше, чем чрезмерно упрощенный взгляд: Манифест — свободы — переход «буржуазии» на сторону «контрреволюции».

[47] *Карцов Ю.С.* Хроника распада. Глава IX // Новый журнал. 1982. № 147. С. 115.

С.В. КУЛИКОВ

Государственная дума и Государственный совет в проектах Основных законов П.А. Харитонова, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена (ноябрь-декабрь 1905 г.)[1].

Одна из неизученных проблем истории создания народного представительства в Российской империи — отражение идеи о высшем представительном органе в проектах новых Основных законов, появившихся после издания Учреждения «булыгинской» (законосовещательной) Государственной думы и Манифеста 17 октября 1905 г., который превратил ее в законодательную, и до публикации в феврале-апреле 1906 г. измененных учреждений Думы и Государственного совета и Основных законов. Речь идет о трех проектах, составленных в конце 1905 г. товарищем (заместителем) государственного секретаря П.А. Харитоновым (при участии сенатора Н.П. Гарина), директором Александровского лицея А.П. Саломоном и начальником Военно-походной канцелярии Николая II графом А.Ф. Гейденом (при участии Саломона).

В.С. Дякин, изучая обстоятельства появления в Основных законах 1906 г. статьи о чрезвычайно-указном праве, впервые в отечественной историографии вкратце (как побочную тему) проанализировал перечисленные проекты, высоко оценив работу Харитонова и весьма скептически — Саломона и Гейдена, полагая, что их проекты «были плохо разработаны и не содержали статей, регулирующих взаимоотношение властей»[2]. Ниже будет видно, что данный вывод нуждается в известной корректировке. Впоследствии только Р.Ш. Ганелин учел открытие Дякина, упомянув о проектах Харитонова, Саломона и Гейдена в соответствующих разделах коллективных монографий[3]. Новые источники по истории этого этапа создания но-

[1] Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Становление и история гражданского общества в России» (руководитель проекта: д.и.н. Б.Н. Миронов).

[2] *Дякин В.С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906—1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1976. Т. 7. С. 244.

[3] *Ганелин Р.Ш.* 1) Часть 2. Царизм и 1905 г. Глава 5. Реформа Государственного совета и принятие Основных законов // Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л., 1984. С. 284; 2) Часть 6. Реформы в период революции. Шаг к конституционной монархии. Глава 3. От Манифеста

вых Основных законов (прежде всего — воспоминания Харитонова и все три проекта) были опубликованы автором настоящей статьи[4], перу которого принадлежат и базирующиеся на анализе указанных источников несколько статей[5].

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению поставленной проблемы, обратимся к личностям авторов проектов, поскольку именно индивидуальность каждого из них во многом обусловила содержание положений, посвященных Думе и Госсовету. Автор первого проекта новых Основных законов, Петр Алексеевич Харитонов (1852—1916), сын потомственного дворянина, сенатора А.А. Харитонова (1816—1896), в 1873 г., по окончании с отличием Училища правоведения, поступил на службу в Департамент Министерства юстиции. В 1876 товарищем министра юстиции становится Э.В. Фриш, который впоследствии способствовал карьерному росту Харитонова: уже в 1883 г. он назначается юрисконсультом Министерства юстиции. Это объяснялось не только традиционным покровительством правоведов друг другу (Фриш тоже окончил Училище правоведения), но и выдающимися деловыми качествами Харитонова. В 1886 г. Фриш характеризовал протеже перед Александром III как «лично известного» по совместной службе в Министер-

17 октября 1905 г. к Третьеиюньскому перевороту 1907 г. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 524; 3) Часть 4. Первый председатель Совета министров России. Глава 2. Реформа Государственного совета. Основные законы // *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 304.

[4] Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. 1998. Кн. 8; Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубл. док. // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть. Источники. Исследования. Рецензии.

[5] *Куликов С.В.* 1) Граф С.Ю. Витте и П.А. Харитонов: эпизод из истории создания Основных государственных законов 1906 г. // С.Ю. Витте — выдающийся государственный деятель России. Мат-лы науч. конф. СПб., 1999; 2) Власть науки и наука власти в России нач. XX в. // Россия XXI. 2001. № 5—6; 3) Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2-х тт. СПб., 2003. Т. 2. С. 549—552, прим. к с. 463; 4) Основные государственные законы 1906 г.: рецепция западного конституционализма в России нач. XX в. // Зарубежный опыт и отечественные традиции в российском праве. Мат-лы всеросс. науч.-метод. сем. СПб., 2004; 5) Японские корни русской конституции // Родина. 2005. № 10; 6) Бюрократические вариации на оппозиционную тему: источники Основных государственных законов 1906 г. // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. 6.

стве юстиции «своими способностями и особым усердием к исполнению служебного долга»[6]. Даже сослуживец — недоброжелатель Харитонова вспоминал, что это был человек, «пробивший себе дорогу упорным трудом»[7]. Карьере Харитонова содействовало и то, что он разделял либеральные взгляды, в которых начал укореняться, как минимум, еще в Училище правоведения, где учителем Харитонова являлся профессор Н.С. Таганцев[8]. Между тем Фриш принадлежал к числу типичных представителей бюрократического либерализма с оттенком конституционализма. В 1884 г. он «доказывал» сенатору А.Ф. Кони, что казнь первомартовцев была «политическою ошибкою» и «Россия не может долго существовать с тем образом правления, которым ее благословил Господь»[9], т.е. с неограниченной монархией. Неудивительно, что в 1889 г. сановники, подобные Фришу, в глазах Александра III олицетворяли «чиновничий либерализм»[10]. Позднее, в конце XIX — начале XX в., Фриш по-прежнему принадлежал к «поколению либеральных советников»[11]. Если бы Харитонов не был единомышленником Фриша, последний вряд ли столь участливо относился бы к его карьере.

В 1886 г. по инициативе Фриша, ставшего за три года до этого главноуправляющим Кодификационным отделом при Государственном совете, Харитонов назначается старшим чиновником Отдела, а в 1893, после слияния Кодификационного отдела с Государственной канцелярией, — помощником статс-секретаря Госсовета по Департаменту законов. В 1897 г. Харитонов, опять по предложению Фриша, начал исправлять должность статс-секретаря Госсовета в Департаменте гражданских и духовных дел, председателем которого являлся тот же Фриш. «Эдуард Васильевич покровительствовал Харитонову, — вспоминал другой его сослуживец, — и в Кодификационном отделе, и в Государственной канцелярии»[12]. Весьма наглядно

[6] Всеподданнейший доклад Э.В. Фриша Александру III. Не позднее 16 января 1886 г. // РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 1176. Л. 16.

[7] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 116, 117.

[8] *Таганцев Н.С.* Пережитое. В 2-х вып. Пг., 1919. Вып. 1. С. 13.

[9] *Кони А.Ф.* Воспоминания о деле Веры Засулич. // Кони А.Ф. Избр. М., 1989. С. 282.

[10] *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. В 2-х тт. М., 2005. Т. 2. С. 213.

[11] *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 124.

[12] *Лопухин В.Б.* Записки бывшего директора Департамента МИД. СПб., 2008. С. 115.

это подтверждается ситуацией, возникшей после публикации Манифеста 3 февраля 1899 г. о порядке издания законов, относящихся до Российской империи и Великого княжества Финляндского. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин писал Фришу 23 марта 1899 г., что Николай II «вполне одобрил необходимость составления официозного сообщения в газетах по вопросу о Манифесте и финляндских претензиях. Государь император, — сообщал далее Куропаткин, — поручил мне передать Вам, что он вполне одобряет Ваше мнение, дабы таковое сообщение было составлено П.А. Харитоновым, но не иначе, как под Вашим многоопытным руководством»[13]. Написанную Харитоновым «записку по финляндскому вопросу» Фриш представил Николаю II 5 апреля 1899 года[14]. Судя по всему, именно с этого времени Харитонов начинает пользоваться известностью у императора как чиновник, умеющий быстро и безукоризненно выполнять поручения, связанные с написанием особо важных официальных документов.

В феврале 1904 г., в связи с назначением государственным секретарем барона Ю.А. Икскуля фон Гильденбандта, Харитонов получил повышение, став товарищем госсекретаря, на посту которого в 1905—1906 гг. оказался буквально в эпицентре подготовки либеральных реформ, поскольку заведовал делопроизводством Совета министров (Совещания) под председательством графа Д.М. Сольского, всех четырех особых совещаний, заседавших под председательством Николая II и занимавшихся обсуждением проектов «булыгинской Думы» (июль 1905 г.), закона о выборах в нижнюю палату (декабрь 1905), учреждений Думы и Госсовета (февраль 1906) и новых Основных законов (апрель 1906). Кроме того, Харитонов являлся членом Особого совещания под председательством А.А. Сабурова для пересмотра Учреждения Сената и выработки законопроекта о местных административных судах (январь 1905 — апрель 1906), Особой комиссии под председательством Н.В. Шидловского для выяснения причин недовольства рабочих Петербурга и его пригородов и изыскания мер к устранению их в будущем (январь-февраль 1905), Особого совещания под председательством графа А.П. Игнатьева по пересмотру исключительных законоположений, установленных для охраны государственного порядка (февраль 1905 — апрель 1906), и членом особых совещаний под председательством Сольского для рассмотрения дополнительных правил к узаконениям о Думе (август 1905 — апрель 1906), для разработки необходимых изменений в Уч-

[13] А.Н. Куропаткин — Э.В. Фришу. 23 марта 1899 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 25. ЛЛ. 341—342.

[14] Всеподданнейший доклад Э.В. Фриша Николаю II. 5 апреля 1899 г. // Там же. Л. 343.

реждении Госсовета (октябрь 1905 — декабрь 1906) и подготовки издания его нового Учреждения (март — апрель 1906).

Если до 1905 г. свои взгляды Харитонов, естественно, не афишировал, то с этого времени стал открыто позиционировать себя как либерального бюрократа, что явилось неожиданностью для современников, знавших его плохо. Тем не менее, подчеркивая, что в 1905 г. Харитонов «внезапно превратился в решительного сторонника парламентарного строя, покоящегося на наиболее демократической системе выборов народных представителей», В.И. Гурко признавал: «Насколько такой крутой оборот Харитонова был искренен, я решить, разумеется, не могу, но смелости произведенного volt-face отрицать нельзя»[15]. Характерно, что либерализм Харитонова нисколько не тормозил его карьеры: в 1906 г. Николай II наградил Харитонова званием сенатора и назначил членом Государственного совета, в 1907 — вручил ему министерский портфель государственного контролера (каковым Харитонов являлся девять лет), наконец в 1911 пожаловал сановника-либерала в статс-секретари его величества (не говоря уже об орденах и прочих знаках отличия). Между тем император не мог не знать (по докладам председателей верхней палаты), что в Госсовете Харитонов сразу же вошел в либеральную Группу центра (ее членом он оставался до своей кончины)[16], занимавшую «среднее положение между октябристами и кадетами»[17]. При этом Харитонов тяготел именно к конституционно-демократической партии, что подтверждали и думцы, и министры, и прочие чиновники. Депутат IV Думы Г.А. Шечков (в письме А.А. Тихомирову за 1915 г.) относил Харитонова к числу министров, которые «могут гнуть в сторону Милюкова и Шингарева»[18]. По воспоминаниям министра финансов П.Л. Барка, госконтролер был связан «с левыми партиями Думы»[19], т.е. прежде всего с кадетской фракцией. В начале 1916 г. чиновником МВД Н.Д. Тальбергом (в письме волынскому губернатору П.В. Скаржинскому) Харитонов характеризовался как «кадет»[20]. Политические пристрастия государствен-

[15] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 117.

[16] *Бородин А.П.* Государственный совет России (1906—1917). Киров, 1999. С. 274; *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. 1906—1917. М., 2006. С. 304—326.

[17] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 228.

[18] Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914—1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 125.

[19] П.Л. Барк — А.А. Риттиху. 9 сентября 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 439.

[20] Переписка правых // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 138.

ного контролера предопределяли его положение в Совете министров: Харитонов не просто входил в «левое крыло» кабинета[21], но среди единомышленников-министров являлся «наиболее “левым”»[22]. В 1915 г. он возглавлял группу «прогрессивных министров»[23] и был одним из лидеров радикального крыла либеральной бюрократии, а потому прочился оппозицией в премьеры правительства, опирающегося на народное представительство[24]. Смерть Харитонова в апреле 1916 г. прервала его политическую карьеру.

Проект новых Основных законов Харитонов подготовил при участии Н.П. Гарина: на это указал в своих воспоминаниях сам Харитонов, который в одном месте писал, что согласился «принять на себя совместно с Н.П. Гариным труд по пересмотру Основных законов», а в другом — характеризовал «проект № 1» как «составленный мною совместно с Н.П. Гариным»[25]. Николай Павлович Гарин (1861— после 1935) был сыном полковника П.В. Гарина, получившего потомственное дворянство в 1870 г. за заслуги отца[26]. В остальном жизненные пути Харитонова и Гарина отличало известное сходство: окончив Училище правоведения с серебряной медалью, с 1882 г. Гарин также служил в Министерстве юстиции, затем — в Канцелярии Сената. В 1884 г. он был причислен к Кодификационному отделу при Госсовете, где с 1890 г. исправлял должность помощника старшего чиновника Отдела, т.е. Харитонова. После слияния Кодификационного отдела с Госканцелярией Гарин — старший делопроизводитель (1894) и помощник статс-секретаря Госсовета (1897) по Отделению Свода законов, с 1902 — по Отделению гражданских и духовных дел, опять-таки — под началом Харитонова. Сослуживцу Гарин запомнился как один из «наиболее примечательных» помощников статс-секретарей[27]. Поскольку по Кодифи-

[21] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 673.

[22] *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 — июль 1915 г.). Записи, заметки, материалы и воспоминания быв. помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. 1996. Кн. 7. С. 330.

[23] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 659.

[24] Из истории борьбы в верхах накануне Февральской революции: новые документы // Русское прошлое. 1996. Кн. 6. С. 150. См. также: *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917). Рязань, 2004. С. 43—70, 83—96.

[25] Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 98, 99.

[26] Подробнее о Н.П. Гарине см.: *Куликов С.В.* Гарин Николай Павлович // Государственный совет Российской империи. 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 50—51.

[27] Лопухин В.Б. Указ. соч. С. 116.

кационному отделу (в 1886—1893 гг.) и Госканцелярии (в 1893—1905) Гарин был сослуживцем Харитонова, причем находился в его непосредственном подчинении, соответственно, три и пять лет, их несомненно связывали тесные дружеские отношения. В начале 1905 г. Гарина командировали в распоряжение петербургского генерал-губернатора генерала Д.Ф. Трепова для организации при нем особой канцелярии. В июне 1905 г. Гарин становится директором Департамента полиции МВД, в ноябре того же года — сенатором, каковым он оставался до 1915 г. В конце 1905 — начале 1906 г. Гарин являлся «неофициальным статс-секретарем» Трепова, занимавшего в это время пост дворцового коменданта, консультируя генерала по широкому кругу вопросов государственного управления и составляя проекты резолюций, передававшиеся Треповым императору[28]. Впоследствии Гарин был членом Госсовета (1915—1917), входя в его Правую группу, и первым в истории России гражданским товарищем военного министра (1916—1917). После 1917 г. Гарин не эмигрировал, а потому подвергался репрессиям.

Второй проект новых Основных законов характеризовался Харитоновым как «составленный директором Императорского Александровского лицея А.П. Саломоном»[29]. В свою очередь, председатель Госсовета граф Д.М. Сольский, подразумевая три проекта, представлял Саломона Николаю II как «составителя одного из упомянутых проектов»[30]. Александр Петрович Саломон (1853—1908) являлся сыном члена Государственного совета и сенатора П.И. Саломона (1819—1905), внука шведского купца. Большое влияние на формирование взглядов Саломона, отличавшихся либеральностью, оказал, кроме отца, дядя А.В. Головнин, министр народного просвещения в 1861—1866 гг.[31], сподвижник лидера либеральной бюрократии великого князя Константина Николаевича, близостью которого к дяде Саломон «особенно дорожил»[32]. Привитию Саломону либеральных взглядов способствовала не только родственная и околородственная среда, но и учеба в Александровском лицее. Недаром граф С.Ю. Вит-

---

[28] Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 273.

[29] Новые материалы. С. 99.

[30] Всеподданнейший доклад графа Д.М. Сольского. 10 февраля 1906 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 387.

[31] А.П. Саломон // *Рубец А.А.* 1811—1911. «Наставникам, хранившим юность нашу». Памятная книжка чинов Императорского Александровского, быв. Царскосельского, лицея с 1811 по 1911 г. СПб., 1911. С. 228.

[32] Материалы к биографии Вл. Соловьева (Из архива С.М. Лукьянова) // Российский архив. 1992. Т. 2—3. С. 400.

те писал про «либеральный мед, так хорошо приготовлявшийся в последние десятилетия» в Лицее[33]. Высочайший интеллектуальный уровень Саломона красноречиво характеризует, помимо окончания им Лицея с золотой медалью, увлечение поэзией, арабским и итальянским языками, которые он знал настолько свободно, что переводил с них не только прозу, но и поэзию. Саломоновский перевод «Божественной комедии» Данте, хотя и незаконченный, к 1917 г. считался самым лучшим.

В 1874 г. Саломон поступил в Госканцелярию — несомненно, по протекции Сольского, тогда — ее начальника, государственного секретаря. Во всяком случае в глазах Харитонова Саломон был «близким человеком Д.М. Сольскому»[34]. Здесь, как в случае с Фришем и Харитоновым, сыграла роль не только корпоративная солидарность (лицеисты, подобно правоведам, всегда поддерживали друг друга), но и идейная близость между Саломоном и Сольским, типичным представителем бюрократического либерализма. Сольский был сторонником «либерального направления» и являл собой «благодушно-либерального» сановника[35], более того — до самой смерти считался «одним из самых либеральных бюрократов»[36]. Естественно, что либеральный сановник был и сторонником конституции. «В тайне, — характеризовал Сольского в июне 1905 г. А.Н. Куропаткин А.Ф. Редигеру, — это убежденный сторонник ограничения [царской власти]»[37]. В июле 1905 г. Сольский произвел на С.А. Муромцева впечатление человека, «искренне преданного делу народного представительства и достаточно просвещенного в области конституционных вопросов»[38]. Очевидно, просвещенным «в области конституционных вопросов» был и протеже Сольского. Впрочем, уже в 1875 г. Саломон вышел из непосредственного подчинения своему покровителю, поскольку, став офицером лейб-гвардии Гренадерского полка, отправился добровольцем в Сербию. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Саломон находился в Отряде плевненского обложения и был ранен[39]. По окончании войны он прошел курс

[33] Из архива С.Ю. Витте. Т. 2. С. 288.

[34] Новые материалы. С. 99.

[35] Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. С. 211; Т. 2. С. 465.

[36] *Львов (Клячко) Л.М.* Звездная палата // Минувшие годы. 1928. № 3. С. 29.

[37] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х тт. М., 1999. Т. 1. С. 422.

[38] *Милюков П.Н.* С.А. Муромцев. Биогр. очерк // С.А. Муромцев. Сб. ст. М., 1911. С. 43—44.

[39] Памятник Восточной войны 1877—1878 гг. СПб., 1878. С. 381.

Николаевской академии Генерального штаба, но затем покинул армию и вернулся на гражданскую службу, поступив в 1881 г. в МВД, где в 1882—1891 гг. служил в Главном тюремном управлении.

Превращаясь в крупного специалиста по пенитенциарному делу, Саломон продолжал оставаться либералом. Упрочению в Саломоне либеральных взглядов относительно религии содействовала его тесная дружба с выдающимся религиозным философом В.С. Соловьевым, начавшаяся в 1877 г. Саломон «был из числа самых близких друзей» Соловьева[40], который «часто навещал Саломона»[41]. В год 20-летия их дружбы, в июле 1897 г., Соловьев посвятил «старому другу» одно из своих самых задушевных стихотворений[42]. Поклонение культу Соловьева сделало Саломона частым посетителем либеральных салонов графини С.А. Толстой (вдовы поэта графа А.К. Толстого) и княгини Е.Г. Волконской, религиозной мыслительницы, настроенной резко оппозиционно по отношению к режиму Александра III. В январе 1890 г. на большом ужине в Зимнем дворце Волконская, сидя напротив царского стола, критически говорила «относительно всего творящегося в правительственных и придворных сферах»[43]. Для характеристики взглядов Саломона примечательно и то, что с 1890 по 1894 г. он состоял секретарем принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской, жены принца А.П. Ольденбургского, поскольку еще отец Саломона находился «в близком контакте» с семьей принцев Ольденбургских и эти отношения унаследовал его сын[44]. Между тем Евгения Максимилиановна «не скрывала свой либеральный образ мыслей»[45]. Естественно, что принцесса не стала бы приближать к себе человека с иным образом мыслей.

С 1894 г. Саломон являлся сотрудником «Вестника Европы»[46], посещая салон их издателя М.М. Стасюлевича. «Господствующей нотой, — характеризовал этот салон современник, — здесь был просвещенный либерализм, а пределом желаний — введение в России правового строя, иначе говоря, конституции»[47]. Наконец, в 1890-е гг.

---

[40] *Волконский С.М.* Мои воспоминания. В 2-х тт. М., 1992. Т. 2. С. 72.

[41] Материалы к биографии Вл. Соловьева. С. 400.

[42] *Соловьев В.С.* Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974. С. 117.

[43] *Половцов А.А.* Указ. соч. Т. 2. С. 277.

[44] *Lieven D.* Russia Rulers under the Old Regim. New Haven; London, 1989. P. 51.

[45] *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 33.

[46] В.С. Соловьев — М.М. Стасюлевичу. 1894 г. // М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. В 5-ти тт. СПб., 1913. Т. 5. С. 380.

[47] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 279.

Саломон активно сотрудничал в «Санкт-Петербургских ведомостях», редактор которых князь Э.Э. Ухтомский в конце XIX — начале XX в. находился «на левой стороне русской печати»[48], поскольку привлек в «Ведомости» «либерально и даже радикально мыслящих людей»[49]. По воспоминаниям князя С.М. Волконского, сына Е.Г. Волконской, друга Ухтомского и самого Саломона, как публицист он «много содействовал нахождению материалов по интересовавшим нас вопросам свободы вероисповедания»[50]. Хотя Саломон являлся представителем правительственного либерализма и конституционализма, это ни в коей мере не препятствовало его карьере: в 1891 г. Саломона назначают членом Совета Дворянского земельного банка Министерства финансов, в 1894 (с оставлением в предыдущей должности) — членом Кустарного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ, в 1898 — Консультации, учрежденной при Министерстве юстиции. Более того, Саломон возводится в придворное звание камергера. Но самое главное — в 1896—1900 гг. Саломон занимал пост начальника Главного тюремного управления (ГТУ), переподчиненного Министерству юстиции, проведя ряд реформ, которые заметно гуманизировали существовавшую систему наказаний. Одна из таких реформ — упразднение в 1900 г. ссылки в Сибирь. Деятельность Саломона как начальника ГТУ находила полную поддержку Николая II, который говорил либеральному камергеру: «Я был доволен вами, как начальником Главного тюремного управления, и сожалел о вашем уходе»[51]. С должности начальника ГТУ Саломон перешел в Ведомство учреждений императрицы Марии, став директором Александровского лицея.

Директорство Саломона (1900—1908 гг.) было, бесспорно, последней важной вехой в истории прославленного вуза — в это время существенному преобразованию подверглись буквально все стороны лицейской жизни, согласно подготовленному Саломоном «Проекту главных оснований устройства Императорского Александровского лицея»[52]. И это не случайно: Саломон являлся не только, так ска-

[48] *Амфитеатров А.В.* «Господа Обмановы». История романа и ссылки // Амфитеатров А.В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. В 2-х тт. М., 2004. Т. 2. С. 104.

[49] *Урусов С.Д.* Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. По последним документам. Лондон, 1908. С. 88.

[50] *Волконский С.М.* Указ. соч. С. 74.

[51] А.П. Саломон // *Рубец А.А.* Указ. соч. С. 231.

[52] *Саломон А.П.* Проект главных оснований устройства Императорского Александровского лицея // Приложение № 1 к Докладной записке директора Императорского Александровского лицея его попечителю графу Н.А. Пратасову-Бахметеву. 9 мая 1901 г. СПб., 1901. С. 1—70.

зать, «идейным лицеистом», но и бюрократом-реформатором, чьи либеральные взгляды отразились и на составе преподавательского состава. В период его директорства в Лицее преподавали В.М. Гессен, В.Ф. Дерюжинский, Н.Л. Дювернуа, А.А. Жижиленко, И.А. Ивановский, Н.И. Кареев, А.Ф. Кони, Н.А. Котляревский, С.А. Муромцев, А.А. Пиленко, Э.Л. Радлов, С.В. Рождественский. По инициативе Саломона в Лицей были приглашены И.М. Гревс, Н.О. Лосский, барон А.Э. Нольде, священник Г.С. Петров, С.Ф. Платонов, И.А. Покровский. Членами Конференции Лицея, учрежденной, согласно проекту Саломона, в 1901 г., по его ходатайству стали Дювернуа, Ивановский, Кареев, Кони, Котляревский, Муромцев, Петров, Радлов, Рождественский[53]. Пребывание во главе Лицея способствовало упрочению отношений Саломона с Двором и лично Николаем II, который неоднократно давал ему аудиенции — во время них Саломон «имел счастие повергать на высочайшее благовоззрение данные о положении воспитательного дела в Лицее», причем император не просто «милостиво» выслушивал доклады Саломона, но сопровождал их «вопросами и замечаниями, подтверждавшими правильность точек зрения А.П. на положение воспитательного дела в Лицее»[54]. Именно Саломон уговорил императора давать ежегодные аудиенции лицеистам-выпускникам[55]. Благоволение царя к Саломону выразилось в том, что в 1902 г. Николай II наградил директора придворным чином шталмейстера, т.е. возвел сановника во вторые чины Высочайшего двора.

Поведение Саломона в 1905 г. предопределили его либеральные взгляды: несомненно, он сочувствовал земскому движению, осведомляя о нем Сольского, находившегося во главе подготовки всех политических реформ, прежде всего — создания Государственной думы. По просьбе Сольского Саломон познакомил его с Муромцевым, оказавшимся к тому времени одним из лидеров земского движения, — встреча Сольского и Муромцева произошла 3 июля[56]. Летом 1905 г. Саломон устраивал в Лицее для его учащихся вечерние лекции, на которых Муромцев рассказывал об оппозиционных съездах земских и городских деятелей, а Гессен — о совершавшихся ре-

---

[53] *Рубец А.А.* Указ. соч. С. 12, 13, 76, 78, 81, 82, 83, 86, 89, 91, 93, 99, 105,107, 112, 113, 114, 116, 118.

[54] А.П. Саломон // *Рубец А.А.* Указ. соч. С. 231.

[55] *Павлова С.В.* Императорский Александровский (быв. Царскосельский) лицей. СПб., 2002. С. 190.

[56] *Кокошкин Ф.Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // С.А. Муромцев. Сб. ст. М., 1911. С. 226; *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 43—44.

формах[57]. Вместе с тем, исповедуя либеральный монархизм, Саломон верил в реформаторский потенциал самодержавия в лице Николая II. Выступая перед выпускниками Лицея в мае 1906 г., его директор заявил, что «среди смуты» «частью закончена, частью совершается обширная и трудная работа государственного строительства, которую наш возлюбленный монарх подъял на свои державные рамена. Россия, — подчеркивал Саломон, — получила новые политические формы, положена грань между прошедшим и будущим, мы вступаем в новый период истории, вступаем с трудом и болезнью»[58]. Естественно, что Саломон относился отрицательно к революционному движению, «смуте». В одном из проектов Манифеста, приуроченного к изданию новых Основных законов, он писал, что «ныне, среди постигшей Россию смуты, в борьбе с темными силами, стремящимися разрушить Русское государство, не должна ослабевать вера народа в близкую победу правды над ложью, закона и порядка над насилием необузданных страстей». В отличие от кадетов, Саломон видел в революции не пособницу, а преграду реформаторской деятельности, отмечая в другом проекте аналогичного Манифеста, что «мятежное движение, угрожающее целости государства, препятствует мирной созидательной работе правительства и вызывает до сих пор необходимое применение законов и мер исключительных для обеспечения безопасности государственной и свободы общественной»[59]. В марте 1906 г., явно в воздаяние разработки проекта Основных законов, Сольский предлагал назначить Саломона в Госсовет[60], куда он попал в мае 1908, но буквально через несколько дней скончался.

Третий проект новых Основных законов характеризовался Харитоновым как «неизвестно кем составленный. По слухам, — вспоминал он, — последний № 3 проект — проект А.П. Саломона, видоизмененный совместно с ним флигель-адъютантом графом Гейденом (моряком)»[61]. Но согласно более ранней собственноручной памятной записке Харитонова проект № 3 был «составлен (по слухам) флигель-адъютантом графом Гейденом при участии А.П. Саломона – автора проекта № 2»[62]. Биография графа Александра Федоровича

[57] *Павлова С.В.* Указ. соч. С. 190.

[58] *Саломон А.П.* Напутствие директора Императорского Александровского лицея LXII курсу. 30 мая 1906 г. СПб., 1906. С. 1.

[59] Новые материалы. С. 115, 132.

[60] *Половцов А.А.* Дневник // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 97.

[61] Новые материалы. С. 99.

[62] *Харитонов П.А.* Памятная записка // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 184 «Б».

Гейдена (1859—1919) подтверждает, что автор третьего проекта — именно он. Гейден принадлежал к вестфальскому дворянскому роду XV в., представители которого в XVII переселились в Нидерланды, в 1790 г. — получили графское достоинство Священной Римской империи и с 1795 — состояли на российской службе, создав знаменитую военно-морскую династию. Отец Гейдена, генерал-адъютант Ф.Л. Гейден (1821—1900), финляндский генерал-губернатор (1888—1897) и член Госсовета, уже был православным. Своей деятельностью он зарекомендовал себя как представитель либеральной бюрократии, в частности — при решении финляндского вопроса. Так, в 1890—1891 гг. руководимая Ф.Л. Гейденом Комиссия для рассмотрения проекта кодификации Основных законов Финляндии подготовила проект «Учреждения управления губерний Великого княжества Финляндского», сохранивший «известную самостоятельность финляндских властей в местном управлении», по причине чего консерваторы считали его «не достаточно последовательным в реализации принципов единодержавия»[63]. Тем не менее семейство Гейденов пользовалось давней близостью ко Двору, а потому А.Ф. Гейден являлся другом детства будущего Николая II[64].

Серьезно увлекаясь русской историей, Гейден первоначально изменил традициям рода и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился на одном курсе с С.Ф. Платоновым, который оценивал его как начинающего ученого весьма высоко. «Среди нас, — вспоминал Платонов Гейдена-студента, — он почитался историком и в студенческие свои годы написал и напечатал хорошую диссертацию о расколоучителе Иване Неронове»[65]. В диссертации Гейден выступил как сторонник воссоединения официальной и старообрядческой церквей, считая, что «церковное проклятие над раскольниками — лишь тяжелое и бедоносное церковное недоразумение, которое рано или поздно должно исчезнуть и возвратить уклонившихся на путь истинного церковного вероучения. Устранить это недоразумение может только церковь»[66]. В последнем предложении автор недвусмысленно наме-

[63] *Суни Л.В.* Самодержавие и общественно-политическое развитие Финляндии в 80—90-е гг. XIX в. Л., 1982. С. 38, 56, 57. См. также: Протоколы и журналы высочайше учрежденного Комитета под председательством финляндского генерал-губернатора для рассмотрения проекта кодификации Основных законов Финляндии. Гельсингфорс, 1891.

[64] *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 169.

[65] *Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1920. Кн. 2. С. 114, 115.

[66] *Гейден А.Ф.* Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. СПб., 1886. С. 71.

кал на необходимость восстановления соборного управления церковью. Гейден-студент проявил себя не только как ученый, но и как организатор науки, в 1881 г. выступив с инициативой создания при историко-филологическом факультете студенческого Научно-литературного общества и подготовив его Устав[67]. Учась в Университете, Гейден сблизился с преподававшим там В.С. Соловьевым, который «очень любил» Гейдена и его родителей, и «они высоко ценили его». Вообще же Гейден-младший, по рассказу Э.Э. Ухтомского, записанному биографом великого мыслителя, «до конца своих дней оставался верен памяти Соловьева»[68]. Будучи студентом, Гейден познакомился и с Саломоном: оба они уже в конце 1870 — начале 1880 гг. входили в ближайшее окружение Соловьева[69], а это дает веские основания для утверждения, что уже тогда молодой историк разделял либеральные взгляды.

В 1882 г., по окончании Университета, Гейден поступил в Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД, однако через три года вернулся к семейной традиции и перешел с гражданской службы на военно-морскую, в Гвардейский флотский экипаж. В 1890-х гг. Гейден становится одним из первых в истории России военно-морских стратегов: он создает Кружок офицеров армии и флота, в котором обсуждались вопросы стратегии и проводились тактические игры. В 1895 г. на основе Кружка в Николаевской Морской академии в 1895 г. Гейден организовал курс по изучению военно-морской тактики, где также происходили практические занятия. Их целью, по замыслу Гейдена, было «изучение обстановки и условий ведения морской войны». Уже в первом учебном году темой стратегической задачи стала «Война с Японией при наличии сил к 1-му декабря 1895 г.». Игра на эту тему закончилась «полным поражением русского флота»[70]. Впоследствии курс военно-морских наук для окончивших Морскую академию и для офицеров, получивших практику на кораблях, готовил учащихся к занятию должностей в Морском главном штабе и в штабах флотов, функционируя как оперативный центр, содействовавший Морскому штабу в стратегиче-

[67] *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // Проблемы социального и гуманитарного знания. Сб. науч. раб. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128.

[68] Материалы к биографии Вл. Соловьева. С. 394, 395.

[69] *Лукьянов С.М.* О Вл. Соловьеве в его молодые годы. В 3-х кн. М., 1990. Кн. 3. Вып. 2. С. 175.

[70] *Гейден А.Ф.* Практические занятия по прикладной морской стратегии на Курсе военно-морских наук. СПб., 1898. С. 1, 7, 8.

ской разработке морской войны[71]. Впоследствии заслуги Гейдена в области военно-морской науки были отмечены избранием его в 1906 г. членом Конференции Морской академии.

Параллельно с научной карьерой Гейден успешно делал и придворную карьеру, с 1900 г. занимая должность начальника Канцелярии Императорской Главной квартиры, после реорганизации которой он (с 1904 по 1906) — начальник Военно-походной канцелярии Николая II. Кроме того с 1904 г. Гейден состоял в Свите его величества, получив от императора военно-придворное звание флигель-адъютанта, будучи в это время как «близкий человек к государю»[72] «особенно доверенным лицом» Николая II[73]. Еще более примечательно, что ближайший сотрудник монарха разделял либеральные взгляды, усвоенные графом еще в юности. Косвенное подтверждение этому — «расположение», которое Гейден оказывал тайному корреспонденту царя А.А. Клопову, доносившему до адресата мнения либеральной оппозиции[74]. Флигель-адъютант помогал императору при составлении Манифеста 26 февраля 1903 г.[75], в котором впервые объявлялось о необходимости «усовершенствования государственного порядка», т.е. либеральных реформ.

Судя по всему, Гейден являлся также сторонником конституции. В сентябре 1903 г. князь Г.М. Волконский, сын Е.Г. Волконской, послал Николаю II брошюру «Взгляд на современное положение России», в котором обосновывал «мысли о своевременности перехода к представительному образу правления и о настоятельной потребности включения в Основные законы Империи гарантий, обеспечивающих права личности». Через неделю именно от Гейдена Волконский получил письмо, сообщавшее, что его брошюра передана царю[76]. «Привлечение общественных сил в законодательной жизни Японии, — писал Гейден позднее, явно сочувствуя этому, — способствовало еще более быстрому успеху ее»[77]. Гейден

---

[71] *Бескровный Л.Г.* Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 218.

[72] *Киреев А.А.* Дневник. 1905—1910. М., 2010. С. 19.

[73] *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 169.

[74] А.А. Клопов — Николаю II. 9 июня 1906 г. // Тайный советник императора. СПб., 2002. С. 397.

[75] П.А. Столыпин — П.Д. Святополк-Мирскому. 15 марта 1903 г. // *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 90—91.

[76] Кн. Гр. Волконский в Дармштадте // Освобождение. № 8. 1903. 2 октября. С. 148.

[77] *Гейден А.Ф.* Итоги русско-японской войны 1904—1905 гг. Пг., 1914. С. 4.

осознавал важность Указа 12 декабря 1904 г., также содержавшего программу либеральных преобразований. Четырьмя днями ранее, когда проект Указа обсуждался великими князьями и министрами под председательством Николая II, Гейден сказал князю П.Н. Трубецкому: «Решаются судьбы России»[78].

В 1905 г. либерализм Гейдена проявился еще сильнее: именно он был одним из устроителей состоявшегося 6 июня приема императором депутации лидеров либеральной оппозиции во главе с князем С.Н. Трубецким и написал текст речи Николая II[79], непосредственно в день приема встретил депутацию у царского дворца и принял от нее петицию для передачи Николаю, монарху[80], наконец, присутствовал на самом приеме[81]. Через четыре месяца, 2 октября, перед самым выносом тела скоропостижно скончавшегося Трубецкого на Николаевский вокзал Петербурга для отправки в Москву именно Гейден возложил от императора венок из белых орхидей с лаврами, что «произвело на всех хорошее впечатление и как бы увенчало общенациональное выражение скорби и дани уважения»[82].

Гейден оказался у истоков Государственной думы, составив проект Манифеста о создании законосовещательной Думы, обсуждавшийся на Совещании сановников 30 июля при участии графа, причем окончательный текст Манифеста, подписанного Николаем II 6 августа, стал результатом соединения проектов Гейдена и Таганцева[83]. В проекте флигель-адъютанта от имени царя объявлялось, что он идет на создание Думы, «внемля обращенному к Нам голосу земли и городов Державы Русской», т.е. оппозиционных земских и городских съездов. Понимая, однако, что законосовещательная Дума может не удовлетворить либеральную оппозицию, Гейден вставил в проект следующее предложение: «Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Государственной думы, когда жизнь сама укажет Нам необходимость тех изменений в ее Учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному и народному»[84]. Приведенная фраза по-

---

[78] *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // Современные записки. 1937. Кн. 64. С. 292.

[79] *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 356.

[80] *Трубецкая О.Н.* Указ. соч. С. 211.

[81] *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. 1934. Т. 21. С. 377, 381.

[82] *Трубецкая О.Н.* Указ. соч. С. 241.

[83] *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 39.

[84] Проект [Манифеста 6 августа 1905 г.] флигель-адъютанта графа А.Ф. Гейдена // *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 41, 42.

чти без изменений вошла в окончательный текст Манифеста 6 августа, предвосхищая издание Манифеста 17 октября. Если Гейдена не оказалось около Николая II во время подготовки и подписания царем этого Манифеста, то только потому, что флигель-адъютант находился в отпуске.

Несмотря на недоверие к графу С.Ю. Витте, Гейден и его единомышленники, записал еще 21 августа 1905 г. осведомленный современник, «очень подготавливают Витте в премьер-министры»[85]. Витте получил портфель председателя Совета министров через два месяца, 24 октября, что неудивительно. В конце 1905 г. Гейден принадлежал к числу сановников, к которым Николай II «питал доверие» и которые вызывались монархом, чтобы «выслушать их мнение»[86], и относился к «переменному составу» посетителей Приемной перед Кабинетом самодержца в Александровском дворце Царского Села[87]. Причастность Гейдена к созданию новых Основных законов выразилась не только в составлении их проекта, но и в обсуждении этой проблемы в узком кругу наиболее близких к императору лиц. «Вечером, — записал Николай II 2 марта 1906 г., — у меня были Трепов (Д.Ф., дворцовый комендант. — С.К.), Гейден и Орлов (В.Н., князь, помощник Гейдена. — *С.К.*) по вопросу об Основных законах. Разговорились до 12 часов»[88].

С началом деятельности I Государственной думы, в которой, как известно, большинство принадлежало конституционно-демократической партии, Гейден, подобно Трепову, склонялся к образованию кадетского министерства и введению парламентарной системы. Во всяком случае во время состоявшегося 22 мая 1906 г. посещения Гейденом (не исключено, что с ведома царя) двоюродного брата графа П.А. Гейдена, лидера думской фракции партии мирного обновления, флигель-адъютант интересовался «настроением Думы» и спрашивал, «как быть с министрами». П.А. Гейден доказывал, что чем скорее верховная власть пойдет на сближение с кадетами, тем они «будут более склонны перейти к правительству», и настаивал на необходимости «скорее искренне вступить на откровенно конституционный путь». Начальник Военно-походной канцелярии нисколько не оспаривал кузена и, уходя от него, сказал, что хотел бы видеться с ним «чаще»[89]. С этим эпизодом соотносится тот факт,

---

[85] *Киреев А.А.* Указ. соч. С. 82.

[86] *Мосолов А.А.* Указ. соч. С. 55.

[87] *Толстой И.И.* Мемуары. М., 2002. С. 258.

[88] *Николай II.* Дневники. М., 1991. С. 304.

[89] *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 283.

что в письме А.А. Клопова Николаю II от 9 июня, в котором царский корреспондент поддержал идею кабинета, ответственного перед нижней палатой, Клопов упомянул, что ему покровительствует Гейден[90]. Однако политическая роль Гейдена вскоре сошла на нет — не только из-за роспуска I Думы, но и по причине изменения его служебного статуса.

С августа 1906 г. Гейден являлся начальником Морской походной канцелярии Николая II, и проблемы военно-морской стратегии снова стали для графа наиболее актуальными. Более того, из-за второй женитьбы, на фрейлине А.А. Олениной, Гейден был вынужден оставить и этот пост, хотя получил в апреле 1908 звание контр-адмирала Свиты Его величества. В 1909 г. Гейден возглавляет Комиссию для описания действий флота во время русско-японской войны, в 1914 — становится помощником начальника Морского главного штаба, в 1916 — членом Адмиралтейств-совета при Морском министерстве с производством в вице-адмиралы. Умер Гейден в 1919 г. в большевистском Петрограде.

Изучение биографий Харитонова, Саломона и Гейдена доказывает, что составление именно ими проектов новых Основных законов, особенно учитывая их политические взгляды, было не случайностью, а закономерностью. Каково же время составления этих проектов? Издание новых Основных законов стало неизбежным после Манифеста 17 октября 1905 г., касавшегося, помимо прочего, компетенции Думы. В «Предисловии» к своему проекту Саломон считал необходимым «наметить те изменения, которым, в силу Манифеста 17 октября, должно подвергнуться Учреждение Государственной думы 6 августа». В написанном тем же Саломоном проекте Манифеста по поводу издания новых Основных законов от имени монарха говорилось: «Мы признали за благо, следуя внушениям совести Нашей и честности государевой, исполнить слово Наше и объявить ныне же и ввести в действие, по праву, Нам принадлежащему, как всероссийскому самодержцу – измененный, соответственно Манифесту Нашему 17 октября, Основной закон Российской империи, государственное устройство определяющий»[91]. Судя по всему, вопрос о подготовке проекта новых Основных законов Николай II поднимал 24 октября 1905 г., когда принимал государственного секретаря Икскуля-фон-Гильденбандта, и 3, 4 или 5 ноября, принимая Трепова[92]. «В начале ноября 1905 г., — вспоминал Харитонов, —

[90] А.А. Клопов — Николаю II. 9 июня 1906 г. // Тайный советник императора. С. 397.

[91] Новые материалы. С. 113—114, 132.

[92] *Николай II.* Указ. соч. С. 285, 287.

Н.П. Гарин (сенатор), по поручению Д.Ф. Трепова (дворцового тогда коменданта), обратился ко мне с вопросом — не возьмусь ли я пересмотреть Основные законы и составить новый их проект в соответствии с Манифестом 17 октября 1905 г. Вместе с тем Н.П. Гарин заявил мне, что предлагаемый вопрос делается по высочайшему повелению»[93]. Встреча Харитонова с Гариным состоялась не ранее 9 ноября 1905 г. — именно тогда Гарин был назначен сенатором[94]. Хотя о его сенаторстве Харитонов мог упомянуть, имея в виду служебное положение Гарина на момент написания воспоминаний.

По-видимому, именно Гарин, хорошо зная Харитонова по 19-летней совместной службе сначала в Кодификационном отделе, а потом в Госканцелярии, и порекомендовал его Трепову, а тот — Николаю II на роль составителя новых Основных законов. Не исключено, однако, что мысль о привлечении Харитонова на эту роль могла принадлежать и самому царю, который знал Харитонова как отменного стилиста по меньшей мере с 1899 г. Так или иначе, но над составлением проекта Харитонов работал в ноябре и начале декабря, т.е. довольно долго. «Работа по Основным законам, — объяснял он это обстоятельство, — была мною несколько задержана, в виду спешных занятий по Совещаниям для выработки дополнительных к Положению 6 августа 1905 г. о выборах узаконений, где я также был членом-делопроизводителем. Между тем, во время происходившего 5 декабря 1905 г. в Царском Селе заседания Совещания, под личным председательством государя императора, созванного для обсуждения проектов, выработанных Советом министров, о дополнительных в Думу выборах (Указ 11 декабря 1905 г.), во исполнение 2 пункта Манифеста 17 октября 1905 г., во время перерыва, Д.Ф. Трепов объявил мне, что государь император ожидает от меня проект Основных законов. Вследствие сего, предварительно уже набросанный мною проект я сообщил Н.П. Гарину; затем мы совместно его пересмотрели, после чего в исправленном виде Н.П. Гарин передал проект Д.Ф. Трепову»[95]. Как представляется, дворцовый комендант передал харитоновский проект Николаю II 10 декабря, когда Трепов имел у монарха аудиенцию[96].

Проект Саломона создавался приблизительно одновременно с проектом Харитонова. Саломон датировал «Предисловие» к своему проекту «Декабрем 1905 г.», но сам проект был готов не позднее 11 декабря 1905, когда царь утвердил новый избирательный закон, по-

[93] Новые материалы. С. 98-99.
[94] *Куликов С.В.* Указ. соч. С. 50.
[95] Новые материалы. С. 98—99.
[96] *Николай II.* Указ. соч. С. 292.

становления которого в соответствующем разделе саломоновского проекта еще отсутствуют. «В Основные законы, — объяснял Саломон существование подобной лакуны, — должны входить как Учреждение Государственных палат, так равно и Положение о выборах в оные. Но эти части Основных законов не могут быть разработаны ранее, чем будет проектирована реформа Государственного совета»[97]. Особое совещание под председательством Сольского для разработки необходимых изменений в действующем Учреждении Государственного совета царь образовал 28 октября[98]. Следовательно, начало работы Саломона над проектом относится к концу октября — началу ноября, а ее продолжение — к ноябрю — началу декабря 1905 г., что подтвердил он сам. «В настоящее время, — писал Саломон в «Предисловии», — по высочайшему повелению, разрабатывается в Особом совещании преобразование Государственного совета»[99]. Гейден мог начать подготовку проекта сразу после издания Манифеста 17 октября, находясь в отпуске, — это подтверждается тем, что законодательными функциями (как будет видно из дальнейшего) он наделил только Думу. К концу октября возник вопрос о наделении Госсовета правами, равными полномочиям Думы, и Гейден бы, естественно, учел данное обстоятельство, начни он составление проекта позднее.

«Дата представления проектов Николаю неизвестна, — отмечал Дякин. — Мы исходим из предположения, что это могло произойти 16—17 декабря, поскольку 16 декабря завершился очередной (второй) этап совещания, разрабатывавшего новое Учреждение Государственного совета и в связи с этим занимавшегося и Основными законами»[100]. По нашему мнению, царь имел все три проекта неделей раньше, уже 10 декабря, когда он записал: «Вечером принял Трепова и много занимался»[101]. Очевидно, что предметом усиленных занятий монарха были именно проекты, полученные от дворцового коменданта. Правомерность нашей даты подтверждается и воспоминаниями Харитонова. «18 декабря 1905 г., — писал он, — графом Д.М. Сольским получены были от государя императора три проекта Основных законов... Все три проекта переданы были Государем графу Дмитрию Мартыновичу для представления по ним его заключения»[102]. Николай II не мог, получив проекты 17 или даже 16

[97] Новые материалы. С. 111.
[98] Государственная канцелярия 1810—1910. СПб., 1910. С. 443.
[99] Новые материалы. С. 110.
[100] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 244.
[101] *Николай II.* Указ. соч. С. 292.
[102] Новые материалы. С. 99.

декабря, на другой же день передать их Сольскому, предварительно не рассмотрев столь важные документы. Показательны в этой связи дневниковые записи царя: 12 декабря 1905 г. — «Занимался до 8 часов», 13 — «Читал [вечером]», 15 — «Вечером читал», 16 — «Усиленно занимался до 8 часов», 17 — «Занимался и читал до 8 часов»[103]. Глаголом «читал» Николай II обозначал в дневнике не чтение беллетристики, а именно работу с документами.

Что же использовали авторы проектов в качестве их источников? Прежде всего — отечественное законодательство, а именно — старые Основные законы. «Исходной точкой проекта, — подчеркивал Саломон в «Предисловии», — должны служить действующие Основные законы, из коих следует сохранить все то, что, не противореча букве и духу Манифеста 17 октября, имеет действительно характер законов основных, а также не является историческим пережитком веков минувших»[104]. Харитонов без всяких изменений инкорпорировал в свой проект главы прежних Основных законов о порядке престолонаследия, о совершеннолетии императора, регентстве и опеке, о его вступлении на престол и присяге подданства, о короновании и миропомазании царя, об императорском титуле и государственном гербе и о вере и Учреждение об Императорской фамилии, а также отдельные постановления глав о верховной власти и о законах. Саломон привнес из старых Основных законов в новые большинство постановлений глав о престолонаследии, о совершеннолетии монарха, регентстве и опеке, о вступлении на престол и присяге подданства, о короновании и миропомазании, о титуле и гербе и о вере и некоторые постановления из глав о верховной власти, о законах и из Учреждения об Императорской фамилии. Гейден же ввел в новые Основные законы, с небольшими дополнениями, не только те же главы, что и Харитонов, и Учреждение об Императорской фамилии, но и главу о законах (со всеми ее шестью разделами) и отдельные постановления главы о верховной власти. Важнейшими источниками для проектов послужили Манифест 17 октября 1905 г., а также Судебные уставы 1864 г., Учреждение Государственной думы 6 августа 1905 г. и, в случае с Харитоновым, «Основные положения преобразования Государственного совета» — делопроизводственный документ, подготовленный для Особого совещания Сольского по пересмотру Учреждения Госсовета, судя по всему, тем же Харитоновым, поскольку он являлся членом-делопроизводителем Совещания[105]. Первое заседание Совещания состоялось 4 нояб-

[103] *Николай II.* Указ. соч. С. 292, 293.
[104] Новые материалы. С. 111.
[105] Государственная канцелярия. С. 443.

ря 1905 г.[106], причем «Основные положения» к этому времени были уже распечатаны[107]. «Основные положения» состояли из трех разделов: в первом — определялись права Думы и Госсовета, во втором — содержались постановления о личном составе верхней палаты, в третьем — регламентировался порядок ее внутреннего делопроизводства[108]. Из 22 статей первого раздела (о Думе и Госсовете) 21 большей частью дословно вошли в проект Харитонова.

Второй источник проектов — иностранные конституции. В Объяснительной записке к проекту Основных законов Харитонов указывал, что он «составлен применительно к таковым же законам других государств»[109]. «Иностранных конституций сборники, — вспоминал Харитонов, — уже у меня были; я их себе купил ранее для работ по составлению проектов Учреждений Государственной думы и Государственного совета; эти проекты разрабатывались мною для Совещания графа Д.М. Сольского, где я состоял членом-делопроизводителем»[110]. Несомненно, что среди сборников, использованных Харитоновым, находился и первый том публикации под названием «Современные конституции», изданный в 1905 г. оппозиционными государствоведами В.М. Гессеном и бароном Б.Э. Нольде и содержавший тексты основных законов конституционных монархий[111]. В качестве источников своего проекта Харитонов называл конституции Австрии, Баварии, Бадена, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Греции, Дании, Испании, Италии, Нидерландов, Норвегии, Португалии, Пруссии, Румынии, Саксонии, Сербии, Швеции и Японии[112], причем в разговоре с Витте во время одного из заседаний Совета министров в марте 1906 г. особо упомянул об итальянской, шведской и японской конституциях[113].

---

[106] Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 гг. СПб., 1998. Т. 1. С. 60.

[107] *Таганцев Н.С.* Указ. соч. С. 108.

[108] Основные положения преобразования Государственного совета. Не позднее 4 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Доп. оп. к т. XVI. Ч. 1. Д. 16. ЛЛ. 344—349.

[109] *Харитонов П.А.* Объяснительная записка к проекту Основных государственных законов Российской империи // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 28. Л. 9.

[110] Новые материалы. С. 98—99.

[111] Современные конституции. Т. 1. Конституционные монархии. СПб., 1905. Второй том — «Федерации и республики» — вышел в 1907 г.

[112] *Харитонов П.А.* Приложение к «Объяснительной записке к проекту Основных государственных законов Российской империи» // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 28. Л. 15 об.

[113] Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. С. 811.

Иностранные конституции использовали при подготовке своих проектов и Саломон с Гейденом. «Настоящий проект, — характеризовал свое творение Саломон, — неизбежно имеет характер компилятивной работы. Автору предстояло возможно крепко спаять в одно целое старое и новое, заимствуя это новое из чужестранной практики. В своей попытке разрешить эту трудную задачу автор допускал позаимствование лишь таких положений, которые проверены долголетним опытом и составляют бесспорное и надежное достояние общечеловеческой культуры; он руководствовался при этом глубоким убеждением, что в жизни государственной, как в природе, действительно прочно и жизнеспособно не то, что искусственно составлено, а только то, что естественно выросло, питая свои корни в глубоких слоях родной почвы»[114]. Признание Саломоном за своим проектом компилятивного характера нисколько не умаляет значения данного проекта, поскольку компилятивность отличала проекты, подготовленные не только Харитоновым и Гейденом, но и либеральными государствоведами. М. Вебер, характеризуя проект конституции, разработанный лидерами «Союза Освобождения», упрекал его авторов в том, что проект «совершенно лишен “исторической логики”», поскольку, представляя собой «экстракт из современного интернационального конституционного права», выглядит как «явление “внеисторическое”»[115]. К началу XX в. догматика конституционного права временно стабилизировалась, а потому оригинальное творчество на поприще создания конституционных актов государствоведы полагали возможным только в плоскости комбинирования в одно целое уже проверенных на практике положений, а не конструирования неизвестных ранее норм.

Третий источник проектов Харитонова, Саломона и Гейдена — проекты, подготовленные оппозиционными государствоведами, что вполне объяснимо, если вспомнить о либеральных взглядах этих сановников. Вспоминая, как он «приступил к собиранию материалов, которые могли бы послужить путеводною нитью при составлении проекта новых Основных законов», Харитонов писал: «Я добыл от А.Г. Тимрота (статс-секретаря Государственного совета) привезенный им из-за границы “Проект русской конституции, выработанный группою членов «Союза Освобождения»” (Струве), а затем распорядился отпечатать в Государственной типографии проект (конституции), напечатанный в “Русских ведомостях” 6 июля 1905 г., а также программу конституционно-демократической партии, выра-

[114] Новые материалы. С. 114.

[115] *Вебер М.* К положению буржуазной демократии в России // *Вебер М.* О России. Избранное. М., 2007. С. 14.

ботанную учредительным съездом партии 12—18 октября 1905 г.»[116]. Проекты конституции, составленные лидерами «Союза Освобождения» и под руководством С.А. Муромцева (именно последний проект появился в «Русских ведомостях»), и программу кадетской партии Харитонов характеризовал в другом месте как «материалы, бывшие в виду при составлении проекта № 1»[117]. По нашим наблюдениям, из 65 статей проекта Харитонова 59 (91%) генетически связаны с проектами «Союза Освобождения» и С.А. Муромцева и кадетской программой[118].

Обращение к разработкам лидеров либеральной оппозиции, а не консервативного лагеря (например — В.И. Гурко, члена «Отечественного союза», или С.Ф. Шарапова), свидетельствует о подлинности либерализма не только Харитонова, но и столпов бюрократии. «Экземпляры проекта “Русских ведомостей” и программы конституционно-демократической партии, — вспоминал Харитонов, — для сведения, по поводу пересмотра Учреждений Думы и Государственного совета (узаконения 20 февраля 1906 г.), были мною переданы графу Д.М. Сольскому (на тот момент — председатель Госсовета. — *С.К.*), Э.В. Фришу (вице-председатель Госсовета. — *С.К.*) и И.Я. Голубеву (председатель Департамента гражданских и духовных дел Госсовета. — *С.К.*); по поручению графа Дмитрия Мартыновича экземпляры мною посланы были также графу С.Ю. Витте (председатель Совета министров. — *С.К.*)»[119]. Понятно, что посылая проект и программу столь высокопоставленным лицам, Харитонов заранее знал об их положительной реакции на эти документы. Во всяком случае еще 3 июля 1905 г., во время организованной Саломоном встречи Муромцева с Сольским[120], лидер либеральной оппозиции ознакомил лидера либеральной бюрократии со своим проектом[121]. Имея близкие отношения с Муромцевым по Александровскому лицею, Саломон мог получить от него как проект «Союза Освобождения», так и проект самого профессора Лицея, от Саломона же эти проекты, судя по всему, попали к Гейдену, который, впрочем, имел возможность получить их и от П.А. Гейдена.

---

[116] Новые материалы. С. 98—99.

[117] *Харитонов П.А.* Памятная записка // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 84.

[118] *Куликов С.В.* Бюрократические вариации на оппозиционную тему: источники Основных государственных законов 1906 г. // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2006. Вып. 6. С. 280.

[119] Новые материалы. С. 98—99.

[120] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 43—44.

[121] *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 226.

Какова же структура проектов Харитонова, Саломона и Гейдена? Проект Харитонова состоит из 65 статей и шести глав: 1) Положения общие, 2) Об императорской власти, 3) О правах российских подданных, 4) О законах, 5) О Государственной думе и Государственном совете, 6) О председателе Совета министров, министрах и других должностных лицах. На самом деле статей и глав в этом проекте намного больше, поскольку Харитонов в статье 18 сохранил силу за постановлениями, которые содержались в перечисленных выше главах прежних Основных законов. Таким образом, в развернутом виде проект Харитонова насчитывает 205 статей и 12 глав, включая в себя в качестве второго раздела конституции, Учреждение об Императорской фамилии.

Проект Саломона менее пространен, чем проект Харитонова, поскольку состоит из 88 статей и 12 глав: 1) О верховной власти, 2) О порядке наследия престола, 3) О совершеннолетии императора, правительстве и опеке, 4) О вступлении на престол и о присяге подданства, 5) О священном короновании и миропомазании, 6) О титуле императорского величества и о государственном гербе, 7) Об Императорском доме, 8) О вере, 9) О законах, 10) О правах российских граждан. Проект заканчивается двумя главами — 11 и 12: Об устройстве Государственных палат (т.е. Думы и Государственного совета) и О выборах в Государственные палаты, причем первая из них состоит из 32 статей, имеющих предварительный характер, поскольку к моменту окончания работы над проектом Учреждение законосовещательной Думы и старое Учреждение Госсовета еще не подверглись окончательному пересмотру в Особом совещании Сольского, вторая же из упомянутых глав, по причине незавершенности пересмотра прежнего избирательного закона, вообще оказалась не заполненной статьями.

Как видим, оригинальной чертой проекта Саломона является то, что для наименования совокупности законодательных учреждений он предложил термин «Государственные палаты». Объясняя в «Предисловии» к проекту необходимость этого термина, Саломон писал: «Какое либо общее наименование совершенно необходимо как потому, что при двухпалатной системе народного представительства неизбежно будут случаи совместных заседаний обеих палат, так и потому, что употребление общего термина значительно упростит редакцию Учреждения палат». Понятие «парламент» Саломон «решительно» отвергал как «не русское» и «заключающее в себе намек на парламентарную систему, вводить которую, очевидно, не предполагается». Очевидно, что приведенную мотивацию разделял и Николай II, никогда не называвший Думу парламентом. Употребление по отношению к законодательным учреждениям понятия «Зем-

ский собор» Саломону представлялось «неудобным», ибо прилагательное «земский», по его мнению, «утратило свое древнерусское значение и вошло в сознание народа как обозначение учреждений, вопросов и дел, относящихся к области местного самоуправления». Несомненно, что подобного мнения придерживался и Николай II, отказавшийся от именования высшего представительного органа Земским собором еще на стадии разработки проекта «булыгинской Думы». Полагая, что использование в случае с термином «Государственные палаты» множественного числа «не есть что-либо новое», Саломон ссылался на голландские Генеральные штаты и испанские Кортесы и подчеркивал, что предлагаемое им название народного представительства «вполне русское и с полной точностью обозначает предмет, к которому относится»[122]. Однако термин «Государственные палаты» в официальном лексиконе не прижился.

Подразумевая статьи о палатах, Саломон отмечал, что в них «содержатся, главным образом, только те постановления, которые, по мнению автора, следовало бы внести в Учреждение Государственной думы 6 августа для приведения в исполнение высочайших предначертаний, возвещенных в Манифесте 17 октября. Но так как новый законодательный порядок может быть осуществлен только при двухпалатной системе, то надлежит наметить также, хотя в самых общих чертах, сущность этой системы. Однако таких важных вопросов, как внутреннее устройство Палат, организация их делопроизводства и канцелярий и другое совсем нельзя было затронуть. Отсюда отрывочность и неполнота проектированных правил, которые следует рассматривать не как точно формулированные статьи закона, а как руководящие, принципиальные указания, на основании которых надлежит пересмотреть Учреждение Государственной думы 6 августа; притом не иначе, как в связи с будущим Учреждением Государственного совета»[123]. Несмотря на скромную оценку Саломоном своей работы, в его проекте положения, посвященные Думе и Госсовету, более многочисленны, а потому — и более обстоятельно, чем у Харитонова, определяют их состав, компетенцию, отношения между палатами и между палатами, монархом и министрами.

Наиболее пространным является проект Гейдена, состоящий из 222 статей и двух разделов, первый из которых содержит 115 статей и 11 глав: 1) О верховной власти, 2) О порядке наследия престола, 3) О совершеннолетии императора, о правительстве и опеке, 4) О вступлении на престол и о присяге подданства, 5) О священном короновании и миропомазании, 6) О титуле императорского величества и

[122] Новые материалы. С. 114.
[123] Там же. С. 126—127.

о государственном гербе, 7) О вере, 8) О законах, 9) О составе государства и государственном языке, 10) О правах российских граждан, 11) О Великом княжестве Финляндском. Второй раздел проекта Гейдена включает 97 статей действовавшего Учреждения об Императорской фамилии. В противоположность Харитонову и Саломону у Гейдена отсутствует особая глава о народном представительстве, что, однако, не означало третирования Думы, поскольку ее Учреждению, как и Положению о выборах в нее, граф придал статус основных законов.

Переходя к анализу статей проектов, посвященных Думе и Госсовету, остановимся прежде всего на трактовке их авторами отношений между палатами и монархом (см. таблицу в конце статьи). У Харитонова в законодательстве верховная власть ограничивается однозначно, поскольку царь имеет право законодательствовать исключительно «совместно» с Думой и Госсоветом (ст. 8). У Саломона законодательная власть, хотя и «принадлежит» императору, но «осуществлять» ее он может «не иначе, как чрез Государственные палаты, в порядке, Основными законами установленном» (ст. 4). Очевидно, и здесь ограничение царской власти в законодательстве проводится однозначно. Более того, согласно Саломону, Государственные палаты учреждаются «для участия в осуществлении законодательной власти и в делах высшего государственного управления» (Приложение, ст. 1), т.е. Саломон идет дальше Харитонова, ограничивая монарха не только в законодательстве, но и в управлении, и создавая правовые предпосылки для функционирования парламентарной системы. У Гейдена законодательная власть, как и у Саломона, также «принадлежит» императору, но «осуществляется» им «через Государственную думу, в порядке, Основными законами и Учреждением Государственной думы установленном» (ст. 2). Иными словами, у Гейдена в законодательстве царь ограничивается лишь Думой, а не Госсоветом, который, очевидно, должен был оставаться законосовещательным учреждением, что более соответствует буквальному смыслу Манифеста 17 октября. Ограничение царской власти закрепляется у Харитонова (ст. 47) и Саломона (ст. 50) постановлениями о трех факторах законодательства (две палаты и монарх), чье согласие придает законопроектам силу закона. У Гейдена законопроекты превращаются в законы «по одобрении их Государственной думою и по утверждении их императором» (ст. 52). Следовательно, и в данном случае Госсовет не наделяется законодательными полномочиями. Вместе с тем во всех трех проектах ограничение монарха в законодательстве обеспечивается постановлениями об обусловленности управления законами, изданными в порядке, установленном конституцией (Харитонов — ст. 35, Саломон — ст. 49, Гей-

ден — ст. 50), и о возможности отмены закона только законом (Харитонов — ст. 41, Саломон — ст. 59, Гейден — ст. 71).

В соответствии с идеей ограниченной монархии Харитонов (ст. 5) и Саломон (ст. 1), отказываясь от вековой российской традиции, не применяют по отношению к монарху прилагательные «неограниченный» и «самодержавный». Мотивируя необходимость устранения термина «неограниченный», Саломон писал в «Предисловии» к своему проекту, что он «несовместим с предрешенным Манифестом 17 октября участием Государственной думы в осуществлении законодательной власти». Сложнее обстояло дело с термином «самодержавный», который, не будучи синонимом термину «неограниченный», имеет, по мнению Саломона, «иной характер», указывая «скорее на источник верховной власти, чем на образ действия ее», однако, «во избежание недоразумений», термин «самодержавный» шталмейстер советовал не вводить в новые Основные законы. Наоборот, понятие «самодержец», полагал Саломон, «непременно должно быть сохранено, как драгоценное наследие исторического прошлого России и неотъемлемая принадлежность императорского титула»[124]. Принимая во внимание отмеченное Саломоном отсутствие тождества между прилагательными «неограниченный» и «самодержавный», Гейден убрал только первое из них (ст. 1), отражая несомненно представления не только свои, но и Николая II. Сохранение графом термина «самодержавный» лишний раз доказывает, что именно он является автором соответствующего проекта — шталмейстер, согласно вышеприведенным соображениям, выступил против этого.

Согласно конституционной доктрине, Харитонов — прямо (ст. 43), а Саломон — косвенно, в силу принципа годичности бюджета (Приложение, ст. 20), предоставляют монарху право ежегодных созыва и роспуска Думы и Госсовета, причем Харитонов указывает особо, что сессии обеих палат открываются и закрываются одновременно (ст. 45). В соответствии с той же доктриной, они дают императору и право досрочного роспуска Думы. Однако Харитонов обуславливает реализацию этого права производством выборов в новую Думу в течение четырех месяцев и ее созывом не позднее 6 месяцев со дня роспуска предыдущей и объявлением времени выборов и созыва в том же указе, которым распускается прежняя Дума (ст. 44). С другой стороны, если Харитонов, ориентируясь на конституционную традицию, не ограничивает суверена относительно избрания повода для досрочного роспуска, то Саломон перечисляет определенные случаи, когда царь может обратиться к роспуску: невозможность консенсуса между палатами по законопроектам, бюд-

[124] Новые материалы. С. 111.

жету или новым основным законам (Приложение, ст. 18, 19 и 23) — еще одно доказательство того, что Саломон идет дальше Харитонова в обеспечении за Государственными палатами первенствующего положения в политической системе Российской империи. Гейден вообще не упоминает о досрочном роспуске Думы — очевидно, подразумевая, что о нем будет сказано в ее Учреждении.

Как и в остальных конституциях, во всех трех проектах императору дается право абсолютного вето (Харитонов — ст. 10, 47, Саломон — ст. 50, Гейден — ст. 52) и право законодательной инициативы (Харитонов — ст. 9, Саломон — ст. 50, Приложение, ст. 12, Гейден — ст. 52), точнее — директор Лицея предоставляет это право министрам, действующим от имени монарха, а начальник Военно-походной канцелярии — «подлежащим государственным учреждениям», действующим «по высочайшему повелению». Только в проекте Харитонова царь наделяется правом издания, при перерыве в деятельности народного представительства, провизорных (временных) законов и тем самым закладываются юридические предпосылки для чрезвычайно-указного права (ст. 49). Важно отметить, что провизорным законом, согласно Харитонову, нельзя изменять лишь Основные законы, относительно же изменения таким путем учреждений Думы и Госсовета и положений о выборах в палаты ничего не говорится. Статья 49 (в окончательной редакции конституции 1906 г. — статья 87) попала в харитоновский проект из «Основных положений преобразования Государственного совета», сама же по себе была скопирована, по сведениям А.П. Извольского, «со знаменитой статьи 14 австрийской конституции»[125]. Однако статьи, аналогичные статьям 49 и 87, содержали также конституции Аргентины, Бадена, Болгарии, Бразилии, Дании, Испании, Италии, Норвегии, Португалии, Пруссии, Саксонии, Турции, Черногории и Японии. Кадет С.А. Котляревский считал, что статья 87 «не представляет чего-нибудь своеобразного» и ее включение в Основные законы «достаточно объясняется примером европейских конституционных норм»[126]. Очевидно, пресловутая статья полностью соответствует конституционной традиции начала XX в. и, как таковая, не имеет антидумского характера.

Больший либерализм Саломона проявился в том, что, в отличие от Харитонова и Гейдена, шталмейстер существенно изменяет содержание главы о совершеннолетии царя, регентстве и опеке, заме-

---

[125] *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 141.

[126] *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов // *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 245.

нив несколько старых статей новыми, поскольку, писал Саломон в «Предисловии», старыми Основными законами «не предвиден случай, когда у малолетнего императора совсем нет родственников, могущих принять на себя правительство и опеку, или же когда наличные родственники находятся в болезненном состоянии, устраняющем или ограничивающем дееспособность»[127]. В указанных случаях регент и опекун избираются «Общим присутствием» Думы и Госсовета (ст. 29) путем использования особой процедуры (ст. 30), причем избранный таким образом регент должен поклясться в «Общем присутствии» «свято наблюдать Основные законы» (ст. 31). Кроме того, весьма характерно, что у Саломона во время обряда коронования и миропомазания первенствуют депутаты Думы и члены Госсовета, а не «высшие гражданские и военные чины» (ст. 38). Во всех этих статьях, как и в рассмотренных выше, наблюдается стремление Саломона к сочетанию принципа монархического суверенитета, согласно которому вся государственная власть исходит от монарха, и принципа народного суверенитета, по которому источником всей власти считается народ.

Прежде чем обратиться к анализу полномочий палат в учредительной власти, т.е. в области создания основных законов, посмотрим, какие именно постановления Харитонов, Саломон и Гейден отнесли к основным законам. У Харитонова основные законы составляют только статьи его проекта — учреждения Думы и Госсовета и положения о выборах в палаты подобного статуса не получили (ст. 49). Иной точки зрения придерживается Саломон, который в «Предисловии» писал: «В Основные законы должны входить как Учреждение Государственных палат, так равно и Положение о выборах в оные»[128]. Действительно, и Учреждение, и Положение Саломон, соответственно конституционной традиции, причисляет к основным законам (Приложение, ст. 10), закрепляя в конституции содержание Учреждения (Приложение, ст. 7) и Положения (Приложение, ст. 9). Гейден, в отличие от Саломона, придает статус основных законов лишь Учреждению Думы (но не Госсовета!) и Положению о выборах только в нее (ст. 53). Следовательно, линию на отлучение Госсовета от законодательной власти граф проводил весьма последовательно.

Насколько же широки в рассматриваемых проектах права народного представительства в учредительной власти? У Харитонова обе палаты получают право инициативы пересмотра всех основных законов, помимо постановлений, содержащихся во второй главе, об

[127] Новые материалы. С. 112.
[128] Там же. С. 111.

императорской власти, в следующих шести главах, взятых из старых Основных законов, и в Учреждении об Императорской фамилии — эти постановления подлежат пересмотру Думы и Госсовета «с соизволения» царя (ст. 9, 51), однако — в обычном, а не усложненном, законодательном порядке. Саломон также предоставляет Государственным палатам, наряду с Советом министров (действующим «с соизволения императора»), инициативу пересмотра всех основных законов, однако полностью бронирует для трех факторов законодательства, в том числе для царя, изменение первых шести глав проекта — «тех из сих законов, коими определяется монархическое устройство Российской империи». Пересмотр постановлений седьмой главы саломоновского проекта, об Императорском доме, и Учреждения об Императорской фамилии, за исключением его статей относительно содержания ее членов, должен производиться «не иначе, как по указанию императора» (Приложение, ст. 21). В отличие от Харитонова Саломон детально разработал механизм изменения Основных законов (Приложение, ст. 22—25), намереваясь отнести российскую конституцию к классу ригидных (малоподвижных) конституций, пересмотр которых подразумевает особый, усложненный законодательный порядок. Гейден вообще не предусматривает наделение Думы правом инициативы в области учредительной власти, наделив данным правом только царя (ст. 53). Тем самым в основание конституции окончательно полагается принцип монархического, а не народного суверенитета резко отличающий в этом смысле проект Гейдена от проектов Харитонова и Саломона. Впрочем, не в пример последнему, у Гейдена пересмотр Основных законов должен производиться в обычном законодательном порядке.

Рассматривая права Думы и Госсовета в законодательстве, необходимо отметить, что Харитонов (ст. 9, 51) и Саломон (ст. 50) наделяют палаты правом законодательной инициативы, причем у шталмейстера для законопроекта, инициированного Госсоветом, требуется поддержка 15, а Думой — 30 человек (Приложение, ст. 13). Гейден дает право законодательной инициативы только Думе (ст. 52), но не Госсовету — лишнее доказательство того, что граф являлся сторонником сохранения за последним законосовещательного характера.

В полном соответствии с конституционной традицией Харитонов (ст. 48) и Саломон (Приложение, ст. 16) ограничивают право законодательной инициативы в том смысле, что инициированные Думой или Госсоветом законопроекты, не получившие их одобрения или царского утверждения, не должны вноситься в палаты в течение той же сессии. Соответствует указанной традиции и другое ограничение — в области финансового законодательства, относи-

тельно цивиль-листа, т.е. суммы, ежегодно отпускаемой из казны на содержание монарха и его Двора. У Харитонова цивиль-лист фиксируется на уровне 1906 г. и может изменяться Думой и Госсоветом только с «соизволения» монарха (ст. 17). У Саломона цивиль-лист определяется Государственными палатами в начале каждого царствования и также не может изменяться ими «без согласия» царя (Приложение, ст. 20). Гейден статьи о цивиль-листе в свой проект не включил.

Серьезной новацией Саломона стало подробное определение компетенции Думы и Госсовета, причем она распространяется не только на законодательство, но и на управление и является более широкой, чем у «булыгинской Думы» и Думы, существовавшей в 1906—1917 гг., поскольку ведению Государственных палат подлежали, помимо прочего: 1) договоры мирные, торговые и связанные с государственными обязательствами, с изменением имперских границ или внутренних законов, 2) сложение недоимок и казенных взысканий (Приложение, ст. 11) и 3) установление военного положения вне района военных действий (ст. 87). В проекте Харитонова компетенция народного представительства простирается только на внешнюю политику (ст. 3, 11). В свою очередь, Гейден предоставляет Думе право толкования законов (ст. 52), чего нет ни у Харитонова, ни у Саломона.

Распространяя компетенцию народного представительства на управление, Харитонов (ст. 50) и Саломон (Приложение, ст. 26) предоставляют палатам право приема петиций. В харитоновском проекте Думе и Госсовету вменяется осуществление надзора за законномерностью действий правительственных властей (ст. 53), в связи с чем, как и в других конституциях, палатам дается право производства расследований посредством парламентских комиссий (у Харитонова — ст. 54, у Саломона — Приложение, ст. 27), право запросов (интерпелляций) (Харитонов — ст. 52, Саломон — Приложение, ст. 28) и вопросов, адресованных министрам (Харитонов — ст. 55). У Гейдена аналогичные постановления отсутствуют — очевидно, граф довольствовался тем, что они будут в Учреждении Думы, приравненном Гейденом к Основным законам.

По-разному авторы проектов решили вопрос о политической ответственности правительства. В конституции Харитонова министры коллективно ответствуют «за общий ход государственного управления» (ст. 63), но перед кем или чем именно — тактично умалчивается. Очевидно, что в данном случае речь идет о политической ответственности правительства перед палатами, т.е. парламентарной системе. Саломон и здесь идет дальше Харитонова и прямо вводит особые статьи о политической ответственности министров «пред

императором и Государственными палатами» (ст. 5) и даже перед одним народным представительством (Приложение, ст. 30). Подобное формальное закрепление политической ответственности правительства перед палатами имелось в то время только в конституционных актах Французской республики! Таким образом, идею парламентаризма Саломон проводит более откровенно, чем Харитонов, недвусмысленно ограничивая царя и в законодательстве, и в управлении. Юридические предпосылки для формирования парламентского кабинета создают постановления о недопустимости одновременного членства в Думе и Госсовете (у Харитонова — ст. 57, у Саломона — Приложение, ст. 5), о совместимости должности министра со званиями депутата Думы и члена Госсовета (у Харитонова — ст. 61, у Саломона — Приложение, ст. 6) и о праве министров-парламентариев голосовать в палатах (Харитонов — ст. 62). Кроме того, руководящую роль главы парламентского кабинета Саломон подчеркивает тем, что законопроект, одобренный палатами, именно премьер-министр должен передавать монарху на его утверждение (Приложение, ст. 15). Гейден оставляет за императором «власть управления во всем ее пространстве» (ст. 3), учреждая не парламентарную, а дуалистическую систему и еще более однозначно противопоставляя принципу народного суверенитета принцип суверенитета монархического.

Компетенция народного представительства в области суда Харитоновым (ст. 65) и Саломоном (Приложение, ст. 31) трактуется, соответственно конституционной традиции, в смысле судебной ответственности министров перед Думой и Госсоветом, причем, согласно Саломону (Приложение, ст. 32), инициатива помилования осужденного министра может исходить только от палаты, предавшей его суду. В проекте Гейдена о судебной ответственности министров перед народным представительством ничего нет.

Определяя отношения между Думой и Госсоветом, Харитонов (ст. 46) и Саломон (Приложение, ст. 12, 14), подобно авторам зарубежных конституций, проводят принцип равноправия палат с тем отличием, что первый вносит оговорку о рассмотрении законопроекта, инициированного министрами или думцами, вначале в Думе, второй же — закрепляет первенство нижней палаты в сфере финансового законодательства. Кроме того, у Саломона Дума и Госсовет могут заседать как отдельно, так и в «некоторых, указанных законом случаях», совместно, образуя «Общее присутствие» (Приложение, ст. 2). В противоположность Харитонову и Саломону Гейден отрицает равноправие палат, утверждая тем самым примат Думы над Госсоветом (ст. 54) и фактически учреждая однопалатную систему, поскольку мнения законосовещательного Госсовета не имели бы для

царя обязательной силы. В отличие от Харитонова и Гейдена Саломон детально разработал механизм разрешения конфликтов между палатами по поводу законопроектов (Приложение, ст. 17, 18) и бюджета (Приложение, ст. 19). Только Саломон вводит статьи о составе Госсовета (Приложение, ст. 3) и Думы (Приложение, ст. 4). Харитонов особое внимание уделяет обеспечению автономии народного представительства, оставляя проверку полномочий депутатов Думы и членов Госсовета за палатами (ст. 56), не допуская получения думцами и выборными членами верхней палаты чинов, орденов и «денежных выдач» от казны (ст. 58) и предоставляя им судебный иммунитет (ст. 59). Автономию народного представительства Саломон распространяет на поддержание внутреннего порядка и за стены Думы и Госсовета, на прилегающую к ним территорию (Приложение, ст. 8). Постановления об автономии Думы у Гейдена отсутствуют, поскольку они, следуя логике графа, должны были содержаться в ее Учреждении.

Рассмотрение постановлений проектов Харитонова (№ 1), Саломона (№ 2) и Гейдена (№ 3) о Думе и Госсовете показывает, что в идеологическом отношении более либеральным из них является второй, более консервативным — третий, занимающим «золотую середину» — первый, который к тому же вышел из-под пера выдающихся кодификаторов. Вероятно, поэтому проект Харитонова сразу занял лидирующее положение. «Э.В. Фриш, которому я показывал проекты № 2 и № 3, — вспоминал Харитонов, — назвал их “любительскими”». Но Фриш был явно субъективен, оценивая работу своего давнего протеже. Сольский, которому 18 декабря 1905 г. Николай II передал проекты для дачи по ним заключения, оказался объективнее: 9 января 1906 г., по свидетельству Харитонова, граф просил императора разрешить ему «обменяться мыслями по проектам» (а не проекту!) с высшими чинами Госканцелярии и в том числе с Саломоном[129]. Показательно и другое — Николай II, хотя и отдавал явное предпочтение проекту Харитонова, тем не менее в известной мере принял во внимание и мнение председателя Госсовета. «Сообщенный мне Вашим императорским величеством проект Основных государственных законов, — подразумевая харитоновский проект, напоминал Сольский царю 10 февраля 1906 г., — вместе с двумя другими по тому же предмету проектами, с высочайшего Вашего величества соизволения, был передан мною государственному секретарю и им обсужден совместно с товарищем государственного секретаря (т.е. Харитоновым. — *С.К.*) и старшими чинами Государствен-

[129] Новые материалы. С. 99.

ной канцелярии, при участии сенатора Гарина»[130]. Проект Харитонова — «для обмена мнений» и проекты Саломона и Гейдена — «для соображений»[131] государственный секретарь Икскуль-фон-Гильденбандт разослал участникам Совещания высших чинов Госканцелярии, созванного по повелению Николая II, состоявшегося 14 января 1906 г. на квартире Икскуля и имевшего целью обсуждение проекта Харитонова[132]. По итогам обсуждения и после учета последующих замечаний участников Совещания 14 января, а также Сольского, харитоновский проект получил известность как проект Госканцелярии. В марте 1906 г. именно он рассматривался Советом министров под председательством Витте, а в апреле, в переработанном виде, — Особым совещанием под председательством Николая II.

В какой же степени спроектированные Харитоновым, Саломоном и Гейденом постановления относительно Думы и Госсовета повлияли на содержание проекта Госканцелярии? Прежде всего необходимо отметить, что в этом проекте, как и в проекте Саломона, при перечислении палат в названии соответствующей главы и в статьях о них первенство отдается Госсовету, а не Думе, чем окончательно утверждается двухпалатная система.

При определении отношений палат и монарха, как видно из таблицы, в статью харитоновского проекта об осуществлении царем законодательной власти (она корреспондирует с аналогичными статьями двух других проектов) слово «совместно» заменяется более решительным выражением «в единении» (ст. 8). Более решительную редакцию, по сравнению с рассмотренными проектами, получает и статья о трех факторах законодательства (ст. 40). Вместе с тем из этих проектов переходят постановления об обусловленности управления законами (ст. 38) и о возможности отмены закона только законом (ст. 48), усиленные, однако, внесением особого постановления о падении законопроекта в случае непринятия его Госсоветом и Думой (ст. 54). Следовательно, ограничение царской власти в законодательстве в проекте Госканцелярии проводится не менее однозначно, чем у Харитонова, Саломона и Гейдена, а потому в постановлении об императоре как носителе верховной власти отсутствуют прилагательные «неограниченный» и «самодержавный», хотя

[130] Всеподданнейший доклад графа Д.М. Сольского. 10 февраля 1906 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 385.

[131] Ю.А. Икскуль-фон-Гильденбандт — П.А. Харитонову. 12 января 1906 г. // Там же. Л. 160.

[132] Подробнее о Совещании см. нашу публикацию: Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть. Источники. Исследования. Рецензии. С. 30—31.

и добавлено, по совету Саломона, выражение «самодержец Всероссийский» (ст. 5), являющееся в данном контексте только титулом.

В статью из проекта Харитонова о ежегодном созыве и закрытии Думы указами монарха слово «закрываются» заменяется, согласно терминологии Саломона, более удачным в редакционном смысле, словом «распускаются» (ст. 50). В то же время, в отличие от упомянутых проектов реализация царем права досрочного роспуска Думы обуславливается более абстрактно — только тем, что в указе о роспуске должно назначаться время новых выборов в нижнюю палату и ее созыва (ст. 51). Опущена также статья из харитоновского проекта об одновременном открытии и закрытии самодержцем сессий законодательных учреждений, при сохранении за ним права абсолютного вето (ст. 10, 40) и права законодательной инициативы (ст. 9).

Существенным изменениям подверглось постановление Харитонова о чрезвычайно-указном праве. Во-первых, провизорные законы могут издаваться «во время прекращения занятий» Думы, а не «в перерыв сессий» Думы и Госсовета, во-вторых — по инициативе не императора, а Совета министров, в-третьих — устраняются оговорки Харитонова о невозможности таким путем отчуждать государственные имущества и о контрассигнации чрезвычайных указов премьер-министром, в-четвертых — добавляются фразы о нераспространении этих указов на учреждения палат и положения о выборах в них и о праве министров вносить в Думу не сам указ, а соответствующий ему законопроект (ст. 41). Дякин полагал, что устранение оговорки о контрассигнации чрезвычайных указов и предоставление министрам упомянутого права «существенно расширяли возможности маневра для исполнительной власти», позволяя ей «публиковать чрезвычайные указы за скрепой любого министра и видоизменять их перед внесением в Думу в зависимости от предвидимой реакции на проведенный без ее согласия указ»[133]. Однако с этим трудно согласиться: остальные поправки суживают прерогативы монарха и сферу применения временных законов, которые по-прежнему обретают силу постоянных законов только после одобрения их законодательными учреждениями.

Если где полномочия народного представительства и подвергаются некоторому умалению, так это в области учредительной власти, поскольку, по проекту Госканцелярии, Дума и Госсовет лишаются инициативы пересмотра Основных законов (ст. 9), оставляемой, согласно проекту Гейдена, «единственно императорскому величеству» (ст. 52). Вместе с тем учреждения палат и положения о

[133] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 246.

выборах в них получают, как у Саломона и Гейдена, статус основных законов (ст. 41), пересмотр которых, хотя и производится лишь по инициативе царя, но с непременным участием Госсовета и Думы.

В области обычного законодательства проект Госканцелярии, следуя за Харитоновым и Саломоном, наделяет обе палаты правом законодательной инициативы (ст. 52) и правом участия в определении государственных границ (ст. 3), но выводит за пределы их компетенции одобрение международных договоров (ст. 11). Некоторое ограничение законодательной инициативы Госсовета и Думы сказывается в дополнении соответствующего постановления проектов Харитонова и Саломона фразой о разрешении, в случае «высочайшего повеления», вносить законопроекты, инициированные и отклоненные одной из палат, на их рассмотрение в ту же сессию (ст. 56). Ограничительная тенденция проявляется и в вопросе о цивиль-листе, который, вопреки Харитонову и Саломону, должен изменяется независимо от народного представительства, согласно Учреждению об Императорской фамилии и переменам в ее составе, причем возбуждение вопроса об изменении цивиль-листа по другим причинам обуславливается не просто «соизволением», но «почином» императора (ст.18). С другой стороны, вопреки Саломону, представление царю законопроектов, одобренных палатами, поручается председателю Госсовета (ст. 55), что способствует упрочению конституционного принципа бикамерализма (двухпалатности).

Некоторому ограничению полномочия народного представительства подвергаются и в управлении. Статьи Харитонова и Саломона о парламентских расследованиях и о вопросах, адресованных министрам (Харитонов), опускаются, статья же о праве палат принимать петиции изменяется в абсолютно противоположном смысле (ст. 57). Постановления Харитонова и Саломона о праве запросов также сужаются, поскольку запросы Госсовета и Думы могут адресоваться только министрам, подчиненным Сенату, и лишь по поводу их незакономерных действий (ст. 58). В то же время статья Харитонова и Саломона о коллективной ответственности министров дополняется взятой у них же фразой об индивидуальной ответственности каждого из министров (ст. 64), причем, как и в харитоновском проекте, не уточняется — перед кем или чем именно. Следовательно, подобно проекту Харитонова, проект Госканцелярии подразумевает установление парламентарной системы, т.е. политической ответственности министров перед палатами, тем более что в этом проекте, как у Харитонова и Саломона, запрещается одновременное членство в Госсовете и Думе (ст. 60), разрешается совмещение членства в палатах и министерского поста (ст. 62) и сохраняется, как у Харитонова, право голоса за министрами-парламентариями (ст. 63). Пе-

речисленные постановления создают формальные предпосылки для образования парламентского кабинета.

Полномочия народного представительства в области суда в проекте Госканцелярии изменяются наиболее заметно, поскольку судебная ответственность министров перед палатами проводится, согласно Саломону, менее определенно (ст. 65). При этом сохраняются, в соответствии с проектом Харитонова, принцип равенства прав Госсовета и Думы в законодательстве (ст. 53) и право палат проверять полномочия своих членов (ст. 59) и опускаются статьи Харитонова о невозможности награждения депутатов Думы и выборных членов Госсовета чинами и о депутатской неприкосновенности.

Таким образом, 26 статей о палатах проекта Госканцелярии генетически связаны с 23 статьями проекта Харитонова, 31 — проекта Саломона, 9 — проекта Гейдена и только одно постановление (ст. 54) является совершенно новым. Как у Харитонова и Саломона, в проекте Госканцелярии идеал парламентарной монархии, подразумевающий ограничение главы государства в законодательстве и управлении, хотя и подвергается известной вуалировке, по-прежнему остается краеугольным камнем новых Основных законов. Однако, в соответствии с проектом Гейдена, принцип монархического суверенитета, сочетаемый с принципом народного суверенитета, воплощается более выпукло по причине предоставления учредительной инициативы только монарху. Тем не менее, передавая мнение Витте, Б.Б. Глинский писал о «новой, в высшей степени либеральной кодификации» Основных законов, сделанной высшими чинами Госканцелярии, которая «могла до известной степени удовлетворить требованиям даже партии народной свободы (к[а]д[етов])»[134]. Приведенное мнение полностью соотносится с выводом кадетского государствоведа В.М. Гессена о том, что проект Госканцелярии представляет собой «типичную конституцию западноевропейского образца, лишенную каких бы то ни было национально-бытовых особенностей»[135]. Подобный результат явился следствием использования при создании новых Основных законов проектов Харитонова, Саломона и Гейдена, статьи которых о Думе и Госсовете во многом обусловили их полномочия, закрепленные в окончательной редакции конституции 1906 г.

---

[134] *Глинский Б.Б.* К вопросу о титуле «самодержец» (Из истории кодификации Основных законов в 1906 г.) // Исторический вестник. 1913. Февраль. С. 576—577.

[135] *Гессен В.М.* Четыре редакции (К истории текста Основных законов) // Право. 1916. № 22. Стб. 1321.

Влияние статей о Государственной думе и Государственном совете проектов П.А. Харитонова, А.П. Саломона и графа А.Ф. Гейдена на проект Государственной канцелярии

Проект П.А. Харитонова (№ 1)	Проект А.П. Саломона (№ 2)	Проект гр. А.Ф. Гейдена (№ 3)	Проект Государственной канцелярии
См. ниже: ст. 5.	1. Император и самодержец Всероссийский есть монарх Божиею милостию. Повиноваться верховной Его власти не токмо за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает.	1. Император Всероссийский есть монарх самодержавный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает.	*См. ниже: ст. 5.*
3. Государственные границы могут быть изменены не иначе, как на основании особого о том закона.	*См. ниже: Приложение, ст. 11, е).*	*Нет.*	3. Государственные границы могут быть изменены не иначе, как на основании особого о том закона.
5. Верховная власть в Российской империи принадлежит Государю императору.	*См. выше: ст. 1.*	*См. выше: ст. 1.*	5. Государю императору, самодержцу Всероссийскому, принадлежит верховная в государстве власть.
8. Законодательная власть осуществляется Государем императором совместно с Государственною думою и Государственным советом.	4. Власть законодательная принадлежит императору и осуществляется им не иначе, как чрез Государственные палаты, в порядке, Ос-	2. Законодательная власть принадлежит императору и осуществляется им через Государственную думу, в порядке, Основными зако-	8. Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственною думою.

	новными законами установленном. *См., также, ниже: Приложение, ст. 1.*	нами и Учреждением Государственной думы установленном.	
9. Законодательный почин принадлежит Государю императору. Государственной думе и Государственному совету законодательный почин предоставляется на основаниях, в ст. 51 указанных.	*См. ниже: ст. 50.*	*См. ниже: ст. 52.*	9. Государю императору принадлежит почин по всем предметам законодательства.
11. Государю императору принадлежит власть верховного управления. Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами. Договоры, кои сопряжены с обязательствами для государственной казны или исполнение которых требует изменения либо дополнения действующих законов, воспринимают силу не прежде, как по одобрении их Государственною думою и Государственным советом.	5. Власть управления принадлежит императору. Он назначает и увольняет министров, Совет министров составляющих, а также дипломатических представителей Российской империи в иностранных государствах. Министры ответственны пред императором и Государственными палатами.	3. Власть управления во всем ее пространстве принадлежит императору. В управлении верховном власть Его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелению. Пределы управления подчиненного, образ его-действия, степень и пределы власти, оному вверяемой, во всех вообще установлениях, как высших го-	11. Государю императору принадлежит власть верховного управления. Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами.

		сударственных, так и низших, им подведомых, определяются подробно в учреждениях и уставах сих установлений.	
17. На расходы по Министерству Императорского двора отпускается ежегодно из государственных средств особая сумма в размере ассигнования по государственной росписи на 1906 г. Вопрос об изменении размера этой суммы не может быть возбуждаем ни Государственною думою, ни Государственным советом без соизволения Государя императора.	*См. ниже: Приложение, ст. 20*	*Нет.*	18. На расходы по Министерству Императорского двора отпускается ежегодно из государственных средств особая сумма в размере ассигнования на этот предмет по государственной росписи на 1906 г. Ассигнование это изменяется согласно постановлениям Учреждения об Императорской фамилии, соответственно переменам в составе оной. Вопрос об изменении размера указанной суммы по каким бы то ни было иным основаниям может быть возбуждаем не иначе, как по почину Государя императора.
Нет.	29. Когда у малолетнего императора совсем нет совершеннолетних родственников, или же наличные род-	*Нет.*	*Нет.*

	ственники находятся в таком болезненном состоянии, которое, по российским гражданским законам, устраняет или ограничивает дееспособность, правитель и опекун избирается Государственными палатами в Общем их присутствии, созываемом нарочито для сей цели Советом министров, немедленно по восшествии на престол малолетнего императора		
Нет.	30. Государственные палаты в Общем присутствии избирают, сперва закрытыми записками, относительным большинством голосов, десять кандидатов. Засим каждый из кандидатов баллотируется шарами. Избранным считается получивший абсолютное большинство голосов.	*Нет.*	*Нет.*
Нет.	31. Немедленно по избрании правитель дает в Общем присутствии Государственных палат торжественное	*Нет.*	*Нет.*

	обещание свято наблюдать Основные законы Империи. До принесения таковой присяги государством управляет Совет министров.		
Нет.	38. Священный обряд коронования и миропомазания совершается в московском Успенском соборе в присутствии Государственных палат, а также высших гражданских и военных чинов Империи, сословий и лиц, по высочайшему назначению к сему призываемых. Коронование императоров Всероссийских, как царей Польских, заключается в одном и том же священном обряде.	*Нет.*	*Нет.*
35. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сими Основными законами установленном.	49. Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, издаваемых в порядке, Основными законами установленном.	50. Российская империя управляется на твердых основаниях положительных законов, от верховной власти исходящих и в порядке, установленном Основными законами, издаваемых.	38. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сими Основными законами установленном.
41. Закон не может быть отменен иначе, как толь-	*См. ниже: ст. 59.*	*См. ниже: ст. 71.*	*См. ниже: ст. 48.*

ко силою закона.			
См. выше: ст. 9; ниже: ст. 47.	50. Предначертания законов составляются по высочайшему повелению, или же приемлют начало от Государственных палат, и не иначе получают силу закона, как по одобрении их Государственными палатами и по утверждении императором, за собственноручным Его императорского величества подписанием.	52. Предначертания законов, а равно их изменение, дополнение и пояснение составляются подлежащими государственными учреждениями по высочайшему повелению или же приемлют начало от Государственной думы и не иначе получают силу закона, как по одобрении их Государственной думою и по утверждении их императором за собственноручным Его императорского величества подписанием.	40. Никакой закон не может иметь своего совершения без утверждения императорского величества и восприять силу без одобрения Государственного совета и Государственной думы.
См. ниже: ст. 49.	*Нет.*	*Нет.*	41. Но во время прекращения занятий Государственной думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет министров представляет о ней императорскому величеству непосредственно. Мера эта не может, однако, вносить изменений ни

			в Основные государственные законы, ни в учреждения Государственного совета или Государственной думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим министром или главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную думу, в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы, соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная дума или Государственный совет.
См. выше: ст. 41.	59. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.	*См. ниже: ст. 71.*	48. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.
См. ниже: ст. 51.	*См. ниже: Приложение, ст. 21–25.*	53. Основные государственные законы Империи, а также Учреждение Государственной думы и Положение о выборах в Государственную думу могут быть предметом законода-	*См. ниже: ст. 52.*

		тельного пересмотра не иначе, как по указанию или с соизволения императора.	
См. ниже: ст. 46.	*См. ниже: Приложение, ст. 12.*	54. Все законодательные предположения рассматриваются сперва в Государственной думе, а затем в Государственном совете порядком, в учреждениях сих установлений определенным.	*См. ниже: ст. 53.*
См. выше: ст. 41.	*См. выше: ст. 59.*	71. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона.	*См. выше: ст. 48.*
Нет.	86. Вне района военных действий военное положение может быть вводимо не иначе как посредством издания о том особого каждый раз закона и на срок не более шести месяцев.	*Нет.*	*Нет.*
43. Государственная дума и Государственный совет ежегодно созываются и закрываются указами Государя императора.	*См. ниже: Приложение, ст. 20.*	*Нет.*	50. Государственный совет и Государственная дума ежегодно созываются и распускаются указами императорского величества.
Нет.	Приложение, 1. Государственные палаты учрежда-	*Нет.*	*Нет.*

	ются для участия в осуществлении законодательной власти и в делах высшего государственного управления.		
44. Государственная дума до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов может быть распущена указом Государя императора с тем, чтобы новые выборы были произведены в течение четырех месяцев и чтобы Дума в новом составе была созвана не позднее, как чрез шесть месяцев со дня ее распущения. Сроки выборов и созыва Думы должны быть обозначены в том же указе, коим распускается Дума.	*См. ниже: Приложение, ст. 18, 19, 23.*	*Нет.*	51. Государственная дума может быть, до истечения пятилетнего срока полномочий ее членов, распущена указом императорского величества. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва.
Нет.	Приложение, 2. Государственные палаты суть: Государственный совет и Государственная дума. Каждая из сих палат заседает отдельно, кроме некоторых, указанных законом, случаев, когда обе палаты соеди-	*Нет.*	*Нет.*

	няются в Общее присутствие.		
45. Сессии Государственной думы и Государственного совета открываются и закрываются одновременно.	*Нет.*	*Нет.*	*Нет.*
Нет.	Приложение, 3. Государственный совет состоит из членов по должности, каковы суть: митрополиты санкт-петербургский, московский и киевский и экзарх Грузии, митрополит Римско-католических церквей, евангелический лютеранский епископ и католик армян; членов пожизненных, назначаемых по непосредственному усмотрению императорского величества, и членов по выбору, избираемых губернскими земскими собраниями, городскими думами некоторых крупнейших городов, советами некоторых высших ученых учреждений Империи и некоторыми	*Нет.*	*Нет.*

	главнейшими биржевыми комитетами.		
Нет.	Приложение, 4. Государственная дума состоит из государственных гласных, избираемых населением Российской империи.	*Нет.*	*Нет.*
См. ниже: ст. 51.	*См. ниже: Приложение, ст. 11, 21—25.*	*См. выше: ст. 53.*	52. Государственному совету и Государственной думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных государственных законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно императорскому величеству.
46. Законодательные предположения вносятся сперва в Государственную думу, а затем передаются в Государственный совет, в коих рассматриваются порядком, в учреждении сих установлении опреде-	*См. ниже: Приложение, ст. 12.*	*См. выше: ст. 54.*	53. Законодательные предположения рассматриваются в Государственной думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину

ленным. Законодательные предположения по вопросам, возбужденным Государственным советом, вносятся сперва в Совет, а затем передаются в Думу.			Государственного совета, рассматриваются в Совете и, по одобрении им, поступают в Думу.
Нет.	*Нет.*	*Нет.*	54. Законопроекты, не принятые Государственным советом или Государственною думою, признаются отклоненными.
Нет.	*См. выше: Приложение, ст. 15.*	*Нет.*	55. Законопроекты, поступившие в Государственную думу и одобренные как ею, так и Государственным советом, равно как законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета и одобренные как им, так и Государственною думою, представляются императорскому величеству председателем Государственного совета.
См. ниже: ст. 48.	*См. ниже: ст. 16.*	*Нет.*	56. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и не

			удостоившиеся высочайшего утверждения, не могут быть внесены на законодательное рассмотрение в течение той же сессии. Законопроекты, предначертанные по почину Государственного совета или Государственной думы и отклоненные одним из сих установлений, могут быть вносимы на законодательное рассмотрение в течение той же сессии, если последует высочайшее на то повеление.
См. ниже: ст. 50.	*См. ниже: Приложение, ст. 26.*	*Нет.*	57. В Государственный совет и в Государственную думу воспрещается являться депутациям, а также представлять словесные или письменные заявления и просьбы.
См. ниже: ст. 52, 53.	*См. ниже: Приложение, ст. 28.*	*Нет.*	58. Государственному совету и Государственной думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к министрам и главно-

			управляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему сенату, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незакономерными.
См. ниже: ст. 56.	*Нет.*	*Нет.*	59. Государственный совет проверяет полномочия своих членов по выборам. Равным образом Государственная дума проверяет полномочия своих членов.
См. ниже: ст. 57.	Приложение 5. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом обеих Государственных палат. Кто, состоя членом одной из палат, принимает избрание или назначение в состав другой палаты, тот, тем самым, слагает с себя прежнее полномочие.	*Нет.*	60. Одно и то же лицо не может одновременно быть членом Государственного совета и членом Государственной думы.
См. ниже: ст. 61, 62.	Приложение, 6. Член которой либо из палат, будучи назначен министром, не вы-	*Нет.*	*См. ниже: ст. 62, 63.*

	бывает из числа членов той палаты и по увольнении от должности министра ранее истечения срока своих полномочий не нуждается в переизбрании, но в занятиях палаты он принимает участие не как член оной, а исключительно как министр.		
Нет.	Приложение, 7. Число членов Государственных палат по высочайшему назначению и по выбору, сроки полномочий выборных членов, основы избирательного права, обязанность, права и преимущества членов Государственных палат, внутреннее устройство сих палат, порядок их созыва, занятий и распущения, продолжительность их собраний (сессий), наименование, служебные обязанности и права состоящих при Государственных палатах должностных лиц, состав и устройство канцелярий палат определяются Учрежде-	*Нет.*	*Нет.*

	нием Государственных палат.		
Нет.	Приложение, 8. Отведенные палатам за счет государственной казны для занятий здания с прилегающею к ним местностью до черты, установленной особым законом, состоят в исключительном распоряжении самих палат. Предназначенная для охраны внутреннего порядка в палатских зданиях особая стража подчинена председателям палат, по принадлежности.	*Нет.*	*Нет.*
Нет.	Приложение, 9. Условия и порядок производства выборов государственных гласных и членов Государственного совета определяются Положением о выборах в Государственные палаты.	*Нет.*	*Нет.*
Нет.	Приложение, 10. Учреждение Государственных палат и Положение о выборах в оные причисляются к Основным законам и имеют	*См. выше: ст. 53.*	*См. выше: ст. 41.*

	одинаковую с ними законную силу (ст. 21—25).		
См. выше: ст. 3; ниже: ст. 51.	Приложение, 11. Ведению Государственных палат подлежат: а) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены; б) финансовые сметы министерств, главных управлений и государственная роспись доходов и расходов, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные; в) все отчеты по исполнению государственной росписи; г) установление податей, налогов, пошлин и иных сборов; д) заключение государственных займов и принятие государством гарантий; е) государственные договоры мирные и торговые, а равно все те, кои связаны с установлением для государственной казны обязательств, с измене-	*Нет.*	*См. выше: ст. 3.*

	нием границ государственной территории, или же исполнение которых требует изменения или дополнения действующих законов; ж) отчуждение части государственных доходов или имуществ; з) разрешение государственных сооружений; и) сложение недоимок и казенных взысканий; к) дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются изъятия из действующих законов; л) дела, вносимые на рассмотрение Государственных палат по особым высочайшим повелениям.		
См. выше: ст. 46.	Приложение, 12. Проекты законов по всем перечисленным в предшедшей статье предметам и делам, кроме финансовых смет, государственной росписи и не предусмотренных росписью ассигнований (п. б)), предлагаются министрами, по высочайшему повелению,	*См. выше: ст. 54.*	*См. выше: ст. 53.*

	одной из Государственных палат по ближайшему усмотрению императора. Сметы, роспись и не предусмотренные ассигнования предлагаются сначала Государственной думе.		
См. ниже: ст. 51.	Приложение, 13. Каждой из Государственных палат предоставляется, по предложению не менее чем 30 членов в Государственной думе и 15 членов в Государственном совете, возбуждать предположения об отмене, изменении и дополнении действующих и об издании новых законов.	*См. выше: ст. 52.*	*См. выше: ст. 53.*
Нет.	Приложение, 14. Каждый проект в том виде, в каком он принят в одной из Государственных палат, передается в другую. В случае предложения этого последней он возвращается на рассмотрение палаты, обсуждавшей его первоначально.	*Нет.*	*Нет.*

Нет.	Приложение, 15. Одобренные обеими палатами проекты представляются председателем Совета министров императору, располагающему их утверждением.	*Нет*	*См. выше: ст. 55.*
Ст. 47. Законопроект, одобренный Государственною думою и Государственным советом, восприемлет силу закона не иначе, как по утверждении его Государем императором за собственноручным Его императорского величества подписанием.	*См. выше: ст. 50.*	*См. выше: ст. 52.*	*См. выше: ст. 40.*
Ст. 48. Законопроекты, не удостоившиеся высочайшего утверждения, равно как отклоненные Государственною думою или Государственным советом, если такие законопроекты внесены были в Думу или Совет по почину одного из сих установлении, не могут быть вновь внесены в течение той же сессии.	Приложение, 16. Проекты законов, отклоненные одною из Государственных палат, или же не удостоившиеся утверждения императором, не могут быть предлагаемы вновь в течение того же собрания Государственных палат.	*Нет.*	*См. выше: ст. 56.*

Ст. 49. Когда в перерыв сессий Государственной думы и Государственного совета чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения ее в законодательном порядке, мера сия может быть принята по именному высочайшему указу с тем, однако, чтобы она не вносила изменений в Основные государственные законы и не влекла за собою отчуждения государственных имуществ. Такие указы должны быть скреплены председателем Совета министров. Указы эти теряют силу закона, если в течение первых двух месяцев после возобновления сессий Государственной думы и Государственного совета они не будут в оные внесены и если, затем, Государственная дума или Государственный совет отка-	*Нет.*	*Нет.*	*См. выше: ст. 41.*

жут в одобрении таковых указов.			
Нет.	Приложение, 17. В случае, если проект, принятый одною из Государственных палат, будет отклонен другою, или же палата, первоначально рассматривавшая проект, не примет поправок, предложенных другою палатою (ст. 14), Совету министров, с соизволения императора, когда проект был предложен правительством, или же палате, возбудившей законодательные предположения, предоставляется потребовать рассмотрения проекта учреждаемой для сего особой комиссии, под председательством председателя Государственного совета из равного числа членов от обеих палат, по избранию каждой из них.	*Нет.*	*Нет.*
Нет.	Приложение, 18. Выработанное комиссиею (ст. 17) согласительное заключение	*Нет.*	*Нет.*

	предлагается на рассмотрение каждой из палат, и если будет принято ими, то исправленный на основании сего заключения проект представляется на утверждение императора. Если согласительное заключение не состоится, или состоявшееся заключение не будет принято хотя бы одною из палат, от императора будет зависеть или отложить новое обсуждение вопроса, вызвавшего разногласие, до возобновления полномочий членов Государственных палат, или же распустить палаты.		
Нет.	Приложение, 19. Если разногласие между Государственными палатами (ст. 17) возникнет при обсуждении государственной росписи, и соглашения между палатами (ст. 18) не последует, Государственные палаты распускаются.	*Нет.*	*Нет.*

См. выше: ст. 17.	Приложение, 20. Государственная роспись доходов и расходов устанавливается не более чем на годичный срок. Но сумма, ежегодно отпускаемая из государственной казны в личное распоряжение императора и на содержание Императорского двора, определяется Государственными палатами в начале каждого царствования, и в течение его не может быть изменяема без согласия императора.		
См. ниже: ст. 51.	Приложение, 21. Предположения о пересмотре Основных законов могут исходить как от Совета министров, с соизволения императора, так и от Государственных палат, но ни в каком случае не могут касаться тех из сих законов (ст. 1—41), коими определяется монархическое устройство Российской империи. Пересмотр основных	*См. выше: ст. 53.*	*См. выше: ст. 52.*

	законов об Императорском доме (ст. 42—46), а также Учреждения об Императорской фамилии, за исключением частей сего учреждения, касающихся содержания членов Императорского дома (ст. 20), может последовать не иначе, как по указанию императора.		
Нет.	Приложение, 22. Возникшее в одной из Государственных палат предположение об отмене, изменении или дополнении которого либо из Основных законов, пересмотр коих вообще допускается, или об издании нового основного закона (ст. 21), должно быть поддержано: в Государственной думе — не менее чем 60 государственными гласными, в Государственном совете — не менее чем 30 членами. Такое предположение рассматривается последовательно в обеих палатах и почитается принятым, если в	*Нет.*	*Нет.*

	каждой палате за него выскажется большинство 2/3 голосов при наличности 2/3 членов палаты. Приложение, 23. Если хотя одною из палат предположение о пересмотре основного закона будет отклонено, оно не может быть возбуждено вновь до возобновления полномочий государственных гласных и выборных членов Государственного совета. В случае принятия обеими палатами (ст. 22) предположения о пересмотре основного закона палаты соединяются в Общее присутствие для разрешения вопроса о том, следует ли ожидать возобновления полномочий палат, или же распустить палаты и произвести новые выборы.		
Нет.	Приложение, 24. По созыве новых палат они соединяются в Общее присутствие и рассматривают предположение основного	*Нет.*	*Нет.*

	закона по существу. Предположение считается принятым, если при трех, следующих одно за другим через месяц, голосованиях за него выскажется большинство 2/3 голосов при наличности 2/3 членов.		
Нет.	Приложение, 25. Тем же порядком (ст. 13—17) рассматривается предположение о пересмотре основного закона, если оно возбуждено Советом министров с соизволения императора.	*Нет.*	
50. Воспрещается представлять лично заявления о нуждах (петиции) в Государственную думу или в Государственный совет. Обращенные в сии установления заявления направляются ими к подлежащим министрам, от которых Государственная дума и Государственный совет вправе требовать разъяснение по содержа-	Приложение, 26. Государственные палаты могут принимать обращенные к ним письменные ходатайства; личное представление таких ходатайств возбраняется.	*Нет.*	*См. выше: ст. 57.*

нию передаваемых заявлений.			
51. Государственной думе и Государственному совету предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов. Основные государственные законы об императорской власти (ст. 5-17), равно как постановления, упомянутые в ст. 18, могут быть предметом законодательного пересмотра не иначе, как с соизволения Его императорского величества.	*См. выше: Приложение, ст. 21.*	*См. выше: ст. 53.*	*См. выше: ст. 52.*
52. Государственной думе и Государственному совету предоставляется делать министрам запросы по всем, входящим в их полномочия, предметам.	*См. ниже: Приложение, ст. 28.*	*Нет.*	*См. выше: ст. 58.*
53. Государственная дума и Государственный совет участвуют в осуществлении и надзоре за закономерно-	*Нет.*	*Нет.*	*См. выше: ст. 58.*

стью действий правительственных властей.			
54. Государственная дума и Государственный совет имеют право производить повсеместно расследование чрез посредство избранных ими для того из своей среды комиссий.	Приложение, 27. Каждая из Государственных палат имеет право производить повсеместно расследования чрез посредство избранных ею для того из своей среды комиссий.	*Нет.*	*Нет.*
См. выше: ст. 52.	Приложение, 28. Во время собраний Государственных палат члены их имеют право обращаться с запросами как к отдельным министрам, так и к Совету министров в целом по предмету образа действий правительства или отдельных правительственных учреждений и должностных лиц. Объяснения по таким вопросам представляются министрами лично подлежащей палате в одном из ее заседаний не позднее определенного палатою срока.	*Нет.*	*См. выше: ст. 58.*
55. Государственная дума и Государственный совет	*Нет.*	*Нет.*	*Нет.*

могут требовать от министров как присутствия их в заседаниях Думы и Совета, так и сообщения сведений и разъяснений. Министрам предоставляется давать сии сведения как лично, так равно чрез своих товарищей.			
56. Государственная дума проверяет полномочия своих членов. Равным образом Государственный совет проверяет полномочия выборных членов Совета.	*Нет.*	*Нет.*	*См. выше: ст. 59.*
57. Одно и то же лицо не может быть одновременно членом Государственной думы и членом Государственного совета. Состоящий членом одного из сих установлений, вступая в состав другого установления, тем самым слагает с себя прежние полномочия.	*См. выше: Приложение, ст. 5.*		*См. выше: ст. 60.*
58. Члены Государственной думы, равно как вы-	*Нет.*	*Нет.*	*Нет.*

борные члены Государственного совета, не могут быть жалуемы чинами либо орденами, а также денежными выдачами, за исключением суточного от казны довольствия, которое они получают на время сессии.			
59. Во время сессии члены Государственной думы, равно как члены Государственного совета, не могут быть, без предварительного разрешения Думы или Совета, ни привлечены к уголовному следствию, ни взяты под стражу по подозрению в совершении преступного деяния, ни задержаны за долги. Из сего исключается лишь тот случай, когда член Государственной думы или Государственного совета будет застигнут при совершении преступного деяния. Но и в этих случаях Государственная дума и Государ-	*Нет.*	*Нет.*	*Нет.*

ственный совет должны быть немедленно уведомлены о последовавшем распоряжении.			
61. Должности министров совместимы с званием члена Государственной думы и Государственного совета.	*См. выше: Приложение, ст. 6.*	*Нет.*	62. Должности министров совместимы с званием члена Государственного совета и Государственной думы.
62. Министры имеют право голосования в Государственной думе и в Государственном совете только в том случае, если они состоят членами сих установлений.	*Там же.*	*Нет.*	63. Министры имеют право участия в голосовании в Государственном совете и в Государственной думе только в том случае, если они состоят членами сих установлений.
Ст. 63. Председатель Совета министров и прочие министры в совокупности ответствуют за общий ход государственного управления.	Приложение, 30. Председатель Совета министров и прочие министры в совокупности ответствуют перед Государственными палатами за общий ход государственного управления.	*Нет.*	64. Председатель Совета министров и министры в совокупности ответствуют за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности ответствует за свои личные действия и распоряжения.
Ст. 65. За совершенные при отправлении должности нарушения законов или прав частных лиц министры подлежат гражданской и	Приложение, 31. За совершенные при отправлении должности нарушения законов или прав граждан министры подлежат граждан-	*Нет.*	65. За нарушения постановлений Основных законов и за нанесение тяжкого ущерба интересам государства превышением, без-

уголовной ответственности. За умышленные нарушения постановлений сих Основных законов и за нанесение тяжкого ущерба интересам государства превышением, бездействием или злоупотреблением власти министры могут быть привлекаемы Государственною думою или Государственным советом к ответственности с преданием Верховному уголовному суду.	ской и уголовной ответственности. За умышленное нарушение постановлений сих Основных законов и за нанесение важного ущерба интересам государства превышением, бездействием или злоупотреблением власти министры могут быть привлекаемы каждою из Государственных палат к ответственности, с преданием суду в особом, законом установленном, порядке.		действием или злоупотреблением власти, председатель Совета министров и министры могут быть привлекаемы к ответственности в порядке, определенном законом. За совершенные при отправлении должности нарушения законов или прав частных лиц председатель Совета министров и министры подлежат гражданской и уголовной ответственности.
Нет.	Приложение, 32. Ходатайство о помиловании осужденного министра может исходить только от той Государственной палаты, постановлением коей он предан суду.	*Нет.*	*Нет.*
Источник: Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. 1998. Кн. 8. С. 101—109.	Источник: Там же. С. 116-131.	Источник: Там же. С. 133—144.	Источник: Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы. // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть. Источники. Исследования. Рецензии. С. 53—63.

О.Г. МАЛЫШЕВА

Избирательная система и выборы в Государственную думу Российской империи

Сегодня трудно представить иной способ формирования законодательной власти современной России, минуя выборную процедуру. Мы выбираем депутатов муниципальных образований, городских, областных и краевых законодательных учреждений, Государственной Думы. А ведь только около ста лет назад Россия впервые стала избирать своих представителей в органы государственной власти.

В ходе первой русской революции и последовавшей в ее ходе модернизации политической системы встал вопрос о создании всероссийского представительного учреждения парламентского типа на основах выборности. Главным стал вопрос о том, какой должна стать избирательная система, кто и на каких началах должен получить статус избирателя.

На рубеже XIX—XX вв. мировая практика деятельности представительных учреждений имела внушительный опыт. Большинство стран Европы, Америка, Австралия успешно продвигались по пути строительства парламентской демократии. Между тем сравнение избирательных систем различных стран позволяет сделать вывод о том, что на тот период налицо было многообразие избирательных законов и порядка организации выборов в представительные органы власти.

Эти сопоставления были бы невозможны без фундаментального труда молодого московского ученого, к сожалению, рано ушедшего из жизни А.А. Танина-Львова. В своей работе «Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс» автор приводит данные о более чем 10000 президентских и парламентских выборов в 198 странах, начиная с 1790-х гг.[1]

Изучение данных о характере избирательного законодательства, избирательных систем того времени позволяет утверждать, что в мире на тот момент не существовало идеальных избирательных систем, основанных на следующих принципах избирательного права: всеобщей, равной, прямой и тайной подаче голосов.

Перед российской правящей элитой, конструировавшей избирательное законодательство Российской империи в 1905 г., встал воп-

[1] *Танин-Львов А.А.* Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс. Энциклопедический справочник. М., 2001.

рос: в какой степени следует опираться на эти принципы, какой в конечном счете должна стать избирательная система России?

Обратимся к принципу ***всеобщих*** выборов. Разработчики основ избирательной системы Российской империи были против принятия за основу этого принципа, объясняя это сложившейся парламентской практикой европейских государств.

Действительно, лишь отдельные страны Европы и мира приближались к практике всеобщих выборов. Так, Австралия в 1901 г. ввела всеобщее избирательное право на федеральном уровне[2]. Практика такого рода ранее существовала и в Соединенных Штатах Америки, правда лишь в некоторых штатах: Южной Каролине (с 1828 г.), Делаваре (с 1832 г.). На федеральном уровне всеобщее избирательное право было декларировано в 1860 г., но окончательно утвердилось лишь много позже — в 1920 г.[3]

В Европе в 1915 г. Дания одной из первых установила всеобщее избирательное право. Заметим, что процесс утверждения всеобщего избирательного права растянулся на многие десятилетия. К примеру, в Швейцарии он утвердился только в 1970 г.[4]

Надо признать, что у принципа всеобщей подачи голосов были как многочисленные сторонники, так и не менее многочисленные противники. Решительно против этого принципа выступал французский писатель, популярный романист Бурже, который категорически заявлял: «Всеобщая подача голосов, т.е. глупая тирания числа царство силы в ее форме наиболее несправедливой и слепой, вот режим, установленный демократией всюду, где она восторжествовала»[5].

Что касается практики *ограничений*, существовавшей и при всеобщем избирательном праве, следует заметить, что даже в странах, где оно утвердилось, всеобщая подача голосов не распространяется на младенцев, душевнобольных и уголовных преступников. Остальные общественные группы, отстраненные от участия в выборах, в разных странах различны.

Так, некоторыми законодательствами устанавливался имущественный ценз. В Англии того времени он составлял 600 фунтов стерлингов (около 6000 руб.) годового дохода. В Испании высокий имущественный ценз (с 1810 г.) позволял участвовать в выборах только 0,2% населения страны. Даже снижение ценза в 1832 г. и

---

[2] *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 11.

[3] Там же. С. 645.

[4] Там же. С. 138, 417.

[5] *Сперанский В.Н.* Выборы в Государственную думу и четырехчленная формула избирательного права. СПб., 1906. С. 10.

наделение избирательными правами крестьян, имевших собственных волов, ненамного изменило картину. С этого момента избирательные права распространялись на 2% населения страны[6].

Вместе с тем имущественный ценз был уже отменен в значительном большинстве стран: в Швейцарии, Бельгии Пруссии и др. Объяснялось это тем, что противопоставление таким образом состоятельных и неимущих сограждан только обостряло взаимную вражду и имело подчас непредсказуемые политические последствия.

Сохранялась практика ограничения избирательных прав по половому признаку. Почти по всей Европе и во всем Новом Свете (за исключением нескольких штатов Северной Америки и Австралии) выборными правами в тот период наделялся лишь сильный пол. женщин в этом отношении много тайных и явных врагов, пользующихся в своей полемике разнообразным оружием, начиная с выводов анатомии и статистики и кончая просто язвительным юмором.

Противники предоставления женщинам избирательных прав приводили самые разнообразные доводы, в том числе о том, что женщина отстает от мужчин в образовательной подготовке, поэтому участие ее в парламентской деятельности повлекло бы за собой понижение умственного уровня депутатов; через женщин, которые чрезвычайно легко становятся жертвами влияния католических священников, лукавая политика церковных служителей вползла бы в парламент; обязанности счастливой жены и матери несовместимы с политической деятельностью и т.д.

Сторонники, напротив, утверждали, что женщины больше чем мужчины нуждаются в политических правах, так как будучи слабее мужчин физически, испытывают большую потребность в покровительстве закона и общества. К тому же незамужним женщинам позволялось владеть собственностью, вести денежные и другие дела наравне с мужчинами. Всюду признается естественным, что женщины мыслят, пишут и выступают учительницами. Раз это допускается, то нет оснований отказывать им и в политических правах.

Что касается российской действительности, то вопрос о предоставлении женщинам избирательных прав не обсуждался ни представителями правящей элиты, ни либеральной общественностью. Много позже, в последний год деятельности Государственной думы третьего созыва (1911—1912 гг.), депутатами был внесен в Думу законопроект о предоставлении женщинам избирательных прав наряду с мужчинами. Не вызывает сомнения, что внесение этого и некоторых других заведомо неприемлемых законопроектов явно популистского содержания было не чем иным, как попыткой повышения

[6] *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 174.

рейтинга тех, кто готовился стартовать в очередную избирательную кампанию.

Важным был вопрос установления возраста политического совершеннолетия — т.е. возраста, начиная с которого граждане пополняли ряды избирателей. Не вызывает сомнения, что лицо, участвующее в выборах, должно быть зрелым и сознательно сообразующим свои поступки с требованиями развитого правосознания. Однако границу этого возраста разные страны определяли по-разному.

Большинство конституционных законодательств различают совершеннолетие политическое и гражданское. Так, конституции Германии, Бельгии, Испании устанавливают право участия в выборах по достижении гражданином 25-летнего возраста. В других государствах (Австрии, Австралии, Великобритании, Италии, Франции, Швеции и др.) политическое совершеннолетие колеблется от 21 года до 24 лет. Тождество политического и гражданского совершеннолетия признают страны, в которых представительный образ правления имеет многовековую историю (например, Англия).

Баллотироваться в Копенгагенскую палату (Дания) можно было лишь по достижении 30 лет — датский рекорд в этом отношении не был превзойден ни одним законодательством. И даже понижение избирательного возраста до 29 лет в 1915 г. сохраняло за Данией пальму первенства в этой части[7].

В Швейцарии в XVIII в. возрастная норма политической зрелости колебалась в разных кантонах между 14 и 16 годами, затем она стала повышаться, и к началу XX в. было узаконено государственно-правовое совершеннолетие в 20 лет[8].

Какой должна была стать граница государственно-правового совершеннолетия в России? В соответствии с уголовным правом Российской империи, наказание предусматривалось с 21 года, хотя до этого времени гражданин может уже приобрести диплом высшего учебного заведения, обладать чином титулярного советника, а с разрешения родителей и состоять в законном браке. И, тем не менее, избирательное право было предоставлено российским гражданам, достигшим 25-летнего возраста.

Существовала еще одна причина, заставившая российские власти определить довольно высокий возрастной ценз. Российское студенчество той поры было самой неспокойной частью молодежи, подчас выступавшей вместе с пролетариатом в авангарде революции. Поднимая избирательный ценз до 25 лет, правительство тем самым отстраняло от выборов еще одну весьма опасную для себя

[7] *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 138.

[8] Там же. С. 417.

силу, и вдобавок одну из самых образованных частей населения, а, следовательно, одну из немногих групп российского общества, которое могло бы сделать осознанный выбор.

Прогрессивные партии повсеместно боролись с высоким возрастным цензом, считая его замаскированным отрицанием всеобщей подачи голосов. Молодые избиратели, не отягощенные заботами повседневной житейской прозы, проявляли тогда большую аккуратность и большее рвение в избирательных кампаниях. «Абсентеизм» был, по преимуществу, своеобразной повальной болезнью избирателей лишь солидного возраста.

Почти все конституционные законодательства предусматривали лишение избирательных прав для некоторых категорий и совершеннолетних граждан. Так, германский общеимперский избирательный закон исключал из состава избирателей следующих лиц: 1) состоящих под опекой или под попечительством; 2) банкротов, как злонамеренных, так и неосторожных; 3) лиц, живших последний год за счет общественной благотворительности; 4) лиц, лишенных или ограниченных в правах состояния судебным приговором, на все время, пока они не будут в этих правах восстановлены. Преступники политические получали право голоса, как только отбывали наказание. Лица, имевшие военные и полицейские звания, не имели права участвовать в выборах, пока состояли на действительной службе. При этом они не теряли пассивного избирательного права, т.е. могли быть избраны в представительный орган. Однако это было практически призрачной возможностью. За все время существования Берлинской палаты в нее был избран лишь один военный — знаменитый начальник Генерального штаба в войне с Францией 1870—1871 гг. фельдмаршал Мольтке[9].

Творцы избирательного законодательства в России руководствовались тем, что армия, по своему призванию, — исполнительница велений верховной власти, должна стоять в стороне от политической борьбы. Если избирательная агитация проникнет в эту среду, она может подорвать дисциплину. По этой причине все военнослужащие не допускались к участию в выборах.

В некоторых странах не имели избирательных прав и чиновники. Так, в соответствии с Основными законами Французской республики, лишались избирательных прав почти все чиновники, как военные, так и гражданские. Исключение составляли только министры, посланники, префекты полиции, председатели суда, епископы, профессора. В Англии действовало правило, по которому во избежание правительственного влияния на палату общин, из нее

[9] *Сперанский В.Н.* Указ. соч. С. 22.

были исключены все чиновники. В Дании же, напротив, принадлежность к государственной службе автоматически означала наделение избирательными правами. Это свидетельствует о том, что единого взгляда на возможность наделения чиновников избирательными правами в европейском законодательстве не было.

Что касается участия военнослужащих в выборах, мнения российских чиновников в этом вопросе разделились. Премьер-министр С.Ю. Витте считал возможным предоставление избирательных прав этой категории граждан. Однако Военное министерство подготовило специальный циркуляр, в соответствии с которым офицерам и нижним чинам действительной службы не разрешалось принимать непосредственное участие в выборах в Думу. Прочие военнослужащие (чиновники, медицинские чины и пр.) от выборов не отстранялись. И только позднее, при П.А. Столыпине, Совет министров окончательно запретит всем военнослужащим участвовать в выборах[10].

Государственным служащим решено было предоставить право избирать, но быть избранным — только тем, кто не занимал должностей со штатным окладом. Отказа от содержания было недостаточно, чтобы попасть в Государственную думу, для этого следовало отказаться от своего места по службе. Заметим, что никаких разъяснений по этому правилу сделано не было, и в результате в I Государственной думе практически не оказалось чиновников, занимавших государственные посты. Зафиксирован был лишь один прецедент, когда известный общественный деятель князь С.Д. Урусов вышел в отставку с должности товарища министра внутренних дел для участия в первых выборах.

При этом в избирательную систему России были включены и весьма демократические ограничения. Например, лица, занимавшие полицейские должности, а также должности губернатора, вице-губернатора, градоначальника и их помощников лишались права голоса в той местности, где они занимали соответствующую должность. И если полицейские не вписывались в состав ни одной курии (группы избирателей), то перечисленные должностные лица, напротив, занимали в них главенствующее положение и своим выбором могли повлиять на исход всего голосования. Поэтому данное ограничение, как считают специалисты, нельзя не признать разумным.

Особенностью Российской империи был весьма пестрый национальный состав. Национальный вопрос неизбежно возник в ходе разработки проектов будущего народного представительства и опре-

[10] Совет министров Российской империи. 1905—1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 99.

деления круга будущих избирателей в Государственную думу. С наибольшей остротой встал вопрос о допущении к выборам лиц еврейской национальности. Правые попытались настоять на исключении лиц еврейской национальности из числа избирателей. Либерально настроенные чиновники, в том числе В.Н. Коковцов, А.Д. Оболенский, настаивали на несправедливости такого решения. Их поддержал шеф жандармов Д.Ф. Трепов, чей голос, вероятнее всего, стал решающим в этом споре. Он, в частности, заявил, что «среди евреев происходит сильное брожение, но для его прекращения надо действовать средствами, которые устраняли бы поводы к брожению. Поэтому я нахожу, что евреям не следует преграждать доступ в Думу»[11].

Правящая элита была решительно настроена ограничить доступ в Думу представителей так называемых «малых народов», полагая, что парламентская трибуна будет ими использоваться для разрешения далеко не простых национальных проблем. С этой целью помимо общего правила, позволявшего делить выборщиков в уездах по национальному признаку, были установлены особые правила учета национального фактора на конкретных территориях. В частности, все губернии, области и округа Кавказа для выборов делились на шесть избирательных округов, причем один из них составляло русское население. Каждый округ выбирал по одному депутату в Государственную думу. В Виленской и Ковенской губерниях образовывалось не одно губернское собрание, как во всех остальных, а два, в том числе — одно от русского населения.

Еще одними «гражданами второго сорта», в соответствии с положением о выборах, становились так называемые «бродячие инородцы». Отстранение их от выборов власть объясняла их необразованностью, невежеством и неспособностью достичь того уровня гражданской зрелости, который позволил бы им стать полноценным участником избирательной кампании. Несомненно, трудно оспаривать, что образовательный уровень жителей национальных окраин был значительно ниже, чем у других российских граждан, однако такое решение было явно несправедливым. Прежде всего это лишало их перспектив на получение образования и самой надежды стать полноправными, а не ущербными членами общества.

Ограничения в избирательных правах по национальному признаку практически отсутствовали в мировой парламентской практике. Исключением были Соединенные Штаты Америки, где с 1800 г.

[11] Петергофские совещания о проекте Государственной думы под личного Его Императорского Величества председательством. Секретные протоколы. Берлин, б/г. С. 163.

существовали расовые избирательные ограничения. Только в 1870 г. 15-я поправка к конституции предоставила избирательные права неграм при сохранении для них высокого образовательного и налогового ценза. Заметим, что в демократической Америке только в 1964 г. были сняты все избирательные ограничения для негритянского населения.

Остановимся на вопросе о ***равенстве*** выборов. Суть его заключается в следующем: одному избирателю — один голос. В мире на тот момент существовали правила, по которым неравное выборное право предоставлялось лицам, обладающим значительным материальным достатком и научным дипломом. Подобная практика (так называемое плюральное право) применялась в некоторых странах и подвергалась жесткой критике со стороны общественности, поскольку изначально ставила избирателей, граждан одной страны, в неравные условия.

В Бельгии, например, в конце XIX столетия на законных основаниях избиратель при доходе в 2000 франков или при наличии рентного дивиденда в 1000 франков мог приобрести дополнительный голос, уплатив в казну 5 франков. Диплом о высшем образовании также давал дополнительно два голоса. Таким образом, в 1893 г. число избирателей в Бельгии составляло 1.370.687 чел., из которых 850 тыс. имели 1 голос, 290 тыс. — 2 голоса и 220 тыс. — 3 голоса. Равное избирательное право в Бельгии будет установлено только в 1919 г.[12]

В России же вопрос о добавочных голосах для избирателей на политическом Олимпе даже не обсуждался. Как ни велико было искушение для российской бюрократии усилить с помощью плюрального права свои позиции в будущей Думе, пойти на это они не решились, понимая, что на русской почве такая практика вряд ли приживется. Причина заключалась в простодушном религиозном жизнепонимании русского народа, верящего во всеобщее равенство перед богом всех рабов божьих.

К вопросу о том, должны ли быть выборы ***прямыми***, иначе говоря, должны ли представители населения избираться непосредственно, или гражданам следовало предоставить лишь право избрания уполномоченных, которые будут голосовать за окончательных депутатов? В первом случае речь идет о прямых выборах, во втором — двухстепенных или косвенных.

Исходя из опыта мировой парламентской практики, при прямых выборах получить большинство голосов мог лишь человек, обладаю-

[12] *Танин-Львов А.А.* Указ. соч. С. 452—453.

щий исключительным личным обаянием или выдвигаемый сильной политической партией в качестве надежного защитника ее интересов.

Что касается выборов косвенных, эта система имела существенные издержки. В этом случае прежде всего нарушалась живая и непосредственная связь между избирателями и избираемыми, которая, собственно, и делает депутатов выразителями гражданских чаяний своих земляков и создает народное представительство в полном смысле этого слова. К тому же сохранялась опасность давления на уполномоченных со стороны заинтересованных лиц. Избирательный округ в несколько десятков тысяч человек запугать или подкупить практически невозможно, в то время как сравнительно небольшая группа уполномоченных может стать жертвой преступного деяния и соблазниться материальными выгодами. Как покажет последующее развитие событий, опасения эти окажутся небеспочвенными.

Творцы избирательной системы в целях создания искусственного перевеса дворянского представительства не только возьмут за основу систему косвенных выборов, но сделают ее трехстепенной для рабочих и четырехстепенной для крестьян. Это приведет к тому, что крестьяне в большинстве случаев не только не будут интересоваться выборами и стремиться принять в них активное участие, но, напротив, воспримут их как тяжелую обязанность. Подтверждением сказанному служат факты, приведенные в губернаторских отчетах комиссии В.А. Дмитриева-Мамонова, созданной для наблюдения за ходом выборов. Так, о низком интересе к выборам свидетельствует случай, произошедший в Пинском уезде Минской области. На вопрос, обращенный к одному из избирателей на съезде мелких землевладельцев: «кого он собирается выбирать?», тот ответил: «мадгуть (вероятно) тогож самого Царя, що и теперь»[13].

Другой пример. В деревне Мучники Тупищинской волости Санкт-Петербургской губернии при выборах уполномоченного от крестьян, владеющих землей на правах частной собственности, участники собрания объявили торги: кто дешевле возьмет от общества за поездку в город на выборы. Один согласился за 10 руб., другой — за 7, еще один – за 5 руб. Победил предложивший наименьшую сумму — 3 рубля[14].

Позднее, оценивая избранную властью косвенную систему выборов, известный юрист профессор Л.А. Шалланд с горечью заметил: «Двухстепенная подача голосов оказалась совершенно непри-

[13] ОР РНБ. Ф. 1072. Л. 121.

[14] Там же. Л. 160.

годным фильтром для очищения загрязненного партийной борьбой народного представительства»[15].

И, наконец, о ***тайном*** голосовании. Вопрос этот был на тот момент одним из самых сложных: ни теоретики, ни парламентские практики не могли столковаться по этому вопросу.

Впервые вопрос о целесообразности закрытых выборов поставила Франция эпохи Великой революции. Национальное собрание законом 22 декабря 1789 г. установило тайное голосование для всех выборов. Избирательная система Франции с тех пор отличалась единообразием и простотой: всеобщая, равная, прямая и тайная подача голосов применялась без всяких отклонений при всех выборах в палату депутатов, в департаментские и городские управы. Однако и при тайном голосовании имели место случаи злоупотреблений и подлогов. Лидировала в этом Испания.

Некоторые европейские законодательства предусматривали наказание за нарушение тайны выборов. Так, ст. 19 Бельгийского закона 1877 г. гласила: «Всякий председатель или секретарь, или всякий свидетель кандидата, который нарушит тайну одного или нескольких голосов, будет наказан штрафом от 500 до 3000 франков и лишением права участвовать в бюро, быть свидетелем и избираться на срок до 10 лет». Ст. 44 в целях соблюдения тайны подсчета голосов предусматривала, что «никто не может присутствовать в той части залы, в которой происходит развертывание бюллетеней». Закон также гарантировал соблюдение тайны голосования при любых обстоятельствах: ст. 45 гласила: «...никто не обязан открывать тайну своего вотума даже на следствии и судебном допросе, равно и при парламентской анкете».

Английское право особо подробно предусматривало наказание за нарушение тайны голосования со стороны чиновника, клерка или агента, прикомандированного к выборному бюро. «Каждое лицо, подсчитывающее голоса, должно держать баллотировку в строжайшей тайне и не пытаться подсмотреть цифру, поставленную на обороте листка. Оно не должно также сообщать известные ему данные тому кандидату, за или против которого подан голос на каждом баллотировочном листе. Нарушителям этих правил грозит тюремное заключение сроком до шести месяцев».

В Англии до 1872 г. все выборы как в парламент, так и в местные учреждения проводились только путем открытой подачи голосов. Запугивание и подкуп избирателей при этом достигали баснословных размеров.

---

[15] Вопросы избирательного права. 1906. № 2. С. 16.

Швейцарские кантоны отличало разнообразие избирательной практики. Тайное голосование, обязательное при выборах в Национальный Совет, не было обязательным при выборах в городские управы. В 13 кантонах существует правило голосования путем опускания в урну запечатанных конвертов, в то время как этого нет в остальной Швейцарии. В Люцернском кантоне и вовсе община большинством двух третей голосов всякий раз определяет способ голосования. В случае допущения открытой баллотировки она производится простым поднятием рук.

Политический организатор германской империи Бисмарк в своих посмертных записках утверждает, что тайное голосование вообще «противоречит лучшим свойствам немецкой крови». Тем не менее 16 апреля 1871 г. принцип тайного голосования был закреплен в общенемецкой конституции. Особняком в этом вопросе стоит Пруссия, где избиратель на общинных выборах обязан писать имя облюбованного кандидата рядом со своим на особом печатном бланке. При этом выборы в общегосударственное представительство — рейхстаг — производятся тайным голосованием.

У той и другой системы есть свои недостатки. При открытом голосовании всегда есть возможность запугивания, подкупа избирателей. В Англии, когда действовало это правило, крупные земельные собственники могли держать в своих руках поголовно все население окрестных округов. Воздействие на выборщиков иногда доходило до кулачной расправы.

Одновременно сторонники открытой подачи голосов доказывали, что она имеет воспитательное значение, так как развивает в гражданах благородное прямодушие, поощряет рыцарское бесстрашие и т.д. Тайное же голосование, по их мнению, влияет скорее на дурные, чем на хорошие качества человека и оказывает нередко развращающее влияние на избирателя. За ширмой секретной баллотировки прячутся малодушие, двуличие, беззубая злоба и рабская мстительность

Тем не менее у сторонников тайного голосования становилось все больше последователей, поскольку выборная система должна обеспечивать непринужденную подачу голосов, оградить избирателя от всякого давления как со стороны администрации, так и со стороны сил экономических, парализовать влияние родственных и дружеских чувств.

Такова картина осуществления великих начал всеобщего, равного, прямого и тайного голосования в культурных государствах.

Своего рода препятствием к введению прямой и тайной подачи голосов может являться неграмотность населения. Однако у каж-

дого неграмотного избирателя найдется доверенный сосед, который поможет заготовить избирательную записку.

Что касается нормативно-правового обеспечения избирательного права рассматриваемого периода, то по оценке ученых-государствоведов, современников избирательной системы Российской империи, «законодательство о выборах необыкновенно сложно. Это, быть может, самая запутанная и несовершенная система выборов, которая когда-либо существовала». По мнению крупного юриста начала XX столетия Н.И. Лазаревского, это был существенный ее недостаток, поскольку, чем сложнее избирательная система, тем больше возможностей для всякого рода ошибок и подлогов[16]. Это в полной мере подтвердят последующие события и результаты выборов в четыре Государственные думы Российской империи в 1906—1912 гг.

[16] *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. СПб., 1912. Т. 1. С. 462.

Н.М. КОРНЕВА

Запросы Государственной думы о деятельности тюремных учреждений (1906—1917)

Право Государственной думы на предъявление запросов ставило высшую исполнительную власть в России под определенный контроль. Государственная дума могла предъявлять запросы министрам и главноуправляющим отдельными частями, подконтрольными правительствующему Сенату, о допущенных ими или подчиненными им органами или лицами незаконных действиях. Государственная дума практически сразу после открытия своих действий присвоила себе по факту право направлять запросы председателю Совета министров по делам Совета, хотя ни Совет министров, ни его председатель не были подконтрольны Сенату[1]. В 1914 г. председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, ссылаясь на это обстоятельство, отказался отвечать на запросы, однако, в дальнейшем они продолжали адресоваться премьеру.

Правом инициативы запроса обладала группа, состоявшая из 30 и более депутатов. Государственная дума не имела права предавать министров суду верхней палаты. В случае несогласия с ответом министра Дума большинством в 2/3 голосов могла довести свое мнение до императора. На практике Дума ни разу не воспользовалась этим правом, даже когда большинство ее членов считало ответ министра неудовлетворительным. Это вызывалось убеждением депутатов Государственной думы в неэффективности подобной меры. Государственная дума не имела юридических средств воздействия на министров и главноуправляющих. Однако публичные обвинения, высказываемые с думской трибуны, публикуемые во всех серьезных изданиях в России и за границей, отрицательно сказывались и на репутации министров, в частности, и на престиже страны в целом, вынуждая и исполнительную, и верховную власть считаться с Государственной думой. Запросы использовались не только в целях борьбы с беззаконием, но и для того, чтобы поднять или заострить какую-либо проблему. В полной мере это относится к таким болезненным темам, как положение в области исполнения наказаний, организации тюремного дела, условий содержания заключенных.

[1] *Демин В.А.* Государственная дума России (1906—1917): Механизм функционирования. М., 1996. С. 71.

Удручающее состояние российских мест заключения не было секретом для российского правительства. В конце XIX — начале XX вв. власти предприняли определенные шаги по созданию действенной системы исполнения наказаний.

Революция 1905 года и меры противодействия ей привели к значительному увеличению тюремного населения. При этом тюрьмы пополнились не только политическими заключенными, разными по убеждениям и партийной принадлежности, но и уголовниками, чья деятельность резко оживилась на волне революционных событий. С начала 1906 г. по начало 1909 г. общая численность заключенных в тюрьмах увеличилась почти вдвое. Остро встала проблема дефицита тюремных помещений и перенаселения тюрем.

В 1906—1908 гг. тюремное хозяйство пришло в крайнее запустение, ко времени рассмотрения сметы тюремного ведомства на 1908 г. задолженность этого ведомства достигала свыше 3500000 р. Дело доходило до того, что некоторые из местных органов Общества попечительного о тюрьмах и даже губернаторы прямо заявляли, что они не в состоянии вести далее тюремное хозяйство, не получая необходимых для этого ассигнований из казны[2]. Численность штатных тюремных надзирателей составляла чуть больше 13000 человек. Почти половина из них получала содержание менее 20 руб. в месяц, что отрицательно сказывалось на качестве личного состава. Малооплачиваемая и опасная работа предопределяла дефицит кадров, тюремное ведомство вынуждено было требовать для наружной охраны тюрем во избежание их полного разгрома дополнительные наряды от войсковых частей.

Стало весьма распространенным явлением нападение на тюрьмы с целью освобождения арестантов, динамитные взрывы, убийства чинов тюремной администрации, тюремной инспекции. Уже в 1905 г. было зафиксировано 9 нападений на места заключения. При этом было освобождено 92 заключенных. Впоследствии такие явления стали более редкими, зато многократно возросло количество подкопов и проломов в тюрьмах (1465). В 813 случаях они имели следствием побеги арестантов. В 1906 году был совершен 3231 побег, в 1907 г. — 2730, в 1908 г. это число сократилось вдвое и достигло 1371[3]. В 1907 г., наиболее экстремальном в этом отношении, было убито 140 и ранено 169 служащих в местах заключения. В октябре 1907 г. был убит начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский[4]. В дальнейшем тюремной администрации уда-

[2] Обзор преобразований по тюремной части при новых законодательных установлениях (1906—1912). СПб., 1913. С. 7.

[3] Там же. С. 6, 10.

[4] Там же. С. 6.

лось достаточно жестокими методами навести относительный порядок в своем ведомстве, хотя и в последующие годы были зарегистрированы случаи нахождения в тюрьмах взрывчатых веществ, а также случаи вооруженных столкновений заключенных с тюремной администрацией при попытках к бегству. В то же время далекие от совершенства тюремные порядки становятся достоянием гласности. С введением новых законодательных учреждений вопросы о состоянии мест заключения, положении в тюрьмах, действиях тюремных служащих и т.д. начали обсуждаться в Государственной думе.

Первая Дума не смогла, да и не захотела наладить отношения с правительством. Депутаты обладали психологией членов полновластного Учредительного собрания и не были склонны считаться с ограничением прав Думы по Основным государственным законам. Государственная дума 1-го созыва активно использовала право запросов. В нее поступило 391 заявление о запросах, из них, относящихся к тюремному ведомству, — 135 запросов о правомерности заключения под стражу отдельных лиц без предъявления к ним обвинений, 7 — о голодовках в тюрьмах, 5 запросов касались избиений заключенных и применений к ним репрессий. Один запрос был посвящен самоубийствам политических заключенных в Уманской тюрьме, два — тяжелым условиям содержания политических заключенных в Кутаисской тюрьме и убийству часовым в Сухумской тюрьме. О точности приводимых данных авторы запросов особенно не беспокоились. Иногда дело принимало анекдотическую окраску. Так, например, в запросе о привлечении к ответственности за подготовку террористического акта заместителя распорядителя боевой организации партии социалистов-революционеров Бориса Савинкова указывалось, что его невиновность доказывается соответствующим заявлением ЦК партии социалистов-революционеров[5]. Ни один из запросов Думой рассмотрен не был вследствие ее роспуска.

Во II Государственную думу было внесено 36 заявлений о запросах и 1 о вопросе (запросы сведений об обсуждаемых Думой делах у министров и главноуправляющих задавались обычно по поводу законодательных инициатив правительства). По делам ведения ГТУ II Дума предъявила правительству четыре запроса, но только два из них были рассмотрены. Это запросы о столкновении между тюремной стражей и заключенными в центральной тюрьме г. Риги 31 марта 1907 г.[6] и об истязании политических заключенных в Алгачинской

[5] Обзор преобразований по тюремной части. С. 75.

[6] Дело по запросу по поводу истязаний и пыток, производимых в центральной тюрьме г. Риги. 01.04—17.05.1907 // РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 1240.

тюрьме. Заявление о первом запросе было подано в Думу 2 апреля 1907 г. В заявлении отмечалось, что это столкновение, в результате которого было убито семеро и ранено несколько десятков человек, было вызвано невыносимым тюремным режимом и систематическими истязаниями и пытками заключенных в рижских арестных помещениях. Заключенные, оказавшие сопротивление тюремной страже, были преданы военно-полевому суду. В заявлении Государственной думе было предложено сделать Совету министров следующий запрос:

Какие меры правительство намерено принять против систематических истязаний и провокационных издевательств над заключенными в рижских арестных помещениях, дабы предотвратить в будущем повторения подобных столкновений и какие меры приняты правительством для расследования настоящего дела и предотвращения казней невиновных?

Заявление было передано на предварительное рассмотрение думской комиссии, которая расширила его рамки и предложила Государственной думе обратиться к министрам внутренних дел и юстиции с запросом: известны ли им указанные факты систематических истязаний заключенных в тюрьмах и арестных помещениях Прибалтийского края, и какие приняты ими меры на предмет устранения установившегося порядка применения пыток к заключенным и глумления над ними, а равно привлечены ли к суду виновные в этом должностные лица.

Запрос в этой редакции был принят Думой, причем при его обсуждении министр юстиции И.Г. Щегловитов утверждал, что незаконные действия, приписанные в настоящем запросе должностным лицам ведомства МЮ, представляются совершенно отвергнутыми. Подобное заявление последовало и со стороны министра внутренних дел П.А. Столыпина. Дума же не признала объяснения министров удовлетворительными.

Заявление о втором запросе было подано 5 апреля 1907 г. В нем сообщалось, что из Акатуя 2 марта 1907 г. было отправлено 15 политических заключенных, которые по приходе в Алгачи при переодевании в арестантскую одежду были избиты прикладами. 5 марта в тюрьму были введены 60 солдат. Пострадали 13 человек, двоих за ноги сбросили с крыльца на камни, весь пол был залит кровью. В целях предупреждения дальнейших истязаний авторы заявления просили Государственную думу запросить министров юстиции и внутренних дел:

1) Известны ли им указанные случаи истязания политических заключенных в Алгачинской тюрьме?

2) Если известны, то приняты ли с их стороны какие-либо меры

к прекращению истязаний политических заключенных и к возбуждению против виновных преследований[7]?

Запрос был принят Государственной думой в первоначальной редакции.

Давая разъяснения на заседании Государственной думы 7 мая 1907 г., министр юстиции указал, что в Алгачинской тюрьме не было ни случаев избиения, ни истязания политических заключенных. По расследованию же, произведенному местным прокурорским надзором, были установлены следующие данные. Нерчинская каторга, в состав которой входили в числе других Алгачинская, Акатуевская и Мальцевская тюрьмы, до начала 1907 г. находилась в неудовлетворительном положении. Тюремные здания не отвечали техническим требованиям содержания заключенных, попросту были ветхими; тюремная администрация допускала серьезные отступления от порядка содержания каторжан, установленного уставом о ссыльных. В Акатуевской тюрьме, предназначенной для политических заключенных, были сосредоточены лица, приговоренные за тягчайшие государственные преступления к ссылке в каторжные работы, в том числе террористы и многие другие, смертная казнь которым была заменена каторгой. В этой тюрьме содержалось и 6 женщин, осужденных за участие в террористических актах, причем, хотя они содержались в отдельном корпусе, но в одной ограде, и тюремное начальство не препятствовало их общению с мужчинами-арестантами. Они образовали сплоченную группу, именуемую коммуной, устроили собственную лавку с продуктами и товарами, которых у них было на 3000 р., носили, вопреки определенному требованию устава, собственную одежду и белье. Арестанты совершенно вышли из повиновения тюремному начальству, чрезвычайно участились побеги заключенных. С 17 июля по 27 октября 1907 г. было совершено 15 побегов, последствием которых было предание суду и.о. начальника Акатуевской тюрьмы, его помощника и одного из тюремных надзирателей.

Начиная с конца 1906 г. Акатуевская тюрьма была переполнена. В тюремном здании, предназначенном для содержания 84 человек, находилось не менее 150 заключенных. Военный губернатор Забайкальской области предписал начальнику Нерчинской каторги ввести к 15 февраля 1907 г. в этой тюрьме установленный законом режим для ссыльнокаторжных и перевести ссыльнокаторжных женщин из Акатуевской в Мальцевскую тюрьму, специально предназ-

[7] По поводу истязаний политических заключенных в Алгачинской тюрьме Нерчинского округа. 05.04—07.051907 // Там же. Д. 1246. ЛЛ. 1—2.

наченную и приспособленную для содержания женщин. Для окончательного водворения порядка в Акатуевской тюрьме было признано необходимым перевести в другие места заключения 30 ссыльнокаторжных: 15 — в Зерентуйскую тюрьму и 15, наиболее беспокойных, — в Алгачинскую тюрьму. Исполнение этого предписания вызвало волнение арестантов. Некоторые из доставленных в Алгачинскую тюрьму, отказавшиеся стричься и переодеваться, были острижены и переодеты насильно. В их одежде были найдены три фальшивых паспорта и деньги. 5 марта произошел более серьезный конфликт с начальником тюрьмы Бородулиным, распорядившимся посадить в карцер одного из заключенных, Рыбникова, отказавшегося снять перед ним шапку. Это вызвало протест сокамерников Рыбникова, они угрожали выбить двери, оскорбляли начальника тюрьмы. Дело дошло до рукопашной. 60 солдат в тюрьму не вводилось. В подавлении возмущения участвовали 12 конвойных, вооруженных берданками старого образца. Явившийся вслед за ними конвой из 20 солдат присутствовал лишь при обыске в помещениях, так как к этому времени беспорядки были прекращены. В камере политических был найден нож с лезвием длиной в пять вершков. Нескольких из сопротивляющихся заключенных конвойные ударили прикладами ружей. Еще двое были посажены в карцер. Каких-либо серьезных повреждений никто не получил, и никто не был подвергнут телесному наказанию[8].

Думу не удовлетворили разъяснения министра юстиции. В результате была вынесена следующая формула перехода к очередным делам:

Выслушав разъяснения министра юстиции по запросу, сделанному Государственной думой об истязании политических заключенных в Алгачинской тюрьме, и

1) не усматривая из этих разъяснений, чтобы добывание сведений о незаконных действиях тюремной администрации было произведено с достаточной полнотой и беспристрастием и чтобы виновные в этих истязаниях были привлечены к суду,

2) считая необходимым, чтобы все дознание было опубликовано полностью, без всяких сокращений, с показаниями опрошенных заключенных и

3) констатируя, что насилия над политическими заключенными являются простыми актами правительства над своими безоружными врагами[9].

[8] Обзор преобразований по тюремной части. С. 71.

[9] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 1246. Л. 23.

Заявления о запросах по поводу истязаний заключенных в Астраханской тюрьме от 2 апреля 1907 г.[10] и по поводу убийств и избиений заключенных в Ростовской на Дону тюрьме от 9 апреля 1907 г.[11] были направлены в комиссию по запросам.

Членами Государственной думы третьего созыва было внесено 7 запросов по тюремной части, обращенных к министру юстиции (из 157 заявлений о запросах и 42 о вопросах в целом). Только два из них были рассмотрены, остальные были переданы в комиссию по запросам. Только по одному заявлению Дума признала возможным предъявить министру юстиции вопрос в порядке ст. 40 Учреждения Государственной думы.

Первый запрос по поводу «незакономерного распоряжения начальника Главного тюремного управления» был посвящен циркуляру 18 января 1908 г., воспрещавшему допускать к арестантам защитников, изобличенных в передаче арестанту каких-либо недозволенных вещей. На его основании киевский генерал-губернатор предписал начальнику тюрьмы не допускать присяжного поверенного Оголевца к своему подзащитному, поскольку он передал последнему лист бумаги и 50 коп. денег при свидании с ним в тюрьме. Хотя последующий циркуляр начальника ГТУ от 15 июня 1908 г. отменил действие циркуляра от 18 января, комиссия по запросам Государственной думы высказалась за его принятие[12].

Дававший разъяснения по поводу запроса министр юстиции И.Г. Щегловитов сообщил, что ему было известно о циркуляре, и он, признавая этот циркуляр вполне закономерным, не только не мог, но и не должен был принимать мер ни к его отмене, ни к тому, чтобы подчиненные Министерству юстиции лица противодействовали исполнению этого циркуляра[13]. Разъяснения министра не удовлетворили большинство Государственной думы, которая 2 декабря 1909 г. приняла соответствующую форму перехода к очередным делам.

Второй запрос министру юстиции касался ранения ребенка часовым в Ярославской тюрьме. 17 ноября 1909 г. в Ярославскую тюрьму была приведена партия пересыльных арестантов, одна часть из которых была размещена в тюрьме, а другая оставалась в тюремном дворе. Между этими группами арестантов начались переговоры.

[10] РГИА. Ф. 1278. Оп. 1 (2-й созыв). Д. 1241.

[11] Там же. Д. 1249.

[12] Протокол № 16 комиссии по запросам III Государственной думы. Сессия 2-я. 27 ноября 1908 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3304. ЛЛ. 98—98 об.

[13] Обзор преобразований по тюремной части. С. 113.

Несмотря на требования часового, младшего надзирателя Полякова, прекратить беспорядки, заключенные продолжали перекрикиваться. В виду непрекращающегося беспорядка Поляков, не поставив в известность никого из начальствующих лиц, выстрелил в окно. Результатом чего было ранение головы семилетней Зинаиды Новожиловой. Выступивший на заседании Государственной думы товарищ министра юстиции А.Н. Веревкин сообщил, что этот случай стал предметом расследований «как административной власти, так и прокурорского надзора»[14], причем оказалось, что Поляков не мог ни обратиться за помощью, ни прекратить беспорядок единолично, и, видя угрожающий характер, «который принимали эти беспорядки, произвел выстрел в окно уже тогда, когда имел полное основание признать, что наступил тот, не терпящий промедления случай, когда каждый чин тюремной стражи, при отсутствии на месте старшего должностного лица, в силу инструкции 1907 г., имеет право и должен прибегнуть к оружию». Ранение ребенка, по заявлению А.Н. Веревкина, было «случайностью, конечно, прискорбною, но случайностью, которая, однако, ни в коем случае не может быть поставлена в вину Полякову, так как он стрелял не целясь, и в действиях младшего тюремного надзирателя Полякова ничего противозаконного не усматривается». Государственная дума приняла резолюцию, предложенную в нейтральной формулировке группы «центра»: «выслушав объяснения министра юстиции, Государственная дума переходит к очередным делам»[15].

Из отклоненных комиссией Государственной думы запросов один касался взрыва в Екатеринославской тюрьме 29 апреля 1908 г., произведенному заключенными с целью побега. После взрыва бомбы, разрушившей часть тюремной стены, арестанты, вооруженные револьверами, с криками «души надзирателей», бросились освобождать своих товарищей. Тюрьма в течение нескольких минут представляла собой арену военных действий[16]. В результате многие заключенные были убиты и ранены. По этому делу было произведено административное расследование и предварительное судебное следствие в отношении младшего тюремного надзирателя П. Платонова, убившего одного из арестантов. В его действиях не было обнаружено признаков преступления, и дело было прекращено. Думс-

[14] Дело о запросе министру юстиции по поводу событий в Екатеринославской тюрьме // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2497. Л. 9; Обзор преобразований по тюремной части. С. 114.

[15] Обзор преобразований по тюремной части. С. 115.

[16] Там же. С. 116.

кая комиссия также не усмотрела оснований для предъявления министру юстиции запроса по этому поводу[17].

Запрос о незаконных действиях администрации Севастопольской тюрьмы, об истязании приговоренных к смертной казни перед приведением приговора в исполнение был снят в порядке § 158 Наказа Государственной думы его инициаторами[18].

Во внесенном в Думу 12 мая 1909 г. и подписанном 33 членами Государственной думы, принадлежавшим к левым группам, заявлении о запросе председателю Совета министров и министрам юстиции, морскому и военному «по поводу незакономерных действий чинов тюремного ведомства и прокурорского надзора» вновь были упомянуты Екатеринославская и Севастопольская тюрьмы, «превращенные в застенки и казематы для пыток»[19]. Новое заявление было посвящено положению в Российских тюрьмах в целом, которое представлялась «строго обдуманной системой политического воздействия, политической мести определенному кругу лиц». Приводились примеры скверного содержания, побоев и издевательств над заключенными в Митавской тюрьме, во Временной Дерябинской тюрьме в С.-Петербурге, Орловской Центральной каторжной тюрьме, Бутырской тюрьме в Москве, в Метехском замке в Тифлисе, в местах заключения морского и военного ведомства: Дисциплинарном Архангельском флотском экипаже, на Рижской гауптвахте. Особую озабоченность депутатов вызывало распространение в тюрьмах таких заболеваний как тиф и туберкулез.

Государственной думе была предложена следующая редакция запроса:

1) Известно ли председателю Совета министров и министру юстиции: а) что тюремная администрация практикует систематические избиения и истязания заключенных, неоднократно кончавшиеся их смертью, а тюремная стража, по распоряжению начальников тюрем, стреляет в заключенных без всякого предупреждения через окна, убивая их; б) что вследствие переполнения тюрем, число заключенных в которых в 34 раза превышает норму, крайне антисанитарного состояния их и недостаточного и недоброкачественного питания заключенных — в подавляющем большинстве тюрем свиреп-

[17] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2497. Л. 14; Мнимые притеснения заключенных в русских тюрьмах. СПб., 1910. С. 8—9.

[18] Дело о запросе председателю Совета министров и министру юстиции по поводу истязания администрацией Севастопольской тюрьмы заключенных, приговоренных к смертной казни. 08.04—25.11.1909 // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2535; Мнимые притеснения заключенных. С. 8.

[19] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2539. Л. 2.

ствует тифозная эпидемия, а также наблюдаются случаи скоротечной чахотки — и что, таким образом, места заключения превращаются в кладбища для заключенных и очаги заразы для остального населения; в) что прокурорский надзор почти не посещает места заключения, и что жалобы заключенных на избиения и истязания и другие вопиющие злоупотребления тюремной администрации оставляются прокурорским надзором без последствий?

2) Известно ли председателю Совета министров и морскому министру, что в дисциплинарном флотском экипаже в г. Архангельске телесные наказания матросов приняли массовый характер, а на допросах путем угроз, под страхом смерти вымогаются у обвиняемых ложные показания?

3) Известно ли председателю Совета министров и военному министру, что антисанитарное состояние гауптвахты в Риге и переполнение ее заключенными угрожает жизни и здоровью последних и способствует развитию среди них различных заболеваний?

4) Если указанные выше факты известны председателю Совета министров, министрам юстиции, морскому и военному, то какие меры приняты ими для ограждения жизни и здоровья заключенных, уничтожения практикующихся истязаний их, избиений и убийств, грубого обращения с ними тюремной администрации и различного рода издевательств, а также других незакономерных действий и злоупотреблений чинов тюремного ведомства и прокурорского надзора и что сделано для привлечения к ответственности виновных[20].

Заявление было передано в комиссию по запросам, которая прежде всего обратила внимание на ненормальные условия, в которых протекает служба чинов тюремного надзора, постоянно рискующих своей жизнью, плохо оплачиваемых, несущих сложные обязанности[21]. «Постоянные побеги арестантов из мест заключения, сопровождающиеся невероятными зверствами со стороны заключенных, поджоги, стрельба, убийства делают службу чинов невыносимой, — отмечалось в докладе комиссии — более слабые покидают ее, а сильные и самоотверженные, естественно, не могут подчас не терять самообладания. При этом нельзя не обойти молчанием и того, что нравственный уровень, главным образом, нижних чинов за последнее время значительно понизился вследствие того, что желающих идти на службу, сопряженную с риском для жизни и плохо оплачиваемую, очень мало, и комплектовать состав приходится почти без выбора»[22]. Но при этом комиссия полагала, что ненормальные ус-

[20] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2539. Л. 6 об.
[21] Обзор преобразований по тюремной части. С. 117.
[22] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. 1909. Д. 2539. Л. 27.

ловия не могут служить оправданием незаконных действий со стороны чинов тюремного надзора, и обратилась к рассмотрению фактов, отраженных в заявлении.

Заявление депутатов было основано на письмах арестантов. Выявленные докладчиком комиссии Л.Г. Люца сведения показали, «что изложение большинства фактов не соответствует действительности, но подчас представляет собой сознательный или бессознательный вымысел. Так, по поводу Дерябинской тюрьмы в Петербурге говорилось о помещении заключенных «за малейший пустяк» в карцер: «Карцеры переполнены; сидят иногда до 100 человек, вместо шароваров дают одну штанину..., в карцере бьют смертным боем»[23]. При проверке этого факта оказалось, что число заключенных в карцере достигало максимально лишь в один день 34 человек, но по большей части «их бывает там несколько душ»[24]. Для карцеров имелась специальная одежда и белье, из выслуживших уже срок, но вполне пригодная для носки. Сообщение об «одной штанине» — вымысел. Некоторые надзиратели действительно позволяли себе физическое воздействие по отношению к заключенным, чтобы достигнуть повиновения законному распоряжению, но эти действия влекли за собой строгие дисциплинарные взыскания.

В Орловской (губернской и центральной каторжной) тюрьме, согласно запросу, избиения принимали характер системы, избивали «жестоко, до потери сознания, до полусмерти»[25]. В доказательство был приведен ряд примеров, в том числе: избиение арестантов кирпичами, избиение Шадрова, 14-летнего Евсея Крюкова, Фатеева, б. присяжного поверенного Жданова и поселенца Павлова, Якутина, Большакова и др.

Опрошенные арестанты категорически отрицали факт избиения. Применение кирпичей действительно имело место, но били не арестантов. Наоборот, надзиратели были ими избиты кирпичами. Якобы 14-летний Крюков оказался 24-летним рецидивистом, приговоренным за вооруженный грабеж к 14-летней каторге, б. присяжный поверенный Жданов, которого будто бы ежедневно били «вплоть до конца сентября», причем избиения эти описывались весьма подробно, никогда в этой тюрьме не содержался, как и арестант Павлов.

Арестанта Якутина избили, якобы, за то, что у него нашли записку. На самом деле у него был найден стрихнин, которым он намеревался отравить стражу. Он действительно умер, но не от по-

[23] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. 1909. Д. 2539. Л. 27 об.
[24] Там же.
[25] Там же. Л. 28; Мнимые притеснения заключенных. С. 23—24.

боев, которым он не подвергался, а от сыпного тифа, и не через несколько дней, а через месяц.

В отношении Бутырской тюрьмы обращалось внимание на старое и рваное белье и одежду: «на одежде клеймо 1901 г.»[26], в то время как арестантское белье использовалось в течение одного года-двух лет, после чего перечислялось в ветошь. Даже если допустить факт злоупотреблений, восьмилетний срок оно выдержать не могло. Заявлялось также, что пища в Бутырской тюрьме подавалась в грязных деревянных бачках, каковых в тюремном инвентаре даже не имелось, употреблялись только медные луженые бачки. Что касается избиений заключенных, то эти сведения не подтвердились. Якобы умерший от истязаний арестант Чертецов на поверку оказался живым и здоровым. Оказался здоровым и «душевнобольной» арестант Смолянинов, который, находясь в тюрьме, совершил покушение на жизнь надзирателя.

«Покончивший с собой» заключенный в Митавской тюрьме Зиберт был убит при нападении на надзирателя с целью побега, а два его соучастника были затем осуждены[27].

Эпидемия тифа в России в 1908 г. не обошла стороной и российские тюрьмы. Положение усугублялось возникшей вследствие переполнения тюрем и недопустимой скученностью арестантов. Число умерших в тюрьмах достигло в 1908 г. 5145 чел., до 0,41% от общего количества заключенных, а по отношению к среднему ежедневному их числу — до 3%, до 30 умерших на 1000. Благодаря действиям Главного тюремного управления и тюремной администрации, эпидемию довольно быстро удалось локализовать. Были ассигнованы значительные средства на улучшение содержания заключенных и усиление медицинского персонала, профилактические мероприятия по распространению необходимых гигиенических сведений среди заключенных. Было временно приостановлено движение арестантских партий, чтобы не переносить болезнь из одной тюрьмы в другую. В результате число больных тифом, достигшее к началу 1909 г. около 3000, снизилось к осени того же года до 130 чел.[28].

Что касается обвинений чинов прокурорского надзора в пренебрежении обязанностью посещения тюрем и в оставлении жалоб заключенных без последствий, то в доказательство этого приводилась жалоба товарищу прокурора Б.Б. Смирнову ссыльнопоселенца Павлова, содержавшегося в Орловской тюрьме. При проверке этого факта оказалось, что такого арестанта в Орловской тюрьме не было.

---

[26] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. 1909. Д. 2539. Л. 28 об.

[27] Там же. Л. 29.

[28] Мнимые притеснения заключенных. С. 19—22.

В связи с тем, что подавляющее большинство фактов, изложенных в запросе, не подтвердилось, он был отклонен Государственной думой[29].

При рассмотрении заявления о запросе «по поводу случаев стрельбы часовых Рижской центральной тюрьмы по заключенным», причем было убито двое заключенных[30], внесенном членами социал-демократической фракции и группой трудовиков, комиссия по запросам высказала следующие соображения.

Военная охрана в Рижском исправительном арестантском отделении была учреждена 15 сентября 1905 г. Тогда же была издана табель постам унтер-офицерского караула в тюрьме, содержащая инструкцию часовым во время нахождения на посту. В обоих случаях часовые действовали на основании этой инструкции. Кроме того, по обоим случаям было возбуждено судебное следствие с целью привлечения виновных к ответственности. Оснований для внесения запроса комиссия не нашла. Тем не менее комиссия обратила внимание на расширенное толкование инструкции, измененной 17 декабря 1909 г., ст. 159 Устава гарнизонной службы, касающейся случаев применения часовыми оружия. В итоге Государственная дума обратилась к военному министру с вопросом, в порядке ст. 40 Учреждения Государственной думы, «чем вызвано издание особых инструкций при наличности совершенно ясных соответствующих статей Устава гарнизонной службы и на каком основании эти инструкции допускают распространительное толкование закона, вне зависимости от правильности или неправильности применения их в каждом отдельном случае?»[31].

Заявление о запросе министрам юстиции и внутренних дел «по поводу применения администрацией Вологодской и Зерентуйской тюрьмы телесных наказаний к политическим заключенным», в результате чего один заключенный, Сазонов, покончил жизнь самоубийством и еще пятеро покушались на самоубийство, внесенное в Думу 29 ноября 1910 г., также было передано в комиссию по запросам. Комиссия установила, что все взыскания за «беспорядки» были наложены на арестантов в пределах закона. Не отрицая фактов телесных наказаний, комиссия отметила, что их применение было выз-

[29] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. 1909. Д. 2539. Л. 31.

[30] В результате стрельбы были убиты заключенные Эмма Подзин, она же Мильда Риттен (12.08.1909) и Эдуард Пэла (14.10.1909) (РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2547. ЛЛ. 2—2 об.; Обзор преобразований по тюремной части. С. 118).

[31] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2547. ЛЛ. 2—2 об.; Обзор преобразований по тюремной части. С. 119.

вано «грубостью, дерзостью и нарушением дисциплины» арестантами[32]. В итоге запрос был отклонен[33].

В IV Государственную думу поступило 5 запросов, в том числе: по поводу истязаний политических заключенных в тюрьмах Нерчинской каторги и Орловской каторжной тюрьме, об издевательствах над заключенными в Орловской, Алгачинской, Псковской и др. тюрьмах. Один запрос касался неправильного применения к некоторым заключенным С.-Петербургской одиночной тюрьмы указа Сената от 21 февраля 1913 г. о сокращении срока заключения[34]. Согласно этому указу, некоторым заключенным срок заключения должен был быть сокращен на треть, но согласно ордеру министра юстиции, тем из заключенных, которым было зачтено приговором суда предварительное заключение, эта треть исчислялась не со всего срока наказания, а только со времени, которое они должны были пробыть в заключении после суда. 57 депутатов посчитали распоряжение министра юстиции незаконным и 21 февраля внесли в Думу соответствующее заявление, но 15 марта 1913 г. запрос был снят с очереди, а 3 мая 1913 г. авторы запроса взяли его обратно.

Заявление о запросе по поводу незакономерных действий администраций Орловской, Алгачинской и некоторых других каторжных тюрем по отношению к заключенным было внесено в Думу 21 января 1913 г. В заявлении приводились факты избиения и издевательств над заключенными. В частности, 20 июля 1912 г. из Шлиссельбургской тюрьмы прибыла партия политических каторжан. Они «были рассажены по одиночным карцерам и в присутствии тюремного начальства подвергнуты тягчайшим истязаниям, которые продолжались в течении двух недель»[35]. В качестве доказательства было приведено письмо одного из заключенных (без подписи).

[32] Дело о запросе министрам юстиции и внутренних дел по поводу применения администрацией Вологодской и Зерентуйской тюрем телесных наказаний к политическим заключенным. 22.11.19010—09.06.1912 // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2588. Л. 8 об.; Обзор преобразований по тюремной части. С. 121.

[33] *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы: В 5-ти т. М., 1962. Т. 4. С. 31.

[34] Дело по запросу министру юстиции по поводу неправильного применения к некоторым заключенным Петербургской одиночной тюрьмы ст. 13. отд. XIII указа Сенату от 21.02.1913 о сокращении срока заключения. 27.02—03.05.1913 // РГИА. Ф.1278. Оп. 5. Д. 881. 6 л.

[35] Доклад по заявлению № 11 о запросе министрам внутренних дел и юстиции по поводу незакономерных действий администрации Орловской, Алгачинской и некоторых других каторжных тюрем по отношению к заключенным // Приложение к стенографическим отчетам Государственной

Военный губернатор Забайкальской области, генерал-лейтенант А.И. Кияшко распорядился издать для применения к политическим каторжанам Нерчинской каторги инструкцию, в которой требовал военного обращения с каторжанами, обязательного «ты», команды «смирно» и т.д. Применение этой инструкции привело в Кутомарской тюрьме к 15-дневной голодовке. Применение телесных наказаний вызвало покушение на самоубийство в Кутомарской тюрьме 6 заключенных (из которых 4 умерли), самоубийство 5 арестантов в Алгачинской тюрьме и покушение на самоубийство 2 заключенных. Подвергшийся избиению, а затем наказанию розгами и заключению в карцер политкаторжанин Бродский сошел с ума. 8 января был подвергнут избиению и пыткам заключенный в Кутаисской тюрьме, душевнобольной Евгений Двалия. В Алгачинской тюрьме туберкулезные больные были в нарушение циркуляра Главного тюремного управления от 8 июля 1910 г. закованы в ручные и ножные кандалы.

Указывая на то, что каждый из приведенных в запросе деяний тюремной администрации является преступлением, и, протестуя против сохранения в законе телесных наказаний вообще, авторы запроса отмечали, что § 273 Общей тюремной инструкции исключает применение такового к политическим каторжанам[36].

С последним утверждением не согласилась комиссия по запросам. Не усматривая никакого различия между каторжными общеуголовными и политическими, которые на основании закона 7 июня 1904 г. отбывают наказание по правилам для отбывания ссылки в каторжных работах. На основании действовавших постановлений каторжане разделялись на разряды в зависимости от назначенного судом наказания, причем ни характер преступления, кроме особо указанных случаев, ни прежнее положение, ни состояние арестантов при отбывании каторги во внимание не принимаются. Военный режим Нерчинской каторги, по мнению большинства членов комиссии, отвечал требованиям тюремной дисциплины и не противоречил закону. Переходя к вопросу о пределах власти начальства по наложению взысканий на каторжных, комиссия признала, что, согласно положениям Устава о ссыльных, наказания могли быть налагаемы за буйное поведение, своевольство и другие нарушения установленного порядка и благочиния. Признавая право тюремного начальства подвергать заключенных телесным наказаниям, комиссия отмечала, что «происшедшие от этого последствия (самоотравления,

---

думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913—1914 гг. Пг., 1914. Вып. II. № 148. С. 1.

[36] Там же. С. 1—2.

вскрытие вен) могут быть вменены ему в вину, лишь поскольку оно не исполнило обязанности следить за тем, чтобы у арестантов не находилось недозволенных предметов»[37].

В итоге, по предложению комиссии министру юстиции был направлен запрос в сокращенной редакции:

I. 1) Действительно ли 20 июня 1912 г. в Орловской каторжной тюрьме каторжные Жадановский, Билибин, Цюма, Конуп, Шмидт, Некрасов, Курочкин, Лукс, Коротков, Гиссенсон, Купченко, Тимошечкин, Бутков и Беренштейн в присутствии тюремного начальства и по его приказанию были подвергнуты тягчайшим истязаниям, причем эти истязания продолжались в течение 2 недель?

2) Действительно ли на Нерчинской каторге: а) 16 августа 1912 г. в Кутомарской тюрьме был зверски избит каторжный Брульон, б) 13 октября того же года в Алгачинской тюрьме избит каторжный Макаров и в) 18 октября в больнице той же тюрьмы изрублен шашкой каторжный Мухин?

3) Был ли в действительности случай, когда туберкулезные больные, в нарушение § 18 циркуляра Главного тюремного управления от 8 июля 1910 г. за № 28, были закованы в ручные и ножные кандалы?

4) Действительно ли 8 января текущего года в Кутаисской тюрьме был подвергнут избиению и пыткам содержащийся там политический заключенный Евгений Двалия, причем истязал его один из помощников начальников тюрьмы?

II. Если вышеизложенные случаи действительно были, то приняты ли меры к устранению беззакония и привлечены ли виновные в описанных выше деяниях к законной ответственности?

Ответа из Министерства на этот запрос не последовало. 2 июня 1914 г. в Думу было внесено новое заявление о событиях в Псковской каторжной тюрьме. В мае к заключенным стали применять ряд новых ограничений (в праве свиданий, переписки, получении кормовых денег и т.д.). Кроме того, их стали подвергать избиениям. 14 мая надзиратели, раздразнив психически больного заключенного Фердинанда Курга, набросились на него, заткнули ему рот тряпкой, избили и стащили в карцер[38]. Запрос был принят спешно и принят в редакции авторов.

На этот запрос ответа также не последовало.

После начала войны тема положения заключенных не затрагива-

[37] Доклад по заявлению № 11 о запросе министрам внутренних дел и юстиции // Там же. С. 3.

[38] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1004. ЛЛ. 2 б—2 б об.; Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. Пг, 1913. Вып. IX. № 818. С. 1—2.

лась два года. Однако 17 июня 1916 г. эта проблема вновь была поднята в Думе. За подписью 30 депутатов туда было внесено заявление об обращении к министру юстиции с запросом по поводу незакономерных действий чинов тюремной администрации по отношению к заключенным.

«В социал-демократическую фракцию, — говорилось в заявлении, — приходят сотни писем, прошений и жалоб, написанных и интеллигентными политическими, и полуграмотными уголовными заключенными, подтверждающие из разных углов России одни и те же обстоятельства, — всякое правило тюремной инструкции администрация превращает в пытку. Обыски заключенных перед отправлением их на работу и по возвращении производятся в течение 5—6 часов при одиннадцатичасовом труде в самых тяжелых антисанитарных условиях. Заключенных поднимают для обыска в 4 часа утра, выгоняют в холодные коридоры, где держат по три часа, заставляя раздеваться всех без исключения, в том числе и больных (Орловская тюрьма, заключенные которой послали жалобу в ГТУ, Московская тюрьма «Бутырки», Петроградская женская тюрьма). Таким же образом производится обыск пересылаемых арестантов, которых конвойные выгоняют на двор и раздевают, несмотря на мороз, прямо на снегу. При обысках, издеваясь над заключенными, вводят палец в прямую кишку, и потом тем же немытым пальцем обшаривают рот (Саратовская тюрьма). Вещи заключенных портятся, шапки и подушки распарываются, от сапог отрываются подметки. При всякой попытке протестовать смельчака избивают, грозят расстрелом. Конвойные отбирают у арестантов вещи, якобы не подлежащие отправке с этапом. Женщины подвергаются оскорблению их женской чести и насилию. Указывалось на плохое питание арестантов. Заключенные Шлиссельбургской тюрьмы жаловались, что их продовольствие «состоит из даваемой один раз в день тюри, а также даваемого два раза в день чая с хлебом в очень ограниченном количестве и ужасного качества»[39]. Отмечались тяжелые условия арестантского труда, недостаток у арестантов необходимой для работы одежды и обуви. Каторжанки Петроградской тюрьмы, по утверждению авторов запроса, были вынуждены ходить из камер в мастерские босиком по снегу. За свой труд арестанты получали мизерное вознаграждение — 8—10 коп. в день, выдаваемое продуктами из тюремных лавочек. Такая оплата предоставляла возможности для злоупотреблений: продукты доставлялись плохого качества по завышенным ценам. Плохие условия содержания, тяжелая работа, систематичес-

[39] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Сессия четвертая. 1915—1916. Пг., 1916. Вып. V. № 370. С. 2.

кие избиения подрывали здоровье заключенных, а антисанитарные условия и отсутствие должной медицинской помощи служили благоприятной почвой для развития инфекционных заболеваний[40].

Далее в запросе рассказывалось о немотивированных убийствах беглых арестантов и даже случайных людей, по ошибке принимавшихся за беглых.

18 июля этот запрос рассматривался в Думе. Инициатор запроса М.И. Скобелев (социал-демократ, депутат от русского населения Закавказья) выступил с речью, где коснулся тяжелого положения политических ссыльных, бывших депутатов II и IV Государственной думы. В итоге запрос был признан срочным и принят в первоначальной редакции[41]. Ответа министра юстиции в Думе не прозвучало, однако в фонде Министерства юстиции сохранились материалы, свидетельствующие о том, что такой ответ был подготовлен. 19 ноября 1916 г. начальник Главного тюремного управления П.К. Гран представил министру юстиции составившие 256 страниц сведения (с 9-ю приложениями) по внесенному 17 июня 1916 г. запросу по поводу незакономерных действий чинов тюремной администрации по отношению к заключенным. По всем пунктам запроса были представлены подробные ответы и комментарии. В частности, опровергалось утверждение о многочасовых обысках заключенных. «При таких условиях арестанты, обязанные посвящать труду не свыше 11 часов летом и 10 часов зимой, включая время необходимое для занятий в школе и для довольствия пищей, и выводимые на работы обыкновенно около 7 часов утра могли бы приступить к работам лишь около 9.30—10 часов утра и оканчивать работы только в 11—12 часов ночи и получали бы возможность ложиться спать после полуночи с тем, чтобы опять вставать в 6 часов утра, не воспользовавшись после обеда перерывом работ и отдыхом», — указывалось в объяснении[42].

Относительно Орловской, Московской пересыльной (Бутырской) и Петроградской женской тюрем на основании сведений, полученных от соответствующих губернаторов, утверждалось следующее:

---

[40] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Сессия четвертая. 1915—1916. Пг., 1916. Вып. V. № 370. С. 2—3.

[41] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1916. Стб. 5755—5763.

[42] Объяснения, представленные министру юстиции начальником Главного тюремного управления по существу запроса 30-ти членов Государственной думы министру юстиции начальником Главного тюремного управления от 17.06.1916 по поводу незаконных действий тюремной администрации по отношению к заключенным. 19.11.1916 // РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 811. ЛЛ. 5—5 об.

В Орловской тюрьме арестанты заняты работами с 6—7 часов утра до 5.30 часов вечера с перерывом от 11 часов до часа пополудни для принятия пищи и отдыха, что обыск арестантов перед отправлением их на работы производится не ранее 6 часов утра после утренней поверки в течение нескольких мигнут в отапливаемых коридорах, причем при обыске снимается только верхняя одежда; таким же образом и в течение такого же времени обыскиваются арестанты после работ; больные арестанты для обыска в коридоры не выводятся, так как они содержатся в больницах или в камерах для слабых; ежедневные же обычные обыски в камерах производятся очень быстро, занимая не более получаса и происходят по преимуществу в то время, когда арестанты находятся на прогулке.

Упоминавшиеся в заявлении жалобы заключенных Орловской тюрьмы действительно поступили в ГТУ 19 января 1916 г. Жалоба поступила от 31 следственного арестанта, от каждого в отдельности, на действия начальника тюрьмы Черкасова. Содержание жалоб сводилось к тому, что 19 декабря 1915 г. после будто бы недельного перерыва в отоплении тюрьмы при внешней температуре — 25° Р [43] и трехдневного перерыва в выдаче кипятку для чая, в камеру, в которой находились жалобщики, явился старший надзиратель и потребовал, чтобы арестанты вышли из камеры в холодный коридор для обыска. Отказавшись исполнить распоряжение старшего надзирателя, арестанты стали просить, чтобы к ним пришел начальник тюрьмы, к которому они хотели обратиться с просьбой не выводить их в коридор и избавить от снимания при обыске одежды, тем более, что из них шесть человек лежали в камере больные. Через некоторое время пришел начальник тюрьмы в сопровождении усиленного наряда надзирателей и, обнажив шашку, с нецензурной бранью стал выгонять их из камеры, в том числе и больных, в холодный коридор, угрожая при неповиновении прибегнуть к употреблению оружия. Причем двух из арестантов Закса и Окуневского, желавших с ним объясниться, приказал отвести в карцер. К этому жалобщики добавили, что новый начальник тюрьмы вообще обращается с ними очень грубо, бестактно и провокационно и позволяет себе разговаривать с ними на «ты»[44].

[43] Шкала Реомюра – практическая температурная шкала, предложенная в 1730 Р.А. Реомюром. Единица Р. ш. градус Реомюра (°R). 1 °R равен 1/80 части температурного интервала между точками таяния льда (0 °R) и кипения воды (80 °R), т. е. 1 °R = 1,25 °С. Т.е. наружная температура составляла — 20° С.

[44] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 811. ЛЛ. 6—7.

Орловский губернатор, препровождая жалобы, сообщил, что они явились результатом недавно произведенного у жалобщиков по распоряжению недавно вступившего в должность начальника Орловской губернской тюрьмы Черкасова обыска и что произведенным по этому поводу чинами тюремной инспекции расследованием установлены нижеследующие данные:

17 и 18 декабря, ввиду недостатка дров в тюрьме и отсутствия их на местном рынке, вследствие недоставки железной дорогой материалов отопления для г. Орла, тюрьма не была отоплена, причем за эти два дня один раз не мог быть выдан кипяток. Вечером 18 декабря вновь назначенный начальник тюрьмы Черкасов отдал распоряжение произвести 19 декабря 1916 г. обыск у следственных арестантов.

Арестанты отказались выйти в коридор. В итоге трое из них были помещены в карцер. Заключенные объявили голодовку, но на третий день ее прекратили. Прибывший в тюрьму и.о. прокурора признал действия начальника тюрьмы вполне правильными[45].

Краткие перерывы в отоплении в некоторых помещениях Орловской тюрьмы не вызывали каких-либо жалоб со стороны заключенных, «вполне сознательно оценивавших затруднения переживаемого военного времени»[46]. Волнения заключенных в 11-й камере носили демонстративный характер, в честь вступления в должность нового начальника тюрьмы. Целью их было добиться некоторого смягчения условий содержания.

По поводу жалоб на перерыв отопления тюремных помещений было установлено, что таких случаев было за всю зиму 3—4, причем топка не производилась каждый раз в течение одного-двух дней, как раз в те периоды, когда население города было лишено топлива по нескольку дней; обысков в дни прекращения отопления в тюрьме не производилось. 19 декабря печи были затоплены, и обыск производился в отопленном коридоре.

В московских местах заключения был установлен приблизительно такой же распорядок арестантского дня, согласованный с положениями Общей тюремной инструкции, при которых обыскам не уделяется ежедневно пяти-шести часов.

Московский губернатор сообщил, что, посетив пересыльную тюрьму 23 июня 1916 г. и обойдя все мастерские и большинство ее помещений, где находились арестанты разных категорий, он не получил никаких жалоб или заявлений, относящихся к порядку содержания в тюрьме. Кроме одной жалобы на несвоевременную отправку арестантских писем, оказавшейся справедливой. Так как в ящи-

[45] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 811. Л. 11.

[46] Там же. Л. 11 об.

ке стола помощника начальника тюрьмы, ведавшего арестантской корреспонденцией, при ремонте его мастерской была найдена случайно застрявшая в ящике стола пачка арестантских писем, виновному, помощнику начальника тюрьмы Орехову, был объявлен выговор[47].

В Петроградской женской тюрьме, по сообщению Петроградского губернатора, арестантки поднимались в 5.30 утра. Выводились на работы в 7 часов утра, при выводе в мастерские и при возвращении в камеры обыскиваются группами от 50 до 110 человек, на что затрачивается всего около получаса времени. Обыск (осмотр) производится в коридорах младшими надзирательницами в присутствии помощницы начальника тюрьмы или старшей надзирательницы. При обыске арестантки должны, смотря по надобности, расстегивать одежду, белье, обувь и лишь в редких случаях снимать всю одежду. Работы в мастерских продолжались до 7 часов вечера с перерывом от 11.45 до 2 часов для обеда, отдыха и прогулки. После 7 часов вечера дается ужин, и в 8 часов вечера арестантки ложились спать. Кроме того, преимущественно в праздничные дни, в послеобеденное время производились более подробные обыски, поочередно в каждом отделении тюремных корпусов, причем осматриваются и арестантские каждый раз до двух часов.

На основании собранных данных начальник Главного тюремного управления сделал вывод, что в указанных в запросе местах заключения арестантов не заставляют вставать для обыска в 4 часа утра, что обыск или осмотр производится приблизительно в течение получаса и притом довольно поверхностный, а не с полным раздеванием, больные же арестанты на работы не выводятся и обыскиваются в занимаемых ими помещениях, т.е в больницах, околотках или обособленных камерах. То же самое следует сказать и об остальных местах заключения Империи, так как распорядок дня приблизительно одинаков повсюду.

Попытки протестов со стороны арестантов против производства обысков не признавались начальником ГТУ уважительными, так как они предусматривались и Уставом о содержащихся под стражей, Общей тюремной инструкцией и Уставом конвойной службы. Обыски арестантов, указывал П.К. Гран, представляли собой совершенно неизбежную меру, без которой не обходится ни одна тюрьма в мире[48]. Производство обысков, иногда самых тщательных, вызывался необходимостью, нередки были случаи, когда арестанты прятали в подметках обуви, в швах одежды, шапках, подушках, кусках

[47] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 811. Л. 13.
[48] Там же. ЛЛ. 16—16 об.

сахара, переплетах книг, волосах, во рту и даже в прямой кишке вилки, ножи, яды и сильнодействующие вещества. Саратовский губернатор по поводу унизительного и антисанитарного порядка производства тщательных обысков в Саратовской тюрьме заявил, что подобных жалоб не поступало ни к нему, ни к губернскому тюремному инспектору, ни к чинам тюремной администрации. В случае необходимости произвести самый тщательный обыск арестанта ему предлагается поднять руки, показать подошвы и пальцы ног, открыть рот и показать язык, затем нагнуться и раздвинуть своими руками ягодицы, чтобы производящие обыск могли удостовериться, не скрыто ли что-нибудь в прямой кишке. При этом тюремные надзиратели заявили, что если бы их заставляли вводить палец в прямую кишку обыскиваемого, то они от этого отказались бы из чувства брезгливости, даже если бы им грозило увольнение со службы[49].

Глава тюремного ведомства категорически отрицал обвинение чинов конвойной стражи в обкрадывании арестантов, отмечая, что в заявлении не было приведено ни одного конкретного случая. Также было опровергнуто сообщение о попытке конвойных, сопровождавших партию арестантов из Балашова в Пензу, изнасиловать в вагоне 17-летнюю девушку, германскую подданную. В действительности ефрейтор Орлов при попытке отобрать складную ложку, принятую им за нож, у арестантки Амалии Супрас, германской поданной, ударил по лицу ее и заступившегося за нее арестанта Авилова. За это нарушение правил Устава конвойной службы Орлов был подвергнут строгому аресту на 8 суток с заменой постановкой под ружье[50].

Признавая тот факт, что за время войны пища заключенных стала хуже, вследствие больших затруднений в получении мяса и рыбы и чрезвычайно высоких на них цен, П.К. Гран не соглашался с утверждением о том, что арестантов кормят впроголодь или даже морят голодом. В отношении же Шлиссельбургской тюрьмы отмечалось, что там, вопреки утверждению авторов запроса, пищевая раскладка не была уменьшена против нормы, хотя в 1916 г. и ощущалось отсутствие мяса, но не по вине тюремной администрации, а от общих причин. Снабжение Шлиссельбургской тюрьмы продовольствием было сопряжено с большими затруднениями вследствие запрета вывоза продуктов из Петрограда.

Продовольствие каторжных Шлиссельбургской тюрьмы производилось по утвержденной раскладке:

понедельник: обед — гороховый суп и пшенная каша, ужин — гречневая кашица;

---

[49] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 811. Л. 17 об.

[50] Там же. Л. 22 об.

вторник: обед — картофельный суп с рыбой и гречневая каша; ужин — макароны;

среда: обед — гороховый суп с рыбой и гречневая каша; ужин — пшеничная кашица;

четверг: обед — щи с рыбой и гречневая каша; ужин — картофельная тушенка, состоящая из одного фунта картофеля, 1 золотника постного масла и 2 золотников соли на одного человека;

пятница: обед — гороховый суп и пшеничная каша, ужин — картофельная тушенка;

суббота: обед — щи с рыбой и гречневая каша; ужин — пшеничная каша;

воскресенье: обед — вермишелевый суп с мясом и гречневая каша, ужин — картофельная тушенка[51].

Осенью 1916 г. вместо мяса здоровым арестантам давали рыбу, больные заключенные продолжали получать мясо.

По поводу заявления о двух убийствах, совершенных надзирателем Шиловым (беглого каторжника и вольного человека), сообщалось, что за первое убийство он был осужден 21 сентября 1916 г. к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы на 8 лет. По поводу второго убийства на момент составления отзыва ГТУ на думский запрос следствие еще не было закончено. Убитый оказался не вольным человеком, а бежавшим с каторги Тихоном Тарасовым. В данном случае состава преступления обнаружено не было, дело предполагалось направить на прекращение.

Последнее заявление о запросе по поводу незакономерных действий должностных лиц по отношению к заключенным и высланным в административном порядке было внесено за подписью 30 членов Государственной думы 8 декабря 1916 г. В заявлении приводились новые факты истязаний заключенных, например в Тобольской тюрьме, но основное внимание обращалось на тяжелое положение административно высланных[52]. Заявление неоднократно вносилось в повестку дня заседаний Думы, вплоть до ее последнего собрания 25 февраля 1917 г., однако, депутаты так и не успели приступить к обсуждению запроса[53].

---

[51] РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 811. ЛЛ. 35—35 об. Организация питания заключенных была упорядочена циркуляром ГТУ от 12.05.1912 (*Детков М.Г.* Наказание в царской России. Система его исполнения М., 1994. С. 55—56).

[52] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1075. ЛЛ. 3—4.

[53] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1917. Стб. 929—1758.

Н.С. СИДОРЕНКО

Депутаты и политика (из истории Уральского депутатского корпуса Государственной думы России (1906—1917)

Возрождение и развитие парламентской традиции в современной России создает устойчивый интерес к изучению отечественной практики деятельности представительного учреждения. Анализ отечественной историографии по данной проблеме свидетельствует о росте публикаций, появлении монографических работ, усилении внимания к региональному аспекту. Результатом научного исследования стало переосмысление ряда догматизированных положений и оценок относительно истории становления российского парламентаризма[1]. В то же время многие аспекты практики деятельности депутатского корпуса остаются недостаточно исследованными. К их числу относится, на наш взгляд, изучение самого хода законотворческой деятельности Государственной думы, выявление степени активности депутатов различных фракций, комиссий и рабочих групп. Тесно связана с этой проблематикой и постановка вопроса о политической ангажированности депутатов, выявлении взаимосвязи думской и внедумской практики деятельности. Исследование этих вопросов имеет непосредственное практическое значение для совершенствования механизма функционирования современного российского парламента.

В настоящей статье рассматривается воздействие политического фактора на позицию уральских депутатов в Государственной думе России (1906—1917). Как часть единого депутатского корпуса они обладали типичными и особенными характеристиками. Особенные были связаны со спецификой социально-экономического и политического развития региона, который они представляли в Думе.

Созыв Государственной думы в условиях революции определенным образом отразился на составе ее депутатского корпуса. Не исключением была и депутатская группа от Урала. Большинство мест в составе уральских депутатов I Думы составляли сторонники кадетов, наиболее оппозиционной партии, и тесно примыкавшей к ней по программным установкам национал-либеральной партии «Иттифак-эль-муслимин». Однако победа уральских кадетов была не столь

[1] См.: *Демин В.А.* Государственная дума России (1906—1917): Механизм функционирования. М., 1996; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906—1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998 и др.

убедительной, как по стране в целом (37,4%). Уральские депутаты-кадеты составляли большинство только в блоке с национал-либералами, доля которых была выше доли депутатов-кадетов (21% против 18,6).

«Революционность» состава депутатской группы во II Думе на Урале была выше, чем по стране в целом. «Левые» лидировали с большим отрывом (57 %, по стране — 43%), национал-либералы, хотя и были потеснены депутатами «слева», но сумели сохранить свои позиции (16,7 %). Потери сторонников кадетов и прогрессистов были заметнее (14,2% , по стране — 19%)[2].

Поражение сторонников партий умеренного и консервативного направлений на выборах в первые две Думы отражало состояние «революционной романтики» провинциального общества. Открытые предвыборные собрания с участием представителей основных политических партий, участвовавших в выборах, свидетельствовали о непопулярности сторонников консерватизма. В значительной степени это определялось неразвитостью идеологической концепции российского консерватизма в целом, отсутствием привлекательных лозунгов[3], меньшей степенью готовности к принятию новых политических структур в лице Государственной думы и Государственного совета, особенно в условиях революции. Сторонники консерватизма на Урале поддержали линию Объединенного дворянства на принятие нового избирательного закона. Суть ее была откровенно высказана одним из членов Главного совета Союза русского народа: «...в Думе лучше видеть левых, так как такая Дума недолговечна. Если же Дума будет состоять из умеренных, то такая Дума может укрепиться и провести в жизнь начала, несогласные с воззрениями чисто монархических партий»[4]. Факты свидетельствуют о том, что при невозможности проведения своих кандидатур уральские правые поддерживали кандидатуры левых против кадетов (в Уфе и Перми)[5].

Группа представителей национал-либеральных сил в уральском депутатском корпусе усиливала позиции кадетской фракции в Думе, так как примыкала к ней организационно. Устойчивость этой груп-

---

[2] *Сидоренко Н.С.* С мечтой о великой России: уральские консерваторы и либералы в Государственной думе России (1906—1917 гг.). М., 2005. С. 34, 57.

[3] См.: *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа. 1907—1914. Пермь, 2001.

[4] ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 377. ЛЛ. 1, 1 об.

[5] *Нарский И.В.* Взаимоотношения политических партий на Урале в начале XX века // Социально-политические институты провинциальной России (XVI — начало XX вв.). Челябинск, 1993. С. 31.

пы определялась, во-первых, спецификой национального состава Урала, где присутствовала довольно значительная группа мусульманского населения (в Уфимской губернии — 62%, в Оренбургской — 30%, в Вятской — 23%, в Пермской — 10%)[6]; во-вторых, активностью мусульман на выборах, их стремлением расширить свое представительство в Думе для решения, в первую очередь, национального вопроса, а также достижения гражданского равенства. Составляя на отдельных выборных участках большинство, они оказывали влияние на выдвижение кандидатур для выборов — от кадетов и левее — тех, кто поддерживал требование гражданского и национального равноправия[7].

Работа уральских депутатов в I и II Думе соответствовала общему духу непримиримой оппозиции. Уже в ходе обсуждения проекта ответного адреса Думы они выразили свою солидарность с требованиями кадетов — ведущей фракции Думы. При этом тон выступлений ораторов был нарочито резким. Так, говоря о необходимости принятия закона об отмене чрезвычайного положения в стране, ораторы требовали освобождения России «от действия тех чрезвычайных законов усиленной и чрезвычайной охраны и военного положения, под прикрытием которых особенно развилось и продолжает проявляться самовластие безответственных чиновников»[8]. Недоверие Государственному совету прозвучало из уст представителя мусульманской фракции Ш.Ш. Сыртланова. Он заявил о том, что вырабатываемые Думой постановления далеко не все доходят до царя. «Каков же путь, — вопрошал депутат, — может быть через Датского короля?»[9].

Резкость позиции уральских депутатов, их напористость усиливались отсутствием знаний и опыта работы в законотворческом учреждении. Так, по внесенному кадетской фракцией законопроекту об отмене смертной казни депутат В.Н. Грамматчиков (Пермская губ.) предложил немедленно «принять решение в окончательной форме», без передачи его в комиссию. Такая поспешность не была поддержана, так как шла в разрез с требованиями юридической техники и превращала требование об отмене смертной казни в простую декларацию[10].

---

[6] История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 103.

[7] Уфимский край. 1907. 17 января.

[8] Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. СПб., 1914. Ч. 1. Стб. 630—635, 774—775.

[9] Там же. Стб. 595.

[10] Там же. Созыв I. Сессия 1. СПб., 1906. Т. 1. С. 429.

Еще одним явлением, связанным с действием политического фактора, стало использование в думской практике наказов избирателей как средства давления на власть. В российском законодательстве получила закрепление доктрина национального представительства, согласно которой член парламента представлял не избирателей своего округа, а нацию в целом. Российская модель не предполагала направление членам Думы наказов избирателей и отзыва своих представителей. Европейская практика первоначально исходила из идеи тесной связи избирателей со своим депутатом. Депутаты Государственной думы перед началом ее работы давали письменную клятву в том, что будут исполнять возложенные на них обязанности членов Государственной думы «по крайнему нашему разумению и силам, храня верность государю императору и самодержцу всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России». Депутаты, отказавшиеся дать это обещание, считались ушедшими в отставку. На практике таких случаев не было. Даже социал-демократы и социалисты-революционеры, всеми силами боровшиеся за республику и старавшиеся в Думе всемерно дискредитировать императорское правительство, и будучи атеистами, обещали перед Богом хранить верность императору.

Однако практика реализации законодательства пошла по иному пути. Депутаты, особенно из числа оппозиционных фракций, рассматривали себя в качестве выразителей их нужд, «ходоков», и старались довести эти наказы до сведения Думы. Представляется, что это было не только следствием недостаточной правовой грамотности депутатов, но и усилившимся процессом политизации общества. Эти обстоятельства сделали совершенно неосуществимым требование, чтобы каждый депутат действительно представлял все население страны. Укоренение «парламентаризма» объективно требовало установления тесной связи между депутатами и избирателями, иначе для большинства народа она оставалась как «темна водица во небесах». Предвыборные обещания депутатов стали выступать как их обязательства перед избирателями, в Думе они стремились реализовать их, нередко преступая границы «дозволенного»[11].

Из числа уральских депутатов широко использовали наказы в целях оправдания радикальных требований решения аграрного вопроса трудовики. Только во II думе они получили около 26 наказов[12].

[11] *Кравец И.А.* Правовой статус «народных представителей» в думский период российской истории (1906 — февраль 1917 г.) // Правоведение. 2001. № 1.

[12] *Анохина З.Н.* Борьба большевиков Урала за осуществление ленинской думской тактики в годы Первой революции в России: Дисс. ... к. ист. н. Челябинск, 1983. С. 177.

Наиболее ярко проявилась связанность с наказами избирателей в деятельности уральских депутатов — членов мусульманской фракции. Приоритетными направлениями их работы стали сохранение религиозно-культурной самобытности и достижение для мусульман юридического и фактического равноправия с русскими гражданами. Следуя своей цели, они при обсуждении тех или иных вопросов в Думе стремились ограничиться формулировкой местных проблем. В конечном счете такая позиция привела к некоторой обособленности мусульманских депутатов от общей парламентской деятельности[13].

Письма, наказы, приговоры активно использовали в своей практике и уральские депутаты-кадеты. Особенно явно это отразилось в практике работы I и II Государственных дум, действующих в условиях повышенной политической напряженности. Опираясь на них, депутаты пытались реализовать тактику «широкого оппозиционного фронта», наступления на правительство, не останавливаясь перед возможностью открытого разрыва с ним. С этой целью они апеллировали к местным комитетам. Уральские кадеты от имени наиболее крупных отделов — Екатеринбургского и Пермского — выступили в поддержку действий кадетской фракции Думы, выдвинутых ею законопроектов. В своей телеграмме на имя председателя Государственной думы С.А. Муромцева они сообщали: «Группа граждан г. Екатеринбурга присоединяет свой голос к всенародному требованию полной амнистии всем борцам за свободу, немедленной отмены всех исключительных законов, установление в стране гражданских свобод и полагает, что до удовлетворения этих неотложных и основных требований никакая органическая работа Думы не должна иметь места». Подобные телеграммы, составленные при непосредственном участии кадетов, были посланы в адрес Думы от общества приказчиков г. Екатеринбурга, ряда заводов Урала. В телеграмме, принятой на сходе в Нейво-Рудянском заводе, кадеты провели требование в поддержку резолюции своей фракции «об отставке нынешнего министерства... идущего по реакционному пути, не получившего доверия и симпатии страны...»[14].

Не отказывались от поддержки с мест и уральские депутаты-консерваторы. Однако, в отличие от левых радикалов и либералов, осуществляли они это не прямо, а косвенно — через местную и центральную печать. Опирались на поддержку с мест, как правило, в целях поддержки правительственной платформы, а также склонения

[13] Мусульманские депутаты Государственной Думы России 1906—1917 гг.: Сб. док. и материалов. Уфа, 1998. С. 15.

[14] Уральский край. 1906. 16, 19 мая.

его к принятию мер сдерживающего характера в отношении «строптивой» Думы[15].

На снижение излишней политизации в деятельности депутатов было ориентировано российское законодательство, закреплявшее правовой статус депутата Государственной думы. Юридический статус депутатов Государственной думы России был закреплен нормами Манифеста 17 октября 1905 г., а также Учреждения Государственной думы (УГД) от 20 февраля 1906 г. и последующими актами, принятыми в 1906—1908 гг. По учреждению 1906 г., членам Думы предоставлялась «полная свобода» слова по обсуждаемым делам. Кроме того, они не могли подвергаться административному преследованию или личному аресту за долги. Для ареста депутата во время сессии требовалось согласие Думы, кроме задержания на месте преступления или на следующий день после него. Преступления членов Государственной думы приравнивались к преступлениям по должности назначенных членов Государственного совета, министров, сенаторов. Принятое законодательство исходило из ограничительного понимания «свободы слова» как высказывания собственного мнения независимо от мнения любых других лиц, в том числе правительства, что не означало освобождения от ответственности за нарушение закона. Разрешалась свобода критики, но не свобода брани и оскорблений или свобода призыва к преступным деяниям[16].

К сожалению, Дума первой российской революции не смогла ограничиться очерченными законом рамками. Этот недостаток работы Государственной думы отмечали еще современники. В их числе были уральские депутаты-крестьяне. В интервью газете «Neie Presse» пермский депутат, представитель группы беспартийных И.А. Трифонов отмечал: «...за революционными криками в Думе не слышно голоса умеренных крестьян, которые даже свою жажду земли умеют облечь в миролюбивую и спокойную форму, и по какой-то странной случайности все нелепые резолюции в Думе принимаются единогласно, как будто и нет в Думе ни этой крестьянской группы (61 чел. беспартийных — *Н.С.*), ни других умеренных элементов, хотя на выборах местами прошли представители правых партий и из интеллигенции»[17].

Екатеринбургская газета правых «Знамя» в связи с резкими выступлениями депутатов указывала, что такое положение дел входит в противоречие с существующим законодательством: «Если правитель-

[15] Знамя. 1907. 28 февраля; 18,21, 23, 28, 29, 31 марта и др.

[16] *Покровский П.* Свобода слова в российских законодательных учреждениях // Русское богатство. 1912. Кн. 11. С. 244.

[17] Пермский вестник. 1906. № 5. С. 12.

ство... должно согласно закону 4 марта 1905 г. закрывать всякие публичные собрания социал-демократов и других незаконных сообществ и партий, то же Правительство, и согласно закону 4 марта 1905 г. и согласно простому здравому смыслу должно закрыть допущенное по недоразумению сборище революционеров под ложною формой «Государственной думы»[18].

Следствием повышенной политизации выступлений депутатов явилась низкая в целом работоспособность Думы первого и второго созывов. I Государственная дума довела до конца лишь одно важное дело — ассигнование средств на помощь голодающим; II Дума сумела принять около двадцати законов, но среди них не было тех, в которых более всего нуждалось общество: об аграрной реформе, о введении всеобщего начального образования, о неприкосновенности личности и ряда других[19].

Не был преодолен этот недостаток и в работе Думы, созванной по новому избирательному закону. Так, временно был отстранен, а затем исключен из состава III Думы депутат В.Е. Косоротов за произнесение антиправительственных речей (Уфимская губ.). На заседании III Думы он выступил с осуждением суда над членами социал-демократической фракции Думы, в знак протеста покинул заседание зала[20]. Уральские депутаты левых фракций продолжали рассматривать Государственную думу прежде всего в качестве всероссийской агитационной трибуны, а думскую тактику — одним из средств революционного воспитания масс.

Работа III и IV Дум была более плодотворной, но на них оказало существенное влияние политического фактора. В связи с созданием Думы возросла роль партийных фракций как политических центров, от которых шли импульсы на места. Соответственно и депутаты позиционировали себя не только представителями законотворческого органа, но и определенных социальных и политических страт общества. Это придавало их выступлениям особый оттенок эмоциональности, особый тон решительности, напористости, готовности добиваться цели и, причем, не только парламентскими средствами. Активизировалась внепарламентская деятельность депутатов. Ее пик пришелся на период существования прогрессивного блока. В сентябре 1915 г. в Оренбург приезжал депутат-прогрессист Е.Г. Колбинцев, в октябре — М.И. Гродзицкий. В выступлениях депутаты

[18] Знамя. 1907. 28 февраля (Екатеринбург).

[19] *Тютюкин С.В.* От составителей // Государственная дума. 1906—1917 гг.: Стенографические отчеты. М., 1995. Т. II. С. 7—8.

[20] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1909. Стб. 528—529.

призвали присутствующих активизировать свое участие в политической жизни страны, внимательно следить за работой Думы. Либеральная пропаганда приносила определенные плоды. В «...интеллигентных слоях населения Урала окрепло мнение, что правительство без помощи Государственной думы не сможет удовлетворить все потребности армии и населения и ввести в тылу порядок, вместо анархии и беспорядка...». Из Уфимской губернии сообщали, что «население верит, что новое объединенное правительство, совместно с Государственной думой выведет страну на путь порядка, организует правильное снабжение отдельных мест продовольствием, урегулирует транспорт...»[21].

Политическая составляющая, хотя и занимала существенное место в облике депутата, все же не могла вытеснить главное, связанное с практической работой в комиссиях, рабочих группах и заседаниях Думы. Стенографические отчеты заседаний Государственной думы зафиксировали ряд глубоких выступлений уральских депутатов по важнейшим вопросам экономической политики правительства, расходования денежных средств. Многие из них внесли весомый вклад в разработку ряда законопроектов.

В III и IV Думах уральские депутаты были представлены в ее ведущих комиссиях: бюджетной, финансовой, по аграрному и рабочему вопросам, по составлению Наказа (правил парламентских процедур) и других. Ряд уральских депутатов были выдвинуты в руководящие органы думских фракций. Уфимский депутат К.Б. Тевкелев являлся председателем мусульманской фракции III и IV Государственных дум, А.П. Толстой (Уфимская губ.) — секретарем фракции прогрессистов III Государственной думы, И.В. Титов (Пермская губ.) — секретарем в IV Думе. Членом бюро фракции прогрессистов IV Думы был М.И. Гродзицкий (Оренбургская губ.), кадетской фракции — В.А. Степанов. Среди депутатов наибольшую активность проявили депутаты-прогрессисты А.А. Бубликов, А.Ф. Бабянский, М.И. Гродзицкий, И.В. Титов, член кадетской фракции В.А. Степанов, К.Б. Тевкелев, председатель мусульманской фракции и др.

Несомненной заслугой уральских депутатов явилось привлечение внимания Думы к проблемам уральского экономического региона и, в первую очередь, обсуждение сложного положения горнозаводской промышленности Урала, находившейся в начале XX в. в состоянии затяжного экономического кризиса. Результатом совместных усилий депутатов Думы, Министерства торговли и промышленности, местных органов власти и общественных организаций яви-

[21] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 7; Ч. 86. ЛЛ. 29, 39.

лась выработка комплексной программы выведения уральской горной промышленности на уровень современного организационного и технического развития. В отличие от уральских левых депутатов, настаивавших на крайних способах решения вопроса, вплоть до лишения заводов их настоящих владельцев и передачи предприятий в руки самих рабочих, большинство уральских депутатов – либералов и консерваторов – поддержали правительственную политику. Она предполагала постепенное реформирование окружной системы уральских горных заводов на соответствующей правовой основе с последующим переводом отдельных заводов в казенную или частную собственность.

Политизация деятельности Думы в условиях Первой мировой войны явилась фактором дестабилизации власти в условиях нараставшего политического кризиса. Многие депутаты были склонны переоценивать значение Думы и действия прогрессивного блока, не задумываясь о возможных разрушительных последствиях «штурма власти» в условиях продолжавшейся войны. Как известно, конфронтация исторической власти и Государственной думы в конечном счете закончилась гибелью обеих сторон.

О.А. ЯКОВЛЕВА

Проблемы развития системы путей сообщения на Российском Дальнем Востоке в деятельности Государственной думы (1906—1917 гг.)

В конце XIX — начале XX вв. процесс освоения дальневосточной окраины во многом зависел от успешного решения транспортной проблемы. Лишь развитие железнодорожного строительства и водного транспорта могло помочь в преодолении оторванности, отдаленности Приамурья от центральных районов России, способствовать вовлечению дальневосточного региона в единый государственный хозяйственный механизм.

Решение транспортной проблемы правительство России в первую очередь связывало со строительством Амурской железной дороги, которая должна была стать последним звеном грандиозной Транссибирской магистрали.

Поражение в русско-японской войне (1904—1905 гг.) заставило правительство и российское общество существенно пересмотреть свои взгляды на Дальний Восток и его роль в государственной политике. Стало очевидным, что непродуманная и во многом авантюрная деятельность в Китае и Корее в конце XIX — начале XX вв. не принесла ожидаемых результатов. Россия оказалась вынужденной вернуться к прежней модели региональной политики в Приамурском крае, в основе которой оставалась континентальная доктрина — приращение территории путем крестьянской колонизации, развитие коммуникаций и экономической интеграции, сохранение государственной целостности.

В изменившихся исторических условиях новое звучание приобрел лозунг «единой и неделимой России», нашедший свое отражение в дальневосточной политике. Особую роль в реализации правительственного курса должна была сыграть Амурская железная дорога, призванная решать не только военно-стратегические и экономические, но и национальные задачи, т.е. способствовать русской колонизации отдаленного региона, превращению его в неотъемлемую часть Великой России.

Необходимость быстрейшего заселения Приамурья и Приморья русским населением, способным стать надежной опорой государства, укрепление границ, освоение новых территорий стали приоритетными направлениями и приобрели общегосударственное значение.

В 1905 г. началось явное оживление обсуждения в правитель-

ственных сферах решения проблемы завершения Транссибирской магистрали. В июне и октябре 1905 г. Комиссия о новых железных дорогах дважды рассматривала предложения о сооружении Амурской железной дороги. Предлагалось строительство дороги на частные капиталы с правительственной гарантией облигационной части строительного капитала дороги. Но комиссия отклонила это предложение, мотивируя отказ тем, что дорога будет проходить по пустынной местности и еще долгое время будет убыточной и дефицитной. Она указала, что если по общегосударственным соображениям будет решено приступить к строительству Амурского участка Сибирской магистрали, то целесообразнее стало бы его осуществление за счет средств казны[1]. После продолжительных дискуссий Комиссия отложила решение вопроса.

Следует напомнить, что в рассматриваемый период произошли существенные изменения в политической жизни страны. В российской законодательной системе власти появилось новое звено — Государственная дума и реформированный Государственный совет, без одобрения которых реализация правительственных планов стала невозможна. Кроме того, с образованием политических партий и развивающейся свободой прессы значительно возросли роль и значение общественного мнения, усилилось его влияние на правительственную политику. Таким образом, дальнейшая работа по сбору дополнительной информации, ее анализу с последующей разработкой проекта строительства Амурской железной дороги проходили в принципиально новых исторических условиях.

По представленным результатам в июне 1906 г. состоялось заседание Совета министров, на котором удалось прийти к соглашению по наиболее спорным вопросам. В итоге было принято решение о начале строительства дороги и проведении срочных изысканий по железнодорожной линии Сретенск—Хабаровск и об ассигновании на эти работы 700 тыс. руб. Утверждая это решение, император Николай II собственноручно написал резолюцию: «Настоятельно необходимо скорее приступить к сооружению Амурской железной дороги»[2].

К концу 1906 г. основные «изыскательные» работы завершились. К составленной расценочной ведомости прилагался теоретический отчет о будущем строительстве и его перспективах. Снова встал вопрос о финансировании проекта. В правительстве России возникли серьезные разногласия: прибегнуть к помощи частных предпринимателей либо осуществлять строительство за счет казны. Но осложнившиеся дипломатические отношения с Японией заставили пра-

[1] РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 949. ЛЛ. 252—253.
[2] Там же. Л. 260.

вительство склониться ко второму варианту. На заседании Совета министров 3 и 8 января 1907 г. было принято решение о внесении соответствующего законопроекта на рассмотрение II Государственной думы не позднее 1 марта 1907 года[3]. Однако из-за последовавшего 3 июня 1907 г. роспуска Думы законопроект остался нерассмотренным в общем законодательном порядке и не получил санкции народного представительства. 5 июня 1907 г. министр путей сообщения Н.К. Шаффгаузен-Шенберг-Эк-Шауфус выступил с докладом в Совете министров «О приступе к сооружению Амурской железной дороги». В нем оговаривались основные задачи строительства, пропускная способность дороги и целый ряд технических моментов. Министр просил разрешения Совета начать работы до утверждения законопроекта новой Государственной думой, объясняя это срочностью и стратегической необходимостью строительства[4].

26 июня 1907 г. решение о начале строительства Амурской железной дороги получило высочайшее утверждение в порядке 87 ст. Основных государственных законов[5]. Военное министерство обратилось в Совет министров с предложением об осуществлении строительства своими силами (железнодорожными, саперными частями), но поддержки не получило. 7 июля 1907 г. в газете «Приамурские ведомости» было опубликовано краткое сообщение: «Сегодня в Нерчинске состоялась закладка головного конца западного участка Амурской железной дороги»[6].

Лишь 9 ноября 1907 г. в III Государственную думу министром путей сообщения было внесено соответствующее представление. В народном представительстве разгорелись жаркие дискуссии. Многие депутаты негативно отнеслись к правительственному законопроекту, который активно поддерживали правые и октябристы. В рамках возникших дебатов получили развитие многие дальневосточные проблемы.

Обсуждение проекта сопровождалось спорами не только в комиссиях и фракциях Думы, но и на страницах периодических изданий, и в ученых обществах. Наблюдался повышенный интерес общественности к будущему законопроекту. Ставились вопросы: нужна ли вообще Амурская железная дорога и не будет ли она такой же авантюрой, как ее предшественница КВЖД[7]. Если правые едино-

[3] РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 952. Л. 20.
[4] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 750. Л. 3.
[5] РГИА. Ф. 268. Оп.3. Д. 954. Л.10.
[6] Приамурские ведомости. 1907. 7 июня (Хабаровск).
[7] Далекая окраина. 1908. 12 июля; Речь. 1908. 1 августа и др.

душно, а октябристы с оговорками поддерживали необходимость строительства, то в либеральном лагере наметился раскол. Большинство оппозиции настаивало на ненужности этой магистрали для России, объясняя свою точку зрения тем, что дорога должна пройти по «безлюдной, а, по мнению некоторых исследователей, совершенно невыгодной для колонизации местности»[8]. Меньшинство с такой же энергией приводило свои аргументы в защиту необходимости строительства.

Подводя общие итоги обсуждения в Думе, следует отметить численный перевес противников законопроекта, которые правительственный проект называли «случайным», «непродуманным», направленным против «народной пользы». Их главный довод выражался в том, что постройка дороги потребует колоссальных средств, она будет убыточной и после поражения в русско-японской войне Россия не может пойти на «такую жертву»[9]. Стало очевидным, что принятие законопроекта находилось под угрозой. После ряда резких выступлений противников Амурской дороги в ходе 45-го заседания слово взял премьер-министр П.А. Столыпин. Он сказал: «Вопрос о сооружении Амурской железной дороги казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть прений по этому вопросу... Теперь я вижу, что дело стоит иначе — вопрос о необходимости дороги вызывает серьезные сомнения, и само решение правительства кажется многим большой политической ошибкой. Вследствие этого я нахожу, что и правительство должно более подробно развить свою точку зрения на этот вопрос, так как именно в этом существенном вопросе, казалось бы мне, между правительством и большинством народного представительства не должно быть разногласия»[10]. Он сообщил членам Думы, что на основании статьи 87 Основных государственных законов Российской империи законопроект уже приведен в исполнение. Это решение Столыпин подтвердил цитатой Екатерины II: «Управлять — значит предвидеть». Он напомнил депутатам: «Отдаленная суровая наша окраина богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культурного развития. При таких обстоятельствах, при наличии государства, густонаселен-

[8] Далекая окраина. 1908. 20 марта.

[9] Далекая окраина. 1908. 28 марта.

[10] *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия...: Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906—1911. М.., 1991. С. 163.

ного, соседнего нам, эта окраина не останется пустынной». П.А. Столыпин считал, что на Дальний Восток «просочится чужестранец», если раньше не придет туда русский. Он сказал: «Если мы будем спать летаргическим сном, то край этот будет пропитан чужими соками, и, когда мы проснемся, может быть, он останется русским только по названию». Затем он еще раз отметил важность скорейшего заселения, которое возможно лишь при развитых путях сообщения. В заключение премьер-министр высказал утверждение о том, что Амурская дорога должна строиться русскими руками без привлечения иностранного наемного труда[11].

3 апреля 1908 г. Дума приняла законопроект «О приступе к сооружению Амурской железной дороги распоряжением казны и за ее счет».

В соответствии с процедурой законодательной деятельности законопроект был передан на утверждение в Государственный совет. Однако и здесь его судьба складывалась непросто. Образовались две противоборствующие группировки: сторонников и противников законопроекта. В числе противников оказался и граф С.Ю. Витте, считавший строительство ненужной и опасной правительственной авантюрой, которая потребует громадных средств. В своих мемуарах В.Н. Коковцов вспоминал эмоциональное выступление С.Ю. Витте, закончившего словами: «(Министерство финансов — *О.Я.*) идет навстречу случайному настроению Думы, вместо того, чтобы восстать всей силой своего авторитета против совершенно ненужных трат». 10 членов Государственного совета придерживались того же мнения: проект неудачен, экономических выгод России дорога не принесет, финансовые расходы чрезмерно велики[12].

Сложилась парадоксальная ситуация: Государственный совет, как правило, поддерживавший правительственный курс и сдерживавший чересчур радикальные законопроекты, предлагаемые Думой, в данном случае выступил вполне самостоятельно. Более того, некоторые его члены обвинили Думу в поспешном и необдуманном принятии правительственного проекта.

Министр финансов В.Н. Коковцов, выступая на заседании Государственного совета, попытался найти компромиссное решение, однако его позиция не встретила понимания. Тогда правительство было вынуждено изменить тактику. Снова был оказан нажим на противников проекта, в результате чего законопроект, переданный из Государственной думы, был принят без изменений большинством

[11] *Столыпин П.А.* Указ. соч. С. 165.
[12] РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Ч. 1. Д. 76. Л. 302.

голосов членов Соединенной комиссии Государственного совета и высочайше утвержден 6 июля 1908 года[13].

Весьма существенное осложнение внесло в дело требование о недопущении к выполнению строительных работ китайцев, корейцев и японцев. Договоры и подряды были заключены еще до рассмотрения вопроса в Думе. Поэтому подрядчики в значительной степени обеспечили себя китайскими рабочими, как более дешевой рабочей силой. Но уже летом 1908 г. пришло распоряжение из Санкт-Петербурга о «недопущении на работы по постройке дороги иностранных подданных». В середине августа из Приамурья сообщали, что, несмотря на понесенные предпринимателями убытки, «ни одного рабочего китайца на линии уже не было»[14]. Возможно, местные власти выдавали желаемое за действительное, но в крае на самом деле проводилась планомерная работа по обеспечению строительства исключительно русскими рабочими. Газета «Приамурские ведомости» 28 августа 1908 г. сообщала о том, что «иностранные рабочие... с начала августа 1908 г. никакого участия в строительстве не принимают»[15].

Однако, несмотря на значительные государственные субсидии, строительство Амурского участка общей протяженностью более 2000 км шло сложно, медленными темпами и требовало внесения корректив в правительственную политику. Следует напомнить, что трасса пролегала по совершенно безлюдной территории, по болотистым «марям» и топям, пересекала многочисленные скальные образования и реки, частично проходила в условиях вечной мерзлоты. Климатические условия также были крайне тяжелыми. Все эти и многие другие трудности значительно осложняли обеспечение строительства русской рабочей силой без привлечения иностранного наемного труда. Уже к 1909 г. возникли серьезные проблемы из-за осуществления большей части строительных работ подрядным способом. Подрядчики оказались в сложной ситуации вследствие полного отсутствия местного рынка рабочей силы и необходимости везти ее из центральных губерний, что было вызвано решением законодательных органов о привлечении к работам только представителей русского населения.

В Европейской России стали открываться многочисленные пункты «вербовки» добровольцев-строителей. Им предлагались различные льготы: бесплатный проезд до места работ вместе с семьями и

---

[13] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 323—324.

[14] Приамурские ведомости. 1908. 28 августа.

[15] Приамурье. 1908. 1 сентября (Владивосток).

обратно, предоставление надела земли в размере 15 десятин на мужскую душу, усадебная земля при дороге и т.д. Но природно-климатические, санитарно-бытовые условия и объемы работ оказывались настолько тяжелыми, что большинство рабочих после одного рабочего сезона уезжали обратно. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что на строительство далекой «Амурки» отправлялись беднейшие слои населения в надежде на улучшение своего материального положения и проблемы, связанные с тем, что «Дальний Восток должен быть русским и только для русских»[16], их не особенно волновали. Укажем, что многие рабочие, надеявшиеся на большие заработки, оказались обманутыми. Но несмотря на все проблемы и трудности, строительство дороги продолжалось. В ходе работы III и IV Государственных дум депутаты неоднократно возвращались к вопросам дополнительного финансирования строящейся дороги, так как предварительные расходы по смете постоянно превышались.

Таким образом, с 1907 по 1915 гг. было осуществлено это грандиозное строительство, последним звеном которого стало возведение моста через Амур в Хабаровске, введенного в эксплуатацию в 1916 году.

Наряду с необходимостью скорейшего железнодорожного строительства в рассматриваемый период обострилась проблема развития водного транспорта на Дальнем Востоке. Большинство морских перевозок между портами Европейской России и Дальнего Востока осуществлялось судами иностранных пароходных компаний. Многие населенные пункты тихоокеанского побережья и островов не имели регулярного сообщения с крупными портами региона. Морской путь был для них единственным способом получения продуктов, товаров первой необходимости, техники и др. Велико было и стратегическое значение водного транспорта: лишь регулярное морское сообщение между отдаленными портами могло содействовать укреплению пошатнувшихся позиций России на Дальнем Востоке.

Правительство во многом связывало надежды на разрешение морских транспортных проблем с реорганизацией Добровольного флота.

Следует напомнить, что зарождение и становление Добровольного флота было связано с обострением международной обстановки после окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг., когда у России возникла необходимость создания флота, который мог бы в мирное время осуществлять торговые перевозки, а в период военных действий выполнять роль вспомогательного крейсерского флота. В это время правительство не имело средств, необходимых для строи-

[16] Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 1.

тельства судов, и выходом из создавшегося положения стал сбор денег путем частных пожертвований. 11 апреля 1878 г. был учрежден Московский Главный комитет по созданию флота. Тогда и родилось его название: «Патриотический народный Добровольный флот». Русские люди с большим энтузиазмом откликнулись на призыв правительства. Вскоре были приобретены три океанских парохода у Гамбургско-американского акционерного общества. Эти суда успешно использовались Военным министерством для перевозки русских войск из Турции в Россию. Император Александр II высоко оценил действия флота, написав собственноручную резолюцию: «Спасибо за хорошее начало»[17].

С 80-х годов XIX века главной задачей флота стала организация регулярных пароходных рейсов на Дальний Восток. Судами флота перевозились ссыльные на Сахалин, доставлялись грузы (в том числе военные) из Одессы во Владивосток и обратно.

В 1883 г. управление Доброфлотом правительство передало Морскому министерству, а в 1886 г. — утвердило Временное положение о Добровольном флоте. Его основной задачей определялось: «Содержать срочное и почтовое товарно-пассажирское сообщение между Одессой и портами Восточного океана и содействовать развитию отечественной торговли»[18]. В 1892 г. было утверждено новое Временное положение сроком на 10 лет, по которому финансирование Добровольного флота осуществлялось за счет ежегодных субсидий из Государственного казначейства.

Однако далеко не всегда деятельность флота складывалось удачно. В конце XIX — начале XX вв. флот пережил ряд серьезных кризисов, что было связано с железнодорожным строительством в дальневосточном регионе (Транссибирской магистрали, КВЖД), усилением различных иностранных пароходных компаний и невозможностью Добровольного флота конкурировать с ними. В результате этого флот понес серьезные убытки. Попыткой исправления сложившейся ситуации стало принятие в 1902 г. нового Положения о Добровольном флоте. Во время его обсуждения в Государственном совете С.Ю. Витте впервые указал на то, что деятельность флота должна постепенно приобретать исключительно коммерческий характер. Но большинство членов Совета не поддержали эту позицию, высказавшись лишь за большую свободу коммерческой деятельности флота, который по-прежнему должен был осуществлять

[17] Энциклопедический словарь. Изд.: Ф. Брокгауз, И. Эфрон. СПб., 1908. С. 818—819.

[18] Дальневосточное морское пароходство (1880—1980). Владивосток, 1980. С. 82.

роль вспомогательного крейсерского соединения[19]. Исправление недочетов в работе флота требовало не только солидных затрат, но и времени. Начавшаяся в 1904 г. война с Японией сорвала планы правительства, а морские торговые перевозки на Дальний Восток резко сократились. Многие суда Добровольного флота оказались в ведении Морского министерства, осуществляя роль вспомогательных крейсеров и транспортов. Лишь в октябре 1905 г. возобновились рейсы флота из Одессы во Владивосток[20].

Война наглядно показала необходимость не только корректировки деятельности флота, но и коренного изменения основополагающих принципов его организации. Идея «крейсеров» явно устарела. Попытка открытия западной линии (Либава—Нью-Йорк) окончилась неудачно. Правительству и Правлению флота пришлось признать, что единственным приоритетным направлением деятельности Добровольного флота является Дальний Восток.

1907 г. стал рубежным в судьбе флота. Началась его коренная и срочная реорганизация. Заказы на новые небольшие пассажирские суда разместили на верфях Германии. На кораблях теперь имели право служить не только военные, но и моряки торгового флота. Эти мероприятия требовали больших финансовых затрат, т.е. нуждались в одобрении Государственной думы и Государственного совета.

В рассматриваемый период большую часть каботажных перевозок на Дальнем Востоке осуществляли суда Русско-Азиатского пароходства. Однако в правящих кругах России возникли сомнения в целесообразности заключения нового контракта с этой компанией, имевшей связи с иностранным обществом «Гамбургско-американские линии». Предпочтение было отдано Добровольному флоту, как «предприятию национальному»[21].

Представители Министерства торговли и промышленности считали необходимым поддерживать между Владивостоком и портами Кореи, Китая и Японии срочные пароходные сообщения, которые должны были стать продолжением Великого Сибирского пути. Также следовало организовать регулярные рейсы в Татарском проливе.

26 апреля 1908 г. соответствующий законопроект был внесен министром торговли и промышленности на рассмотрение в III Государственную думу. Ведомство планировало организовать рейсы сроком на 11 лет, начиная с 15 июня 1908 г., поручив их содержание и обслуживание Добровольному флоту с установлением следующих линий: Владивосток—Цуруга, 2 рейса в неделю; Владивосток—Шан-

[19] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1758. Л. 15.
[20] Дальневосточное пароходство. С. 85.
[21] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 250. Л. 2.

хай, 1 рейс в неделю; Владивосток—Николаевск-на-Амуре, 14 рейсов в навигацию.

Общее собрание Государственной думы 13 июня 1908 г. одобрило и утвердило этот законопроект, хотя признало, что вопрос о содержании пароходных рейсов в Татарском проливе возможно решить лишь временно, т.е. сроком на один год. Более подробное его рассмотрение было отложено до решения общего вопроса об организации Добровольного флота. Законопроект был окончательно утвержден 6 июля 1908 г.

Следует признать, что Добровольный флот в то время не мог осуществить в полной мере планы правительства, так как своих пароходов он еще не имел, они лишь строились на верфях Германии. Вследствие этого правлению флота приходилось фрахтовать иностранные корабли, большинство из которых являлись устаревшими и не соответствовали современным требованиям.

В сентябре 1908 г. при Морском министерстве было образовано межведомственное совещание, посвященное проблемам реорганизации Добровольного флота и разработке мер, направленных на улучшение его коммерческой деятельности. Решением совещания за Добровольным флотом признавалось значение не военно-подсобного, а мореходно-торгового учреждения, главной задачей которого являлось «осуществление национальных торгово-экономических задач России» на Дальнем Востоке[22]. Отношение прессы к принятым решениям было различным. Официальные издания их поддерживали, высказываясь за важность развития морских сообщений с далекой окраиной, а многие оппозиционные газеты, как центральные, так и дальневосточные, выступали с резкой критикой, направленной, в первую очередь, против Добровольного флота. Депутатов обвиняли в необдуманности принимаемых ими решений, в бессмысленной трате огромных средств. Говорилось о том, что «Добровольный флот никуда не годен» и представляет собой «чисто помещичье хозяйство»[23], неспособное к развитию. Но правительство придерживалось иного мнения и в ноябре 1908 г. внесло на рассмотрение Думы еще один законопроект, расширяющий сферу деятельности Добровольного флота. В нем говорилось о том, что содержание Охотско-Камчатских рейсов и пароходных сообщений в Татарском проливе предполагалось поручить Добровольному флоту, как «наиболее солидному русскому предприятию»[24]. Добровольному флоту

[22] Государственная дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия II. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 3016—3055.

[23] РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 429. Л. 6.

[24] Новое время. 1908. 11 сентября.

поручалось выполнение 4 рейсов из Владивостока к портам Охотско-Камчатского побережья, общей протяженностью около 21230 миль и 2 рейсов из Владивостока на Чукотский полуостров, общей протяженностью около 14 145 миль[25]. Приамурскому генерал-губернатору предоставлялось право, по соглашению с Правлением Добровольного флота, определять новые пункты захода пароходов, без увеличения платы, производимой Добровольному флоту за содержание сообщений. Правление флота имело право фрахтовать иностранные пароходы. Особо оговаривались суммы льготных тарифов для переселенцев и перевозимых ими грузов, которые не должны были превышать половину тарифа за перевозку казенных грузов (за каждую милю с каютных пассажиров — 3 коп., а с палубных — не свыше 1 коп.). За перевозку самих переселенцев и рабочих рыбопромышленных предприятий устанавливалась половинная плата.

Правительство стремилось создать максимально благоприятные условия для развития Добровольного флота, обеспечивало его привилегированное положение на Дальнем Востоке. Благодаря постоянной работе правительства и ведомств к 1909 г. произошли значительные улучшения в оснащении флота. Специально для дальневосточной экспрессной линии были построены быстроходные небольшие суда «Рязань», «Пенза», « Полтава», «Симбирск» и «Орел».

Постепенно деятельность флота стала приобретать чисто коммерческий характер. Исходя из этого главного изменения, в декабре 1908 г. правительство передало управление Добровольным флотом Министерству торговли и промышленности, которому поручалось в кратчайшие сроки разработать и представить на рассмотрение новый проект Положения о Добровольном флоте. Главным изменением в нем предполагалось реорганизация Совета флота, в который должны были входить представители не только ведомств, но и общественных организаций.

В 1910 г. Министерство торговли и промышленности направило отношение Приамурскому генерал-губернатору П.Ф. Унтербергеру, в котором напоминалось, что в 1911 г. оканчивается срок выплаты субсидии Добровольному флоту в размере 600 000 руб. в год на содержание срочных рейсов между портами Европейской России и Владивостоком. В связи с этим ставился ряд вопросов: желательны ли изменения в организации этих рейсов и нужно ли дальнейшее сохранение права Добровольного флота на их осуществление и др. Министерство признавало, что с вводом в действие железной дороги количество перевозимых флотом пассажиров резко сократилось и пароходная линия приобрела, в основном, грузовое значение. В

[25] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1356. ЛЛ. 6—8.

заключение высказывалась просьба о возможном ускорении решения данного вопроса в связи с тем, что законодательные предложения по нему Министерству следовало внести на рассмотрение в Государственную думу в течение весенней сессии 1911 года[26].

В январе 1911 г. Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером была отправлена телеграмма с ответом на запрос Министерства. В ней сообщалось, что вопрос подробно обсуждался во Владивостокском биржевом комитете, который направил свой подробный отчет в Министерство торговли и промышленности. Унтербергер выражал согласие с основными выводами Комитета[27]. В отчете Владивостокского биржевого комитета выражалась уверенность в том, что «не только желательно, но и необходимо сохранение и развитие срочных рейсов как в интересах торговых центров Европейской России, так и нашей далекой окраины»[28]. Существовавшее количество срочных рейсов признавалось недостаточным, объяснялась необходимость правительственной субсидии. Дальневосточники обращались с просьбой об увеличении субсидируемых рейсов с 18 до 24 в навигацию.

Ответом правительства стало внесение Министерством торговли и промышленности 11 мая 1911 г. законопроекта в Государственную думу. В нем предлагалось продлить на 1912 г. срочные рейсы на восточной линии и предоставить Добровольному флоту государственную субсидию в размере 600 000 руб. в год. 16 ноября в представленном финансовой комиссией докладе обосновывались причины заключения договора с флотом на 1 год. Однако срок работы Думы подходил к концу, и измененный законопроект не успел бы пройти все стадии его рассмотрения. Но большинство членов Думы не согласились с доводами комиссии, и было принято решение о продлении действия существовавшего договора на 2 года, т.е. до 1 января 1914 г. Законопроект был утвержден 19 декабря 1911 года[29].

Осенью 1910 г. перед правительством снова встал вопрос о содержании срочных пароходных сообщений между Владивостоком и портами Охотского и Берингова морей по линии Татарского пролива. Это обстоятельство объяснялось тем, что в 1909 г. он был решен лишь временно из-за отсутствия подробной информации о возможностях флота, слабой разработки плана сети сообщений и других причин. 24 сентября 1910 г. Министерство торговли и промышленности представило на рассмотрение Думы соответствующий законо-

[26] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1356. Л. 10.
[27] Там же. Л. 15.
[28] РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 597. Л. 3 об.
[29] Там же. Л. 8.

проект. В прилагавшемся докладе указывалось, что вопрос об организации срочных рейсов в Охотском и Беринговом морях всесторонне обсуждался в Особом правительственном совещании, на котором присутствовали представители не только заинтересованных ведомств, но и торгово-промышленных кругов Приамурского края. После подробного обсуждения его участники разработали детальный план организации пароходных рейсов и наметили необходимые пункты захода кораблей.

Ведомство планировало предоставить субсидию Добровольному флоту сроком на 10 лет в сумме 564 000 руб. ежегодно, а также выдать беспроцентную ссуду на строительство новых пароходов сроком на 20 лет с ежегодным погашением равными частями. Депутаты, соглашаясь с Министерством о количестве и направлениях рейсов, а также о размерах и типах пароходов, признали необходимость внесения некоторых изменений.

После продолжительных дебатов было принято решение предоставить флоту беспроцентную ссуду на покрытие расходов по строительству пароходов в размере, предложенном Министерством.

Следует признать, что главная задача — введение прерванного событиями русско-японской войны регулярного транспортного сообщения между Европейской Россией и Дальним Востоком силами отечественного торгового флота — в целом решалась успешно. Но необходимо учитывать, что условия деятельности Добровольного флота как учреждения полуправительственного были более благоприятными по сравнению с другими коммерческими пароходствами: ему выплачивались крупные субсидии от казны, предоставлялись беспроцентные ссуды и кредиты (доходившие до 2—3 млн руб.), флот обладал привилегиями на морские перевозки.

Анализируя деятельность законодательных органов России в области решения важнейшей для Приамурского края транспортной проблемы, необходимо подчеркнуть, что III Государственной думой было обсуждено более 20 законопроектов: из них 12 касались вопросов железнодорожного строительства, 9 — развития морского и речного транспорта, а также портовых изысканий в крае. Этот сравнительно значительный объем законопроектов свидетельствовал о том, что Дума придавала большое значение решению транспортных проблем для колонизации и освоения молодого края, укреплению его связей с центральными районами страны. Особое место отводилось вопросу о строительстве Амурской железной дороги, которая должна была стать прочным стратегическим звеном между Европейской Россией и далекой окраиной и способствовать укреплению позиций России на Дальнем Востоке. Правительство зачастую стремилось действовать силовыми методами, но следует признать, что в изме-

нившейся политической обстановке Дума уже иногда пыталась брать на себя роль сдерживающего, контролирующего начала.

Большое внимание было уделено вопросам развития морского и речного транспорта, необходимости выработки мер содействия развитию отечественного торгового флота в регионе. Ряд законопроектов касался реорганизации Добровольного флота, который должен был стать ведущей российской пароходной компанией и выполнять большую часть перевозок из Европейской России на Дальний Восток. Большинство депутатов Думы считали протекционистскую правительственную политику обоснованной и поддерживали ее. Вместе с тем среди рассмотренных Думой законопроектов значительная доля приходилась на мелкие, частные вопросы, которые могли бы более квалифицированно решаться на местном уровне. Критическое отношение к рассмотрению подобных вопросов неоднократно высказывалось представителями различных политических фракций в Думе.

Сложная система законодательства, существовавшая в те годы, ограниченность прав Думы зачастую не обеспечивали принятия адекватных, продуманных решений. Утверждались законопроекты временного характера, требовавшие затем повторного обсуждения из-за недостаточной изученности края, слабой информированности депутатов о его проблемах. Дальневосточные депутаты старались в силу своих знаний и возможностей предоставлять информацию о нуждах края, знакомить депутатов с его специфическими особенностями. Следует признать, что местные интересы у них практически всегда преобладали над партийными.

В целом же Государственная дума оказала позитивное влияние на решение транспортной проблемы Приамурского края, на реализацию дальневосточной правительственной политики.

В.В. ВЕДЕРНИКОВ

Первая парламентская дуэль (альтернативные подходы к решению аграрного вопроса в I Государственной думе и их судьба)[1]

Название моего сообщения, вероятно, нуждается в пояснении. Одним из главных героев предложенного текста будет известный политический деятель Владимир Иосифович Гурко, имя которого действительно было связано с парламентской дуэлью, правда неосуществленной. В мае 1907 г. в ответ на прозвучавшие с думской трибуны обвинения Гурко в злоупотреблении властью последний вызвал депутата Думы Ф.И. Родичева на дуэль. Однако вовсе не этот эпизод будет меня интересовать. Речь идет о словесной дуэли, собственно ради которой и создается парламент. Отождествление парламентских баталий с дуэлью было в повременной прессе расхожей метафорой. Так, парламентский обозреватель «Нового времени» А. Ксюнин писал: «Дума и правительство уподобляются тем дуэлянтам на шпагах, которые стоят друг против друга на расстоянии пятидесяти шагов, красиво потрясают оружием, делают угрожающие выпады...»[2]. С боем сравнила газета «Слово» столкновение по аграрному вопросу М.Я. Геценштейна и В.И. Гурко[3]. Исследователь Я.А. Гордин считает, что именно благодаря дуэльной традиции в русском дворянском обществе укоренилось понятие чести, свободы. Дуэль знаменовала становление элементов гражданского общества, не зависимого от власти. «В истории дуэли, — утверждает исследователь, — сконцентрировалась драматичность пути русского дворянина от государева раба <....> к человеку, взыскующему свободы и готовому платить жизнью за неприкосновенность своего личного достоинства <...>»[4]. Но разве не ту же роль, правда, уже в иных исторических условиях, призвано было сыграть народное представительство, где в открытой и честной борьбе русское общество отстаивало свои права перед лицом бюрократии? Поскольку поединок мог быть только между лицами равными, то, следовательно, общество признавалось равноправным партнером власти. При этом важно подчеркнуть, что целью дуэли была именно защита чести и

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 11-01-00127а.

[2] *Ал. Кс. [Ксюнин А.]* В думских кулуарах // Новое время. 1906. 17 мая.

[3] Второй аграрный бой // Слово. 1906. 25 мая.

[4] *Гордин Я.А.* Дуэли и дуэлянты. СПб., 1997. С. 6.

достоинства, а вовсе не физическое уничтожение противника. Такая дуэль при всей остроте спора предполагает, что тяжущиеся стороны все же соблюдают некоторые правила игры, взаимно ими признаваемые. Только тогда дуэль имеет шансы перерасти в диалог, который и ведет к рождению гражданского общества. Мне кажется именно это и имел в виду А.С. Пушкин, когда писал:

Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой

Между тем прения в I Государственной думе довольно трудно назвать диалогом. Читая стенографические отчеты, ясно понимаешь, с каким трудом устанавливались нормы парламентской демократии. На цели и задачи народного представительства депутаты и министры смотрели по-разному. Большая часть депутатов, основываясь на расширительном толковании Манифеста 17 октября, желала придать Думе учредительные функции, не считаясь с изданными накануне открытия народного представительства Основными государственными законами. С другой стороны, министры, которым с трудом давалось ремесло публичных политиков, отказывались даже от попытки диалога с народными избранниками, с теми, кто с высоты престола был назван лучшими людьми земли русской. Даже по истечении двух десятилетий после созыва Думы В.Н. Коковцов, переживший революцию и крушение монархии, писал из эмигрантского далека о Думе как об очаге открытой революционной пропаганды, «для прекращения которой у правительства не было никаких законных способов, кроме того, который напрашивался сам собой с первой же минуты»[5]. Может быть, единственным звеном политической системы, относительно которого царило согласие между парламентариями и бюрократами, была власть монарха. Но, конечно, для думских либералов и более левых групп монархизм был делом тактики, а не принципа и сочетался с изрядной долей лукавства.

Но предметом конфликта в молодом представительном учреждении стал не вопрос о монархии или республике, а аграрный вопрос, являвшийся наиболее актуальным для крестьянства, которое составляло около половины думских выборщиков. Аграрный вопрос еще до созыва Думы рассматривался правительством как источник будущего конфликта. Во время Царскосельских совещаний, где обсуждался проект Основных законов, глава правительства С.Ю. Витте прозорливо указывал: «В Думу попадут лица, которые на первое место поставят крестьянский вопрос». Он же заметил, что если бе-

[5] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания, 1903—1919. М., 1992. Т. 1. С. 162.

зусловно запретить саму возможность принудительного отчуждения, что предлагал И.Л. Горемыкин, то «Думу придется разогнать через два месяца»[6]. В ходе прений участники нашли возможным узаконить отчуждение во имя общегосударственных нужд, но только «за справедливое и приличное вознаграждение»[7]. Но во главе правительства был поставлен И.Л. Горемыкин. Таким образом, конфликт был неизбежен, ибо в принятом единогласно ответном адресе Дума наметила удовлетворить земельную нужду «путем обращения на этот предмет земель казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных и принудительного отчуждения земель частновладельческих»[8].

В декларации Совета министров, оглашенной И.Л. Горемыкиным 13 мая, содержалось резко негативное отношение ко всем реформам, намеченным Думой. Основой для отказа от принудительного отчуждения стала апелляция к принципу неприкосновенности частной собственности. «Государственная власть не может признавать права собственности на земли за одними и в то же время отнимать это право у других. Не может государственная власть и отрицать вообще права частной собственности на землю, не отрицая одновременно право собственности на всякое иное имущество»[9]. Примечательно, что сама манера оглашения декларации не была рассчитана на диалог. По словам думского корреспондента «Нового времени», Горемыкин читал документ «довольно быстро, весьма тихим голосом, местами не доносящимся до галереи»[10]. Только благодаря тому, что отпечатанный текст декларации сразу же был роздан депутатам, они смогли оценить степень противостояния правительства и Думы. Манера речи и облик Горемыкина невольно вызывали ассоциации с барином, который поучает невежественных крестьян, не снисходя до диалога. Именно так воспринял оглашение декларации присутствовавший в зале нововременец М.О. Меньшиков. По его словам, «среди пиджаков и косовороток трудовиков старый красивый барин в безукоризненном сюртуке прочел сдержанно и внушительно те слова, которые парламент должен был услышать от Императорского правительства. Ни тени вызова, ни на-

[6] Былое. 1917. № 4. С. 235—237.

[7] Высочайше утвержденные Основные государственные законы. Ст. 35 // Российское законодательство X—XX веков: В 9 т. М., 1994. Т. 9. С. 47.

[8] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 1. С. 241.

[9] Там же. С. 322.

[10] В Государственной думе // Новое время. 1906. 14 мая.

мека на оскорбительную интонацию: манеры, жесты, тон г. Горемыкина обличали в нем не только человека хорошего круга, но воспитанного в культуре власти, хотя бюрократической. Г. Горемыкин прочел декларацию и не снизошел до спора»[11]. Между тем после того, как 42 депутата внесли для предварительного ознакомления проект аграрной реформы (8 мая), прения по аграрному вопросу шли полным ходом. При серьезнейших разногласиях относительно различных вариантов аграрной реформы в центре и на окраинах, при спорах относительно методов наделения землей — в собственность или в пользование — в одном депутаты были едины: все отстаивали принцип принудительного отчуждения. Материалы Думы вызывали живейший интерес в деревне. Резко возрос интерес деревни к периодической печати. По сведениям статистического отделения Московской губернской земской управы, газеты получали 4/5 деревень, а в среднем на деревню приходилось 2—3 периодических издания в основном прогрессивного направления[12]. Поэтому правительство было заинтересовано в том, чтобы разъяснить свою позицию, вступив в полемику с Думой и кадетским законопроектом.

В разгар прений по кадетскому законопроекту в борьбу включились представители министерства. Открыл полемику главноуправляющий землеустройством и земледелием А.С. Стишинский. Его контраргументация включает два основных тезиса: формальная невозможность отчуждения земли, которое нарушает права собственности и экономическая нецелесообразность мероприятия, которое приведет к упадку промышленности, понижению товарности сельского хозяйства, обременению крестьянских хозяйств дополнительными выкупными платежами. Наконец, экспроприация даже всей помещичьей собственности не приведет к коренному перелому аграрного строя, поскольку крестьянский надел увеличится не более чем на 1 десятину на душу. Говорил Стишинский очень тихо, почти неслышно[13], да и сама речь была построена без расчета на диалог, поскольку аргументы формального порядка для Думы не были значащими, а фактическая сторона дела скорее всего просто не была услышана. Вообще правительственные ораторы были не на высоте положения. Крайне пристрастный в своих оценках думской деятельности С.Е. Крыжановский тем не менее отмечает, что выступления представителей правительства «были, по правде сказать, очень не-

[11] *Меньшиков М.О.* Письма к ближним // Новое время. 1907. 7 января.

[12] *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1989. С. 235.

[13] Новое время. 1906. 20 мая.

удачны и даже жалки». Исключение он делает только для В.И. Гурко и П.А. Столыпина[14]. Действительно, суть аграрного вопроса Гурко знал хорошо, хотя бы потому, что был помещиком (владел 877 дес. в Тверской губ.). Кроме того, он обладал и богатым административным опытом (в 1887—1891 гг. занимал должность комиссара по крестьянским делам в Царстве Польском, в 1902 г. — начальника земского отдела МВД при В.К. Плеве, а с марта 1906 г. товарища министра внутренних дел, сохранив свой пост и после отставки кабинета Витте-Дурново)[15]. Помимо этого он получил известность и как публичный политик, опубликовав цикл статей по аграрному вопросу в конце 1901 г. на страницах «Нового времени», позже вышедших отдельной книгой. Он же разрабатывал основы аграрной программы умеренно консервативного Отечественного союза, возникшего весной 1905 г. Побывавший в марте 1906 г. на приеме у товарища министра внутренних дел самарский предводитель дворянства А.Н. Наумов оставил следующую любопытную характеристику своего собеседника: «Говорил Гурко хорошо и быстро, слегка в нос и с заметным горловым оттенком. <...> Пылкий, увлекающийся, и несомненно сведущий по вопросам, связанным с земско-городским хозяйством, крестьянским укладом и земельным в стране положением, Гурко был находчивым оратором; про него можно было сказать, что он «за словом в карман не полезет»[16]. Выступления в Думе соответствуют этой характеристике. Отбрасывая формально-юридическую сторону вопроса, ни словом не упоминая о недопустимости принудительного отчуждения, Гурко во всеоружии цифр и фактов дал Думе фактическую справку о последствиях принудительного отчуждения. Во многом он шел вслед за Стишинским, но если аргументы главноуправляющего попросту не были услышаны, то речь Гурко обратила на себя внимание депутатов. Правда, во время его выступления часть депутатов-трудовиков демонстративно покинула зал заседания. Скорее всего это была народническая интеллигенция, Но оставшаяся часть аудитории, то есть крестьяне-землепашцы, выслушали оратора с напряженным вниманием.

---

[14] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. СПб., 2009. С. 95.

[15] См. подробн.: *Соколов Н.П., Степанский А.Д.* Записки государственного человека // *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000; *Соловьев К.А.* Гурко В.И. // Российский консерватизм сер. XVIII — начала XX в.: Энциклопедия. М., 2010. С. 137—139.

[16] *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью Йорк, 1955. Т. 2. С. 80.

Взяв на вооружение тактику левых, Гурко использовал парламентскую трибуну для того, чтобы сделать правительственную программу достоянием масс, напрямую обращаясь к крестьянам, указывая, что, если распределить всю удобную землю до последней десятины, то на душу придется менее 4 десятин. При этом при равномерном распределении пострадают те крестьяне, у которых наделы более нормы. Гурко говорил: «Выборные русского земельного крестьянства, запомните эти 4 десятины, запомните эту цифру! Да неизгладимо врежется она в вашей памяти! Запомните, что осуществление принудительного отчуждения частновладельческих земель неразрывно связано с отнятием у части крестьянского населения некоторой доли состоящей в его пользовании земли»[17]. Оратор очень умело указал на коренное противоречие кадетской аграрной программы, которая пыталась совместить принцип частной собственности с принципом коллективного землепользования. Последовательное признание земли общенародной собственностью неизбежно вело к отчуждению не только помещичьих, но и крестьянских владений, а признание неприкосновенности крестьянской собственности было несовместимо с экспроприацией помещичьего землевладения. Предлагаемая кадетами реформа, связанная с уничтожением интенсивных частновладельческих хозяйств, по словам Гурко, привела бы к падению производительности земли, в то время как целью реформы должно быть повышение производительности труда и как следствие рост благосостояния крестьян. Поскольку кадеты предусматривали компенсацию владельцам за утраченную собственность, что составило бы по приблизительным подсчетам около 3 млрд руб., то это ляжет тяжелым бременем на плечи крестьянского населения. В то же время, если найти хотя бы 1/5 часть этой суммы для интенсификации сельского хозяйства, расходы немедленно окупятся сторицей. «Изыщите эти средства, обратите их на подъем сельскохозяйственной культуры у крестьян и поверьте, что вы в десять раз больше сделаете для благосостояния страны, нежели когда растопчете ее земельные богатства посредством их распыления», — обращался Гурко к думцам.

Планируемая кадетами и трудовиками реформа, связанная с образованием общенационального земельного фонда, несовместима с принципами экономической свободы, без которой невозможна и свобода политическая. Заканчивая свое выступление здравицей в честь свободы, столь неожиданно звучащей в устах правительственного чиновника, Гурко заявлял: «Полное осуществление свободы

[17] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 1. С. 518.

мыслимо не только при наличности тех или иных гражданских прав человека, сколько в полной мере данных каждому человеку от природы сил развивать свою приобретательную способность в избранной им отрасли человеческого труда. Раздробление всей земли на малые потребительные участки с запрещением увеличивать эти участки свыше определенной меры — есть самое деспотичное ограничение свободы человека, ограничение его хозяйственной, экономической свободы. Это не что иное... как закрепощение крестьянства к земле, новое безысходное крепостное право»[18].

Гурко сделал попытку расколоть лагерь объединенной кадетской и трудовической оппозиции, указав, что кадетская программа ликвидации частного землевладения на руку прежде всего помещикам, которые после волны аграрных беспорядков только и мечтают об избавлении от обременительной земельной собственности. Таким образом, тезис крайних левых партий о «классовой» природе кадетского либерализма Гурко использовал для защиты правительственной программы.

Стенограмма, конечно, не может передать ни тона, ни интонаций оратора. Но благодаря воспоминаниям чиновника Министерства внутренних дел Дм. Любимова мы хотя бы отчасти можем понять, почему выступление Гурко вызвало такое сильное раздражение у депутатского корпуса. По словам Любимова, голос Гурко «звучал как-то чересчур вызывающе с высокомерным подчеркиванием недопустимости возражений и категорическими заявлениями о том, что в этом вопросе правительство не пойдет ни на какие уступки»[19].

Итак, Гурко сумел привлечь к своему выступлению внимание крестьян, выступил как крайне опасный противник, сумев сыграть на поле соперника и воспользоваться его же оружием. Это вызвало крайнюю тревогу в лагере левой оппозиции. Трудовик Ф.М. Онипко, ссылаясь на вотум недоверия, вынесенный Думой министерству Горемыкина, потребовал у председательствующего не предоставлять слово для выступления «посторонним лицам», под которыми подразумевались министры, а на заседании объединенной оппозиции обсуждался вопрос, не стоит ли лишать Гурко слова по тем формальным основаниям, что он был не министром, а товарищем министра. К чести Думы следует сказать, что подобное предложение все же было отклонено[20].

---

[18] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 1. С. 517—523.

[19] *Любимов Д.Н.* В Государственной думе // Возрождение. 1935. 29 августа.

[20] *Винавер М.М.* Конфликты в Первой Думе. СПб., 1906. С. 101—103.

Серьезные аргументы оратора требовали ответной реакции. Поэтому после выступления Гурко слово было предоставлено вне всякой очереди М.Я. Герценштейну. Старший современник товарища министра, он, подобно своему оппоненту, был прежде всего практиком, занимая должность члена правления Московского земельного банка Л.С. Полякова, ему же принадлежал земельный участок размером в 645 дес. в Егорьевском уезде Рязанской губернии, что вполне сопоставимо с земельной собственностью Гурко. Как и его оппонент, он довольно активно занимался публицистикой, а в активную политическую деятельность включился в годы первой русской революции. Словом, интеллектуальные силы и практический опыт дуэлянтов были примерно равны.

Без большого труда Герценштейн разбил аргументы о неприкосновенности собственности, которую отстаивал Стишинский, указывая, что само правительство в Западном крае из политических соображений нарушало это право. Кроме того, ликвидация чересполосицы, признаваемая правительственной программой, была невозможна без принудительного отчуждения.

Убедительно выглядела и критика утверждения Гурко, о том, что дополнительное наделение крестьян землей за счет помещичьих экономий якобы разорит крестьян, лишив их дополнительного заработка. По этому поводу оратор заметил: «Я удивляюсь, как вы решаетесь это утверждать; этому крестьянин ведь никогда не поверит. Сколько ему ни толкуй, что ему выгоднее остаться без земли, он этого понять никак не может». Действительно, Гурко допустил очевидную передержку, смешав прибыль с доходом (прибыль без издержек производства). Аргументация товарища министра била бы в цель, если бы речь шла о понижении товарности сельскохозяйственного производства. Но дополнительное наделение землей, увеличив благосостояние крестьянского хозяйства, уменьшило бы потребности в заработке на стороне.

Но далее оратор сталкивается со значительными трудностями. С одной стороны, надо доказать, что вненадельные земли крестьян не будут подвергаться отчуждению, а с другой — опровергнуть «арифметику» Гурко, который указал, что только при условии отчуждения всех частновладельческих земель возможно увеличение крестьянских наделов до потребительной нормы. Уйдя от ответа на вопрос по существу, оратор заменил его нападками на предшествующую правительственную политику, которая ничего не делала для подъема культуры и материального благосостояния крестьян, вспомнил арест земского агронома А.А. Зубрилина, который «гнил <...> в остроге еще весьма недавно». К слову сказать, Зубрилин был одним из активных деятелей созданной в Московской губернии крестьянской

«Марковской республики», но оратор, не упоминая об этом, изображает его одним из носителей аграрной культуры, человеком, который «в Волоколамском уезде научил крестьян травосеянию». Поразительно и то, что представитель партии народной свободы, ссылаясь на опыт Западной Европы, защищал широкое распространение в землепользовании учреждений «общественно-принудительного характера».

Таким образом, в ходе поединка противники обменялись оружием: консерватор Гурко выступил приверженцем экономической свободы, а либерал Герценштейн защищал принцип принудительных союзов.

Слабость своей аргументации Герценштейн маскировал грубыми личными выпадами. Адресуясь к Гурко, он утверждал, что «только в умах необразованных людей может возникнуть такое представление о земле». На ироничное замечание Гурко, что, создавая государственный земельный фонд, Россия, точнее, кадетские депутаты пытаются сказать новое, еще неведомое миру слово в области политэкономии, московский депутат парировал чисто митинговым приемом, замечая: «Вы даже иронизируете: Россия пример покажет, пример всему миру. У нас уже показали такой пример, нас втянули в позорную войну, какой никогда никакой народ не вел»[21]. Очевидно, что вопрос об ответственности за японскую войну никак не относился к теме прений. Но именно эта болезненная для власти тема широко эксплуатировалась оппозиционными политиками.

Гурко попросил слова для ответного выступления, дуэль обещала быть весьма интересной, но обеспокоенный, по-видимому, успехом правительственного оратора председательствующий кн. П.Д. Долгоруков закрыл заседание, объявив перерыв до вторника 23 мая.

В этот день, 23 мая, состоялся второй тур парламентской дуэли. Выступать приходилось в аудитории, которая была настроена враждебно и использовала приемы парламентской обструкции. Ораторам мешали говорить криками и шиканьем. Гурко вспоминал: «Как сейчас вижу я члена Думы Жилкина, сидевшего в верхних рядах, усиленно кричащего: «В отставку-ку-ку!», причем при восклицании «ку-ку» он прятался под пюпитр, которыми были снабжены все места, предназначенные для членов Думы»[22]. Тем не менее сорвать выступление не удалось. Речь была произнесена. В сущности она не внесла ничего нового в позицию правительственного оратора. Полемизируя с Герценштейном, Гурко указал, что принцип образо-

[21] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 1. С. 523—530.

[22] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. С. 563.

вания государственного земельного фонда и введения потребительной нормы землепользования ударит не только по помещичьему, но и по крестьянскому землевладению, заставит во имя равномерного распределения земли прибегнуть к широкому принудительному переселению из малоземельных в многоземельные губернии, а это сразу же вызовет борьбу внутри самого крестьянства. Но упор в выступлении был сделан на то, чтобы посеять в умах прежде всего крестьянских депутатов сомнение в чистоплотности авторов либеральной аграрной программы. Поэтому самое серьезное, но вряд ли допустимое в честном соперничестве оружие — argumentum ad hominem — было использовано оратором со всей возможной силой. Именно на эти аргументы, крайне слабые в своей содержательной части, но сильные эмоциональным воздействием на слушателей, Гурко и сделал основную ставку[23]. Узнав, что один из подписавших Проект 42-х депутат Д.Д. Протопопов попытался реализовать свое имение через посредство Крестьянского банка, Гурко, не называя фамилии депутата, язвительно заметил: «Раз эти лица признают, что цены банка являются несправедливыми для крестьян, то они не должны были бы продавать свои земли через его посредство»[24]. Речь свою Гурко завершил цитатой из выступления лица, которое «в глазах большинства Думы по земельному вопросу имеет большое значение». Цитата, суть которой сводилась к критике идеи национализации земли, была взята из выступления М.Я. Герценштейна на апрельском (1905 г.) совещании либералов по аграрному вопросу. Думаю, что в данном случае Гурко обращался не столько к крестьянам, сколько к интеллигентной части Думы, не исключая и трудовиков, которые постоянно подчеркивали непоследовательность кадетов и их склонность к компромиссам. Возможно, что именно этот выпад Гурко побудил трудовика Т.В. Локотя заметить, что «в фактической стороне и мотивировке взглядов самого Герценштейна тоже нет особенной твердости и бесспорности»[25].

Возражения Герценштейна тоже не содержали принципиальной новизны. Он ушел от ответа на вопрос, как без принудительного отчуждения крестьянских земель, без широкой программы переселения обеспечить уравнительную потребительную норму землепользования, ограничившись крайне неопределенным заявлением, что

---

[23] *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 562

[24] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 1. С. 567.

[25] *Локоть Т.В.* Первая Дума. Статьи, заметки и впечатления. М., 1906. С. 217.

нужно будет применить «другие меры»[26], не раскрыв их содержания, но вновь подчеркнул, что без принудительного отчуждения аграрный вопрос неразрешим. Объяснить, как можно совмещать критику идеи национализации земли с защитой программы, которая предусматривала частичную национализацию, Герценштейн не смог, ограничившись заявлением, что партия проводит «практическую программу», а не устанавливает «голый принцип». Оратор, таким образом, вскрыл коренной недостаток кадетской агарной программы, которая пыталась разрешить непримиримые задачи: резко ограничить помещичье землевладение, но сохранить частное крестьянское землевладение, не разрушить промышленные предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, но увеличить крестьянское землепользование, создать общенациональный земельный фонд, но учесть особенности землевладения и землепользования отдельных национальных и сословных групп. Все это не позволяло либеральной аграрной программе создать единое правовое основание для нормирования аграрных отношений. Сходясь в требовании дополнительного наделения землей, представители этих групп поразному рассматривали последствия аграрной реформы. Привести эти взгляды к общему знаменателю было задачей непосильной, на что и указал Гурко. По этой причине содержательные аргументы Герценштейн подменил обвинением Гурко в зубатовщине и провокации.

Итак, коренное отличие оппонентов в подходе к разрешению аграрного вопроса заключалось в том, что Гурко отрицал принудительное отчуждение земли, принцип, который нашел поддержку не только у кадетов, но в программе Думы вне зависимости от партийной принадлежности депутатов. Сильная своей критической стороной, речь Гурко не содержала детально разработанной программы решения аграрного вопроса. Лишь в конце обширного выступления он говорил о преимуществах уничтожения общины и закрепления земли в частную собственность[27]. У такой программы не было никаких шансов на поддержку со стороны крестьян. Программа кадетов, на первый взгляд, более детальная, соответствовала крестьянским ожиданиям. Но построенная на поисках компромиссов, она напоминала шаткий карточный домик, готовый разрушиться от малейшего соприкосновения с живой реальностью. Объединяло оба подхода, пожалуй, только одно: стремление сохранить единое общеимперское правовое пространство.

[26] Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Т. 1. С. 573.

[27] Там же. С. 523.

Кто же оказался прав в этом споре, и можно ли вообще говорить о чьей-либо правоте? Герценштейн, как известно, вскоре после роспуска Думы пал от пули убийцы. Его оппоненту было суждено сыграть определенную роль в политической жизни России. В годы войны В.И. Гурко, будучи членом Государственного совета, примкнул к Прогрессивному блоку, в 1917 году представлял Союз земельных собственников в Предпарламенте, а после установления власти большевиков активно боролся с революцией. В эмиграции вместе с П.Б. Струве Гурко был одним из организаторов в 1926 году Зарубежного съезда, который был призван объединить всю русскую эмиграцию и выработать общенациональную программу. Съезд констатировал невозможность реставрации Российской империи в ее прежних границах, заявив, что «возрожденная Россия будет стремиться к установлению дружеских отношений со всеми своими соседями, признав тем самым независимость и самостоятельное существование всех возникших на территории бывшей Империи Российской новых государственных образований»[28]. Следовательно, только революция сделала очевидным то, что игнорировали и либералы, и их консервативные оппоненты: невозможность сохранения Империи. Съезд рассмотрел и пути к разрешению аграрного вопроса. Докладчиком выступал В.И. Гурко. Его взгляды на экономические последствия «черного передела» и ликвидации предпринимательских хозяйств не претерпели существенного изменения. Докладчик констатировал резкое снижение товарности сельского хозяйства в СССР, культурное оскудение деревни, но вместе с тем он резко возражал тем, кто считал возможным реставрацию помещичьего землевладения. По его мнению, «...в крестьян внедрили убеждение, что соседняя земля, став его достоянием, будет способствовать его благосостоянию. Вы никогда не убедите отдельных людей, из которых составляется масса, в противном». В случае крушения советской власти необходимо закрепить результаты аграрной революции, сделав крестьян собственниками земли и тогда «в сравнительно короткий срок крестьянство доставит столько продуктов, сколько доставляли помещичьи хозяйства»[29]. Таким образом, Гурко, продолжая считать защиту среднепоместного землевладения правильной с экономической точки зрения, согласился с тем, что следовать данному курсу, который не мог быть поддержан крестьянами, было бы доктринерством, признав тем самым правоту своего давнего либерального оппонента.

[28] Российский зарубежный съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М., 2006. С. 673.

[29] Там же. С. 591—594.

А.В. КОСТЫЛЕВ

Санкт-Петербург и Москва на выборах во II Государственную думу

Дореволюционные думские избирательные кампании в новой и старой столицах России — Петербурге и Москве традиционно задавали пульс общероссийским выборам. Это обуславливалось и наличием здесь руководящих партийных центров, наиболее многочисленных и подготовленных кадров, и особым их статусом как отдельных избирательных единиц с куда большей свободой и масштабами предвыборной агитации. Выборы во II Государственную думу в столицах (декабрь 1906 — февраль 1907 гг.) интересны главным образом тем, как приспосабливались главные их участники и неизменные победители — кадеты (партия народной свободы) к изменившимся в неблагоприятную сторону условиям предвыборной деятельности. Кроме того, у кадетов тогда впервые появились конкуренты слева — разношерстный блок социалистических партий и организаций, которые, как известно, дружно бойкотировали первую избирательную кампанию.

Обескураживающие для власти итоги выборов и последующий роспуск I Государственной думы заставили новое правительство П.А. Столыпина принять действенные меры для обеспечения нужного результата при выборах в следующую, II Думу. Так называемые сенатские разъяснения лишили избирательных прав некоторых недостаточно лояльных категорий населения. В городах это были рабочие, лишившиеся права голосовать по городской курии как квартиронаниматели, а также мелкие служащие, снимающие квартиры в счет казенного довольствия. Само понятие «квартира» подверглось ограничительной трактовке как помещение, имеющее отдельный вход и «очаг». «Разъяснения» несколько уменьшили количество избирателей в крупных городах (в Петербурге и Москве, соответственно, со 146 тыс. до 119,2 и с 56,4 тыс. до 54,9), но отнюдь не грозили оппозиции массовой потерей голосов. Гораздо более существенное влияние на ход и результаты городских выборов могли оказать другие меры. Это изъятие из среды избирателей всех подписавших «Выборгское воззвание» перводумцев и вообще практика судебных преследований видных партийных активистов с целью недопущения их к выборам; а также искусственное деление всех участников избирательного марафона на «легализованные» и «нелегализованные» партии, т.е. по сути на тех, чья деятельность приветствуется или допускается, и тех, кто находится в разряде «неблагонадежных».

Первая мера хотя и изрядно опустошила ряды потенциальных кадетских выборщиков и депутатов, но эта потеря была все же восполнима. В Москве избирательных прав лишались, например, председатель I Думы С.А. Муромцев и Ф.Ф. Кокошкин (с другим кадетским депутатом, М.Я. Герценштейном, как известно, расправились физически), в Петербурге — М.М. Винавер, Н.И. Кареев, Л.И. Петражицкий и др.

Большую опасность для оппозиции несло правительственное преследование всех «нелегализованных» партий, в том числе запрещение им издавать и распространять агитационные материалы, созывать открытые партийные собрания, и что самое главное, раздавать «партийные» печатные бюллетени. Последнее было оформлено новыми министерскими дополнениями (от 10 декабря 1906 г.) к «Инструкции о порядке производства выборов записками». Согласно этому документу, заготовка избирательных бюллетеней целиком переходила в распоряжение городских управ, которые могли распространять дополнительные их комплекты только среди «легализованных» партий и союзов. Бланки записок, изготовлявшихся «помимо управ самими избирателями или обществами и союзами и не снабженные печатью управы», признавались недействительными[1]. П.Н. Милюков назвал это нововведение «ударом..., который должен был быть роковым»[2], тем самым подчеркивая замысел правительства поставить кадетов в менее выгодное положение с официально признанными октябристами и монархическими объединениями и лишить оппозицию доступа к бюллетеням. Уже в ходе выборов во II Думу избирательные записки с отпечатанными фамилиями кандидатов в выборщики стали отличительной чертой проправительственных партий. Интересно, что петербургские «истинно-русские» жаловались, якобы городская управа отдала октябристам полный комплект бюллетеней бесплатно, в то время как им приходилось выкупать это «оружие парламентаризма» за немалые тогда деньги (1400 руб.)[3].

Однако в ходе избирательной кампании кадеты нашли довольно простой и действенный способ обеспечивать своих избирателей готовыми «партийными» бюллетенями. В каждом из участков Моск-

---

[1] Положение о выборах в Государственную думу с разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства внутренних дел. СПб., 1907. С. 190.

[2] *Милюков П.Н.* Общий обзор избирательной кампании // *Смирнов А.* Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., 1907. С. 14.

[3] День. 1907. 14 января.

вы и Петербурга кадетские активисты попросту превратили несколько своих квартир в своеобразные избирательные штабы и конторы, где каждому желающему записка для голосования заполнялась вручную или на гектографе. Кроме того, значительную часть «законных» бюллетеней удавалось, видимо, доставать через служащих управы и, что полностью нельзя исключать, скупая у населения. Во всяком случае член ЦК «Союза 17 октября» и известный публицист А.А. Столыпин (брат премьера) на страницах «Нового времени» публично обвинял кадетов в скупке незаполненных бюллетеней по полтиннику за штуку[4]. Адреса этих квартир, а также списки кадетских кандидатов в выборщики публиковались в кадетских и прокадетских периодических органах. Например, «Речь» начала печатать списки еще в двадцатых числах января и не переставала вплоть до самого дня предварительных выборов, 8 февраля 1907 г. Кроме того, кадетский орган настоятельно рекомендовал внимательно отнестись к выбору бюллетеней и ни в коем случае не подавать записки с напечатанными именами кандидатов. Последний совет был адресован, очевидно, избирателям из простонародья, которые помнили, что на первых выборах кадеты распространяли исключительно печатные бюллетени и могли проголосовать по привычке, не сверяя имен кандидатов.

Нужно подчеркнуть, что нелегализованность кадетов лишала их возможности использовать во всех видах агитации, говоря современным языком, узнаваемый политический бренд «народная свобода». Это касалось и организации собраний, и изготовления бюллетеней. В этих условиях даже «Речи» при публикации имен кандидатов в выборщики приходилось использовать эвфемизм «наши кандидаты». Когда же те или иные активисты намеренно или случайно ссылались на комитет «партии народной свободы», это стоило срыва собраний и солидного денежного штрафа. Подобное случилось, например с бывшим депутатом от Петербурга кадетом Е.И. Кедриным, приговоренному за открытие несанкционированного собрания к немалому (1000 рублей) штрафу. Впрочем, это никак не поколебало и не могло поколебать семейный бюджет известного адвоката, так как он отказался платить штраф добровольно, а при выставлении имущества на торги не представлявшую никакой ценности пепельницу в виде вороны за означенную сумму сразу купил известный кадетский спонсор князь Д.И. Бебутов[5]. Таким образом, даже исполнение судебного решения кадеты превратили в рамках избирательной кампании в пропагандистскую акцию. Впрочем «кедринский инцидент»

[4] Новое время. 1907. 2 февраля.
[5] Новь. 1907. 10 января.

стоил кадетам не только денежными издержками. В известной брошюре «Вторая Государственная дума» А.И. Каминка и В.Д. Набоков именно с ним связывают приостановку устройства кадетских собраний в декабре 1906 г.: «В Петербурге весь декабрь совершенно пропал, после кедринского штрафа устройство собраний было слишком рискованно»[6]. Думается, есть основания предположить, что на начальном периоде предвыборной кампании кадеты преднамеренно пытались явочным порядком отстоять свое право на использование партийного названия и только неудача этих попыток привела их к необходимости продолжить агитацию в порядке инициативы «частных лиц». Однако это не могло сколько-нибудь серьезно сказаться на конечных результатах, так как партийная принадлежность их кандидатов все равно была известна огромному большинству избирателей, даже если ее не было возможности использовать в официальном порядке.

Вообще, в условиях, когда любые попытки распространения печатных партийных воззваний и списков на улицах без всяких разговоров оканчивались в полицейском участке, неизмеримо возросла роль прессы, ставшей едва ли не единственным рупором партийной агитации оппозиции. Неслучайно в Петербурге кадеты издавали во многом дублирующую «Речь» газету «Реформа», а в Москве кадетские избирательные списки печатали «Русские ведомости», «Новь», «Век». Главным рупором народнического крыла левых была газета «Товарищ», претендовавшая на роль органа всей революционной демократии. Власти, однако, и здесь постарались связать своим оппонентам руки, арестовывая и приостанавливая оппозиционные издания по самым надуманным поводам. Иногда даже опубликование кадетского, под грифом «партии народной свободы», списка стоило газетам, особенно в провинции, административного приостановления. За январь 1907 г., т.е. в разгар кампании, в целом по стране было приостановлено 77 изданий и 60 редакторов привлечено к суду, что почти всегда означало временное или постоянное лишение их избирательных прав.

Своеобразная «зачистка» избирательных списков была излюбленным приемом властей еще со времени выборов в I Думу. Но если тогда, как правило, это делалось постфактум (скорее всего из-за невнимательности избирательных комиссий, допускавших к выборам судимых за «литературные дела»), то теперь судебные преследования возбуждались нередко с явной целью устранения от участия в выборах. Так, за неделю до выборов был привлечен к ответственности

[6] *Каминка А.И., Набоков В.Д.* Вторая Государственная дума. СПб., 1907. С. 11.

весь состав Оргкомитета народно-социалистической партии, принимавшей самое активное участие в кампании в составе «левого блока» (наряду с эсерами, трудовиками и большевистской фракцией РСДПР). Редактор «Нашей Жизни» В.В. Водовозов был лишен избирательных прав как привлекавшийся к суду по «лишенческой», 129 статье Уголовного уложения, хотя к моменту выборов уже был приговорен к наказанию, не связанному с утратой прав. Если не удавалось привлечь деятелей оппозиции по судебным делам, то в распоряжении избирательных комиссий и Сената всегда находились другие, самые формальные предлоги для их отстранения. Подобное случилось, например, с П.Н. Милюковым и М.М. Ковалевским. Последний, виднейший историк и социолог, лидер партии демократических реформ, выдвигавшийся кадетами кандидатом в депутаты, был снят с эстафеты буквально накануне дня выборов, так что кадеты не успели исключить его из своих списков. Сам кадетский лидер, позаботившийся о приобретении промыслового ценза, не подошел под годичный ценз оседлости, который исчислялся со дня приобретения первого. Пройдя сито избирательной комиссии, он был бдительно «отфильтрован» Правительствующим Сенатом.

Следует отметить, что проверка списков избирателей на предмет нахождения в них неблагонадежных и возможных злоупотреблений «жидокадетов» использовалась «Союзом русского народа» как своеобразное средство избирательной борьбы. Заголовки вроде «Хроника выборных обманов», «Предвыборные мошенничества» стали почти регулярной рубрикой в таких рупорах черносотенцев как «Русское знамя», «День». Воинствующий антисемитизм продолжал оставаться одним из главных направлений агитации монархистов. Почти все их предвыборные материалы, подобно опубликованному за подписью В.М. Пуришкевича воззванию «От Главного совета Союза русского народа», содержали призывы не избирать в Думу «евреев, даже крещенных» и их друзей — кадетов, социалистов, «врагов Царя, Отечества и нашей веры православной»[7]. «Крещенные евреи» — прямой намек на кадетского кандидата в выборщики, на партийном плебисците избранном фактически кандидатом в депутаты от Петербурга И.В. Гессена, соредактора «Речи», видного юриста и публициста.

Несмотря на запрещение кадетских партийных собраний (с облегченной процедурой получения разрешения), кадеты вполне могли организовывать открытые встречи с публикой как частные лица, на основании закона о собраниях. Закрытые предвыборные дебаты, в соответствии с законом о выборах с участием только избирателей

[7] День. 1907. 3 января.

данного участка, также активно задействовались. Следует, правда, оговориться, что сказанное относилось лишь к столицам, где предвыборная агитация все же не подвергалась повальному стеснению даже на выборах во II Думу. Куда хуже приходилось провинциальным кадетам и левым. Но, даже разрешая предвыборные собрания, власти зорко следили, чтобы градус кипения страстей на них не повышался выше определенного уровня. Это касалось прежде всего общей критики властей и осуждения политики П.А. Столыпина в частности, а ведь без выяснения своего отношения к правительству полноценная агитация оппозиционных партий была невозможна. Некоторые случаи роспуска собраний полицейскими чинами вообще носили анекдотический характер. Так, на собрании избирателей Сущевского участка Москвы 9 января 1907 г. пристав перед началом заседания заявил, что не допустит упоминаний о деятельности I Государственной думы, партий кадетов и социал-демократов, а также любых критических замечаний в адрес кабинета. Все выступавшие затем постоянно прерывались им, и после того, как пристав счел критикой должностного лица упоминание об афере Гурко-Лидваля, собравшиеся попросту разошлись. Одно из собраний 11 января в Петербурге было закрыто приставом после вполне невинных слов Милюкова о том, что «нельзя быть по принципу ни монархистом, ни республиканцем»[8]. Подобная практика дала повод лидеру конституционалистов к ироничному замечанию: о правительстве и его союзниках можно было «говорить только хорошее, как о покойниках»[9].

В этом ряду стоит упомянуть об обязательном постановлении московского генерал-губернатора (от 11 января 1907 г.), сделавшем практически невозможным открытые предвыборные собрания. Согласно документу, их устроителям грозило наказание в виде трехмесячного ареста или 500 руб. штрафа, если они допустят произнесение речей ораторами, личность которых они не могли установить; а также раздачу воззваний и партийных программ нелегализованных партий. Эти же санкции ждали тех, кто будет изобличен в произнесении речей, «заключающих заведомо ложные или оскорбительные выражения о деятельности правительственного установления или должностного лица»[10]. Такая «свобода собраний» повлекла за собой волну своеобразных избирательных забастовок, когда предвыборные митинги в знак протеста самораспускались сразу после начала заседаний. Даже октябристы были вынуждены протестовать. Один из

[8] Новь. 1907. 10 января; Товарищ. 1907. 12 января.
[9] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 17.
[10] День. 1907. 13 января.

их лидеров, Ю.Н. Милютин обратился к Столыпину с открытым письмом по поводу упомянутого распоряжения. Тот, чтобы не отпугивать потенциальных союзников, ответил специальным циркуляром, где признал это постановление московского генерал-губернатора наряду с другими «произведениями» административного творчества провинциальных властей «безусловным нарушением закона»[11].

Выборы во II Думу — единственные, когда всерьез рассматривался вопрос о едином избирательном списке кадетов и всех левых по Петербургу и Москве. К этому побуждали опасность разделения голосов и возможный успех октябристов и правых. Однако целый ряд контактов по данному поводу не привел к заключению подобного соглашения. Формально стороны не сошлись при дележе депутатских мест: кадеты соглашались предоставить социалистам в Петербурге 2 места (одно — от рабочих, другое по городской курии), левые же требовали по крайней мере трех, а то и четырех. На самом деле заключению соглашения мешали куда более серьезные причины: непреодолимые идейные и тактические разногласия. Как подчеркивалось в редакционной статье «Речи», пойти на предвыборный союз на условиях левых «значило бы признать себя побежденным в том кардинальном вопросе, который должен быть решен предстоящими выборами: в вопросе о том, какой тактики должна держаться вторая Дума»[12].

Прямое и активное участие в провале блока кадетов и социалистов, как и вообще в выборах во II Думу в Санкт-Петербурге принял В.И. Ленин. Хотя он мало участвовал в открытых диспутах на предвыборных собраниях избирателей, его общее руководство большевиками в кампании не вызывает сомнения. Большую часть 14-го тома собрания его сочинений занимают статьи, обращения и листовки, посвященные вторым думским выборам[13]. Большая их часть была издана в виде отдельных брошюр как раз в январе-феврале 1907 г. Через все их содержание красной нитью проходит одна мысль: никакой «черносотенной опасности» нет, блок с кадетами заключать нельзя, желательно выступить отдельным социал-демократическим

[11] Новое время. 1907. 11 января.

[12] Речь. 1907. 4 января.

[13] См.: *Ленин В.И.* 1) Социал-демократия и избирательные соглашения // Ленин В.И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 14. М., 1972. С. 73—96; 2) Кого выбирать в Государственную думу? // Там же. С. 132—138; 3) Как относятся к выборам партии буржуазные и партия рабочая? // Там же. С. 228—233; 4) Социал-демократия и выборы в Думу // Там же. С. 249—273 и др.

списком. Именно с его подачи и при его непосредственном руководстве партийная Петербургская конференция РСДРП приняла резолюцию, запрещавшую эсдекам вступать в блок не только с кадетами, но и с народными социалистами, оставив открытым вопрос о совместных действиях с эсерами и трудовиками, если те откажутся от переговоров с кадетами. В ответ на это 31 меньшевик покинул конференцию и открыл собственную, где ее участники проголосовали за общий оппозиционный блок (т.е. и при участии кадетов). Лишь после окончательного отказа кадетов (18 января) все разнообразные социалистические партии и группы (социал-демократы, эсеры, народные социалисты и трудовики) объединились в так называемый «левый блок» (в прессе тех лет чаще упоминался как «блок левых»).

В связи с участием социалистов в выборах, дебаты на предвыборных собраниях избирателей стали куда более жаркими. На выборах во II Думу наблюдался обмен мнениями на одних и тех же собраниях между кадетами, социал-демократами, народными социалистами и, хоть и реже, даже октябристами. Иногда (крайне редко) о выступлении просили даже отдельные сторонники монархистов. Правда, когда один из таких избирателей, некто Михайлов, начал свое выступление в зале Неметти 21 января, представившись сторонником Союза русского народа, в зале начался безудержный смех, до такой степени он выглядел белой вороной[14]. Правые традиционно проводили только закрытые собрания, куда попасть можно было только по специальным приглашениям.

Нередко кадетские собрания при выборах в I и II Думы закрывались после революционных речей социалистов. Еще чаще страдали от этого сами левые. Например, только 28 января 1907 г. митинги «левого блока» были закрыты сразу в трех залах северной столицы: в театре Неметти, в Вольном экономическом обществе и на Калашниковской бирже. Участие левых в выборах придало предвыборным собраниям чрезвычайно острый и дискуссионный характер. Если на первых выборах основной вектор противостояния проходил между кадетами и октябристами, то на вторых – главной мишенью критики со стороны левых стали сами кадеты. Выступления народных социалистов еще подходили под разряд «товарищеской критики», но инвективы большевиков прямо смыкались с самой разнузданной дискредитацией. Доходило до комизма: на некоторых предвыборных собраниях октябристы, монархисты и социалисты последовательно выступали с обвинительными тирадами в адрес кадетов, причем часть критических положений совпадала едва ли не дословно.

[14] Товарищ. 1907. 24 января.

Об остроте предвыборного противостояния и довольно-таки серьезных успехах левых говорит тот факт, что сами кадеты были вынуждены признать, что в Петербурге существовали районы, где их состязание с левыми «являлось трудным и почти невозможным». Однако в целом большинство собраний, хотя и менее сплоченное и шумное, составляли все-таки сторонники кадетов.

Сами собрания в ходе двух первых думских избирательных кампаний при внешнем сходстве менялись и содержательно, и психологически. Это довольно точно подметил на страницах «Речи» Милюков: если на первых выборах настроение публики было неопределенным и неустоявшимся, то на вторых у нее уже имелись свои политические симпатии и взгляды. Исходя из этого, в 1906 г. ораторам приходилось вести «постоянную борьбу с инерцией аудитории», а в следующем — уже «не столько с инерцией публики, сколько с усилиями подействовать на нее ваших противников»[15]. Соответственно, несколько изменялся и круг обсуждаемого: от популяризации собственной программы к критике воззрений и деятельности оппонентов.

В условиях уже не первых выборов изменился круг обсуждаемых на собраниях вопросов. Популяризации партийных программ уступили дебаты об оценке места и роли Думы в политической системе страны, основных направлениях будущей думской деятельности. Если кадеты отстаивали взгляд на Думу как исключительно парламентское, законодательное учреждение, то все без различия социалисты говорили о ней как революционном средстве сплочения народа, трибуне для пропаганды социалистических идей. Особенно часто с критикой чисто парламентской тактики кадетов выступали лидеры народных социалистов В.А. Мякотин, В.В. Водовозов, А.В. Пешехонов. Первый, в самый канун нового 1907 г., посетив Москву, выступил там 31 декабря со специальной лекцией, посвященной будущей Думе. Он заявил, что кадеты «убаюкивают себя иллюзорными надеждами на то, что современное правительство допустит осуществление выдвинутых Думой законопроектов». Народники же видят в ней лишь «средство организовывать народные силы и призвать сам народ к активному участию в борьбе со старым режимом». По мнению того же оратора, высказанному на собрании 6 января в Калашниковской бирже в Петербурге, роль Думы состоит лишь в том, что «она должна гарантировать свободу и созвать полноправное народное представительство», под которым понималось избранное на основе всеобщего, равного и тайного голосования Учредительное со-

[15] *Милюков П.Н.* Итоги предвыборных собраний // Речь. 1907. 16 января.

брание[16]. Как правило, никто из социалистов, правда, не указывал, каким образом это должно произойти, многие по цензурным соображениям, так как любое упоминание о революции привело бы к немедленному закрытию собрания. Отвечая на эти тезисы левых, лидер кадетов П.Н. Милюков не раз прибегал к ставшему потом известным образному сравнению: «нельзя скрипкой, предназначенной для игры, заколачивать гвозди»[17].

Вообще, еще накануне созыва Думы, в избирательной кампании, кадеты всячески пропагандировали тактику ее «бережения». Этот мотив постоянно присутствовал в речах В.Д. Набокова, П.Б. Струве и других. Так, выступление первого на одном из предвыборных собраний 30 января звучало прямо пророчески. Он заявил, что «левые не будут считаться с естественными и правовыми нормами Государственной думы... Но правительство не будет ждать, пока укрепится противник. Тогда на развалинах Думы будет изменен избирательный закон в смысле ограничения избирательных прав, тогда может произойти и государственный переворот»[18].

Довольно ожесточенное противостояние с социалистами на собраниях, неудача переговоров о предвыборном союзе, радикально-пропагандистская позиция левых в вопросе о будущей думской тактике — все эти факторы существенным образом повлияли на принципиальное изменение позиции кадетов в отношении к революционным партиям. Уже в ходе избирательной кампании во II Думу очень многие кадеты, особенно москвичи, традиционно в большинстве представлявшие правый фланг партии, указывали на ту опасность, которую в будущем могут представлять такие политические радикалы, как, например, большевики. Их поддержал в публиковавшихся московской «Новью» «Письмах из Петербурга» А.С. Изгоев, полностью посвятивший критике большевиков первое из писем. Он обращал внимание не только на возможный роспуск Думы по вине радикальных пропагандистов — демагогов, но и на откровенную ненависть большевиков к либералам, нетерпимость к другому мнению, их революционный деспотизм[19]. Как известно, вскоре, уже после роспуска II Думы, даже Милюков, до этого заявлявший об отсутствии у кадетов врагов слева, был вынужден пересмотреть свою позицию. Его известная статья в «Речи» в значительной степени обобщала опыт предвыборного противостояния. «Я полагаю, <...> мы приобрели нравственное право сказать теперь, что, к великому

[16] Новь. 1907. 4 января; Речь. 1907. 7 января.
[17] Товарищ. 1907. 6 января.
[18] Там же. 1907. 1 февраля.
[19] Новь. 1907. 17 января.

сожалению, у нас и у всей России — есть враги слева. <...> Те люди, которые разнуздали низшие инстинкты человеческой природы и дело политической борьбы превратили в дело общего разрушения, суть наши враги», — писал лидер кадетов в сентябре 1907 года[20].

В определенной степени элементом агитации на выборах было наличие в избирательных списках громких имен, и не только видных функционеров партий, но и людей науки, искусства или бизнеса. Петербургские кадеты выдвинули кандидатом в депутаты II Думы популярного священника — прогрессиста отца Григория Петрова, их список выборщиков включал такие известные фигуры как издатель «Вестника Европы» К.К. Арсеньев, композитор А.К. Глазунов и другие. В Василеостровском районе добрую треть кадетского списка традиционно занимали университетские профессора во главе с ректором И. Боргманом. Октябристы привлекли под свои знамена известного историка и члена Государственного совета по выборам С.Ф. Платонова, физиолога академика И.П. Павлова, юриста, либерального сановника Н.С. Таганцева, художника А.И. Куинджи. От московских монархистов в выборщики баллотировались историк Д.И. Иловайский, художник В.М. Васнецов (в I Думу), директор Московского торгового банка и миллионер А.Н. Найденов. В списках левых кроме организаторов партии народных социалистов Н.Ф. Анненского, В.А. Мякотина, А.В. Пешехонова, В.И. Семевского, обращают на себя внимание фамилии известных писателей и критиков С.А. Венгерова, А.И. Иванчина — Писарева, профессора П.Ф. Лесгафта. Пробовали свои силы в политике и дети знаменитых родителей: от московского «Объединенного русского народа» в выборщики баллотировался сын редактора «Московских ведомостей» А.М. Катков, в Петербурге одним из постоянных ораторов-октябристов являлся Лев Львович Толстой. Впрочем, выступления последнего не прибавили симпатий «Союзу» — они были скучны, занудны и бесцветны.

Не секрет, что для попадания в списки партийных активистов и лидеров партиям приходилось прибегать к искусственному созданию цензов. Так, по Московскому району Петербурга баллотировался мало кому известный в кругах торгово-промышленных служащих приказчик Владимир Ильич Ульянов. Зато куда более известный правительству в другом качестве заведующий книжным складом П.Н. Милюков был, как упоминалось, лишен избирательных прав еще на стадии внесения в списки избирателей.

Законодательная корректировка выборов, в частности запрет на агитацию вблизи избирательных помещений, отразилась на непос-

[20] Речь. 1907. 22 сентября.

редственном ходе голосования. Корреспонденты петербургских и московских газет в один голос отмечают так контрастирующую с первыми выборами обыденность вторых. Она проявлялась в малолюдстве у избирательных участков (в то время как в 1906 г. у них собирались очереди, в 1907 голосовать приходило не более 20—30 человек одновременно), в полном отсутствии партийных волонтеров и агитаторов, в неизвестности результатов голосования[21].

В целом лидеры избирательной гонки в столицах, кадеты, продемонстрировали завидную живучесть и адаптированность к любым условиям предвыборного противостояния, итогом чего была их уверенная победа как на первых, так и на вторых думских выборах в столицах. Ни ухищрения правительства, ни участие в выборах левых не отразились существенно на их результатах. Хотя процент проголосовавших за кадетов в Петербурге и Москве несколько снизился по сравнению с первыми выборами, соответственно, с 61 до 42% и с 64 до 53%, это не имело особого значения при мажоритарной системе голосования. Октябристы и левые собрали в Петербурге приблизительно по 25% голосов, в Москве и того меньше: 24,5% — «Союз 17 октября», 13% — «левый блок». Монархисты на выборах во II Думу на несколько процентов увеличили свои показатели, но и с этим они были более, чем скромными — 7,9 % в Москве и 8,1 в Петербурге. Единственным локальным успехом левых стала победа в Выборгской части петровской столицы. Но даже вместе с 14 выборщиками от рабочих (социал-демократами) 9 левых выборщев утонули в кадетском большинстве городского избирательного собрания (23 против 150). Благодаря тому, что кадеты не успели заменить в списках М.М. Ковалевского, «разъясненного», как тогда говорили, Сенатом, 1 место досталось октябристу, который, разумеется, не стал пользоваться этим «подарком» и не явился на собрание по выбору депутатов, на котором подавляющим большинством были избраны заранее намеченные кадетским партийным плебисцитом кандидаты в депутаты. Скандалом ознаменовалось состоявшееся ранее, 6 февраля 1907 г., аналогичное собрание в Москве. Даже здесь, на самой завершающей стадии выборов, большевики, под контролем которых полностью находились выборщики от рабочих, не удержались от очередного демагогического демарша. После кулуарного совещания выборщики-рабочие потребовали от кадетского большинства предоставить 2 депутатских места из 4 представителям пролетариата, «если кадеты действительно защитники народной свободы». Когда им ожидаемо отказали, сославшись на отсутствие пред-

[21] Новое время. 1907. 29 января; Слово. 1907. 30 января; Речь. 1907. 8 февраля.

выборного соглашения, они огласили заранее заготовленную записку и покинули собрание. «Организованный пролетариат давно уже знает истинную цену буржуазным защитникам народной свободы. Вы боролись не с черным, а красным пролетариатом. За вами обеспечено звание похитителей рабочих прав», — говорилось в этом декларативном обращении, подписанном ни много ни мало «21 тысяча голосов пролетариата», разумеется, без подписей[22].

Депутатами от столиц вновь стали почти исключительно кадеты. Во II Думу от Петербурга прошли виднейшие партийные активисты И.В. Гессен, Н.Н. Кутлер, П.Б. Струве, М.П. Федоров и сочувствующий беспартийный священник о. Григорий Петров. Не менее известными фамилиями пополнила список депутатов старая столица: Павел Долгоруков, А.А. Кизеветтер, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко. Как и в прошлом году, кадеты уступили одно место рабочему депутату (на этот раз от Петербурга). «Рабочим» он, правда, был довольно условно — учившийся в свое время на филологическом факультете МГУ большевистский активист Г.А. Алексинский являлся типичным партийным функционером.

[22] Товарищ. 1907. 7 февраля.

Г.Ю. АФАНАСЬЕВ

Речь А.И. Гучкова в III Государственной думе 27 мая 1908 г. и ее общественно-политический резонанс: выигрыши и просчеты

I и II созыв Государственной думы вошел в историю своим противостоянием инициативам верховной власти. Новый избирательный закон от 3 июня 1907 г. значительно сократил представительство политических сил «протестного избирателя» на выборах III созыва, одновременно усилил позиции патриотических сил, настроенных на конструктивную законотворческую работу с правительством.

Кроме первоочередной аграрной проблемы с самого начала работы внимание депутатов III Думы было поглощено восстановлением военного потенциала державы, подорванного поражением в русско-японской войне. Этого требовал исторический момент и настроения в обществе[1]. Им сопутствовал и особый интерес, который придавал делу восстановления российской военной мощи восходящая звезда российской политики честолюбивый и инициативный 45-летний лидер крупнейшей думской фракции октябристов А.И. Гучков[2]. С подачи его и близкого к нему окружения в первый месяц работы Думы была учреждена комиссия по государственной обороне, в которой 22 ноября 1907 г. А.И. Гучков был избран председателем, а затем также и главой IV бюджетной подкомиссии, курировавшей финансовую сторону общевоенных дел[3]. Таким образом, все думские инстанции по рассмотрению вопросов обороны оказались под его контролем.

С момента окончания проигранной войны прошло более двух лет, и в военной сфере проводилась определенная реорганизация, прежде всего в ее самой болезненной, главенствующей части — в сфере высшего управления оборонными ведомствами. Инициаторами преобразований в тот момент выступили генералы-инспекторы ряда родов русских войск, члены дома Романовых во главе со строевым генералом от кавалерии великим князям Николаем Николаевичем. Последний предложил царю учредить высший надведомственный,

---

[1] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 117. Л. 1; Д.136. ЛЛ. 1—3 об.

[2] Александр Иванович Гучков рассказывает... Беседы А.И. Гучкова с Н.А. Базили (история стенограмм) // Вопросы истории. 1991. № 9—10. С. 196.

[3] Русское слово. 1907. 23 ноября; Там же. 6 декабря.

координирующий все военные и морские силы орган — Совет государственной обороны (СГО), что и было сделано высочайшим рескриптом 5 мая 1905 г. Но в результате нововведений, осуществленных по инициативе СГО, в армии, напротив, произошла вредящая делу децентрализация управления и подчинения, тормозившая исполнение распоряжений. Из-под контроля военного министра были выведены августейшие (т.е. принадлежащие к императорскому Дому — фактически, не подлежавшие критике) генералы-инспекторы и начальник Генерального штаба. В итоге, к октябрю 1907 г., такой расклад вызывал недовольство даже у высшего генералитета[4].

Все это не могло остаться незамеченным для новоиспеченного думского лоббиста оборонных интересов Российского государства А.И. Гучкова, коим он себя позиционировал. Существование же СГО, как некого органа, функции и мера ответственности которого не были прописаны в Основных государственных законах Империи, делали данную структуру, с точки зрения причастности к бюджетным тратам, не подотчетной Думе.

Не мог лидер октябристов не видеть и некой раздвоенности проблемы возрождения российской военной мощи: «отдельность» запросов флота и армии, их разновеликую значимость для обороны Империи. Два прошедших года показали всем, что внимание и сочувствие общественного мнения, периодической печати направлены в первую очередь на воссоздание морских сил, понесших колоссальный урон при Цусиме[5]. Не являлось особым секретом и то, что император Николай II питал человеческую слабость к броненосному флоту величественных кораблей-гигантов и будущее строительство серии русских линкоров-дредноутов было связано для него также с моментом личного престижа[6]. На колоссальные затраты, которые изымались из общеоборонных расходов государства на это сверхдорогостоящее линейное судостроение, указывали сухопутные генералы, но в правительственных кабинетах проблема тем не менее не актуализировалась, так как отсутствовала четкая концепция приоритетов в строительстве вооруженных сил в целом. И это тоже не могло пройти мимо пытливого, аналитического ума Гучкова-политика, который достаточно скоро осознает свою по-своему уникальную предназначенность на ближайшие месяцы для актуализации проблемы выбора между модернизацией армии и воссозданием флота.

---

[4] РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 306.

[5] Новое время. 1907. 1 декабря; Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 7, 12 декабря.

[6] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 404.

В первые же недели председательства на посту главы комиссии по государственной обороне А.И. Гучков развивает бурную деятельность с целью зондирования ситуации по оборонным ведомствам: встречается и получает полезные сведения от военного министра А.Ф. Редигера, его помощника А.А. Поливанова, генерала В.И. Гурко о ситуации и кредитах военного ведомства[7]. В то же время морской министр И.М. Диков и его товарищ (заместитель) И.Ф. Бострем скупы на подобную информацию и не демонстрируют желания устанавливать партнерские отношения[8]. В связи с этим А.И. Гучков идет на контакт с офицерами морского ведомства, жаждущими перемен, посещает дискуссии в среде морских интеллектуалов[9].

К началу 1908 г. настрой председателя и поддерживающего его большинства членов КГО на финансирование линейного судостроения формируется как явно отрицательный[10]. На заседании Совета министров 11 января 1908 г. премьер П.А. Столыпин выразил озабоченность тем, что, судя по мнениям из Думы, в финансировании дредноутов будет отказано[11]. Действительно, 28 января 1908 г. на заседании комиссии А.И. Гучков убеждал депутатов, что эти ассигнования на дредноуты утверждать нельзя, так как невозможно производить огромные затраты на флот и армию одновременно[12]. Тем не менее правительство и Морское ведомство «давило» на думцев, считая необходимым начать осуществление постройки серии дредноутов, мотивируя этот шаг стремлением избежать простоя верфей и спасти тем самым отечественную судостроительную промышленность от стагнации[13].

Для А.И. Гучкова стало понятным действительное положение в военной области как неком целостном организме: явная несогласованность действий двух ведомств (Военном и Морском) и прави-

---

[7] *Редигер А.Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. М., 1999. С. 188—190; *Поливанов А.А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника / Под ред. А.М. Зайончковского. М., 1924. Т. 1. С.35; Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 194, 196.

[8] Новое время. 1907. 9 декабря; *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 38—40; *Редигер А.Ф.* Указ. соч. С. 190.

[9] Речь. 1907. 12 декабря; 1908. 24 января, 29 января, 13 февраля; Санкт-Петербургские ведомости. 1907. 12 декабря.

[10] Голос Москвы. 1908. 11 января; Новое время. 1908. 6 января; Речь. 1908. 5 января.

[11] *Поливанов А.А.* Указ. соч. С. 35.

[12] Речь. 1908. 29 января.

[13] Там же. 1908. 13 февраля.

тельства при отсутствии единой оборонительной стратегии государства на суше и на море. «У меня создалось твердое убеждение, — говорил он, — если только не реорганизовать верхи военного управления... то ничего не выйдет, и мы будем барахтаться в мелких реформах»[14]. Но побуждение верховной власти к такой реорганизации, с точки зрения лидера октябристов, могло осуществиться только путем самых решительных действий: «..я знал, что трудно найти мне в этом отношении союзников, и даже не искал их себе, чтобы не заставить других делить ответственность за тот шаг, который я надумал, ни с кем не советуясь...»[15].

Наряду с этой первейшей задачей Гучков определялся и в приоритетности модернизации самой армии, предваряющей, как минимум, строительство линейного флота. В отношении этих планов Морского ведомства он начал проводить тактику проволочек, временных отказов в кредитах под благовидными мотивированными предлогами, чтобы приостановить финансирование линейного судостроения в этом году и выждать время, призывая по сути без публичного оглашения воздержаться от сиюминутных ассигнований, которые в дальнейшем должны были явиться залогом крупных трат.

5 и 8 марта 1908 г. комиссия по государственной обороне приняла резолюции по сметам Морского и Военного министерств[16]. Отказ ассигновать постройку 4 дредноутов вызвал бурную газетную шумиху[17], тогда как прохождение сметы Военного министерства, почти несокращенной, было просто упомянуто в печати. Одновременно в докладах по сметам IV бюджетной подкомиссии упоминалась «желательность» надлежащего преобразования Военного (т.е. министерства военно-сухопутного) управления[18].

3 и 9 мая на общем заседании бюджетной комиссии проходило рассмотрение сметы Морского министерства, а 6 мая — Военного[19]. Лейтмотивом заседаний была критика управления государственной обороной. На заседании 6 мая Гучков в своем выступлении впервые сделал выпад против косвенных виновников безотрадного положения в армии — великих князей[20]. Стоит обратить внимание, что на

[14] Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 194.

[15] Там же.

[16] Речь. 1908. 6 марта; Голос Москвы. 1908. 10 марта.

[17] Речь.1908. 6 марта; Русское слово. 1908. 6 марта.

[18] ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 144. Л. 4; Государственная дума. Созыв 3. Морской и военный бюджеты в Государственной думе. СПб., 1908. № 342. Стб. 10.

[19] Там же. № 342, 343.

[20] Там же. № 343. Стб. 18.

это полуобвинение никак не прореагировал присутствовавший на заседании военный министр А.Ф. Редигер.

23—24 мая 1908 г. на общедумском заседании после речей А.И. Гучкова (против) и П.А. Столыпина (за) впервые вынесенное на решение российского парламента сметное ассигнование на постройку 4 русских дредноутов было отклонено 168 голосами «против» и 78 — «за»[21].

27 мая 1908 г. на заседании Думы по военной смете А.И. Гучков произнес речь, ставшую впоследствии одной из самых знаковых в его политической карьере. Вначале лидер фракции, подчеркивающий свою патриотическую приверженность, весьма нелицеприятно, неприкрыто раскритиковал порядки, бытующие в текущем управлении вооруженными силами на местах: «Мы должны признать, что в деле высшего управления армией, в деле замещения высших должностей в армии царят все те же старые грехи, тот же непотизм, те же общественные и семейные связи, то же однокашничество и собутыльничество, и тот же — как хорошо высказался депутат Марков 2-й — “придворный шепот”».[22]

Затем А.И. Гучков отметил итоги реформ в управления армии и государственной обороны в целом за последние три года. А именно: децентрализацию руководства армией, фактическое ограничение полноты власти военного министра, вывод за рамки подчиненности Военному министерству Генерального штаба, учреждение должностей инспекторов родов войск и, главное, — учреждение Совета государственной обороны как некой надправительственной инстанции, уполномоченной самодержцем руководить российскими вооруженными силами как в целом, так и с правом вмешиваться в конкретные меры по двум оборонным ведомствам, а, самое опасное, — без обязательства отчитываться за свои действия (и вмешательство!) перед кем бы то ни было (правительством, Государственной думой и Государственным советом) кроме царя. «Составленный из целой коллегии лиц, коллегии многочисленной, под председательством великого князя Николая Николаевича, этот Совет является серьезным тормозом в деле реформы и всякого улучшения нашей государственной обороны. *(Возгласы: браво! Рукоплескания)*. Для того, чтобы закончить перед вами картину той организации или, вернее, той дезорганизации, граничащей с анархией *(Возгласы: браво, верно!)*, которая водворилась во главе Военного ведомства, я должен еще

[21] Санкт-Петербургские ведомости. 1908. 25 мая.

[22] Гучков А.И. в Третьей Думе (1907—1912). Сборник речей. СПб., 1912. С. 55—56.

сказать, что должность генерал-инспектора всей артиллерии занимает великий князь Сергей Михайлович, должность генерал-инспектора инженерной части — великий князь Петр Николаевич и что главным начальником военно-учебных заведений состоит великий князь Константин Константинович. *(Возгласы справа: и слава богу!)* Если ничего нельзя иметь против того, если даже можно считать естественным и справедливым, чтобы лица, по своему положению безответственные, служили в рядах армии, неся всю тягу в мирное время и все опасности в военное время в качестве строевых начальников, то следует сказать, что постановка их во главе ответственно важных отраслей военного дела является делом совершенно ненормальным... *(Голоса: браво... браво...)* Отношения их к другим равноправным инстанциям военного управления, отношения их к своим начальникам, несомненно, носят на себе отпечаток их общественного положения и связанной с ним фактической безответственности. Мы должны это сказать, и вместе с тем мы должны признать наше бессилие в борьбе с этим явлением. Но называть это свои именем — это наш долг *(Голоса: верно...верно...)* Прав был депутат Пуришкевич, который говорил, что мы больше не можем позволить себе поражений. Действительно, новое поражение России явится не просто потерянной кампанией, не просто уступленной территорией, не просто заплаченной контрибуцией, что это явится тем ядовитым укусом, который сведет в могилу нашу родину... *(Рукоплескания. Возгласы: верно!)* Как ни важны другие вопросы, которые проходят здесь в этой зале, мы должны признать, что в этот исторический момент, который мы переживаем, вопросы государственной обороны и государственной безопасности должны стоять выше всех остальных, и по важности своей, а главное, — по неотложности разрешения. Если мы считаем себя вправе и даже обязанными обратиться к народу, к стране и требовать от них тяжелых жертв на дело этой обороны, то мы вправе обратиться и к тем немногим безответственным лицам, от которых мы должны потребовать только всего — отказа от некоторых земных благ и некоторых радостей тщеславия, которые связаны с теми постами, которые они занимают. *(Продолжительные рукоплескания слева, центра и отчасти справа)*. Этой жертвы мы вправе от них ждать. *(Продолжительные, бурные рукоплескания слева, центра и отчасти справа; возгласы: браво, правильно)*»[23].

На думцев речь произвела эффект разорвавшейся бомбы. Председатель Думы Н.А. Хомяков после этого выступления лидера ок-

[23] Гучков А.И. в Третьей Думе (1907—1912). Сборник речей. СПб., 1912. С. 70—72.

тябристов прервал заседание, а глава кадетов П.Н. Милюков в кулуарном общении с А.И. Гучковым впрямую воспринял его призывы как угрозу роспуска Думы[24].

Несмотря на весь внешний эффект произошедшего на депутатов Государственной думы реакция на события столичной прессы в ближайшие дни была весьма сдержанной — ни одно издание (!) не сделало тему предметом обширного многодневного внимания. Лишь некоторые из них[25] удостоили ее относительно ясным комментарием. Газеты прогрессистов и правых вообще не уделили внимания этому политическому событию. Партийная общественность явно могла быть напугана возможностью последствий в виде роспуска Думы в случае расширения скандала. К тому же внешний фон (Ревельское свидание английского и русского монархов) отвлекал внимание от данного внутрипарламентского события. Кадеты вообще предпочли увидеть в ней некое дополнение к критике дел в военно-морском ведомстве[26].

После 27 мая и до 13 июня, до заседания Государственного совета, А.И. Гучков не делал никаких попыток тактически развить эффект от речи, обрести новых союзников — он не пытался повлиять на исход дела с морской сметой в процессе утверждения ее в Государственном совете, несмотря на острую борьбу мнений там относительно данной сметы. В эти дни он занимается другими политическими делами[27].

В то же время тон и направленность его речи против великих князей повернуло дебаты в Государственном совете не в сторону обсуждений объективной стороны дела в армии и во флоте (в отличие от Думы), не в сторону разумного выяснения баланса интересов сухопутной и морской обороны, а в сторону выяснения степени разумного невмешательства в прерогативу монарха на данном поле властвования.

Именно это описал и другой свидетель речи — кадет П.Н. Милюков: «... мы совместно с октябристами провели отказ в кредите

---

[24] Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 194.

[25] Речь. 1908. 28 мая; Новое Время. 1908. 28 мая; Голос Москвы. 1908. 31 мая.

[26] Например, это хорошо видно в комментарии, данным газетой «Речь»: «... Речь Гучкова о безответственности руководителей военного дела была прямым продолжением его же замечаний о причинах наших морских неудач» (Речь. 1908. 28 мая).

[27] 12 июня 1908 г. А.И. Гучков в составе депутации от фракции октябристов встречается с П.А. Столыпиным по вопросу о пересмотре законодательства о предпринимательских союзах (Слово. 1908. 13 июня).

по смете морского ведомства на постройку четырех новых броненосцев. Ведомство от этого не пострадало, так как кредит был восстановлен Государственным советом. Но впечатление было произведено. Оно было еще усилено эффектной речью Гучкова во время обсуждения сметы; довольно прозрачно он намекнул на великих князей, как на источник ведомственных беспорядков. Столыпин тотчас почувствовал опасность и 13 июня 1908 г. в речи в Государственном совете дал первый сторожевой окрик своему союзнику. Он передвинул "демаркационную линию" между тем, что дозволено и не дозволено — все равно, "своим или чужим"».[28]

В этом отношении речь А.И. Гучкова 27 мая 1908 г. против великих князей может восприниматься как тактический просчет. Акт Гучкова оказался не воспринят общественностью как демарш, рассчитанный на «провокацию реформ» во всем высшем эшелоне военного управления государства. Последующие отставки июля-декабря 1908 г. Николая Николаевича (рескрипт 26 июля 1908 г.) и других великих князей были произведены как бы в параллель желаниям А.И. Гучкова, но не как прямое последствие его речи. По мнению многих, СГО тормозил финансирование воссоздания флота, покровительствуемого императором. Вместе с тем среди высшего генералитета настойчиво будировалось мнение о возвращении к старой системе военного управления[29].

Многих членов Государственного совета, критически настроенных к усиленному финансированию строительства линейного флота и, на первый взгляд, потенциальных союзников А.И. Гучкова, его «выпад» 27 мая 1908 г. против великих князей отпугнул, косвенно намекнув на отрицательное отношение последнего к царствующей династии.

Реакция последовала в виде результата слушаний по морской смете в Государственном совете. А.И. Гучкова «приструнили» тем, что после речи П.А. Столыпина 15 июня 1908 г. Государственным советом было принято угодное правительству решение.

И все же благодаря инициативам Гучкова российский парламент в эту сессию был поставлен перед концептуальным выбором, который ранее не совершила верховная власть: с чего начать реорганизацию обороны, — с модернизации армии или с воссоздания флота? К маю 1908 г. предпочтения Гучкова, членов комиссий и большинства Думы определенно сложились в пользу финансирования армии. В процессе анализа ситуации Гучков не только осознал системный

[28] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1991. Т. 2. С. 83—84.

[29] *Кузин В.В.* Совет государственной обороны (1908—1909 гг.): Автореф. дисс. ... к. ист. н. М., 1950. С. 14.

кризис в высшем управлении вооруженными силами, но и публично заявил о нем в своей речи. Делая выбор в пользу армии, Гучков пытался оттянуть продавливаемый монархом запуск начала по воссозданию флота в надежде выиграть время.

Деятельность Гучкова в 1-ю сессию III Думы дает возможность предположить, что именно тогда у него начало формироваться новое концептуальное видение военных приоритетов Российской империи. Подтверждением этому и являются громкие (где-то рискованные!) целенаправленные политические «ходы», предпринятые председателем Комиссии по государственной обороне и получившие развитие в его деятельности в последующие сессии III Думы. Впервые в практике политической истории России лидер ведущей партии, декларирующей себя как «державники-государственники-патриоты», выступил критически к практике управления вооруженными силами монархом-самодержцем. Лидер думской фракции, в принципе декларирующий свою «верноподданническую» поддержку правительственному курсу, по существу выступил против данного курса.

Начиная с этой речи А.И. Гучкова, русский национальный патриотизм перестал ассоциироваться с однолинейным верноподданничеством и положил начало более сложному полифоническому восприятию данного явления у современников.

Ф.А. ГАЙДА

«Министерская забастовка» 1913 г.: IV Государственная дума и формирование «Нового курса» правительства

«Министерская забастовка» 1913 г. не получила отдельного освещения в научной литературе. Обычно ситуация излагалась в том ключе, который был задан мемуарами В.Н. Коковцова: премьер считал скандал провокацией правых, снимал с себя ответственность за ход событий и выставлял инициаторами «забастовки» министра юстиции И.Г. Щегловитова и «во всем солидарного с ним» министра внутренних дел Н.А. Маклакова, стремившихся добиться отставки премьера, однако в тот момент успеха не добившихся[1]. По мнению Е.Д. Черменского, скандал, приведший к «забастовке», был инспирирован правыми с целью последующего роспуска Думы и подрыва авторитета премьера. Исследователь вслед за Коковцовым предполагал, что за спиной правых стоял Н.А. Маклаков, но иных свидетельств в доказательство такого утверждения не приводил[2]. При этом сама «забастовка» воспринималась скорее как частный эпизод, пусть и значимый в кризисной эволюции третьеиюньской системы, и как таковая не связывалась с действительно произошедшей позднее отставкой премьера. Между тем такая связь представляется непосредственной, а события «министерской забастовки» — крайне важными, но не в аспекте интриги правых, а в рамках взаимоотношений правительства и парламента в послестолыпинский период.

Курс «примирения», проводимый Коковцовым со времени своего заступления на премьерский пост в сентябре 1911 г., привел к обратному эффекту — к усугублению политического кризиса. Парламентские фракции от правых до кадетов (в особенности, октябристы и националисты), рассчитывавшие на те или иные правительственные шаги в своем направлении и не дождавшиеся их, потеряли инициативу или построили предвыборную кампанию 1912 г. на оппозиционных лозунгах. Правительство, в свою очередь, оказалось

[1] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания (1903—1919 гг.). В 2 кн. М., 1992. Кн. 2. С. 137—140.

[2] *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 39—40. В.С. Дякин согласился с версией Е.Д. Черменского (*Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911—1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 128—129, 161). А.Я. Аврех (*Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума. М., 1981) обошел сюжет стороной.

неспособно добиться формирования лояльного себе большинства в Государственной думе IV созыва. Но и сама палата не обладала внутренними ресурсами для самоорганизации. Ее состав оказался крайне дробным, не имел прочного большинства и не годился для планомерной законодательной деятельности. Ожидания скорого роспуска были поначалу весьма сильны, поэтому думская активность сразу приобрела характер новой предвыборной гонки[3].

5 декабря 1912 г. Коковцов выступил в Думе с правительственной программой. Правительство ставило перед собой задачу «всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта на строго правовых основаниях, установленных Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 года», что означало подготовку и проведение реформы местного правления, полиции, местного самоуправления, его распространения на окраины, подготовку нового устава о печати, социально-экономические преобразования. Коковцов упирал на преемственность новой Думы в отношении прежней[4]. Обсуждение программы в Думе было крайне оживленным и растянулось до рождественских вакаций. Правые и националисты изначально выступили в поддержку премьера. Октябристы вели себя пассивно, хотя в кулуарах практически единодушно выразили одобрение[5]. Кадетский оратор В.А. Маклаков отмечал, что, несмотря на благие пожелания, правительственный путь вел «к катастрофе». В результате кадеты, а потом и примкнувшие к ним правые и националисты свели обсуждение к резкой критике бюрократии как нетворческой силы. А в кулуарах думский центр выражал недовольство нежеланием премьера завязать неформальные отношения с какой-либо фракцией[6].

15 декабря были оглашены формулы перехода. Кадеты потребовали отмены избирательного закона 3 июня, реформы Государствен-

---

[3] См.: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция и проблема парламентского большинства в период кризиса третьеиюньской системы (1911—1917) // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: Всероссийская научно-практическая конференция 10—12 сентября 2008 г., ЯГУ им. П.Г. Демидова: сборник докладов и материалов конференции / Отв. ред. В.М. Марасанова. М., 2008. С. 151—154.

[4] Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 262—267.

[5] Новое время. 1912. 6 декабря.

[6] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 - февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 14.

ного совета и введения ответственного министерства, прогрессисты внесли собственную формулу о необходимости строгого следования Манифесту 17 октября и соблюдения законности. Националисты выражали надежду на «твердую и ясную» русскую национальную политику. Октябристы поддержали националистов, и формула прошла[7]. «Русские ведомости» отметили: «Под скромной и достаточно невинной внешностью, принятой Думой по поводу министерской декларации, формула перехода заключает в себе очень сложную программу, для осуществления которой от Думы потребуется много инициативы, много энергии и много решимости. Найдутся ли у нее эти качества, покажет будущее»[8]. Возможно, самым ярким свидетельством неспособности Думы войти в работоспособное состояние стала ее неспособность согласовать проект ответного адреса императору. В созданную для этого комиссию поступило 5 проектов. Кадетский проект утверждал, что правительство отошло от начал обновленного строя, что привело к народному унынию и ослаблению государства. В кадетском проекте, написанном П.Н. Милюковым, слова «обновленный Манифестом 17 октября Вашею Монаршею Волею государственный строй» были заменены на «созданный Манифестом <...> конституционный строй». Прогрессистский проект был значительно более умеренным. Проект националистов содержал общую программу работ Думы и готовность выступить в защиту балканских славян. За основу комиссией был взят нейтральный октябристский проект. Но при окончательном голосовании согласованный проект был отклонен. Далее вопрос об адресе уже не поднимался[9].

С возобновлением сессии после рождественских вакаций наибольшую активность опять демонстрировали кадеты. 23 января 1913 г. был оглашен кадетский запрос к министрам внутренних дел и юстиции и обер-прокурору Синода о злоупотреблениях на выборах. Выступающий по запросу Ф.И. Родичев упрекнул октябристов в потворстве власти и нежелании изменить избирательный закон. Кадетский оратор был прямодушен: «Страна имеет право считать вас обязанными перед ней. Обязанность ваша: не идите по этим путям нечестивым и да погибнет этот путь нечестив. И торопитесь. Никто не знает, когда наступит час страшного суда истории *(Смех справа)*. Да. Вы знаете, что в 1870 г. бонапартистские слуги точно

[7] Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 281, 327, 343—349, 366—370, 404, 419, 451, 515, 532—533, 894—898.

[8] Русские ведомости. 1912.18 декабря.

[9] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 481, 482, 483.

так же смеялись, когда им указывали на опасность войны с Пруссией». Октябристы и прогрессисты тоже внесли подобные запросы. В.М. Пуришкевич заявил, что правые не допустят превращения IV Думы в такую же революционную трибуну, какой была Дума предыдущая[10].

Тем не менее кадетская фракция внесла в Думу ряд законодательных предположений декларативного характера. 8 февраля обсуждалось кадетское предположение о неприкосновенности личности. Родичев констатировал: «Надругательство над русским человеком есть ремесло русского правителя». О своей партии им было сказано: «Мы остаемся в дураках перед всеми, которые говорят: с этой властью иначе, как насилием, ничего не поделаешь». Председательствовавший М.В. Родзянко не остановил оратора. Милюков потребовал поименного голосования, но оно было отвергнуто 168 голосами против 127. Проект был передан в судебную комиссию[11]. 27 февраля в судебную комиссию было передано предположение о союзах, затем было вынесено законодательное предположение о всеобщем избирательном праве. Милюков заявил о его неизбежности, поскольку в противном случае нужно было ждать революции, и был лишен слова[12]. По мнению думского центра, действия кадетов не имели конструктивного характера и лишь затягивали обсуждение бюджета, «томившегося» в бюджетной комиссии: «Сейчас Шингарев лезет на Коковцова. Эрудиция у Коковцова большая и как-никак впечатление такое, что думцы слабее. Шингаревские же вопросы наивны, так как их разделывал Коковцов легко и спокойно. <...> Эрудиция его невелика, и он все время поет в бюджетной комиссии на общие вопросы»[13].

Негативное отношение печати к новой Думе оказалось достаточно единодушным. Кн. В.П. Мещерский считал, что новая Дума оказалась «хуже первых трех»: первые две «играли в революцию», третья «из застоя сделала порядок вещей», четвертая уже стала «торжищем и ярмаркой партийности»[14]. «Голос Москвы» фактически согласился: «При благосклонном содействии всех думских фракций первый период четвертой Государственной думы вышел на редкость бледным и бесплодным. Не трудно предсказать, что такой же будет

---

[10] Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 968—969, 974—987, 1005—1009.

[11] Там же. Стб. 1506—1522.

[12] Там же. Стб. 1783—1815.

[13] Б.И. Каразин — Е.А. Каразиной, 13 марта 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 516.

[14] Дневник // Гражданин. 1912. № 47. С. 13.

и дальнейшая деятельность этой Думы»[15]. По мнению кадетских «Русских ведомостей», попытки Думы ограничить количество запросов в обстановке административного произвола означали стремление «не вводить деятельность Думы в рамки нормальной и спокойной законодательной работы, а, наоборот, закрывать глаза на те препятствия, которые этой работе всего более мешают»[16].

Правые депутаты, констатируя неработоспособность IV Думы, прогнозировали ее скорый роспуск[17]. В октябристских кругах полагали, что представители консервативной оппозиции, демонстративно покинувшие зал при произнесении избранного председателем палаты М.В. Родзянко его речи, действительно решили вести Думу к роспуску[18]. Как сообщалось в газетах, правые готовили проект нового избирательного закона[19]. По свидетельству Пуришкевича, в его составлении якобы участвовали великий князь Николай Николаевич, дворцовый комендант В.А. Дедюлин и гр. А.А. Бобринский[20]. 19—23 февраля состоялся приуроченный к 300-летию Дома Романовых VI съезд Союза русского народа. Была получена приветственная телеграмма министра внутренних дел Н.А. Маклакова. На молебне при открытии присутствовал обер-прокурор В.К. Саблер[21]. 5 марта кадетская «Речь» опубликовала повестку заседания фракции правых по вопросам о роспуске Думы, изменении избирательного закона и законодательного порядка (отмене решения вопросов по большинству голосов). Разразился скандал, однако практически сразу стало известно, что заседание проходило в отсутствие лидеров фракции Н.Е. Маркова, В.М. Пуришкевича и Г.Г. Замысловского, а секретарь фракции А.Д. Мешковский по наивности внес в повестку заседания обсуждение писем с мест, в которых и поднимались такие вопросы[22].

Между тем слухи не прекращались. Мещерский начал активную кампанию против Коковцова: по утверждениям князя, тот пытался

---

[15] Голос Москвы. 1912. 16 декабря.

[16] Русские ведомости. 1913. 23 января.

[17] Г.А. Шечков — Л.А. Тихомирову, 26 января 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 917. Л. 194.

[18] Г.А. Алексеев — А.С. Алексееву, 16 ноября 1912 г. // Там же. Д. 583. Л. 2706.

[19] Новое время. 1913. 10 февраля.

[20] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. 1913. Д. 307А. Л. 49 об.

[21] Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 304—305.

[22] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 4—5. С. 4—7.

сохранить пост премьера из корыстных соображений[23] и намеренно мешал объединению министров вокруг фигуры монарха[24]. Весьма информированный депутат П.Н. Крупенский говорил о желании министра внутренних дел распустить Думу и добиться победы правых на выборах[25]. По утверждению «Голоса Москвы», Маклаков и обер-прокурор В.К. Саблер якобы настаивали на роспуске Думы и придании ей законосовещательного статуса[26]. В Думе также ходили упорные слухи о подготовке Маклаковым и Мещерским нового переворота и восстановления «абсолютизма». Единственным препятствием якобы было неблагоприятное впечатление, которое было бы произведено на иностранные государства[27]. Однако подобные утверждения газет оставались лишь слухами. В реальности связи между думскими правыми и их предполагаемыми сторонниками в правительстве вовсе не были столь тесными, а планы — столь четкими и радикальными.

17 марта в Петербурге состоялся решительный разгон полицией прославянской демонстрации, организованной в разгар Первой Балканской войны (в связи с взятием болгарами Адрианополя). 20 марта в Думе обсуждалась спешность внесенного националистами запроса об избиении полицией «участников патриотической манифестации». Дума голосами большинства от правых до прогрессистов поддержала запрос[28]. В палате впервые выступил Н.А. Маклаков, пообещавший устроить разбирательство, чем вызвал одобрение правых и правой части центра. В.М. Пуришкевич обвинил правительство и лично Коковцова в подхалимстве в отношении Австрии и еврейских банкиров. По мнению оратора, министр иностранных дел С.Д. Сазонов оказался «в кулаке у графа Бертольда» (министра иностранных дел Австро-Венгрии), а Маклаков стал «жертвой» этих сил. После этого с грозной, но несколько сбивчивой речью выступил Родичев. Он заявил, что Австрия решилась на аннексию Боснии не после 17 октября, а «только после 3 июня». В отношении Маклакова оратор отметил, что его действия в Петербурге соответствуют его поведению в Чернигове, за что был исключен на 5 заседаний. Предложение Крупенского исключить Родичева на 15 заседаний не прошло

---

[23] Речи консерватора // Гражданин. 1913. № 20. С. 6.

[24] Дневник // Гражданин. 1913. № 21. С. 17.

[25] Неустановленный член Думы — Д.Н. Шипову, 4 июня 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 925. Л. 973.

[26] Голос Москвы. 1913. 30 мая.

[27] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 7—8.

[28] Там же. № 4—5. С. 20.

(«за» проголосовало 119 человек, «против» — 173)[29]. Депутаты свидетельствовали, что Родичев был нетрезв и даже обвинил Маклакова в стремлении стать Николаем III[30], но это не попало в стенограмму. Эффект достигнут не был. «Прямой путь» Пуришкевича высмеивал «вокальные упражнения весьегонской этуали»[31].

Ситуация в Думе не осталась и без особого высочайшего внимания. 2 мая Николай II писал Коковцову: «Владимир Николаевич, несвоевременное рассмотрение бюджета Государственной думою ставит меня лично в весьма неудобное положение в смысле почти полной невозможности оказывать людям денежную помощь. В нынешнем 1913 году это положение стало совсем критическим. В редких случаях приходится выдавать крупные суммы, чтобы выручать людей из беды. Между тем мои свободные остатки у Танеева и у бар. Будберга иссякают. Поэтому прошу вас прислать мне в субботу триста тысяч рублей из фонда на предусмотренные сметами надобности, показав их поступившими на известное мне употребление. Уважающий вас Николай»[32]. Дума приступила к бюджетным сметам только 10 мая, однако обсуждение почти сразу приобрело скандальный характер. Лишь большинство октябристов сохраняло деловое спокойствие, но фракция явно не контролировала ситуацию. 15 мая при обсуждении сметы Синода социалисты спровоцировали скандал и покинули зал, причем за ними вышли кадеты, большинство прогрессистов и далее левые октябристы, которые не смогли провести свое предложение отложить голосование[33]. 27 мая при обсуждении сметы Министерства финансов правый депутат Н.Е. Марков обвинил Коковцова в покрывании коррупции в его ведомстве и заключил речь словами: «Красть нельзя». Социал-демократ Н.С. Чхеидзе сразу отреагировал: «Молодец Марков <...> совершенно верно <...> позвольте вашу руку»[34]. 28 мая Щегловитов в своей речи обвинил депутатов в безответственности и получил от П.Н. Милюкова на весь зал: «Лицемер»[35]. Таким образом левые и правые соревновались в градусе оппозиционной риторики.

---

[29] Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 2409—2432.

[30] Г.А. Алексеев — К.С. Алексееву, 21 марта 1913 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 921. Л. 580.

[31] *Л.Ч.* Из Таврического дворца // Прямой путь. 1913. № 4. С. 173.

[32] РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. ЛЛ. 10—11.

[33] Государственная дума. Созыв IV. Сессия I. Стенографические отчеты. СПб., 1913. Ч. II. Стб. 1385—1386, 1402—1409, 1420—1438.

[34] Дневник // Гражданин. 1913. № 22. С. 19.

[35] Там же. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 64—66.

Правительство обсудило речь Маркова и единогласно решило не посещать думских заседаний до тех пор, пока Дума не отреагирует «так или иначе» на фразу Маркова. Предложение о привлечении Маркова к судебной ответственности было отвергнуто Щегловитовым, поскольку в поступке не было состава преступления[36]. По сведениям «Гражданина», Коковцов был взбешен поведением Маркова, а предложения премьера о способах реакции на слова депутата были весьма противоречивы: не замечать, распустить Думу или коллективно подать в отставку[37]. В думских фракциях решение правительства не нашло понимания[38]. Родзянко приносить извинения не собирался. По мнению октябристов Н.И. Антонова и М.М. Алексеенко, Дума не несла ответственности за поступки Маркова, а, кроме того, в рамках думского наказа не могла уже ничего предпринять для разрешения ситуации[39]. Коковцов якобы стал настаивать на выборах в новую Думу[40]. Ситуация становилась совершенно неопределенной. Даже информированная «Речь» задавалась вопросом: «Непонятно, бьют ли правые Думу руками премьера или премьер бьет правых руками Думы»[41]. Впрочем «бить Думу» власть, кажется, не собиралась. На аудиенции председатель Думы М.В. Родзянко получил от императора фразу о министрах: «Я надеюсь, что за лето они образумятся»[42].

Действия премьера последовательными не были. С одной стороны, он демонстративно поддерживал отношения с октябристами. 15 июня депутаты Н.И. Антонов и С.Т. Варун-Секрет посетили Коковцова и пришли к единому мнению о необходимости проведения земской реформы на умеренно-либеральных принципах. Премьер, так же как и депутаты, считал реформу «центральной задачей момента». Была достигнута договоренность выдвинуть в Думе соответствующее законодательное предположение, после чего правительство должно было взять на себя разработку законопроекта[43]. При открытии памятника П.А. Столыпину в Киеве 1 сентября Коковцов якобы намеревался встретиться с депутатами — националистами и

---

[36] Дневник // Гражданин. 1913. № 22. Стб. 188—196.

[37] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 10; *Львов Л.* Среди бюрократов // Речь. 1913. 7 июня.

[38] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 10—11.

[39] Новое время. 1913. 2 июня.

[40] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 19.

[41] Речь. 1913. 3 июня.

[42] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 6.

[43] Там же. № 7. С. 22; В добрый час // Свет. 1913. 17 июня.

октябристами — по вопросу формирования большинства[44]. С другой стороны, тогда же в беседе с Родзянко премьер заявил, что не намерен посетить Думу при открытии второй сессии, и даже намекал на возможность роспуска палаты[45]. Но и планы министра внутренних дел Н.А. Маклакова по роспуску Думы в октябре никакой поддержки у премьера не встретили, а сами они никакого серьезного развития не получили[46].

На фоне политических шараханий Коковцова позиция главноуправляющего земледелием и землеустройством А.В. Кривошеина выглядела особенно последовательно. В июле во время Киевской сельскохозяйственной выставки Кривошеиным была произнесена речь, небезосновательно воспринятая как политическая декларация. Он, в частности, сказал: «В таком огромном государстве, как Россия, нельзя всем управлять из одного центра, необходимо призвать на помощь местные общественные органы и силы, в распоряжение которых дать материальные средства. <...> Я уверен, что недалек тот час, когда настанет тесное сближение земств и моего ведомства [выделено в тексте — Ф.Г.]. Россия сможет достигнуть благоденствия только тогда, когда мы забудем пагубное «мы» и «они», разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные силы, и будем говорить просто «мы», разумея под этим все население и ведомство»[47]. После этой речи октябристы сделали свой выбор. «Голос Москвы» теперь открыто называл Кривошеина преемником Коковцова[48]. «Речь» отметила, что заявление Кривошеина превзошло знаменитый доклад Витте от октября 1905 г. Кадетский рупор считал, что «по своей неожиданности, по несоответствию действительным условиям жизни, по своему противоречию укорененным приемам власти она представляется замечательной, лучше сказать — невероятной»[49]. На киевских торжествах Кривошеин и министр путей сообщения С.В. Рухлов сообщили депутату-националисту В.Я. Демченко, что будут присутствовать на открытии новой думской сессии[50]. 1 ноября Марков неожиданно для всех, в том числе и правых, заочно принес свои извинения пребывавшему за границей Коковцову. Маклаков передал депутату жела-

[44] К предстоящему совещанию // Утро России. 1913. 3 сентября.
[45] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 3—5.
[46] *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 159—161.
[47] Новое время. 1913. 16 июля.
[48] Голос Москвы. 1913. 5, 12 сентября.
[49] Речь. 1913. 10 июля.
[50] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 3—5.

ние Николая II о примирении[51]. Таким образом, премьеру готовилась спокойная отставка.

Судьба сессии, Думы и ее отношений с правительством теперь зависела от октябристов. Их партийная конференция состоялась 7—10 ноября. На второй день с пространной программной речью выступил октябристский лидер А.И. Гучков. Его выводы соответствовали пафосу Кривошеина, но были намного резче: «Никогда еще революционные организации, добивающиеся насильственного переворота, не были в таком состоянии разгрома и бессилия, и никогда еще русское общество и русский народ не были так глубоко революционизированы действиями самой власти; ибо с каждым днем все более теряется вера в эту власть, а с ней и вера в возможность нормального мирного выхода из ситуации»[52]. Как отметил «Голос Москвы», таким образом был «сделан последний шаг для убеждения правительства в глубокой ошибочности и опасности его политики, и на него падет ответственность за дальнейшее»[53]. Претендуя на самостоятельную политическую игру и набивая ставки, Гучков попытался перетянуть партию и фракцию в открытую оппозицию, однако после конференции октябристская фракция окончательно распалась. Проправительственное большинство октябристов теперь ожидало правительственных перестановок.

В Министерстве финансов ожидания отставки Коковцова были вполне определенными: «О назначении к нам и в «красный угол» А.В. Кривошеина говорят все, как о решенном вопросе»[54]. В январе 1914 г. Кривошеину был предложен премьерский пост, но главноуправляющий от него уклонился. Как считал близкий ему П.Л. Барк, Кривошеин отказывался, вероятно, потому, что не был оратором[55]. Кроме того, он собирался за границу для поправления здоровья[56]. 30 января Коковцов получил отставку при высочайшем рескрипте и возведении в графское достоинство. «Голос Москвы» не преминул отметить, что отставка была воспринята «с исключительным равнодушием»[57]. Главной причиной отставки премьера стала его внутриполитическая несостоятельность: коковцовская концеп-

---

[51] Донесения Л.К. Куманина // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 3—4, 6.

[52] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905—1915 гг. В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 438.

[53] Голос Москвы. 1913. 12 ноября.

[54] П. Ефремов, СПб. — Д.С. Ключареву, Варшава, 11 января 1914 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 981. Л. 33 б.

[55] *Барк П.Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 73.

[56] Новое время. 1914. 15 января.

[57] Голос Москвы. 1914. 1 февраля.

ция «примирения» на поверку оказалась лишь прикрытием чисто бюрократического желания уйти от решения политических вопросов. Ситуация настоятельно требовала обратного.

31 января в рескрипте новому министру финансов П.Л. Барку указывалось на необходимость «коренных преобразований» в политике его ведомства: введении «народного кредита» и трезвости[58]. Сам по себе рескрипт при назначении молодого министра был вещью необычайной[59]. Сообщалось, что он был написан А.В. Кривошеиным и отличался стилем и наличием программы[60]. «Новое время» утверждало, что французская печать изначально восприняла перестановки в русском правительстве как знамение реакции, но затем поменяла точку зрения; особенно позитивно был воспринят рескрипт П.Л. Барку[61]. 7 марта был опубликован рескрипт новому премьеру И.Л. Горемыкину. В нем одним из принципов правительственной политики называлось единение с палатами, не допускающее, впрочем, «ни произвола, ни послаблений в ущерб достоинства правительства и в угоду каким бы то ни было сторонним побуждениям». О единении в тексте говорилось дважды, причем целью его называлась сила и мощь России, а в отношении палат еще утверждалось, что их «круг ведомства <...> строго очерчен в законе»[62]. Таким образом, правительство очерчивало рамки будущего соглашения с думскими фракциями.

Политика Коковцова привела к гораздо более острому кризису, чем тот, что имел место в марте 1911 г. IV Государственная дума оказалась неработоспособной, ее правое (и в особенности левое) крыло предпочитало использовать парламент в пропагандистских целях. Однако никакого четкого и единого плана по ликвидации Думы у правых ни в правительстве, ни в самой палате не было. В мае 1913 г. разрыв правительства с Думой приобрел официальный характер, что не могло не напомнить события времен Первой русской революции. Опять встал вопрос о выборе: кого из них — правительство или парламент — предпочтет Верховная власть? В предыдущий раз выбор привел к акту 3 июня и созданию Третьеиюньской системы. В новой ситуации события стали развиваться по иному сценарию. Отставка Коковцова стала первым в российской истории случаем, когда важнейшие политические перестановки осуществлялись с целью установления позитивных отношений с парламентом.

---

[58] Новое время. 1914. 31 января.
[59] *Барк П.Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 157. С. 64.
[60] Голос Москвы. 1914. 1 февраля.
[61] Новое время. 1914. 5 февраля.
[62] Там же. 7 марта.

Л.С. БОКАРЕВА

К вопросу о законодательных предположениях IV Государственной думы по реформированию православного прихода (1913 г.)

В феврале 1913 г. праздновался 300-летний юбилей правившего Дома Романовых. Многие православные люди связывали с этим событием надежду на скорый созыв Собора, а с ним разрешение болезненного вопроса церковного реформирования. «Однако те, кто ясно понимал внутриполитические проблемы империи, иллюзий относительно данного повода не имели. Не случайно вопрос о Соборе на праздновании 300-летия и не поднимался»[1].

Православного духовенства к концу 1913 года состояло на службе: «протоиереев 3043, священников 47403, диаконов 14868 и псаломщиков 45656. Кроме того, числилось за штатом: протоиереев 388, священников 1877, диаконов 647 и псаломщиков 2711»[2]. Общее количество приходов в Империи в 1913 г. насчитывало примерно 42 000, из них «почти в 11 000 приходах причты еще не получали от казны содержания»[3].

Материальная обеспеченность приходского духовенства отличалась резкими контрастами. Существовали богатые приходы, обычно в крупных городах, где приходской причт получал хорошие платы за требы и «заказные» службы. Однако подавляющая масса приходского духовенства, особенно сельского, жила бедно[4]. Французский посол М. Палеолог так характеризовал материальное положение русского духовенства: «Печально положение русских священников в материальном и в духовном отношениях. Деревенский поп живет обыкновенно очень бедно и теряет совершенно чувство собственного достоинства, чувство стыда и уважения к своему сану и обязанностям. Крестьяне презирают его за праздность и за пьянство; между ними часто происходят ссоры из-за платы за требы, при этом, в случае чего, они готовы его оскорбить и даже побить. Вы не

[1] *Фирсов С.* Краткий обзор истории Православной российской церкви в 1901—1917 гг. // *Фирсов С.* Церковь в Империи. СПб., 2007. С. 69.

[2] *Рябченко А.Е.* Открытое письмо обер-прокурору Св. Синода о нуждах церковной жизни. Пг., 1916. С. 67—68.

[3] Там же.

[4] *Федоров В.А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700—1917. М., 2003. С. 41.

можете представить, сколько накопляется обиды и злобы в душе русского священника»[5].

Государство пыталось решить вопрос о материальном обеспечении приходского духовенства еще в период реформ 1860-х—1870-х годов. Но поиск средств на улучшение материального положения причтов производился в крайне неблагоприятных условиях. Казна, опустошенная Крымской войной 1853—1856 гг. и экономическим кризисом, финансировать реформы отказалась[6]. С момента появления Государственной думы в России вопрос о реформе православного прихода и материальном обеспечении духовенства стал разрабатываться не только в синодальных кругах, но и депутатами Государственной думы, в том числе и Думой четвертого созыва.

По мнению депутатов Государственной думы, реформа прихода в первую очередь должна была быть направлена на ликвидацию причин падения его жизнедеятельности: «Задержать падения веры, а с нею и народной совести, возможно, если вернуть обратно авторитет пастыря и живое участие народа в богослужении»[7]. Именно из этого исходили члены IV Государственной думы в своих законодательных предположениях.

В 1913 г. «было внесено разными думскими группами четыре законодательных предположения, имеющие своею целью преобразовать весь православный приходской строй и управление и поднять материальное положение... городского и сельского духовенства; из них — одно подписано 57 лицами, другое — 34, третье — 133 и четвертое — 32»[8]. Что разного, а что общего было в этих законодательных предположениях? Оказались ли они востребованными в царской России?

По-разному авторы пытались решить болезненный вопрос материального обеспечения духовенства, который был тесно взаимосвязан с реформированием прихода. Несмотря на то, что размер нормальных окладов не отличался, источники на покрытие расходов по обеспечению духовенства были различны.

Законодательное предположение об обеспечении православного духовенства было внесено в IV Государственную думу 27 февраля 1913 г. за подписью 133 депутатов (первые подписавшиеся —

---

[5] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 89—90.

[6] *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860—1870 гг.). М., 1999. С. 98.

[7] Реформа прихода // Бессарабия. 1916. 15 декабря.

[8] Приходский вопрос в Четвертой Государственной думе. СПб., 1914. С. 5.

В.Н. Львов 2-й, П.Н. Балашев). Инициировали его националисты и группа центра, поддержан также фракцией правых[9]. Он основывался «на том соображении, что пастырь Православной церкви заслуживает государственную поддержку, так как является единственным руководителем духовной жизни русского православного народа, и государству небезразлично, как развивается жизнь в приходах»[10]. «Основная мысль — обеспечить духовенство достаточным содержанием с отменою платы за обязательные требы»[11].

Согласно законодательному предположению, предполагались следующие нормы содержания духовенства: приходские причты получают содержание из двух источников — за счет местных средств и из государственного казначейства. Нормальные оклады из этого последнего намечаются: «для священников в 1200 руб., для диаконов — 600 руб. и для псаломщиков — в 400 руб. в год»[12]. Переход к таким окладам предлагается произвести постепенно, с тем, чтобы «в первый год по утверждению законопроекта последние определялись: в 300, 100 и 150 руб., а во второй год — в 600, 300 и 200 руб. Церковнослужители должны бесплатно совершать обязательные требы»[13], т. е. все таинства Православной церкви, совершаемые в храме, а также напутствие больных на дому и погребение.

От фракции «Союза 17 октября» в IV Государственную думу было внесено два законодательных предположения «Об обеспечении духовенства Православной церкви определенным содержанием и об образовании православного прихода». Первый из них был внесен 5 апреля 1913 г. за подписями 57 депутатов (первые подписавшиеся — Е.П. Ковалевский, В.В. Марковников, Э.П. Беннигсен). Предлагалось изменить структуру доходов: отменить плату за обязательные требы, переложив основные расходы по содержанию прихода на места. Казна должна была оплачивать только тот труд церковного причта, который имел общегосударственное значение (например, заполнение метрических книг). Для того чтобы изменить материальное положение духовенства, депутаты настаивали на введении церковного налога для работоспособных лиц православного вероисповедания в возрасте от 18 до 60 лет. Размер церковного сбора варь-

---

[9] Законотворчество думских фракций. 1906—1917 гг.: Документы и материалы / Ред. кол.: И.И. Демидов, В.В. Шелохаев. М., 2006. С. 63.

[10] *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 261.

[11] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 819. Л. 12.

[12] Государственная дума. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1913. Т. 2. № 166. С. 4.

[13] РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 819. Л. 14.

ировался в зависимости от благосостояния человека и слагался из: «а) сумм от личных взносов в зависимости от получаемого содержания или имущественного состояния; б) добавочного обложения земельных имуществ; в) дополнительного процента к сумме платежа по промысловому обложению; г) добавочного процента к казенному оценочному сбору с городских имуществ; д) добавочного сбора при взимании городского квартирного налога»[14]. Особые уездные и губернские присутствия должны были производить раскладку налогов в соответствии с числом приходов раз в три года. По расчетам авторов налог не должен был превышать 60 коп. с человека.

Как следовало из законодательного предположения, «полное содержание священника признавалось желательным в 2400 руб., диакона — 1 200 руб., псаломщика — 600 руб. Нормальное содержание священника: 1 200 руб., а именно: 300 руб. от казны, 600 руб. от церковной повинности и 300 руб. в среднем дохода от церковной земли. Уплата разницы между нормальным содержанием (1200 руб., 600 руб., 300 руб.) и полным содержанием (2400 руб., 1200 руб. и 600 руб.) составляло добровольную заботу прихода»[15]. Дальнейшее повышение содержания духовенства депутаты связывали с реформированием церковного прихода, предоставлением ему прав юридического лица, что качественно бы изменило статус прихода и даровало бы ему значительную свободу действий[16].

По поводу пенсионного обеспечения указывались те же денежные ставки, что и в предположении, рассматриваемом выше: «за 35 лет — священнику 900 руб., диакону 450 руб. и псаломщику 300 руб.»[17].

Второе законодательное предположение от фракции «Союза 17 октября» было внесено в IV Государственную думу 8 мая 1913 г. за подписями 32 депутатов (первые подписавшиеся — А.И. Звегинцев, М.Л. Киндяков, М.И. Арефьев), и в общих чертах повторяло предыдущее. Уточнялось, что «приходы управляются приходскими собраниями под председательством настоятеля или заместителя»[18], а также, что приходской совет должен возглавлять староста, который «избирается на шесть лет собранием из числа прихожан мужского пола, достигших 30 лет... и утверждается епископом»[19].

---

[14] Государственная дума. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1913. Т. 2. № 265. С. 4—5.

[15] Там же. С. 5.

[16] Законотворчество думских фракций. С. 210—211.

[17] Государственная дума. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1913. Т. 2. № 265. С. 5.

[18] Там же. Т. 3. № 317. С. 2.

[19] Там же.

Стоит отметить, что 5 апреля 1913 г. помимо законодательного предположения октябристов было внесено еще одно предположение, посвященное вопросу приходского реформирования, — «Проект нормального Устава православных приходов в России», разработанный прогрессистами за подписями 34 депутатов (первые подписавшиеся — И.В. Титов, И.Н. Ефремов, И.Т. Евсеев). Данное предположение было внесено повторно. Первый раз оно было внесено еще в III Государственную думу 23 ноября 1911 г. за подписями 45 депутатов.

По мнению авторов данного законодательного предположения, в основу предполагаемой реформы следует положить два принципа. Во-первых, «приход признается имеющим права юридического лица и право самообложения»[20]. Во-вторых, к участию в приходской жизни допускаются все местные жители православного вероисповедания старше 21 года: они на общем собрании избирают приходской совет. Приходу также принадлежало право «выбирать кандидатов на священноцерковнослужительские должности»[21].

Предполагалось, что приходская реформа изменит к лучшему и материальное положение духовенства. Депутаты предлагали отказаться от государственного финансирования Церкви, которое, по их словам, было губительным для самого прихода, так как нарушало связь между прихожанами и священником. Однако в случае если приход не может удовлетворить свой причт нормальным содержанием, то предполагалось «отпускать из казны пособия впредь до изменения их экономического положения»[22]. Желательным объявлялся другой механизм, возлагавший обязанность по материальному обеспечению духовенства на сам приход. Для этого планировалось ввести содержание приходского духовенства: «священнику — 1200 руб., диакону 600 руб., псаломщику — 400 руб. Источниками на покрытие расходов по обеспечению духовенства должны были стать проценты с неприкосновенных причтовых капиталов, доходы от арендных статей и в приходах численностью до 1500 человек плата за необязательные требы, а также приходское обложение и другие доходы прихода»[23].

Таким образом, часть депутатов высказалась за то, чтобы отказать приходскому духовенству в фиксированном казенном жаловании и передать все эти вопросы в руки самого прихода. Что касается

[20] Государственная дума. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1913. Т. 2. № 263. С. 30.

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Там же.

приходских священников, то за ними признавалась ведущая роль в приходском собрании. Им отводилось председательское место. При этом провозглашалось, что «все члены приходского причта, — священники, диаконы и псаломщики — определяются к приходским церквам епархиальным архиереем и не могут быть ни назначены, ни уволены от должности какою-либо иною властью. В случае, если прихожане пожелают, чтобы на вакантную должность в причте определено было известное лицо, они, по постановлению своего приходского собрания, могут ходатайствовать о том пред архиереем, если избранный ими кандидат по своему образованию, нравственным и служебным качествам будет удовлетворять каноническим правилам и местным распоряжениям на этот предмет церковной власти»[24].

Все четыре законодательных предположения можно обобщить в следующих основных пунктах:

1) признание православного прихода не только церковной единицей в общеепархиальном строе и управлении, но и юридическим лицом, имеющим физическое представительство в лице приходского совета;

2) право прихода выбирать кандидатов на должность священнослужителей;

3) предоставление приходу права путем самообложения собирать средства для содержания своих членов клира, которые в малолюдных и небогатых приходах получали бы денежные пособия и от казны;

4) предоставление приходу под контролем епископа и совместно с приходским духовенством права распоряжения движимым и недвижимым имуществом;

5) выработка законодательным порядком нормального[25] приходского устава[26];

6) отмена платы за обязательные требы;

---

[24] Государственная дума. Созыв 4-й. Сессия 1-я. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1913. Т. 2. № 263. С. 33.

[25] «Нормальным приходским уставом» назывался «Устав православного прихода», отвечающий требованиям современных условий, по мнению думцев, представителей общественности, некоторых православных иерархов: выборность кандидатов на священнические должности, придания приходу статуса юридического лица, введение нормальных окладов для причта. Так, в противовес «Уставу православного прихода», который разрабатывался в синодальных кругах, подготовленный октябристами устав назывался «Проект нормального устава православных приходов в России».

[26] Приходский вопрос в Четвертой Государственной думе. С. 5.

7) введение нормальных окладов для священника — 1200 руб., для диакона — 600 руб., для псаломщика — 400 (300) руб.[27]

Главные отличия законодательных предположений думцев от проекта «Устава православного прихода», выработанного Синодальным ведомством: это признание прихода полноправным юридическим лицом и избрание самими прихожанами кандидатов на должность священнослужителей. Было и особое мнение по этому поводу, депутат А.А. Назаров (кадет) считал, что «на приходском собрании председательствует избранный собранием председатель, каковым может быть и священник»[28].

Октябристы считали, что «особенно опасной в деле отстранения мирян является статья законопроекта, в силу которой епархиальному архиерею предоставляется полное право, в случае упорного противодействия со стороны членов приходского совета предложениям и указаниям духовной власти, устранить неблагонадежных членов прихода, заменив их до новых выборов благонадежными, по избранию приходского священника, и сделать распоряжение о производстве на ближайшем приходском собрании новых выборов в члены приходского совета»[29]. По мнению октябристов, «статья эта... повлечет за собою неминуемо полнейшее уничтожение самостоятельности приходского совета»[30]. Речь идет о 22 и 35 статьях «Устава православного прихода». Согласно ст. 22: «Руководство занятиями приходского собрания принадлежит председателю. Он вносит дела и вопросы на обсуждение собрания, направляет прения, по возможности, к общему соглашению и формулирует принятые решения, устраняя из предметов обсуждения все выходящее за пределы круга ведения собрания. Он же наблюдает и за внешним порядком в собрании и принимает меры к удалению из него лиц, явившихся в нетрезвом виде. Если, несмотря на принятые меры, порядок среди

---

[27] Нормальный оклад — это средний оклад, необходимый для достаточного обеспечения священнослужителей с точки зрения авторов законодательных предположений. Также иногда указывался отдельно минимальный оклад — это оклад, необходимый для минимального обеспечения священнослужителей, обычно его считают отправной точкой, потом он развивается за счет увеличения субсидий или повышения налога до нормального оклада. Однако есть законодательные предположения, которые помимо нормального оклада (среднего) предусматривали и желательный оклад, т.е. тот, к которому необходимо стремиться для полного, безбедного существования причта.

[28] РГИА Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 50.

[29] Приходский вопрос в Четвертой Государственной думе. С. 16.

[30] Там же.

присутствующих не восстанавливается, то председатель закрывает собрание»[31]. Ссылаясь на эту статью, в ст. 35 констатировалось, что «в случае несогласия председателя с большинством совета, председатель руководствуется ст. 22. при упорном противодействии со стороны большинства совета руководственным указаниям духовной власти, епархиальный архиерей может сделать распоряжение об устранении таковых членов и о выборе на ближайшем приходском собрании, под руководством благочинного, новых членов приходского собрания»[32]. Таким образом, действительно можно сделать вывод о том, что данные статьи «Устава...» блокировали любое проявление несогласия прихожан с архиерейскими властями. Вся полнота власти в приходе по-прежнему оставалась в руках епархиального архиерея (даже не приходского священника, который являлся орудием исполнения распоряжений высших церковных властей). Приходской совет и приходское собрание — лишь видимость участия прихожан в деле управления приходом, ибо какое-либо реальное воздействие прихожан на приходские дела в проекте «Устава...» исключалось.

Реакция правительственных кругов на законопроекты думцев о приходе была соответствующей. Действующий обер-прокурор Св. Синода В.К. Саблер отмечал, что данные законодательные предположения представляются «неприемлемыми, так как предполагают предоставление приходу права распоряжения всем церковным достоянием (землями и капиталами), а местному органу из прихожан — права распоряжения специальными капиталами»[33]. Государственный контролер П.А. Харитонов по поводу размеров окладов высказывался, что «материальные нормы желательны, но неосуществимые»[34]. К тому же у него нашла поддержку лишь «основная мысль — обеспечить духовенство достаточным содержанием с отменою платы за обязательные требы — оно совпадает с началами, намеченными в проекте духовного ведомства» [предположение 133-х][35]. Все остальные законодательные предположения, предусматривающие церковный сбор или обеспечение за счет самого прихода с устранением государственного финансирования, признавались нежелательными.

Законодательные предположения были переданы в Комиссию по делам Православной церкви на заключение по вопросу о желатель-

[31] РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 1179. Л. 26.
[32] Там же. Л. 27 об.
[33] Там же. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 819. Л. 2.
[34] Там же. Л. 11 об.
[35] Там же. Л. 12.

ности: 1 марта 1913 г. (предположение 133-х), 24 апреля 1913 г. (предположение 57-ми), 10 мая 1913 г. (предположение 32-х), 28 марта 1914 г. (предположение 34-х). 4 марта 1914 г. Комиссия внесла доклад по всем четырем представленным законодательным предположениям. 28 марта 1914 г. Общее собрание Думы постановило передать их в Комиссию по делам Православной церкви для разработки единого варианта (в котором решались бы оба вопроса — и об обеспечении духовенства, и об организации прихода). Таким образом, законодательная инициатива думцев фактически была отвергнута. Дальнейшего хода дело не получило. Светские и церковные власти по-разному смотрели на суть и основное содержание реформ.

Св. Синод настаивал на сохранении максимальной власти священника в приходе. «Устав православного прихода» был внесен в Комиссию по делам Православной церкви 8 июня 1914 г. обер-прокурором В.К. Саблером. Он пробыл в думской комиссии до 5 августа 1915 г., когда был взят обратно обер-прокурором А.Д. Самариным, с именем которого связывали надежду на реализацию приходской реформы в русле положений, выработанных Предсоборным присутствием (на принципах выборности священноцерковнослужителей и активном участии прихожан в приходской жизни). Но скорая отставка А.Д. Самарина, связанная с нашумевшим Тобольско-Варнавинским делом, помешала осуществлению переработки законопроекта. Новый обер-прокурор А.Н. Волжин первоначально занял двойственную позицию: будучи сторонником проведения приходской реформы на основаниях выборности церковно-священнических должностей, он в то же время стремился заручиться поддержкой Синодального ведомства. Но 13 декабря 1915 г. законопроект о приходе был вновь внесен в Государственную думу без каких-либо изменений, А.Н. Волжин встал на сторону Св. Синода. До революции он так и не был переработан.

Однако в деле материального обеспечения духовенства некоторые идеи законодательных предположений думцев оказались востребованными еще в царской России. Разрешение проблемы материального обеспечения приходского духовенства подразумевало под собой два пути: перевод их на казенное жалованье или содержание на местные средства, за счет общины верующих. Неизменным признавалось одно — отмена платы за требы. Так, в январе 1917 г. начала свою работу созданная по инициативе митрополита Петроградского Питирима Комиссия по вопросу об улучшении содержания православного духовенства при Св. Синоде. Большинством голосов Комиссией 4 февраля 1917 г. было постановлено, что «плата прихожан за обязательные требы — крещение, брак, погребение, исповедь и напутствие больных на дому и за выдачу метрических

выписей отменяется»[36] при условии нормального обеспечения церковносвященнослужителей. Были выработаны следующие нормы окладов из средств Государственной казны: «для протоиерея и священника 1800 р[уб], для диакона 1200 р[уб], для псаломщика 800 р[уб]»[37]. Нормы, конечно, отличались от предложенных думцами, но основная идея — отмена платы за обязательные требы при достаточном содержании из казны — сохранялась. Решения Комиссии наиболее созвучны законодательному предположению за подписью 133, так как не предполагалось ни введения церковного сбора, ни обеспечения за счет самого прихода.

[36] РГИА. Ф. 799. Оп. 31. Д. 306. Л. 44.
[37] Там же.

М.А. ЗЛАТИНА

IV Государственная дума и проблема еврейских беженцев в годы Первой мировой войны

В период Первой мировой войны происходит обострение еврейского вопроса в России, катализатором стала проблема особого положения еврейских беженцев. Дело в том, что вызванные боевыми действиями в западных губерниях Российской империи и насильственными выселениями из прифронтовой зоны потоки/волны еврейских вынужденных мигрантов уходят вглубь страны, скапливаясь вдоль черты оседлости. Территория, где имеют право проживать еврейские беженцы, все больше сужается, ставится на повестку дня и вопрос о необходимости разрешения ситуации с правом жительства еврейского населения. На какое-то время проблема еврейских беженцев, вопрос сохранения черты оседлости и сам еврейский вопрос словно сливаются воедино. Вопрос о положении еврейских беженцев все чаще поднимается на страницах прессы, в различных общественных организациях, на правительственном уровне. Казалось бы, не должен был остаться в стороне от данной животрепещущей темы и «главный рупор» «народного представительства», игравший, по мнению историка Ф.А. Гайды, «одну из основных ролей в политической жизни страны»[1], Государственная дума. В стороне Дума, разумеется, не осталась, но насколько эффективным был ее вклад в разрешение сложившейся ситуации, попробуем разобраться. Рассмотрим заседания Государственной думы, прошедшие в период от начала Первой мировой войны до момента вступления в силу циркуляра министра внутренних дел Н.Б. Щербатова о разрешении евреям проживать вне черты оседлости, то есть во временной промежуток от 26 июля 1914 г. до 13 августа 1915 г.

На чрезвычайном заседании Государственной думы, состоявшемся 26 июля 1914 года, понятное дело, о проблеме еврейских беженцев речи не шло, поскольку еще как таковой проблемы не было. Н.М. Фридман от лица русских евреев в своей речи вслед за другими депутатами высказался в русле общего единения во благо победы России над неприятелем и о выполнении евреями своего гражданского долга под «шумные аплодисменты всей Думы». Это было заседание 26 июля 1914 г.; первые еврейские беженцы, согласно данным архивных источников и материалам прессы, появятся уже 28 июля,

[1] *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1916). М., 2003. С. 48.

первые выселенцы, высланные по распоряжению военных властей, — 29 июля 1914 г.

К началу третьей сессии Государственной думы — 27 января 1915 года ситуация с еврейскими беженцами была уже гораздо более серьезной. Все чаще в еврейской и русской прессе, из уст еврейских и русских общественных деятелей, на заседаниях общественных организаций звучали высказывания за отмену черты оседлости для еврейских беженцев и выселенцев ввиду их бедственного положения, вызванного, в том числе, правовыми ограничениями. В качестве одного из примеров М.М. Ичас, изучавший ситуацию в западных губерниях в качестве уполномоченного от Всероссийского союза городов, вернувшись из Вильно, представил в октябре 1914 г. в Москве «в Совете ВСГ доклад о положении беженцев в крае и о мерах, необходимых для оказания помощи пострадавшим от войны»[2]. В докладе говорилось в том числе и о «стеснительных условиях для еврейских беженцев, в виду существования черты оседлости»[3]. Виленская, Саратовская и Смоленская городские думы в октябре и декабре 1914 года также поднимали вопрос о необходимости ходатайствовать об отмене всех мероприятий, ограничивающих права русских подданных еврейского верования и, в частности, об отмене черты оседлости»[4]. 16 января 1915 года «в общем собрании Вольного экономического общества заслушано и единогласно принято постановление комиссии помощи пострадавшему от войны населению Царства Польского, в котором указывается, что еврейское население Польши и сопредельных районов оказалось в исключительно тяжелом положении в виду тяготеющих над ним ограничений в праве жительства»[5]. Решено было «принять меры, путем сношения с правительством и с членами законодательных палат для немедленной приостановки действий всех ограничительных законов о праве жительства евреев и об окончательной их отмене законодательным путем»[6].

И это только ряд примеров. А что же Государственная дума, какова была ее реакция на ситуацию, сложившуюся с еврейскими беженцами? В тот момент главный орган «народного представительства» обошел стороной вопрос о черте оседлости и положении еврейских беженцев. В своих мемуарах П.Н. Милюков пишет, что «за день до открытия сессии Думы 27—29 января 1915 года устроили

[2] Минский голос. 1914. 26 октября.
[3] Там же.
[4] Новый восход. 1914. № 52. 31 декабря.
[5] Минский голос. 1915. 20 января.
[6] Утро России. 1915. 17 января.

частное совещание думской комиссии обороны с участием министров»[7]. Говорить на этом совещании пришлось, главным образом, А.И. Шингареву и самому П.Н. Милюкову. Павел Николаевич, со своей стороны, остановился на отношении Николая Алексеевича Маклакова к печати, к национальностям — полякам, евреям — и к политике в Галиции. Но дальше кулуарных разговоров дело не пошло. На заседаниях зимней сессии Государственной думы (27—29 января 1915 года) представители фракция народной свободы продолжали придерживаться политики единения во имя войны, не поднимая вопроса о положении еврейских беженцев. Выступивший Андрей Иванович Шингарев заявил, что «фракция народной свободы» не будет прибегать к внутренней политической борьбе: «Перед лицом внешнего врага такая борьба должна умолкнуть, нельзя выражать ее и в голосовании против бюджета»[8]. Еврейский депутат Н.М. Фридман лишь вскользь упомянул, что «за истекшие шесть месяцев евреи пережили многое и страшное. На долю их выпали неожиданные испытания, усугубившие и без того тяжкий гнет бесправия», но «в час борьбы с внешним врагом» он не станет заострять на этом внимания, далее шла речь об исполнении долга еврейским населением перед Родиной[9]. Подняли вопрос о политике в отношении еврейского населения западного края только представители трудовиков. В.И. Дзюбинский выступил с речью, в которой говорилось о том, что «наше правительство не только не прекращает прежние системы гонений, но и, совершенно не считаясь ни с переживаемым моментом, ни с огромными жертвами, которые несет вся разноплеменная Россия, делает невыносимой жизнь бесправных евреев <...>»[10]. Но данное заявление не было поддержано другими фракциями. И в формуле перехода никак не был отражен вопрос о политике в отношении еврейских беженцев. Главный орган выражения общественного мнения на данном этапе решил промолчать.

Следующая сессия заседаний Государственной думы пришлась на момент апогея обострения ситуации с еврейскими беженцами и выселенцами. Уже прошли массовые выселения евреев из Курляндской и Ковенской, части Гродненской губерний, поток выселенцев наслаивался на волны добровольных еврейских беженцев из прифронтовых районов. Невозможность разместить всех беженцев и выселенцев в рамках все более сужающейся территории черты осед-

[7] *Милюков П.Н.* Воспоминания М., 1990. Т. 2. С. 166—167.

[8] Государственная дума. IV созыв. III сессия. Стенографический отчет. Пг., 1915. Стб. 151.

[9] Там же. Стб. 33.

[10] Там же. Стб. 150.

лости уже заставила правительство открыть для евреев доступ в Тамбовскую, Пензенскую и Воронежскую губернии. О насущной необходимости снятия правовых ограничений для еврейских вынужденных мигрантов все громче заявляла пресса, еврейские общественные деятели, об этом говорили на съездах военно-промышленных комитетов в Москве и Петрограде, ходатайствовал петроградский городской голова И.И. Толстой.

А что же Государственная дума? Созванная 19 июля 1915 года, она на этот раз не обошла вниманием положение еврейских беженцев. Но поднять еврейский вопрос, в целом, и проблему сложившейся ситуации вокруг еврейских беженцев и выселенцев, в частности, рискнули немногие партии. На первом же заседании лидер фракции прогрессистов И.Н. Ефремов подчеркнул, что «национальные несправедливости обострены», но о еврейском вопросе не упомянул. П.Н. Милюков от лица фракции народной свободы остановился в своей речи на проблеме огульного обвинения еврейского населения империи в шпионаже и предательстве, которое нельзя слепо переносить на весь еврейский народ. Вскользь заметил, что «сегодня эта национальная политика осуждена самой властью, признавшей, что интересы граждан равны и равно заслуживают внимания без различий племен, языка и веры. Пусть это слово претворится в дело»[11]. Таким образом, кадетская партия, осуждая действия властей в отношении еврейского населения западных губерний и очень тонко намекая на равность прав граждан Российской империи, самого еврейского вопроса и проблемы перемещений еврейских беженцев так и не поставила. Депутат Н.С. Чхеидзе от социал-демократической фракции с осуждением говорил о выселениях евреев и взятии из их среды заложников, объясняя обвинение еврейского населения и выселение их как шпионов и предателей военными властями как попытку списать на них неудачи военного командования[12]. Но опять же сам вопрос об изменении положения еврейских беженцев не ставился. На втором заседании, 20 июля 1915 года, выступил еврейский депутат Н.М. Фридман, подчеркнув и представив факты верноподданнических настроений среди евреев Российской империи. Опровергнув обвинения в шпионаже и предательствах, подробно рассказав о выселениях евреев из района военных действий, он первый открыто поднял вопрос о черте оседлости, «когда происходит стихийное передвижение масс, когда население перегоняют из одной части государства в другую, когда черта оседлости и так уже нарушена, когда евреев тысячами ссылают в

[11] Государственная дума. IV сессия. Стб. 96.
[12] Там же. Стб. 122,130.

Тамбовскую, Воронежскую губернии, в Сибирь, Дума находит несвоевременным дать этому народу право свободного передвижения. Таким образом, в области еврейского вопроса все остается по-прежнему <...>»[13].

При обсуждении формулы перехода к текущим делам депутат от мусульманской группы К.-М.Б. Тевкелев, «по поручению заседающих в Государственной думе представителей от латышей, литовцев, армян, эстонцев, мусульманского и еврейского населения», предложил добавить в «формулу перехода к текущим делам пожелание о том, что в ближайшем будущем должны быть приняты все меры»: 1) к устранению всяких административных стеснений, направленных против отдельных народностей; 2) к отмене в законодательном порядке всех ограничительных законов, связанных с вероисповеданием и национальностью[14]. Трудовая группа предложила свою формулу перехода, в которую было включено предложение о «необходимости настаивать на полном равноправии всех перед законом, что особенно неотложно ввиду исключительных гонений на евреев, украинцев и кавказских мусульман»[15]. Принятие поправки к формуле перехода Тевкелева или предложенной формулы перехода трудовой группы могло быть пусть небольшим, но шагом к решению национального вопроса, в том числе еврейского и в том числе проблемы еврейских беженцев. Но Государственная дума свой шанс не использовала. За поправку К.-М.Б. Тевкелева «...высказалось 162 голоса против 191. Поправка была отклонена»[16], как и предложение трудовой группы. Точно известно, что поправку национальных групп поддержала социал-демократическая фракция, а именно: Чхеидзе подчеркнул: что же «касается поправок, которые внесли национальные группы, то мы поправки поддерживаем»[17]. Как голосовали другие фракции, доподлинно неизвестно, но в итоге сложилось так, что попытку провести решение национального, в том числе еврейского вопроса, обострившегося в связи с массовым потоком беженцев из западных губерний, сделали трудовая, социал-демократическая фракции и представители национальных групп в Государственной думе. Представители кадетской партии и прогрессисты, осудив политику властей в отношении еврейского населения, дальше осуждения не пошли. На четвертом заседании Думы, 1 августа 1915 года,

[13] Государственная дума. IV созыв. III сессия. Стенографический отчет. Пг., 1915. Стб. 156—169.

[14] Там же. Стб. 189.

[15] Там же. Стб. 190.

[16] Там же. Стб. 196.

[17] Там же Стб. 195.

тема национального вопроса, точнее отклонение его решения были продолжены. Депутат от социал-демократической фракции А.И. Чхенкели подчеркнул, что «съезд военно-промышленных комитетов», который, вроде как, не является политическим органом и не обязан обсуждать политические вопросы, высказался «за устранение полицейских и административных стеснений, за равноправие евреев. Съезд промышленников говорит: ввести равноправие для евреев, а вы сказали: никакого равноправия, и вы говорите, что вы исполняете государственную задачу. Перед Государственной думой лежала обязанность поставить перед собой основные политические вопросы и стремиться к скорейшему их разрешению. Но большинство Думы, к которому примкнула и так называемая оппозиция, не пошло этим путем»[18]. Завершилась речь утверждением, что «в стране еще осталось много людей, которые верят, наивно возлагают на Государственную думу большие надежды. Государственная дума не оправдала этих надежд»[19].

Социал-демократическая фракция еще пыталась выяснить ситуацию, сложившуюся вокруг еврейских беженцев и выселенцев в период массового выселения евреев из прифронтовой зоны, внеся в Государственную думу запрос «о политике правительства по отношению к евреям. В запросе указывалось, что на шестимиллионный еврейский народ возведено ложное обвинение в предательстве, а под его прикрытием открыто было необычайное гонение. Далее в запросе приводился ряд отдельных фактов выселения мирного еврейского населения из района военных действий. Запрос был направлен председателю Совета министров И.Л. Горемыкину»[20]. Но ответа на представленные обвинения не последовало.

Неспособность Государственной думы помочь в решении вопроса об улучшении правового положения евреев, особенно беженцев и выселенцев, вызвали недоумение и негодование среди еврейских общественных деятелей. В еврейской прессе появились возмущенные высказывания, направленные против политики кадетской партии[21]. В то же время подчеркивалось уважительное отношение к действиям левых фракций в Думе: «...как бы там ни было, а история запишет, что по запросу о еврейских страданиях и обидах не сочли нужным выступить Милюков и Родичев, а должны были это взять на себя лишь Дзюбинский и Чхеидзе»[22].

[18] Государственная дума. IV созыв. III сессия. Стенографический отчет. Пг., 1915. Стб. 276—277.

[19] Там же. Стб. 277.

[20] Утро России. 1915. 21 июля.

[21] Еврейская жизнь. 1915. № 5. 2 августа.

[22] Там же. № 6. 9 августа.

В итоге вышло так, что в отношении решения вопроса о еврейских беженцах, положение которых было осложнено ограничительными законами, Государственная дума, действительно, не оправдала надежд, предоставив решение вопроса о черте оседлости правительству Российской империи. И в следующий раз на заседаниях Государственной думы вопрос о черте оседлости упоминался лишь 13 августа, и уже в связи с принятием циркуляра Н.Б. Щербатова о предоставлении евреям права проживания почти по всей территории России; депутат от социал-демократической фракции М.И. Скобелев в своей речи о деятельности правительства упоминал, что «в Совете министров встал вопрос о черте оседлости в то время, когда волна еврейских беженцев, в большинстве случаев насильственно снимаемых со своих мест, уже смела в действительности эту средневековую плотину»[23].

Совет министров пошел на частичную отмену черты оседлости и предоставление права жительства еврейским мигрантам на почти всей территории Российской империи под давлением внутри- и внешнеполитических факторов, отчасти и в связи с давлением общественного мнения, в том числе и депутатов Государственной думы (прежде всего фракций левого толка). Но главный факт состоял в том, что циркуляр Н.Б. Щербатова о праве проживания евреев оказался инициативой именно правительства, а не Государственной думы. Как, может быть, ни парадоксально, но в итоге на тот момент при разрешении обострившейся ситуации с еврейскими беженцами, в решении вопроса о черте их оседлости (по сути одного из краеугольных камней еврейского вопроса) правительство вынужденно, подчеркиваю, вынужденно, оказалось левее самой Государственной думы.

[23] Государственная дума. IV созыв. IV сессия. Стенографические отчеты. Пг., 1915. Стб. 653.

А.А. ИВАНОВ

Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н.Е. Маркова в Государственной думе 22 ноября 1916 г.

Скандал, вызванный выходкой лидера фракции правых IV Государственной думы Н.Е. Маркова 22 ноября 1916 г., стал одним из самых ярких событий думской жизни накануне крушения монархии. Оскорбление, нанесенное правым депутатом председателю Думы М.В. Родзянко, всколыхнуло общество, стало предметом долгих обсуждений и привело к весьма печальным для фракции правых последствиям. Вслед за представителями оппозиции (прежде всего, самого Родзянко), поступок Маркова довольно часто трактовался современниками и историками как сознательная провокация лидера правых, однако, на наш взгляд, такая трактовка небесспорна.

Поводом для выступления Н.Е. Маркова с думской кафедры стала прозвучавшая 19 ноября 1916 г. в стенах Таврического дворца нашумевшая речь его недавнего единомышленника, а теперь политического противника, В.М. Пуришкевича[1], который, порвав с фракцией правых, обрушился с резкой критикой на власть, солидаризировавшись тем самым с либеральной оппозицией. При этом обстановка в Думе накалилась еще до выхода Маркова на трибуну. Выступавшего перед ним председателя Совета министров и министра путей сообщения А.Ф. Трепова, опровергавшего с документами в руках ряд обвинений Пуришкевича, левая оппозиция слушать не хотела. «Я с отвращением наблюдал дикую сцену скандала, учиненного трудовиками, хлопавшими, стучавшими и кричавшими “вон”, когда председатель Совета министров А.Ф. Трепов стоял на трибуне, а члены Думы не давали ему возможности исполнить его служебный долг и огласить объявление правительства», — писал редактор «Российского гражданина» П.Ф. Булацель[2]. Но вместе с тем Трепов был удостоен бурных аплодисментов справа. Особенно усердствовал Г.Г. Замысловский, рукоплескавший чуть ли не перед самым носом В.М. Пуришкевича. Последний, находясь в крайнем возбуждении,

[1] *Иванов А.А.* Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб., 2006. С. 128—138.

[2] *Булацель П.Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 16.

повернулся к своим недавним товарищам по фракции и на весь зал закричал в их адрес: «Холопы!»[3]. Произошел первый инцидент, ознаменовавший начало большого скандала.

Н.Е. Марков, находясь рядом с Пуришкевичем, заметил: «Вы сидите на наших скамьях и нас же оскорбляете». Далее разыгралась сцена, не совсем обычная даже для российского «парламента». Марков, человек атлетического сложения, по словам Ю.С. Карцова, «партийный вышибало»[4], начал сталкивать Пуришкевича с его места. Пуришкевич обнажил носимый им при форменной одежде кортик и стал угрожать Маркову...[5].

После этого ситуация накалилась еще больше. «Когда Трепов окончил свою речь, — вспоминал член Государственного совета П.П. Менделеев, — полились ответные речи — настоящие обвинительные против правительственной власти акты. В них прямо говорилось о Распутине, о темных безответственных влияниях, обо всем, что накипело на обывательской душе. Говорили это не только левые, но и правые...»[6].

Поэтому когда Марков поднимался на думскую кафедру, он, по его же собственным словам, уже не «имел обычного запаса самообладания, столь необходимого для правого оратора **(**для меня (т. е. Маркова — *А.И.*) — в особенности**)**, произносящего речь перед собранием прогрессивно-озлобленных врагов...»[7].

В своем выступлении Марков предпринял попытку документально опровергнуть обвинения «новоявленного прогрессиста» Пуришкевича и защитить правительство от нападок Прогрессивного блока. Постоянно прерываемый замечаниями и выкриками нетерпимого к оратору думского большинства, среди которых встречались возгласы: «Пошел вон! Долой!» (по стенограмме заседания до 50 раз, а, по мнению некоторых правых, значительно больше, причем возбужденный Пуришкевич даже выкрикнул с места: «Я тебя высеку!»), вынужденный отвечать на реплики из зала и делать замечания членам Думы (за что был остановлен М.В. Родзянко) Марков пошел на «неслыханный в летописях Государственной думы скандал».

---

[3] Петроградские ведомости. 1916. 23 ноября (6 декабря); [*Марков Н.Е.*] Преступления Маркова 2-го. Пг., 1916. С. 1.

[4] АБФРЗ. Ф. 1. Д. М—76 (1). Л. 246.

[5] [*Марков Н.Е.*] Преступления Маркова 2-го. С. 1; Голос Руси. 1916. 23 ноября (6 декабря); *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917 года. Душанбе, 1975. С. 84.

[6] ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 115.

[7] [*Марков Н.Е.*] Преступления Маркова 2-го. С. 1.

Сходя с кафедры, размахивая бумагами и грозя кулаком, он приблизился к председательскому месту и назвал председателя Думы М.В. Родзянко «мерзавцем»[8], позже публично подтвердив свои слова, поясняя, что в лице «пристрастного и непорядочного председателя» он хотел оскорбить всю Думу[9]. После содеянного Н.Е. Марков, окруженный немногочисленными единомышленниками, покинул заседание Государственной думы.

Сын М.В. Родзянко, Георгий, а позже и сам председатель хотели вызвать Маркова на дуэль, но после совещания представителей фракций с секундантами Родзянко было принято решение, что принимать выходку Маркова за личное оскорбление председатель не может, так как относилось оно к Думе в целом. Фракции также постановили не подавать Маркову руки, не входить с ним ни в какое общение, не переизбирать ни в какие комиссии и, увлекшись, не требовать от него никакого удовлетворения[10]. Кроме того, как отмечал бывший в день скандала в Государственной думе П.Ф. Булацель, представители оппозиционного лагеря выдвинули идею подвергнуть вождя крайне правых «парламентской смерти» — выходить из зала заседания всякий раз, как он будет подниматься на думскую трибуну, не выбирать его ни в какие комиссии, не упоминать его имени в речах и просить прессу совершенно о нем умалчивать. Была даже идея привлечь Маркова к обычному суду, как позволившему себе оскорбить должностное лицо в присутственном месте. «Вот что зна-

[8] По свидетельству обоих товарищей председателя Государственной думы и тех лиц, которые сидели вблизи кафедры, Н. Е. Марков, обратившись в сторону М.В. Родзянко «...с искаженным от злобы лицом, жестикулируя правой рукой, трижды бросил в лицо председателя Государственной думы слова “Болван. Негодяй. Мерзавец”» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 7. Л. 408 об.). Уже в эмиграции в беседе с И.П. Якобием Марков утверждал, что обращаясь к Родзянко, он дословно произнес следующее: «Вы старый дурак и мерзавец!», однако, первая часть фразы Маркова была исключена из стенограммы заседания по требованию председателя Думы, который предпочел сохранить только слово «мерзавец». См.: *Якобий И.П.* Император Николай II и революция / Публ. и ред. С.В. Фомин. СПб., 2005. С. 119.

[9] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 189—190; *Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 167. «22 ноября, — писал Марков две недели спустя в своей статье “Как это случилось”, — я преподал лишь добрый урок благочиния и прогрессивному большинству Государственной думы и ее председателю» (Курская быль. 1916. 11 декабря).

[10] *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 168.

чит, когда задеты *сами "депутаты",* считающие себя вправе безнаказанно задевать всех других!» — возмущался сторонник опального лидера правых[11].

Но, поостыв, депутаты от оппозиции ограничились единственным законным в данном случае наказанием — постановили удалить Н.Е. Маркова на пятнадцать заседаний (максимальная мера взыскания, доступная Государственной думе). За исключение Маркова голосовали все, и только горстка единомышленников лидера фракции правых во главе с Г.Г. Замысловским покинула зал заседаний[12].

В своих воспоминаниях М.В. Родзянко настаивал, что скандал не был вызван эмоциональным срывом Маркова, а планировался заранее. До начала выступления приставы якобы слышали, как некоторые правые появлялись в кулуарах и спрашивали, был ли уже скандал[13]. Его жена в письме к княгине З.Н. Юсуповой также сообщала: «Мерзкая выходка Маркова 2-го была оплачена Протопоповым в 10.000 рублей. Они рассчитывали на свалку, драку и скандал, а следствием всего — роспуск Думы»[14]. В связи с этим инцидентом, во время допроса А.Д. Протопопова Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства кадет Ф.И. Родичев также интересовался у бывшего главы МВД, какое вознаграждение получил Н.Е. Марков за свою ругань, спровоцировавшую скандал. Однако Протопопов категорически отверг это предположение, засвидетельствовав, что лидер правых никаких премиальных за ругань по адресу Родзянко не получал[15].

Предположения же эти во многом основывались на том, что, по мнению многих, такой «зубр», как Н.Е. Марков, о котором оппозиционные издания писали как о «таране, не знающем усталости», «механическом Дон-Кихоте», «паладине правительства», не мог дать непредсказуемый сбой. «Марков 2-й, — отмечал еще летом 1915 г. либеральный журналист, — это не человек; это — сооружение. И напрасно говорят, что ему винтика не хватает. Все его винтики в совершенном порядке. Машина работает по-прежнему отчетливо и

---

[11] *Булацель П.Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 14—15.

[12] Речь. 1916. 23 ноября.

[13] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 189.

[14] Цит. по: *Слонимский А.Г.* Указ. соч. С. 85. Подобную мысль (о приказе Маркову оскорбить Родзянко, дабы последний не совладав собой, дал повод закрыть Думу) высказывал и правый деятель Н.Н. Родзевич (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1211, 1223).

[15] Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.;Л., 1924. Т. 1. С. 124.

чисто. <...> Над кафедрой вознеслась голова Маркова 2-го. Таран. Послышался скрип. — Это раскачиваются цепи. И курский депутат принялся по своему обыкновению защищать правительство»[16]. Поэтому вполне естественно, что оппозиционный лагерь заподозрил «непробиваемого» Маркова в сознательной провокации.

Сторонники же Н.Е. Маркова объясняли его действия провокацией со стороны большинства депутатов Думы, которые целенаправленно не давали ему говорить своими выкриками с мест[17]. «Я не оправдываю Маркова, — писал в частном письме правый депутат Н.В. Жилин, — но у него есть основание: он в самозащите это сделал. Родзянко боялся, что после разгрома Пуришкевича Марков побьет в речи и [В.А.] Бобринского — тов[арища] пред[седателя] и лишил Маркова слова, да еще в течение речи раз 50 левые кричали и мешали говорить... На левое ухо Родзянко глух и крика левых не слышал и потянул с кафедры за рукав Маркова. Ну, тот и прорвался...»[18] «...Только один голос заклеймил подлых мародеров достойными их названиями в лице их Атамана — “мерзавец”, сказал Марков, и сколько бы сочувствий ни высказывалось Родзянко, во скольких бы городах ни производили его в почетные граждане, но этот [эпитет?], раздавшийся на всю Россию, так прилип к нему и к “Блоку”, что его [не] отдерет никакой почет, никакие сочувствия, никакое хамское раболепие “либеральных” лакеев...» — писал патриарх правой публицистики К.Н. Пасхалов в письме к члену правой группы Государственного совета Н.А. Маклакову[19]. Примерно так же расценивал этот скандал и эмигрант-монархист И.П. Якобий, попытавшийся восстановить ход происшествия на основе различных источников. По его мнению, виновником инцидента был вовсе не Марков, а спровоцировавший его на дерзкую выходку Родзянко, в интересах которого было пресечь поток опровержений правого оратора, наносивших удар по престижу оппозиции[20].

[16] Утро России. 1915. 22 июля.

[17] См.: Последняя речь Н.Е. Маркова 2 в IV Государственной думе. Пг., 1916.

[18] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. ЛЛ. 361—362.

[19] *Пасхалов К.Н.* Русский вопрос / Сост. предисл. и коммент. Д. И. Стогова. М., 2009. С. 646.

[20] «В заседании Думы 22 ноября, член Думы Н. Е. Марков II-й, отвечая, между прочим, на речь Милюкова, показал, ссылаясь на документы, всю подоплеку затеянной провокации. Речь Маркова не могла поколебать, конечно, распропагандированного и революционно настроенного большинства Думы, но отзвуки ее в общественном мнении могли оказаться весьма нежелательными для престижа оппозиции. Необходимо было заставить оратора замолчать; для этого были пущены в ход обычные “куль-

То, что с Н.Е. Марковым думское большинство обошлось крайне предвзято, отмечал и публицист П.Ф. Булацель. Не оправдывая поступка вождя думских правых, он, тем не менее, напоминал, что только за ноябрь 1916 г. представители оппозиции позволили себе несколько сходных выходок, но ни резонанс, ни постигшая их кара не шли ни в какое сравнение с тем, что наблюдалось в случае Маркова. Так, 1 ноября трудовик А.Ф. Керенский, указывая на места правительства, назвал сидящих там «предателями интересов Родины», за что был лишен председателем слова на 1 заседание (!); В.М. Пуришкевич в своей громкой речи 19 ноября, обличая В.Н. Воейкова, позволил себе сравнить дворцового коменданта с «одним крупным бобром», французским мародером Потеном, казненным за свои преступления (что и вовсе осталось без внимания со стороны председательствующего); выступавший в тот же день прогрессивный националист граф В.А. Бобринский назвал правительство «холопским» (за что был мягко остановлен председателем); кадет М.С. Аджемов назвал одного из министров «холуем», за что был лишь призван к порядку. От себя к этому списку добавим еще кадета В.А. Маклакова, которого за отпущенное в ту же сессию в адрес министров слово «подлецы» председатель удалил лишь на одно заседание[21]. Уже в декабре А.Ф. Керенский, «неистовый эпилептик» и «российский Робеспьер» с думской кафедры бросил, что время борьбы с властью законными путями ушло в прошлое, М.С. Аджемов невозбранно заявил, что первым делом нового правительства, ответственного перед Думой, будет посадить на скамью подсудимых представителей теперешней власти, а Н.С. Чхеидзе и вовсе договорился до того, что хотя «наше правительство говорит на чистом русском языке <...> это не мешает ему быть предательским».[22]

турные" приемы парламента: крики, свистки, ругательства, стук пюпитров. Напрасный труд! Марков II-й, казалось, прирос к кафедре всей своей грузной фигурой и невозмутимо продолжал свои разоблачения, которые приходилось записывать стенографисткам. Оставалось одно средство: лишить оратора слова. Внимательно следивший за речью Родзянко ждал удобного момента. И в то время, как Марков бросил одному из крикунов: "Стемпковский, успокойтесь!", — Родзянко остановил его и лишил слова. Фокус был проделан, и Милюков оказался избавленным от неприятного оппонента. Возмущенный этим произволом, сознавая себя жертвой самого грубого злоупотребления властью, Н.Е. Марков, обернувшись к Родзянко, бросил ему в лицо: "Вы старый дурак и мерзавец!"» (*Якобий И. П.* Указ. соч. С. 118—119).

[21] Государственная дума. Созыв IV. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 1524—1525.

[22] *Булацель П.Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 46. С. 13.

«Конечно, ругань не допустима в собрании сколько-нибудь уважающих себя людей, но надо быть последовательным, возмущаясь бранью Маркова 2-го, нельзя восторгаться бранью В.А. Бобринского, Керенского, Милюкова и Пуришкевича. Иначе получается однобокая справедливость...», — замечал П.Ф. Булацель[23]. За речи же Аджемова, Керенского и Чхеидзе Думу и вовсе следовало бы разогнать, полагал консервативный публицист, отмечая, что еще пять лет назад так бы власть и поступила...[24]. «Пора перейти от слов к делу, пора напомнить властям, что, унижаясь перед левыми, они уронили себя настолько в глазах правых, что даже самые убежденные правые люди дошли до последней степени негодования и отчаяния, там неизбежны всякие необузданные поступки», — резюмировал правый публицист[25].

Как видим, замечание Н.В. Жилина насчет «глухоты» Родзянко «на левое ухо», вполне справедливо. Но в любом случае крайнюю резкость по отношению друг к другу проявили обе стороны. Виноваты были и предвзято поступивший М.В. Родзянко, и думское большинство, не желавшее дать Н.Е. Маркову возможность высказаться, и, безусловно, сам Марков, не сумевший (или не пожелавший) совладать с собой.

При этом если поведение Маркова может быть отчасти оправдано действиями думского большинства, то в целом оно было весьма характерным для лидера правых. Еще в мае 1913 г., когда Марков заочно обращаясь к премьеру и министру финансов В.Н. Коковцову, бросил фразу: «красть нельзя!»[26], эта выходка привела к тому, что

[23] *Булацель П.Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 14—16. Как замечал по этому поводу публицист, оскорбление, брошенное Керенским («предатели»), куда страшнее в дни войны слова «мерзавец», произнесенного Марковым, так как не каждый мерзавец, писал Булацель, способен предать Родину, но каждый предатель, вне всякого сомнения, является мерзавцем. Более того, редактор «Российского гражданина» пророчески предупреждал, что если правительство «будет идти по следам французских жирондистов, унижаясь и заискивая перед Думским блоком, то мы доживем и до того, что “блокистов” сметут более искренние и более смелые Керенские, Чхеидзе, Сухановы и К°... Напрасно думают министры, что покорно глотая заявления Вл. А. Бобринского “о холопском правительстве”, они упрочат спокойствие в стране и приобретут “доверие” думских демагогов. Нет, этими уступками и самоуничижением правительство лишь облегчает наступление катастрофы» (Там же. С. 16).

[24] Там же. № 46. С. 13.

[25] Там же.

[26] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 137.

министры in corpore перестали посещать Государственную думу, а значительная часть правых депутатов едва не покинула фракцию. Единомышленник и земляк Маркова член правой группы Государственного совета, М.Я. Говороухо-Отрок, называл свойственный лидеру правых тон «шокирующим». А член Думы октябрист С.И. Шидловский дал Маркову следующую характеристику: «...Достаточно было послушать раз-другой обычного глашатая крайне правых Маркова II, чтобы пожелать избавиться от упрека единомыслия с ним. Этот весьма неглупый человек сознательно старался придать своим речам вообще, а полемическим приемам в особенности, такой отвратительный характер базарной ругани в третьестепенном трактире, что становилось противно...»[27]. «Соглашаясь с ним [Марковым], не хотелось соглашаться», — вторил ему националист В.В. Шульгин[28]. «Нельзя, конечно, отказать ему [Маркову] в известных достоинствах — сила воли, напористость, темперамент, ораторский талант. Но этика с ним в хронической ссоре», — отмечал земец-октябрист Н.В. Савич[29]. Сам же Марков в одном из интервью, данном еще в 1909 г., сетовал: «...После каждой резкости даю себе слово больше не говорить их. Но это уже дело темперамента»[30].

Вместе с тем нельзя не согласиться и с П.Ф. Булацелем, справедливо отмечавшим, что скандал вокруг выходки Н.Е. Маркова был сознательно раздут оппозицией до невообразимых размеров. «Вчерашнее столкновение Н.Е. Маркова с М.В. Родзянко, — писал он в “Дневнике”, — отвлекло *все* помыслы и внимание членов Государственной думы от всех *важных* государственных вопросов и в настоящее время *единственно,* чем они *интересуются*, *единственно*, о чем они *совещаются* и говорят между собою и с “журналистами” — это все об этом столкновении, или “об инциденте”, как называются на газетном жаргоне всякие думские приключения и скандалы...»[31] Цель искусственного нагнетания страстей вокруг этого скандала, как показали дальнейшие события, была такова: демонтаж последней думской плотины, стоявшей на пути Прогрессивного блока — фракции правых. И это оппозиции вполне удалось.

---

[27] *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 210.

[28] *Шульгин В.В.* Воспоминания. 1917—1918 // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 169.

[29] *Савич Н.В.* После исхода: парижский дневник. 1921—1923. М., 2008. С. 261.

[30] Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. Т. 2. С. 211.

[31] *Булацель П.Ф.* Дневник // Российский гражданин. 1916. № 42. С. 13.

Сам Н.Е. Марков, настаивавший в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства на том, что никакого расчета в его выходке не было, а был лишь «взрыв негодования на неправильное отношение», признавал: «Кроме вреда нашим политическим делам это ничего не могло принести»[32]. Иллюстрацией к этому заявлению Маркова прекрасно служит то обстоятельство, что ближайший съезд Объединенного дворянства лидеру думских правых пришлось пропустить. Причем отсутствие Маркова было вызвано просьбой со стороны влиятельной правой группы дворянства, не желавшей провоцировать либерально настроенную часть представителей высшего сословия на эксцессы. «Весьма характерно, — не без удовлетворения отмечало “Утро России”, — что на теперешнем съезде даже правые дворяне в самой категорической форме отмежевываются от Н.Е. Маркова 2-го и заявляют, что их группа стоит весьма далеко от курского депутата»[33]. «Группа Маркова была расколота и изолирована после печально знаменитого инцидента 22 ноября», — констатирует исследователь Объединенного дворянства М.А. Бибин[34].

«Никогда меня не поражало такое отчаяние, такое чувство, что все погибло, какое я испытал прочтя о прискорбной выходке Н.Е. Маркова. <...> Н.Е. [Марков], позволив себя увлечь личными чувствами, погубил не себя, а нас всех, исповедующих принцип самодержавия, верность историческому укладу России. Что же нам делать и что после этого ждет нас, правых? Ничего не придумаешь, никакого исхода — тревога, ужас и отчаяние. Прощай, русская Россия», — отмечал в частном письме публицист К.Н. Пасхалов[35].

Эскапада Н.Е. Маркова создала председателю Государственной думы небывалый ореол славы. К нему шли огромным потоком со всех концов России приветствия и трогательные телеграммы. Как иронично замечала газета «Волынь», Родзянко все поздравляли, приветствовали, соболезновали и «по телеграфу поцеловать пробовали»[36]. Кабинет председателя Думы был заставлен цветами, незна-

---

[32] Падение царского режима. Т. 6. С. 205.

[33] Утро России. 1916. 30 ноября.

[34] *Бибин М.А.* Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 176.

[35] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1286; *Ганелин Р.Ш.* Н.Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: История и культура. Сборник научных трудов. (Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 5.) / Отв. ред. Д. А. Эльяшевич. СПб., 1998. С. 211.

[36] Волынь. 1917. 1 февраля.

комые ему дамы и юные девицы посылали приветы и посвящали стихотворения. Вся «мыслящая Россия»[37] выражала ему свое сочувствие: в числе первых оказался даже и бывший председатель фракции правых А.Н. Хвостов[38].

Все печатные органы клеймили позором дерзкий поступок Н.Е. Маркова. Исключение составили лишь правые издания. Так, «Курская быль» охарактеризовала выходку лидера правых как «несколько слов горькой правды по адресу председателя Родзянко» и всего «желтого блока»[39]. Но особенно отличилась «Гроза»: редакция газеты не только всецело поддержала действия Маркова, но и направила ему телеграмму с выражением благодарности за «разоблачение Пуришкевича и меткое определение думского большинства словом “мерзавцы”»[40].

С точки зрения правых, Марков пострадал за идею, т. е. ушел хоть и некрасиво, но честно. «Марков упал, — писал журнал “Коренник”, — и враги его, словно стая собак, ринулись на него, и стали его грызть насмерть, хватив мертвой схваткой за горло поскользнувшегося богатыря...»[41].

Впрочем, были и оптимистические прогнозы. «Рассматривая дело “психологически”, — писал член фракции правых III Государственной думы В.А. Образцов депутату Г.А. Шечкову, — нахожу, что история с Николаем Евгеньевичем [Марковым] <...> есть начало нашего торжества»[42]. Однако на деле все вышло ровно наоборот — последствия выходки Н.Е. Маркова оказались для фракции правых фатальными[43].

---

[37] «Тяжкое оскорбление, нанесенное в моем лице всей Государственной думе, будет достойно отмечено всей мыслящей Россией», — писал М.В. Родзянко М.В. Челнокову. (Цит. по: *Николаев А.Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь — декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения—2006. К 75-летию профессора В. И. Старцева. Сб. восп. и науч. ст. / Ред.-сост. Б.Д. Гальперина, А.Б. Николаев. СПб., 2007. С. 146).

[38] Новое время. 1916. 24 ноября (7 декабря); Голос Руси. 1916. 24 ноября (7 декабря).

[39] Курская быль. 1916. 25 ноября.

[40] Гроза. 1916. 30 ноября.

[41] Коренник. 1917. № 2. 10 января.

[42] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1561.

[43] См.: *Иванов А.А.* Фракция правых IV Государственной думы в конце 1916 — начале 1917 гг.: от раскола к распаду // Вестник молодых ученых. Серия исторические науки. 2003. № 1; *Николаев А.Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы.

В итоге следует отметить, что попытка нейтрализации речей оппозиционных политиков, предпринятая лидером фракции правых Н.Е. Марковым, обернулась полным провалом и достигла прямо противоположных результатов — окончательного кризиса фракции правых, из которого она так и не смогла выйти. При этом скандал, возникший вокруг срыва правого оратора, оскорбившего М.В. Родзянко, был отчасти спровоцирован, а затем искусственно и сознательно раздут оппозицией до невообразимых размеров с целью дискредитации и, как следствие, демонтажа последнего препятствия, стоявшего на пути Прогрессивного блока в Государственной думе, — фракции правых. Правоту данного вывода подтверждает характер информационной войны, развязанной либеральными периодическими изданиями, целью которой было расколоть и разложить правое объединение Думы. В итоге оппозиции удалось «переиграть» правых и использовать возникший политический конфликт в своих интересах. Раскол и последовавший за ним фактический распад фракции правых, раздробивший ее на две самостоятельные структуры (собственно фракцию правых и группу независимых правых), стал безусловной победой либеральных сил.

А.Д. ГРОНСКИЙ

Отношение политической полиции к депутатам Государственной думы (по воспоминаниям руководителей политического сыска)

Политическая полиция Российской империи стояла на страже интересов правящего режима. Именно поэтому она рассматривала всякое проявление политической активности сквозь призму государственной безопасности. Это касалось и деятельности различных институтов российского общества, в том числе и государственных. Не стал исключением и российский парламент. Государственная дума по статусу являлась достаточно значимым институтом российской политики, однако опыта существования подобных структур Империя не имела. Естественно, у политической полиции возникали обоснованные подозрения депутатов в том, что они не всегда будут лояльны императорской власти. Да и сами выборы в Думу первого созыва, проведенные в ситуации революционной борьбы, пусть и немного ослабевшей за год революции, заставляли жандармское руководство задуматься о политической благонадежности думцев.

Мемуары сотрудников политического сыска Российской империи достаточно информативны. Поскольку подавляющее большинство жандармов, оставивших мемуары, занимали высокие должности и имели доступ к секретной информации, они могут объяснить некоторые скрытые мотивы того или иного действия. Необходимо помнить, что мемуары являются источником субъективным, в котором зачастую некоторые действия объясняются с позиций оправдания собственных поступков. Однако в жандармских мемуарах субъективизм подобного плана встречается реже. Ведь воспоминания офицеров политической полиции публиковались даже в раннем Советском Союзе, т.е. бывшие противники политической полиции рассматривали мемуары своих оппонентов как относительно объективные. Кроме того, нужно учитывать, что мемуары писались уже за рубежом после революции и гражданской войны. Это могло сказаться на точности воспроизводимой информации, которая могла забыться или через столько лет казаться несущественной. Однако с высоты пережитого сотрудники политической полиции могли проанализировать происходившие в поздней Российской империи события, сделать определенные выводы по поводу того, почему они произошли и постараться прописать в мемуарах эти объяснения на примере своей службы. Акценты в мемуарах расставляются уже окон-

чательно, а не предположительно, как если бы это было в документах оперативного характера, которые описывают еще не законченное событие. Таким образом, мемуары, описывая уже завершившийся период российской истории, более единообразны в оценках того или иного события на всем протяжении повествования, что создает определенное представление целостности изложения события. Отразились в воспоминаниях жандармов и события, связанные с работой Государственных дум Российской империи всех четырех созывов. Нужно заметить, что разным созывам было посвящено разное количество информации. Не каждый жандармский генерал оставлял воспоминая о всех Думах. Это объясняется тем, что жандармы описывали в основном те события, непосредственными участниками которых являлись или имели о них определенную информацию. Также нужно понимать, что мемуаристы находились на постах в политической полиции непостоянно. Они уходили в отставку, переводились на другие должности и даже в другие органы, уходили на гражданскую службу. Тем не менее высшие чины политической полиции не теряли контактов со своими бывшими сослуживцами, поэтому зачастую были в курсе тех дел, которыми занималась полиция в то время, когда сами авторы мемуаров в ней уже не служили. Таким образом, под сотрудниками политического сыска мы понимаем и тех, кто на момент Февральской революции занимался политическим сыском, и тех, кто покинул эту службу еще до революции.

Нами были использованы мемуары сотрудников политической полиции, которые в период существования Государственной думы Российской империи занимали высокие посты, так или иначе связанные с политическим сыском. Среди них — бывший товарищ министра внутренних дел, заведующий полицией и командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант П.Г. Курлов (1860—1923), бывший начальник Петербургского охранного отделения, позже генерал для поручений при министре внутренних дел генерал-лейтенант А.В. Герасимов (1861—1944), бывший начальник Дворцовой охранной агентуры генерал-майор А.И. Спиридович (1875—1952), последний директор Департамента полиции действительный статский советник А.Т. Васильев (1869—1930) и некоторые другие сотрудники политической полиции.

Руководство политической полицией не только старалось предугадать, какова будет лояльность будущих депутатов к императорской власти и правительству, но и анализировала причины появления Думы как таковой именно в то время. Так, директор Департамента полиции А.А. Лопухин писал: «Тот страх, который привел Николая II к подписанию рескрипта на имя Булыгина о народном представитель-

стве, был внушен ему совершившимся за две недели перед тем убийством в[еликого] к[нязя] Сергея Александровича. Оно знаменовало для Николая II близость опасности для него лично, оно и толкнуло его на попытку эту опасность предотвратить»[1]. Таким образом, уже сама мысль о создании системы российского парламентаризма как вынужденной меры для преодоления чувства опасности самим императором вряд ли делал будущую Думу в глазах политической полиции безопасным с точки зрения защиты режима органом.

Можно сказать, что элита политического сыска заранее определила свое отношение к будущему российскому парламенту. С точки зрения жандармов это отношение было вполне резонно, поскольку Государственная дума и в дальнейшем доставляла политической полиции немало хлопот, действуя на грани законности, а иногда генерируя внутри себя откровенно революционные, т.е. опасные для государственной безопасности, лозунги и идеи.

Первая Дума полностью подтвердила опасения жандармского начальства. Причем оно указывало, что для большинства правительственных чиновников это было неожиданностью. В частности, генерал П.Г. Курлов писал, что «физиономия Государственной Думы явилась для правительства каким-то сюрпризом»[2]. Курлов объясняет это тем, что «вопреки парламентским обычаям всех стран, правительство не принимало никакого участия в выборах в 1-ю Государственную думу, и его агенты на местах являлись только передаточной инстанцией, уведомляющей центральную власть о выборных лицах»[3]. Т.е., по мнению генерала, механизм оппозиционного поведения Думы был заложен в самой избирательной системе и в слишком либеральном отношении властей к проблеме выборов.

Однозначно негативно оценивают все сотрудники политической полиции представление думцев первого созыва императору. Оно обсуждалось во всем Петербурге, «причем отмечалось крайне некорректное поведение многих из них»[4], как замечал Курлов. Еще один известный сотрудник политического сыска генерал А.В. Герасимов указывал, что отношение многих депутатов к императору было вообще крайне враждебным[5]. Однако манифестирование своей непри-

[1] *Лопухин А.А.* Из книги «Отрывки из воспоминаний» // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 510.

[2] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 69.

[3] Там же. С. 70.

[4] Там же. С. 69—70.

[5] *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска. В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 216—217.

язни к власти началось еще до встречи с императором. Так, когда депутатов везли на пароходах в Зимний дворец, некоторые из думцев подняли красные знамена. Толпа, стоявшая на берегу, приветствовала эти действия. На обратном пути из Зимнего дворца в Таврический эти сцены повторились, «а около Выборгской тюрьмы, которая выходит на Неву, имели место настоящие революционные демонстрации»[6].

Деятельность Первой Думы все более укрепляла жандармов во мнении, что она является органом, опасным для существования государственного строя. Причем думцы очень быстро радикализировались, и, по мнению генерала Курлова, их поведение «с первого же дня вышло из пределов даже простых приличий». Думцы превратили трибуну государственного органа в место не только антиправительственной, но даже революционной пропаганды[7].

Безнаказанные антиправительственные выступления в Думе поставили правительственных чиновников в странное положение. Это также не ускользнуло от внимания политической полиции. Никто из чиновников не знал, как нужно реагировать на депутатские речи. Правительственные чиновники давали в Думе неуверенные ответы и даже проявляли перед депутатами некое подобострастие, как будто перед «начальством»[8]. Кроме того, министров встречали враждебно, выкрикивая оскорбления[9]. Правительственные сановники достаточно быстро сделали однозначные выводы о том, что с Первой думой конструктивный диалог наладить не удастся. Так, председатель Совета министров И.Л. Горемыкин «был чужд оптимизму, а потому далек от всяких иллюзий, что работа Государственной Думы войдет в нормальную колею»[10]. Хотя сам премьер так и не понял, каким образом можно работать с Думой. Его предложением была рекомендация министрам не ходить в Думу. Тогда, по мнению Горемыкина, Дума будет вариться в собственном соку и сама себя дискредитирует в глазах населения[11].

Сами думцы воспринимали растерянность правительства как признак своей силы. Так, П.Н. Милюков потребовал у Столыпина назначить думское министерство. Столыпин согласился, но с условием, что назначение на посты силовых министров останется в ведение императора. Спор возник из-за поста министра МВД. Милю-

[6] Там же. С. 217.
[7] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 70.
[8] Там же.
[9] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 217.
[10] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 70.
[11] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 218.

ков был уверен, что думский министр внутренних дел сможет справиться с революционными выступлениями. Кроме того, Милюков, критикуя действия властей по подавлению революции, высказался о думском министерстве так: «Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства»[12].

Сложившуюся ситуацию четко описал с точки зрения законодательства Курлов: «Говоря о создавшемся положении, я не могу не остановиться на одной из особенностей Государственной думы как первого, так и остальных созывов. Правительство впало, по моему мнению, в полное противоречие с самим собой, ярко отразившееся и в законодательстве. Государственная Дума не имела права обсуждать и даже возбуждать вопроса об изменении основных законов, а на практике, несмотря на присутствие представителей правительства, получалась картина иная: в речах депутатов только и слышались пожелания и даже требования таких изменений. Уголовные законы карали за принадлежность к партиям, имевшим в своих программах изменение государственного строя. Некоторые партии были не только не легализованы, но признавались явно преступными. Между тем в Государственной думе те же партии считались как бы легальными, что было особенно непоследовательно ввиду широкой безответственности членов Государственной думы за свои речи с думской трибуны. Получилось невероятное положение: члены революционных партий за речи, произнесенные вне стен Государственной думы и заключавшие в себе изложения своих программ, привлекались к судебной ответственности и рядом члены Государственной думы, громогласно заявлявшие о своей принадлежности к этим организациям, за такие же речи, но в гораздо более резкой форме, оставались безнаказанными»[13].

Защищая государственную безопасность, политическая полиция анализировала влияние думских речей на общество. В частности, Курлов утверждал, что если даже для министров составляло затруднение составить свое отношение к государственному органу, занимающемуся антигосударственной пропагандой, то простых обывателей, которые не имели никакого представления о политике, это развращало[14]. По мнению Курлова, предположение И.Л. Горемыкина о том, что Дума сама себя дискредитирует, не оправдалось. Наоборот, резкие нападки думцев на правительство дискредитировали в

[12] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 220.
[13] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 70—71.
[14] Там же. С. 71.

первую очередь министров. А революционная пропаганда с думской трибуны воспринималась обывателями как разрешенная, поскольку депутаты за свои высказывания не преследовались[15]. Генерал Герасимов также был согласен со своим коллегой и однозначно склонялся к тому, что Дума «уже сейчас оказывает вредное влияние, а устраиваемые в ней демонстрации <...> дискредитируют власть в глазах населения»[16]. Таким образом, полицейское руководство видело в деятельности I Думы опасность для существования режима путем дискредитации правительства в глазах населения Империи.

Следующим шагом к раскачиванию ситуации, по мнению жандармов, стала выездная агитация депутатов, превратившихся «в своего рода разъездных революционных агитаторов, к тому же оплачиваемых из государственной казны»[17]. В ситуации еще полностью неподавленной революционной активности депутатские пропагандисты обратили внимание на армию. Для революционизирования армии был налажен выпуск специальных газет, как легальных, так и нелегальных, печаталось огромное количество прокламаций. Солдат всячески агитировали посещать революционные митинги. В итоге думская пропаганда в некоторых случаях оказалась весьма успешной, поскольку произошло несколько солдатских выступлений[18].

Однако жандармы не только наблюдали за деятельностью думских депутатов со стороны. Политическая полиция следила за депутатами более пристально. Так, специально для наблюдений за деятельностью депутатов и их высказываниями был создан особый орган надзора. Офицер Отдельного корпуса жандармов Бергольд был назначен начальником думской охраны. Разговоры думцев настолько интересовали политическую полицию, что Бергольд находился в непосредственном ведении Департамента полиции. Для организации надзора за депутатами офицер получил средства, которые должен был потратить на создание секретной агентуры. Но, как пишет генерал Герасимов, «особого труда тут не понадобилось, ибо никто из депутатов и не скрывал своей деятельности»[19]. Сотрудники Бергольда следили за депутатами, но они не вели целенаправленной работы на создание в думской среде положительного имиджа правительства. Для этой цели вице-директором Департамента полиции П.И. Рачковским был предложен план создания отдельного общежития для монархически настроенных депутатов-крестьян. Однако

[15] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 71.
[16] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 218.
[17] Там же. С. 222.
[18] Там же.
[19] Там же. С. 218—219.

проект оказался неэффективным, поскольку крестьяне, узнав, что левые предлагают отчуждение помещичьей земли в пользу крестьян, сразу же покинули общежитие[20].

Таким образом, политическая полиция так и не смогла противостоять думской антиправительственной пропаганде. Она могла только следить за тем, как развиваются события и экспериментировать с методами удержания хотя бы части депутатов от антиправительственных заявлений и действий.

С течением времени начали раздаваться голоса о роспуске Думы. Видимо, это были голоса в первую очередь высших сановников, которые не могли принять по отношению к Думе однозначного решения. Причем напуганные революционными выступлениями 1905—1906 гг. некоторые, а, по мнению Курлова, большинство представителей российской элиты считали, что роспуск Думы вызовет неизбежную революцию[21]. Например, после думской агитации произошло несколько восстаний солдат. Противники роспуска Думы указывали на это как на признак поддержки депутатов массами. Однако генерал Герасимов был убежден, что восстания могут быть только в случае «если Дума будет развивать невозбранно революционную деятельность»[22]. Одним из последовательных противников роспуска Думы был дворцовый комендант Д.Ф. Трепов. Он считал, что после роспуска начнется всеобщее восстание и «вся Россия запылает в огне подпаливаемых барских усадьб»[23]. Трепов даже обсуждал с лидерами кадетов, какой состав правительства их удовлетворяет[24].

Представители политической полиции имели иное, совершенно противоположное мнение о том, какие последствия вызовет роспуск Думы. В частности, как Курлов, так и Герасимов были абсолютно уверены, что никакого восстания не будет, и подавляющее большинство населения роспуск Думы не всколыхнет[25]. Тем не менее жандармские структуры на всякий случай подготовились к возникновению массовых беспорядков[26].

Кроме того, у жандармских офицеров уверенность в необходимости скорейшего роспуска Думы сложилась гораздо раньше, чем у правительственных сановников. В частности, Герасимов писал, что

---

[20] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 219.
[21] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 70.
[22] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 222.
[23] Там же. С. 219.
[24] Там же.
[25] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 71; *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 222.
[26] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 71.

очень быстро «в Государственной думе уже определилось ярко революционное настроение, и я стал определенным сторонником уничтожения этой революционной говорильни»[27].

Надо сказать, что представители политической полиции понимали всю сложность положения современной им Российской империи. Они были уверены в необходимости реформ, но желали, чтобы реформы проводились иными методами и в другой обстановке. Например, Герасимов был уверен в том, что к власти необходимо допустить «некоторых представителей отдельных групп общественных деятелей», но только не в обстановке 1906 г., поскольку тогда «была ясна невозможность достичь соглашения на сколько-нибудь приемлемых основаниях»[28]. Знакомые Герасимова также поддерживали подобные мысли, заявляя, что при таком составе депутатов, который был в Первой Думе, «Россия едва ли встанет на путь желательных реформ»[29].

Роспуск Думы первого созыва был положительно воспринят политической полицией. Причем, значимость события при описании его в мемуарах подчеркивалась обращением к сакральному. Так, Курлов указывает, что И.Л. Горемыкин, отправляясь к императору с докладом о необходимости роспуска Думы, взял с собой исторический фамильный образ. И только после молитвы перед ним Горемыкину удалось убедить Николая II в необходимости распустить Думу[30].

Спокойно политическая полиция отнеслась и к «выборгскому воззванию». Столыпин, будучи информирован политической полицией о ситуации в стране, назвал воззвание «детской игрой»[31]. По утверждению представителей политического сыска, роспуск ничего не дал думцам, кроме фразы Милюкова «Заседание Государственной Думы продолжается». Население на воззвание не отреагировало, а попытки выступлений в Петербурге были пресечены даже без кровопролития. Заявления бывших депутатов в Выборге дали возможность Курлову обвинить их в отсутствии патриотизма. По мнению Курлова, патриотически настроенный политик не может призывать крестьян не платить подати и не давать новобранцев в армию[32].

---

[27] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 218.
[28] Там же. С. 221.
[29] Там же. С. 217.
[30] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 71.
[31] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 224.
[32] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 72.

Таким образом, политическая полиция отнеслась к I Думе однозначно негативно, что сказалось в дальнейшем на отношении ко всем остальным Думам Российской империи. Жандармские офицеры представляли реальную ситуацию в стране иначе, чем большинство высших сановников. Именно поэтому у политической полиции достаточно рано сложилось мнение о необходимости роспуска Думы. В том, что реальной поддержки в массах у думцев нет, жандармы были уверены. Высшие сановники, вплоть до императора, не решались сразу на роспуск I Думы, поскольку черпали информацию из разных источников, в том числе и из периодики, а также выступлений самих думцев, в которых часто желаемое выдавалось за действительное.

Вслед за роспуском Первой Думы страна начала готовиться к выборам во Вторую. Генерал Курлов был непосредственным участником избирательной кампании во Вторую Думу по Киевской губернии. Он писал, что П.А. Столыпин, учитывая состав I Думы, понимал необходимость участия правительственных чиновников в организации выборов. Курлов подчеркивал, что политика всех стран того времени заключалась в том, что правительство активно принимало участие в процессе выдвижения кандидатов. Как защитник режима Курлов критиковал слабую активность правительственных чиновников в организации выборов в I Думу, считая, что она проявлялась «в крайне скромной и, если можно так сказать, робкой форме»[33]. Выборы во Вторую Думу были под более пристальным вниманием правительства, что дало повод левой прессе сразу же объявить о подкупе правительством целых губерний, на что Курлов возражал, что нельзя подкупить 10 тысячами рублей всю Киевскую губернию[34].

По мнению Курлова, в Киевской губернии нарушения совершали оппоненты власти. Например, управляющий конторой Государственного банка Г.Е. Афанасьев «всеми силами, а главное, кредитом в Государственном банке поддерживал кадетскую партию»[35]. Курлов поставил об этом в известность Столыпина, тот, в свою очередь, министра финансов В.Н. Коковцова. Однако по отношению к Афанасьеву никаких мер предпринято не было, а Курлову позже постарались отомстить[36]. Собственно Курлов писал, что большее количество проблем лично для него доставляли крайне правые Киевской губернии, поскольку они выдвигали своих кандидатов от мел-

[33] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 79—80.
[34] Там же.
[35] Там же. С. 81.
[36] Там же.

ких группировок и не могли никак определиться с единым кандидатом от правых. Курлову стоило многих усилий убедить правых голосовать за кого-нибудь одного. Проблема была в том, что Курлов не указал на конкретную личность, которую государство хотело бы видеть кандидатом. Правые сами, наконец, выдвинули епископа Платона, который сначала не давал согласия на свое выдвижение. Курлову пришлось убеждать епископа в необходимости этого[37]. Таким образом, на примере одной губернии можно сделать вывод, что правительство оказалось не очень готово и к выборам во Вторую Думу. Согласия в рядах проправительственных организаций не было, поэтому правительственным чиновникам приходилось прилагать много усилий для определения единого кандидата от правых.

По оценке сотрудников политической полиции, попытки «органической работы» кадетов во II Думе ни к чему не могли привести, поскольку их требования оставались неприемлемыми для правительства. Однако самым опасным элементом II Государственной думы, по мнению жандармов, оказались социал-демократы. Причиной этой опасности было то, что социал-демократы надеялись на солдатское восстание, поэтому прямо с думской трибуны позволяли себе произносить агитационные речи[38]. Именно деятельность социал-демократов среди солдат послужила главным мотивом к роспуску II Государственной думы[39].

Охранное отделение следило за работой социал-демократической фракции и наблюдало за деятельностью ее членов в солдатской среде[40]. Солдаты и матросы передавали думцам наказы, созданные в революционных организациях армии и флота. Столыпин приказал не производить аресты депутатов и обыски у них. Если все же такие аресты производились, то депутатов тут же освобождали[41]. Однако, когда Столыпин ознакомился с содержанием наказов, которые солдаты и матросы должны были передать депутатам, он разрешил аресты, «даже если это и повлекло за собой конфликт с Государственной думой»[42]. Аресты должны были производиться в момент появления делегации у депутатов. Однако полиция замешкалась, солдаты успели уйти, но компромата у депутатов нашли достаточно. Солдат потом арестовали, так как полиция нашла их всех[43].

---

[37] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 80.
[38] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 253.
[39] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 102.
[40] Там же. С. 102; *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 256.
[41] Там же. С. 103.
[42] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 256.
[43] Там же. С. 257.

Правительство решило предъявить Думе требование о выдаче ряда депутатов для суда. В случае отказа было решено распустить Думу. По мнению Герасимова, Столыпин был уверен, что Дума не выдаст своих депутатов. Сам Столыпин очень желал именно такого развития событий, поскольку был уверен, что с таким составом депутатов работать нельзя. В итоге произошло именно то, на что рассчитывал Столыпин[44]. Генерал Курлов, описывая причины роспуска Думы[45], указывал, что непосредственного участия в этом он не принимал, хотя был заведующим политической частью Департамента полиции, но позже, став директором Департамента, он ознакомился с документами[46].

Тем не менее в записках сотрудников политического сыска о депутатах II Думы есть и вполне нейтральные и даже благожелательные отзывы. Так, все тот же генерал Курлов выступал в Думе с просьбой увеличения расходов на тюремное управление. Обсуждение прошло спокойно, депутаты согласились с увеличением суммы. Правда, как пишет Курлов, в итоге ее все равно не хватило[47]. Кроме того, один из мелких сотрудников политического сыска А.М. Поляков в своих записках упоминает о том, что ему пришлось ехать в поезде с депутатом уже распущенной II Думы В.П. Наливкиным. Жандарм определил Наливкина как «отчаянного социал-демократа», но в то же время описал его так: «...есть на свете много хороших людей, но такие, как Владимир Петрович, встречаются редко»[48]. Поляков даже некоторое время переписывался с идейным противником, но позже переписку пришлось прекратить из-за опасности перлюстрации — дружба с социал-демократом могла помешать жандармской карьере[49]. Правда, нужно учитывать, что свои записки Поляков начал писать после Февральской революции, поэтому, как указывает сам автор, «по настроению они отвечают этому периоду времени»[50]. Т.е. можно предположить, что в записках Полякова некоторые события описываются уже с учетом изменившихся акцентов в понимании того, кто для страны враг, а кто — нет.

Работа III Думы слабо отражена в жандармских мемуарах. Пожалуй, только генерал Курлов оставил упоминание о ней. Такое

---

[44] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 257

[45] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 102—103.

[46] Там же. С. 102.

[47] Там же. С. 96.

[48] *Поляков А.* Записки жандармского офицера // Жандармы России / Сост. В.С. Измозик. СПб.; М., 2002. С. 509.

[49] Там же.

[50] Там же. С. 537.

отсутствие интереса можно объяснить тем, что III Государственная дума доставила наименьшее количество проблем политической полиции с точки зрения государственной безопасности. Эта Дума оказалась самой дееспособной и самой лояльной правительству. Тем не менее генерал Курлов, описывая депутатов Третьей Думы и их деятельность, постоянно акцентировал внимание на тех аспектах, которые могут нести определенную угрозу устоям Империи.

Надо сказать, что генерал Курлов во время работы Второй и Третьей Думы был одним из высших сановников, работая сначала в МВД, затем в Министерстве юстиции, потом опять в МВД. Таким образом, Курлов имел возможность пользоваться оперативной информацией для того, чтобы составить свое мнение о работе III Думы и сам не раз посещал парламент.

С точки зрения защитника режима, Курлов одобрительно отозвался о новом избирательном законе, значительно повысившем избирательный ценз и ограничившем представительство окраин. «Этот закон дал работоспособную 3-ю Государственную думу»[51], — писал Курлов. Тем не менее Третья Дума также была настроена оппозиционно к правительству и время от времени пыталась противодействовать его деятельности. Так, некоторые депутаты Думы (Курлов назвал только три фамилии: Милюков, Набоков и князь Долгоруков) старались помешать «выгодной реализации за границей русского займа», а также принимали участие в Парижской конференции партии эсеров. Когда думцам была представлена эта информация, они начали оправдывать действия коллег, но правительственных чиновников эти оправдания не убедили. Находившийся в Думе в тот момент П.А. Столыпин начал «по горячности», как пишет Курлов, возражать. В процессе дискуссии была поднята проблема секретного сотрудника Е.Ф. Азефа[52]. Курлов отнесся к такому повороту дискуссии отрицательно, поскольку считал, что Дума не имела права поднимать вопросы, «которые по своему существу не допускали публичных обсуждений»[53].

Третья Дума традиционно критиковала любые выступления высших чиновников, особенно этим отличались левые депутаты. Курлов специально обратил внимание на то, что очень много времени отнимало у депутатов присутствие в думских комиссиях. Представляя МВД, Курлов описывал отношение депутатов к этому Министерству, указывая, что «общие прения по смете Министерства внутренних дел никакого отношения к смете не имели и заключались в резких суждениях о деятельности министерства, особенно деятель-

[51] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 104.
[52] Там же. С. 106.
[53] Там же.

ности Департамента полиции и корпуса жандармов. <...> такие суждения отличались сгущением красок и выражались в инсинуациях, а подчас и в заведомой лжи». Однако, несмотря на все это, Третья Дума принимала предлагаемые ею сметы без изменений и достаточно оперативно[54].

Интерес представляют портреты некоторых депутатов III Думы, данные Курловым в своих мемуарах. Так, говоря о депутате О.Я. Пергаменте, Курлов писал: «Блестящая речь его состояла из общих фраз, но он в довольно ядовитой форме несколько раз лично задел министра (Столыпина — *А.Г.*)»[55]. Примерно так же отзывался Курлов и о председателе комиссии законодательных предложений октябристе Н.И. Антонове, у которого «нельзя было отнять знаний и привычки к публичной деятельности». Однако Антонов «страдал любовью к отвлеченным суждениям, вследствие чего такая наклонность председателя вызывала нескончаемые словоизвержения и у других членов комиссии, не обладавших юридическими познаниями Н.И. Антонова»[56]. Привычка к отчужденным суждениям, по мнению Курлова, приводила к тому, что, например, «законопроект об исключительном положении, повлекший за собой массу теоретических прений, отнял десятки заседаний, тогда как в результате все статьи его были приняты»[57].

Также Курлов вспоминал кадета отставного генерала и бывшего военного судью А.Ф. Бабянского, который подверг резкой критике Отдельный корпус жандармов, упрекая его офицеров в необразованности и жестокости. Курлову пришлось возражать, что многие офицеры Корпуса окончили то же самое заведение, что и Бабянский, т.е. Военно-юридическую академию. А касательно жестокости жандармов Курлов привел статистику количества вынесения смертных приговоров, приходящихся на одного судью. Оказалось, что согласно статистике самым результативным по вынесению смертных приговоров был как раз критикующий жестокости жандармов Бабянский. После озвучивания фамилии к удивлению Курлова сторонники отмены военных судов не стали возмущаться деятельностью Бабянского, а начали смеяться[58].

Все же, несмотря на критическое отношение к депутатам Третьей Думы, Курлов делает однозначный вывод: «Во всяком случае, можно сказать, что работа 3-й Государственной думы была во всех

---

[54] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 107—108.
[55] Там же. С. 105.
[56] Там же. С. 107.
[57] Там же. С. 107—108.
[58] Там же.

отношениях более продуктивной, осуществлявшей законодательные функции и не исключавшей совместной деятельности с правительством, чем работа той же Думы других созывов»[59].

Четвертая Дума вызвала интерес жандармов в первую очередь по причине того, что она работала в период Первой мировой войны. Через Думу проходило выделение кредитов для военных нужд, а ее депутаты часто делали заявления, связанные с ходом войны.

Начало войны вызвало подъем патриотизма, который разделило абсолютное большинство российских подданных. Думцы в первые дни войны также были настроены очень патриотически[60]. Только депутаты-большевики вели антивоенную пропаганду, за что и были арестованы, но правительство в угоду либеральной общественности и по причине профессионального невежества товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского не позволило применить серьезные наказания по отношению к большевикам[61].

Однако единение Думы с императором длилось недолго. Показателем тотальной оппозиционности Думы правительству является отношение к назначенному на пост министра внутренних дел А.Д. Протопопову, бывшему товарищу председателя Думы. А.Д. Протопопов, имевший много друзей среди депутатов и сам бывший депутатом, после своего перехода в правительство вдруг ощутил враждебность, которая начала исходить от членов Думы.

То, что оппозиционность Думы диктовалась не политическим профессионализмом депутатов, а всего лишь убеждением собственной правоты, можно проиллюстрировать попыткой полицейской реформы 1916 г., подготовленной правительством. Дума провалила реформу, затянув ее обсуждение. По словам депутата А.Ф. Керенского, это произошло потому, что логика реформы не вызвала у думцев никаких возражений, поэтому, если бы Дума согласилась с проектом, она подчеркнула бы профессионализм правительства, что выбивало почву для критики министров депутатами[62].

С началом войны полицейское руководство стало задумываться над ролью Думы. Бывший в то время министром внутренних дел Н.А. Маклаков не видел в депутатах Думы большой пользы для воюющей страны и, кроме того, подозревал их в антиправительственной пропаганде. Министр предлагал распустить Думу, но, по мне-

[59] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 108.

[60] *Спиридович А.И.* Великая война и февральская революция. Мн., 2004. С. 6.

[61] Там же. С. 28.

[62] *Васильев А.Т.* Охрана: русская секретная полиция // «Охранка». Т. 2. С. 461.

нию бывшего жандармского генерала А.И. Спиридовича, не имел для этого «ни достаточного ума, ни опыта, ни характера, ни людей, которые бы поняли его и поддержали»[63]. Н.А. Маклаков, понимая глубинные мотивы поведения наиболее активных думцев, видел в них будущую опасность, однако не смог объяснить императору и членам правительства, что дальнейшая работа Думы несет реальную угрозу безопасности монархии. Против Н.А. Маклакова начались возмущения либеральной общественности, и он был вынужден уйти в отставку. Тем не менее вопрос о роспуске Думы поднимался и позже. Правительство так и не выработало четкого отношения к дальнейшему существованию Думы в условиях военного времени. Причем иногда сами руководители полиции объявляли о невозможности распустить Думу в данный момент, объясняя это общественным мнением и настроениями толпы, которые могли спровоцировать на выступление против правительства подверженное либерально-революционному влиянию население и распропагандированные воинские части Петроградского гарнизона[64].

Думцы подняли очень серьезную проблему, волновавшую большинство мыслящего общества, — непопулярность Николая II и требование его отречения. Деятельность некоторых депутатов сводилась только к критике императора[65]. Популярность антиимператорских лозунгов достигала окраин. Так, в Иркутске имели широкое распространение листки с думскими речами П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского и А.И. Гучкова, основной мыслью которых был «призыв к перевороту и низвержению существующей царской власти», сопряженный «с критикой действий членов Дома Романовых». То же самое наблюдалось и во Владивостоке[66]. Связанные с Думой Союз городов и Земский городской союз также приложили свою руку к распространению антигосударственной пропаганды[67]. Нужно отметить, что за отречение Николая II выступала не только оппозиция. Это поддерживала и часть монархистов (и даже бывшие сотрудники политического сыска, например, генерал А.В. Герасимов), которые видели в Николае II человека, дискредитирующего саму идею монархии[68]. Они желали замены Николая II другим мо-

---

[63] *Спиридович А.И.* Указ. соч. С. 121.

[64] *Курлов П.Г.* Указ. соч. С. 232.

[65] *Заварзин П.П.* Жандармы и революционеры // «Охранка». Т. 2. С. 114—115.

[66] Там же. С. 117, 118.

[67] *«Ника» [Кравец Н.А.]* Воспоминания жандармского офицера // Жандармы России. С. 561.

[68] *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 337.

нархом. Однако в Думе среди противников императора были и республиканцы. Одним из них оказался председатель последней Думы М.В. Родзянко, который «был загипнотизирован заманчивой перспективой стать президентом республики и вел себя как мальчик, который взялся за работу, не понимая смысла указаний и не имея необходимых сил, чтобы выполнить их»[69].

Падение монархии все деятели политического сыска связывают в первую очередь с оппозиционной деятельностью депутатов Думы, которые сумели убедить некоторых генералов не выполнять распоряжения военного руководства, способные усилить положение Николая II. Тесная связь думцев и генералитета дала возможность развиться событиям, переросшим в Февральскую революцию. Причем все деятели политической полиции, как занимавшие посты в структуре МВД, так и руководители сыска на местах заявляли, что роль революционных организаций в свершении Февральской революции минимальна. Так, А.П. Мартынов, служивший в 1917 г. в Москве, в своих воспоминаниях писал: «Если же рассматривать роль подполья в смысле непосредственного фактора, приведшего к революции, — она была ничтожна. Я настаиваю на этом утверждении, хотя бы оно показалось моим читателям необоснованным»[70]. Последний директор Департамента полиции А.В. Васильев как на главный фактор революции указывал на «зловещую связь, возникшую между Думой и главнокомандующим армии», но заявлял, что основные лидеры революционеров обезврежены[71]. Пожалуй, самой точной формулировкой отношения политической полиции к деятельности Думы накануне революции могут служить слова А.В. Васильева, произнесенные за несколько часов до начала Февральской революции: «<...> единственная организация, представляющая опасность для существующего порядка, — это Дума»[72].

Таким образом, по мнению руководителей политического сыска Российской империи, Государственная дума 4-го созыва являлась важным источником антигосударственных идей, распространявшихся в либеральной среде. С такими идеями было трудно бороться, так как их носители имели депутатскую неприкосновенность и могли подвергаться преследованию только в случае явных признаков состава преступления (как это было с депутатами от большевиков). Роспуск Думы в самом начале войны не произошел по причине не-

[69] *Васильев А.Т.* Указ. соч. С. 471.

[70] *Мартынов А.П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка». Т. 1. С. 390.

[71] *Васильев А.Т.* Указ. соч. С. 473.

[72] Там же. С. 474.

желания раздражать либеральную часть российского общества, поддерживавшую в тот момент патриотические настроения. Позже из-за усилившейся шпиономании и критики действий Николая II Дума стала восприниматься либералами как единственный «правильный» институт. Роспуск Думы, предложенный МВД в ночь с 26 на 27 февраля 1917 г., оказался для монархии слишком запоздалым.

Отражение деятельности Государственной думы всех четырех созывов в различных жандармских мемуарах имеет много схожих друг с другом утверждений и выводов. Сотрудники политической полиции в массе своей были монархистами и сторонниками самодержавия. Любой институт, который мог потенциально поколебать устоявшуюся систему российской власти, воспринимался жандармами с подозрением. Государственная дума оказалась таким институтом, поскольку до 1906 г. Россия не имела опыта парламентаризма и появление этого органа должно было так или иначе повлиять на перераспределение власти между высшими государственными органами, т.е. появлялась угроза ослабления существующего строя, что трактовалось представителями политической полиции однозначно негативно. Мы не имеем в виду некоторые заявления жандармских обер-офицеров, оставивших мемуары, поскольку эти люди пришли в Корпус жандармов скорее не по идейным, а по финансовым соображениям. Следовательно, они не стремились сделать серьезной карьеры в политическом сыске именно по причине нежелания связывать свое имя с антиреволюционной борьбой в период, когда российское общественное мнение было настроено в основном против государства. Представители высших эшелонов политической полиции критически относились к Думам всех созывов, поскольку даже самая лояльная к императорской власти Дума все равно демонстрировала свою оппозиционность. Монархически настроенные сотрудники политической полиции не видели в Государственной думе органа, способного стабилизировать обстановку в стране, что и отразилось в их воспоминаниях.

И.К. КИРЬЯНОВ

Парламентаризация монархии в России начала XX века: провал первого отечественного опыта перехода к демократии

Сегодняшнее состояние историографии парламентской истории России начала XX в. таково, что приращение знания в рамках данного направления связано не только и уже не столько с введением в научный оборот новых отдельных фактов. На первый план выходит потребность в современных, базирующихся на междисциплинарном синтезе интерпретациях сущности политического процесса в последнее для Российской империи десятилетие.

Представляется, что при изучении политической истории невозможно добиться серьезных результатов без овладения инструментарием и языком политологических исследований, опираясь только на традиционные исторические методы. К тому же исследователи, занимающиеся парламентской историей начала XX в., оказались современниками процесса становления парламента в сегодняшней России. Собственный политический опыт позволяет иначе взглянуть на прошлое, усиливает скепсис по отношению ко многим стереотипам историографии в интерпретации политического процесса в Российской империи начала XX в.

В свою очередь, становление современной российской государственности актуализировало сравнение двух отечественных парламентских опытов. По мнению О.В. Гаман-Голутвиной, предпринявшей попытку компаративистского анализа прошлого и настоящего отечественного парламентского опыта, «российской модели парламентаризма присущ ряд черт, которые с трудом вписываются в общеевропейскую традицию. Речь идет в первую очередь о доминирующей роли главы государства, конфронтационном стиле взаимодействия в треугольнике “парламент — глава государства — исполнительная власть” и нестабильности избирательного законодательства»[1].

Набор выделенных исследовательницей черт вряд ли может вызвать принципиальные возражения, вместе с тем утверждение о наличии «общеевропейской традиции», по крайней мере для начала XX в., определенные сомнения порождает. Помимо России столетие назад в Европе были и другие страны, не вписывавшиеся в эту традицию, в частности Германия и Австро-Венгрия. Специалист по

[1] *Гаман-Голутвина О.В.* Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // ПОЛИС: Политические исследования. 2006. № 2. С. 34.

политической истории Германии А.К. Никитин отмечает общую для начала XX в. тенденцию в политическом развитии этих трех европейских империй — парламентаризацию авторитарной монархии. Известно, что данный процесс в кайзеровской Германии подготовил возникновение демократической политической системы в период Веймарской республики. Но незавершенность парламентаризации кайзеровского рейха, как полагал М. Рау, предопределила в значительной мере недостаточную зрелость самой веймарской демократии[2]. Проецируя подобный подход на Россию, можно утверждать, что на фоне еще большей незавершенности парламентаризации российской монархии перспективы развития демократии в России после 1917 г. выглядели еще более скромными.

Практически все исследователи указывают на запоздалость становления парламентских, шире — демократических институтов в России. Во многом это связано с характером отечественной модернизации.

Начало XX в. вписывается в хронологические рамки фазы ускоренной модернизации, маркируемые эпохой Великих реформ и Первой мировой войной. Форсированная индустриализация, революция 1905—1907 гг., комплекс столыпинских реформ ускоряли разложение структур традиционного общества, превращали Россию в более сложный социальный организм с выраженной индустриальной составляющей. Вместе с тем и на данной фазе отчетливо проявились общие особенности процесса модернизации в России — развитие по типу «догоняющей модели» и «модернизация сверху», что не могло не сказаться на характере собственно политической модернизации.

Для углубленного анализа модернизации политической сферы политологами применяется теория демократического транзита[3]. Со-

[2] *Никитин А.К.* Австро-Венгрия, Германия и Россия (конец XIX в. — 1918 г.): возможности и границы трансформации авторитарной монархии (к постановке проблемы) // Европейские сравнительно-исторические исследования. Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 160.

[3] См., напр.: *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven; L., 1968; *Rustow D.A.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2. № 3. P. 337—363; Transitions from Authoritarian Rules: Comparative Perspectives / Eds. by G. O'Donnell, Ph. Schmitter and L. Whitehead. Baltimore, 1986; *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, 1992; *Przeworsky A.* Democracy and Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge, 1991; *Харитонова О.Г.* Генезис демократии. (Попытка реконструкции логики транзитологических

гласно сложившимся в политологической науке представлениям, под демократическим транзитом понимается совокупность социальных и институциональных изменений, связанных с переходом от авторитарных или тоталитарных режимов к демократическому. Сценарий такого перехода предполагает фазы либерализации и демократизации, при этом последняя фаза включает в себя две стадии: установление демократического правления и консолидацию демократического режима.

Следует учитывать, что демократический транзит может привести не к демократии, а от одного типа недемократии к другому. Именно такой пример продемонстрировала в начале XX в. Россия, в которой начавшийся переход от авторитаризма к демократии завершился установлением тоталитарного режима.

Политический кризис самого начала XX в., нараставшая неэффективность системы вынудили императора и правящую бюрократию пойти на либерализацию режима с целью расширения социальной базы поддержки самодержавия без изменения его структуры, а в условиях подъема первой российской революции уже и на структурные изменения, выразившиеся во введении демократических институтов и процедур. Если самодержавию и удалось укротить революционную стихию, то благодаря не столько грубой силе, сколько тому, что *революции снизу* была противопоставлена *революция сверху* как совокупность кардинальных социальных и политических реформ. Именно на таком образе действий власти настаивал С.Ю. Витте во всеподданнейшей записке 9 октября 1905 г.: «Правительство, которое не направляет события, а само событиями направляется, ведет государство к гибели. Также не стоит на высоте положения то правительство, которое, не имея широко поставленной цели, пассивно идет за господствующим общественным течением, ему подчиняясь и делая одну уступку за другой. Руководство требует, прежде всего, ясно поставленной цели. Цели идейной, высшей, всеми признаваемой...». Витте призвал императора «смело и открыто встать во главе освободительного движения», подобно тому, как это сделал в конце 50-х гг. XIX в. Александр II. Исходными положениями новой политики, по его мнению, были «исключительная опасность минуты, невозможность сохранения переживших себя традиций и отсутствие иного способа спасти бытие государства»[4].

моделей) // ПОЛИС. 1996. № 5. С. 146—162; *Мельвиль А.Ю.* Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). М., 1999.

[4] РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. 1905 г. Д. 36. ЛЛ. 26 об.—27.

Аналогичным образом в начале 1907 г. рассуждал и П.А. Столыпин: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большой мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбою с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления. К тому же этот путь реформ торжественно возвещен, создана Государственная Дума, и идти назад нельзя. Это было бы и роковою ошибкою — там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физическою силою, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признак бессилия правящей власти»[5].

Начало демократизации всегда является следствием «длительной и безрезультатной политической борьбы»[6]. Не была исключением в этом отношении и Россия, в которой парламентаризация монархии началась в условиях относительного равновесия сил противоборствовавших сторон, довольно точно отраженном в известной формуле В.И. Ленина: «...царизм *уже не* в силах, — революция *еще не* в силах победить»[7].

Можно предложить следующую периодизацию незавершенного демократического транзита в России начала XX в.: фаза либерализации — август 1904 г. (назначение 26 августа министром внутренних дел Д.П. Святополка-Мирского) — август 1905 г. (принятие императором 6 августа нормативных актов, связанных с созданием законосовещательной Государственной Думы); фаза прерванной демократизации — октябрь 1905 г. (подписание императором 17 октября Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка») — январь 1918 г. (разгон большевиками 6 января Учредительного собрания).

В отечественной историографии парламентской истории России начала XX в. доминируют два определения политической системы, возникшей в ходе революции 1905—1907 гг., которые, на мой взгляд, не вполне корректны. В первую очередь, речь идет о таком понятии как третьеиюньская монархия. Между тем правовые и институциональные основы новой системы были заложены Основными государственными законами, принятыми 23 апреля 1906 г., что

---

[5] Цит. по: *Дякин В.С.* Столыпин и дворянство // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 234.

[6] *Растоу Д.А.* Переходы к демократии: попытка динамической модели // ПОЛИС: Политические исследования. 1996. № 5. С. 8.

[7] *Ленин В.И.* Равновесие сил // *Ленин В.И.* ПСС. Т. 12. С. 5.

позволяет рассуждать о «двадцатьтретьеапрельской» монархии. В конечном счете изменение избирательного закона, иными словами технологии формирования одной из палат парламента, было предпринято П.А. Столыпиным для того, чтобы сама новая система заработала.

«Переименование» затрагивает не столько внешнюю сторону процесса, сколько его содержание. Одно дело назвать политическую систему по дате государственного переворота, подразумевая ее реакционное содержание, другое — по дате принятия конституционного акта. Во втором случае внимание акцентируется на таких характеристиках системы как наметившееся разделение властей; законодательное народное представительство; новый тип принятия государственных решений и становление публичной политики; партии, превращающиеся в институты системы; рождение человека политического и начало диалога власти с политическим обществом. Благодаря институциональным и иным формам политического участия рядовые подданные российского императора трансформировались из объекта в субъекты политики, становились политическими акторами, превращая тем самым политику в элемент повседневности, вводя ее в круг привычных социальных взаимодействий, делая ее более или менее значимой частью своих жизненных укладов.

Вряд ли оправдана и широкая распространенность в современной исторической литературе понятия *думская монархия*. Почему только «думская»? Государственный совет обладал теми же полномочиями, что и Государственная дума. Точнее в таком случае говорить о «думско-советской» монархии. Но если признать, что Дума и Совет представляли собой палаты российского парламента, а, по мнению С.В. Куликова, и вовсе являлись «наиболее полноценными по сравнению с современными им законодательными учреждениями европейских монархий»[8], то под данной формулировкой следует понимать *парламентарную* или *конституционную* монархию, что явно не соответствует политической реальности России начала XX в.

Парламентаризация отечественной монархии составляла ядро реформы политической системы, которая, однако, не привела к верховенству парламента в организации государственной власти, то есть к парламентаризму в строгом юридическом смысле. В результате реформы в России был установлен режим *дуалистической* монархии, подразумевающий сочетание элементов неограниченной и кон-

[8] *Куликов С.В.* Народное представительство Российской империи (1906—1917 гг.) в контексте мирового конституционализма начала XX в.: сравнительный анализ // Таврические чтения. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России (1906—1917 гг.). СПб., 2010. С. 109.

ституционной монархии в условиях незавершенного разделения властей и просуществовавший вплоть до падения монархии.

Государственная дума и Государственный совет не являлись самостоятельными органами законодательной власти. Но и император, сохранив за собой полноту исполнительной власти, утратил неограниченность в законодательстве и автономность в распоряжении бюджетом. Только в совокупности император, Дума и Совет превращались в «трехглавый» институт законодательной власти.

Благодаря Государственной думе и реформированному Государственному совету начала складываться новая процедура ведения государственных дел. В рамках незавершенного разделения властей в системе дуалистической монархии шло формирование «механизма сдержек и противовесов», выполняющего важную роль в технологии принятия решений. Традиционно в отечественной историографии обращалось внимание на «сдержки и противовесы», направленные против Государственной думы: Государственный совет как фильтр для думской законодательной деятельности, право «вето» у императора. Однако реальные парламентские практики переводили работу данного механизма в двусторонний режим: члены Государственной думы и Государственного совета могли контролировать указную деятельность императора[9]; несмотря на определенную законом безответственность министров перед ними, запросами к руководителям ведомств и бюджетным контролем над министерствами при формировании государственной росписи доходов и расходов и при приня-

[9] В качестве примеров подобного контроля можно сослаться на утвержденное Николаем II 18 апреля 1907 г. «Положение Совета министров о прекращении действия некоторых законодательных постановлений, изданных в порядке статьи 87», в соответствии с которым прекращали свою деятельность военно-полевые суды (случай невнесения на рассмотрение Государственной думы указа императора в двухмесячный срок), и на «распоряжение, предложенное Правительствующему Сенату министром юстиции» 26 мая 1907 г. «О прекращении действия некоторых, изданных на основании ст. 87 Основных государственных законов временных законов». В последнем случае отмена действия трех указов императора («Об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати» от 24 декабря 1906 г.; «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям» от 18 августа 1906 г.; «О мерах предупреждения побегов арестантов» от 30 сентября 1906 г.) произошла по причине их отклонения 21 и 22 мая 1907 г. II Государственной думой.

тии решений о выделении сверхсметных средств парламентарии на практике устанавливали, пусть и ограниченную, но министерскую ответственность перед законодательными палатами. Немаловажным в этой связи представляется и то, что многие законопроекты, инициированные с согласия императора ответственным перед ним Советом министров, в том числе из столыпинской программы реформ, застревали надолго, а порой и навсегда в Государственной думе или Государственном совете.

Выборные практики в деятельности законодательных учреждений привели к усложнению процесса элитообразования в Российской империи, способствовали вхождению в состав политической элиты представителей общественности, формированию парламентской субэлиты. Вследствие этого бюрократия уступала свою прежнюю монопольную позицию в правящем классе, сужаясь до масштаба субэлиты. Более того, по своим социальным характеристикам бюрократическая субэлита начинала сближаться с парламентской. Так, в министерском корпусе с 1903 по 1917 г. доли потомственных дворян и землевладельцев сократились соответственно со 100 до 71.4% и с 58.8 до 33.3%, при этом увеличилась доля лиц с высшим образованием с 70.6 до 95.2% и лиц, не обладавших недвижимым имуществом, — с 35.3 до 62%[10]. Приведенные данные демонстрируют устойчивую тенденцию разрушения патримониальной системы правления, характерной чертой которой является соединение политической власти и собственности.

Профессиональная деятельность членов законодательных палат с неизбежностью объединяла их в корпорацию парламентариев, выполнявших свойственные для данной корпорации функции — представительную, законодательную, контрольную. В составе депутатского корпуса выделялись три устойчивых типа парламентариев: парламентарий-законодатель, парламентарий-публичный политик, парламентарий-лоббист, различавшиеся моделями парламентского поведения.

Вхождение «общественников» в состав политической элиты, эволюция правового статуса парламентариев (от царских слуг — до народных представителей), лоббистская деятельность депутатского корпуса — все это позволило впервые в отечественной политической практике учитывать разнообразие социальных интересов при принятии государственных решений и управлении ресурсами.

---

[10] Подробнее см.: *Дубенцов Б.Б., Куликов С.В.* Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX — начале XX в. (Итоги и перспективы изучения) // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. СПб., 1997. С. 63—86.

Анализируя внутреннюю политическую трансформацию, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в новой системе международных отношений Россия оказалась союзницей ведущих европейских демократий — Франции и Великобритании, что, в свою очередь, заставляло и императора, и высшее сановничество действовать с оглядкой на правительства и общественное мнение этих стран. Далеко не случайно среди отечественных министров именно министры иностранных дел были наиболее последовательными сторонниками конституционных изменений. А.П. Извольский едва ли не шантажировал своих коллег-министров тем, что «общественное мнение Европы будет резко против нас и помешает нашей внешней политике» в случае жесткой антидумской позиции правительства, а С.Д. Сазонова упрекали в том, что он олицетворяет собой союз с западными демократиями[11].

Почему же первый отечественный опыт перехода к демократии оказался неудачным? Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду, что «предварительным условием» успешности демократизации выступает наличие национального единства, национальной идентичности. При этом, как полагал Д. Растоу, речь вовсе не идет о чем-то «мистическом типа плоти и крови (Blut und Boden) и ежедневных обетов верности им, или личной тождественности в психоаналитическом смысле, или же некоей великой политической миссии всех граждан в целом. Оно означает лишь то, что значительное большинство граждан потенциальной демократии не должно иметь сомнений или делать мысленных оговорок относительно того, к какому политическому сообществу они принадлежат». В конечном итоге, предварительное условие демократизации требует всего-то устойчивости границ государства[12].

Вследствие этого многонациональные имперские образования с их латентными расколами, каковой была и Российская империя, не имели шансов в ближайшей перспективе на переход к устойчивой демократии. Начавшийся демократический транзит в подобных имперских образованиях с неизбежностью вызывал к жизни политическую институциализацию национальных интересов — например, партогенез польского, финского, украинского, безусловно, русского и других национализмов в Российской империи. Так или иначе, но стремительный распад Российской империи после падения мо-

[11] См.: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903—1919. М., 1992. Кн. 1. С. 167; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 56.

[12] См.: *Растоу Д.А.* Указ. соч. С. 6—7.

нархии лишний раз подчеркивает то, что в ней отсутствовало указанное предварительное условие для успешной демократизации.

Укоренению демократических институтов, норм и процедур явно не способствовало отсутствие активной поддержки представительных учреждений со стороны российского общества. Слишком противоречивыми были социальные интересы, чтобы сформировалась отчетливо выраженная общественная потребность в достижении национального согласия. С течением времени социальные противоречия обострялись: новые противоречия наслаивались на старые сословные, этнические, конфессиональные конфликты, а не заменяли их.

Отсутствие национального единства, расколотость российского общества, полярность социальных интересов различных групп населения в совокупности порождали конфронтационные модели взаимодействия основных акторов политического процесса. Используя терминологию Дж. Сартори[13], можно утверждать, что отечественные политики начала прошлого столетия в короткий предвоенный период просто не успели научиться воспринимать политику как торг, продолжая относиться к ней как к войне.

В отечественной политической традиции не сложились (да и объективно не могли к тому времени сложиться) две важнейшие практики, превращающие политику в «искусство возможного», а именно практика цивилизованного диалога с оппонентом и практика компромисса. По поводу П.А. Столыпина А. Ашер справедливо отмечает, что тот «никогда не понимал истинной сути компромисса» и при переговорах с кадетами о формировании правительства он готов был к соглашению, но только на его собственных условиях[14]. Обращает на себя внимание крайне редкое употребление Столыпиным категории «компромисс» в его парламентской риторике в стенах Таврического дворца. В 27 речах, произнесенных им с трибуны Государственной Думы, данная категория встречается 26 раз, при этом 16 раз она звучала в период парламентского кризиса 1911 г.

Что говорить о противостоянии власти и либеральной оппозиции, если сами российские либералы, принадлежавшие к различным политическим партиям, не могли договориться между собой. Яркое подтверждение тому — расширенное заседание ЦК октябристов 30 ноября 1906 г., на которое были приглашены кадеты и монархисты. Чем не пример попытки выработать компромисс в пред-

[13] См.: *Sartori G.* Theory of Democracy Revised. Chatham; N.-J., 1987. Vol. I. P. 224.

[14] *Ascher A.* P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia. Stanford, California, 2001. P. 120.

дверии первых парламентских выборов? Но что из этого получилось? В начале заседания А.И. Гучков заявил: «Сколько партийной нетерпимости, сколько пристрастия и приемов борьбы, которые с моральной точки зрения следует осудить, — сколько всего этого внесено в нашу жизнь! Будем надеяться, что с ростом политической культуры очистятся и наши политические нравы и настанет день, когда мы — политические противники — будем мирно сходиться и бороться на арене парламентской борьбы. Попытку такого совместного обсуждения вопросов мы делаем сегодня, и позвольте начать наше собрание с того, чтобы приветствовать наших противников, и правых, и левых, находящихся среди нас». Но конструктивного обсуждения не получилось, начались взаимные нападки. Речи кадетов Г.Ф. Шершеневича, Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского, М.Л. Мандельштама неоднократно прерывалась шумом и криками: «Ложь! Довольно! Долой!». Многого ожидавший от этого заседания В.А. Маклаков с горечью был вынужден заключить: «Никто больше меня, господа, не приветствовал возможность обменяться здесь мнениями с нашими старыми политическими врагами... Мы слишком рано и быстро перешли на язык страстной критики друг друга». Весьма скоро выяснилось, что октябристы надеялись, что «главные наши противники будут признаваться в ошибках, а признание есть первый шаг к исправлению, но ничего подобного мы не слышали». Вслед за этим в адрес кадетов посыпались обвинения: «их главный недостаток — непомерная гордость», они — «ненормальные люди», «чародеи русского слова зачаровали русское общество, зачаровали себя и от этих чар погибли», «поймать вас трудно, вы — ужи!». В конце собрания А.И. Гучков подытожил: «Наши злейшие враги, враги обновления России, враги свободы особенно, — это та партия, которая называет себя “Партией народной свободы”»[15].

Основной проблемой демократического транзита начала XX в., оставшейся неразрешенной, был так и несостоявшийся пакт между реформаторами из среды высшей бюрократии и либеральной оппозицией. Первые еще могли быть более или менее последовательными либерализаторами, но по природе своей не могли быть последовательными демократизаторами, явно предпочитая предсказуемость результатов политического процесса их неопределенности, ориентируясь в лучшем случае, по определению транзитологов, на «демократию с гарантиями», но не на демократию без гарантий. Высшие сановники, как справедливо отметил Г.М. Кропоткин, не обладали «...сколько-нибудь отчетливым видением положительного иде-

[15] Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов и заседаний ЦК. М., 1996. Т. 1. С. 266—292.

ала развития страны», вместе с тем для большинства из них «...возврат к прежнему режиму был психологически невозможен, да и сам этот режим не вызывал у сановников особых симпатий»[16].

Институциональными гарантиями, позволившими бюрократии контролировать политический процесс, были «разграничение власти верховного управления от власти законодательной», реформированный Государственный Совет, получивший равные с Думой полномочия, формальная безответственность министров перед законодательными палатами. Затем к этому списку добавился избирательный закон 3 июня 1907 г., при помощи которого П.А. Столыпин покончил с состоянием неопределенности, характерным для периода деятельности первых двух созывов Государственной думы, но сохранил сам институт законодательного народного представительства.

Шанс вывести процесс демократизации из тупика предоставила Первая мировая война и обнаружившееся «единение царя и народа», что продемонстрировала чрезвычайная думская сессия 26 июля 1914 г. И император, и высшая бюрократия по мере нарастания кризиса проявили готовность (можно сказать, вынужденную готовность, а по-другому и не бывает) делать шаги навстречу Государственной думе. В прямом смысле это произошло 9 февраля 1916 г., когда император решился на посещение Государственной думы и Государственного совета.

В «сценарий» демократизации военного периода вписываются: складывавшаяся практика назначения министров и товарищей министров из среды думцев и членов Государственного совета по выборам и удаление из состава правительства наиболее одиозных в восприятии Думы сановников (июнь-июль 1915 г.); рассмотрение императором и министрами различных списков состава правительства доверия, включая и кабинет во главе с «общественной» фигурой; включение в состав Особого совещания по обороне и его структурных подразделений членов законодательных палат[17]; привлечение к снабжению армии земского и городского союзов.

Образование Прогрессивного блока в августе 1915 г. свидетельствовало о попытке сформировать в стране политический компро-

---

[16] *Кропоткин Г.М.* Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после манифеста 17 октября 1905 года // Отечественная история. 2006. № 1. С. 38.

[17] По данному поводу А.В. Кривошеин на заседании Совета министров 29 мая 1915 г. заметил, что «такого соединения власти исполнительной и законодательной никогда не было» (См.: *[Яхонтов А.Н.]* Совет министров Российской империи в годы первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 172).

мисс с признанием ведущей роли парламентских институтов и принципов. Однако идеи патриотизма и победы над внешним врагом начала мировой войны, подтолкнувшие различные политические силы к поискам приемлемого компромисса, оказались скоро исчерпанными из-за затяжного и крайне неудачного для России хода военных действий и углублявшегося вследствие этого системного кризиса.

Высвобождение из-под авторитарного режима в России начала XX в. приобрело вялотекущую форму. Реформаторам из правящей элиты не удалось нейтрализовать сторонников твердой линии, особенно учитывая, что среди них был и сам император, а умеренной оппозиции — поставить под контроль радикалов. После революции 1905—1907 гг. система дуалистической монархии по разным причинам уже мало кого устраивала из основных политических акторов. Начавшаяся в феврале 1917 г. революция привела к неконтролируемому распаду системы. Сложившаяся ситуация благоприятствовала тем политическим силам, которые стремились к решению проблем, специфических для определенных национальных и социальных групп, за счет интересов других слоев общества. В качестве инструмента подобной политики парламентские институты явно не годились.

А.Б. НИКОЛАЕВ

К вопросу об отношении Государственной думы к Государственному совещанию (1917 г.)

Государственная дума в лице ее Временного комитета и отдельных влиятельных депутатов сыграли важную роль в истории Государственного совещания, созванного Временным правительством в августе 1917 года.

Напомним, что автором одного из проектов создания Государственного совещания был член Временного комитета Государственной думы прогрессивный националист В.В. Шульгин, озвучивший его 21 апреля 1917 г. Непосредственным поводом к возникновению проекта В.В. Шульгина послужило совещание в Мариинском дворце, которое проходило в ночь на 21 апреля. В его работах приняло участие около 100 человек: члены Временного правительства, Временный комитет Государственной думы, Исполнительный комитет Совета и представители фракций (в том числе и большевистской) Петроградского Совета. По нашим подсчетам, 80% участников совещания были представителями партий, входящих в Советы. Среди них подавляющее большинство было за меньшевиками и эсерами. В.В. Шульгин с удовлетворением отметил, что совещание в Мариинском дворце «принесло пользу» в смысле ознакомления министров и членов Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с позициями друг друга. «Если подобные совещания будут происходить и в дальнейшем, то, по моему мнению, — писал Шульгин, — Временное правительство сумеет договориться с Исполнительным комитетом рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет усвоит, что на нем лежит тяжелая ответственность за судьбу России». Шульгин отметил условия для соглашения: «Исполнительный комитет понимает, что сейчас нет такой социальной группы, которая могла бы взять власть»[1]. Вместе с тем Шульгин должен был обратить внимание на господствующее положение левых в совещании и минимальное представительство Государственной думы в лице ВКГД, не мог не задуматься и о том, что в случае продолжения Временным правительством практики таких общественно-правительственных совещаний думский Комитет неизбежно превратится из активного участника политического процесса в статиста, голоса которого не будет слышно.

[1] О событиях / Исполнительный комитет Государственной думы // Вечернее время. 1917. 22 апреля.

21 апреля В.В. Шульгин, обдумав некоторые детали, выступил на заседании Временного комитета Государственной думы с предложением о создании совещательного органа при Временном правительстве[2]. Мотивировка была такова: во-первых, нет общей «трибуны», с которой могли бы говорить представители различных политических течений, так как Государственная дума не заседает, а Совет рабочих и солдатских депутатов «не выражает интересов всей страны»; во-вторых, нет «трибуны» для Временного правительства, с которой оно могло бы «тут же давать объяснения» на все возникающие вопросы. С помощью «общественно-правительственной трибуны», по мнению В.В. Шульгина, «...все недоразумения последних дней, создавшиеся вокруг ноты Временного правительства, были бы сейчас же разъяснены, и в городе не было бы того волнения, которое создалось вокруг ноты»[3]. Но это было возможно лишь при условии гласности заседаний. Поэтому Шульгин настаивал на том, чтобы они проходили обязательно в присутствии представителей прессы и газеты могли бы «печатать о них подробные отчеты»[4]. Относительно же совещательного характера проектируемого органа Шульгин исходил из принципа сохранения полновластного Временного правительства и ликвидации ненормального состояния двоевластия, конечно же, за счет существенного понижения статуса Петроградского Совета при возрастающей роли Государственной думы в новой системе власти.

Шульгин, опираясь на опыт создания Временного правительства, сформированного после соглашения Временного комитета Государственной думы и Исполкома Петроградского Совета, а также общественно-правительственного частного совещания в Мариинском дворце, предложил следующий состав совещательного органа: Временное правительство в полном составе, представители Государственной думы, члены Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. Он считал, что представителей Думы в проектируемом совещании должно быть столько же, сколько и представителей Совета[5].

---

[2] См. подробн.: *Николаев А.Б.* «Парламентский» проект В.В. Шульгина // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды / Ред. кол.: В.И. Старцев и др. СПб., 1994. Вып. 2. С. 36—42.

[3] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

[4] Проект совещательного парламента / Петроград // Раннее утро. 1917. 23 апреля.

[5] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля; *Заславский Д.О., Канторович В.А.* Хроника февральской революции. Пг., 1924. Т. 1. С. 237.

Такое соотношение должно было обеспечить внутреннее равновесие совещательного парламента и создать равное представительство демократической и цензовой общественности. В основу формирования проектируемого органа Шульгин предлагал положить принцип квотированного представительства, при котором выделенные квоты заполнялись бы самостоятельно участниками совещания. Последнее позволяло предположить включение в него наиболее видных представителей Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. «Парламентская» борьба, которую они развернут в стенах нового «парламента», способствовала бы, по мнению Шульгина, политическому воспитанию масс[6].

Рассматривая гипотетическую перспективу деятельности этого «парламентского» органа, нетрудно заметить, что думская часть совещания шла бы рука об руку с Временным правительством при рассмотрении тех или иных проектов, а при осуществлении их прикрывалось бы, так или иначе, авторитетом Петроградского Совета. Предложение Шульгина навязывало в рамках проектируемого совещания Петроградскому Совету парламентский образ действия, приучало к парламентским формам борьбы с несоциалистическим представительством. Таким образом, совещательный парламент в целом стал бы не только противовесом «безответственным» Советам, но и их политическим воспитателем.

Предложение Шульгина вызвало оживленные прения на заседании ВКГД 21 апреля. Заметим, что противников проекта оказалось больше, чем его сторонников. Одни считали, что создание «совещательного парламента <...> может внушить неправильную мысль, будто предполагается не так скоро созвать Учредительное собрание»[7]. Это было опасно, так как именно в марте — апреле 1917 года идея и лозунг Учредительного собрания пользовались наибольшей популярностью, что приходилось учитывать в борьбе за влияние на массы. Другие указывали, что «...устройство такого рода совещательного парламента может еще затруднить и без того трудное положение Временного правительства, так как ему будут беспрестанно предъявлять запросы»[8]. Историк Д.В. Ознобишин совершенно справедливо заметил, что последнее «...никак не вытекало из предложения Шульгина, так как созывы совещания имелось в виду возложить на прави-

[6] *Шульгин В.* Киев, 24 апреля (По телеграфу из Петрограда) // Киевлянин. 1917. 25 апреля.

[7] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Раннее утро. 1917. 23 апреля.

[8] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

тельство»[9]. Видимо, за указанным возражением скрывалась группа лиц, наиболее тесно связанных с правительством. Она опасалась чрезмерного усиления Государственной думы, обретения ею законодательных функций за счет Временного правительства, хотя в реальности такая перспектива была маловероятна. А.И. Гучков вспоминал: «Те общественные классы, которые были представлены в Думе и образовывали думское большинство, смотрели на Временное правительство как на последнее прибежище в создании государственной власти и в ограждении страны от анархии»[10].

Третьи противники проекта Шульгина говорили: «...неудобно создать такой своеобразный совещательный парламент в то время, когда формально продолжает существовать Государственная дума»[11]. Среди них, несомненно, был М.В. Родзянко, считавший необходимым восстановить полностью функции Думы в том составе, в котором застала ее революция[12]. Позднее Родзянко заявлял о своей готовности приступить в это время к новой конструкции Государственной думы: 1) кооптировать в нее представителей революционной демократии, которые бы заменили депутатов, выступавших против ее созыва (все левое крыло до партии октябристов); 2) «созвать всех членов всех четырех Государственных дум и объявить их Национальным собранием»[13]. Заметим, что А.И. Гучков, стоявший на позиции созыва Государственной думы, был готов «...примириться с некоторыми частичными поправками в виде дополнения ее состава представителями каких-либо групп населения» в целях наиболее полного представительства всех слоев общества[14].

---

[9] *Ознобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 292.

[10] *[Гучков А.И.]* Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 123.

[11] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

[12] М.В. Родзянко писал: «Коренная и роковая ошибка князя Львова, как председателя Совета министров, и всех его товарищей заключалась<...> и в том, что они упорно не хотели созыва Государственной думы, как антитезы Совета рабочих и солдатских депутатов, на которую, как носительницу идеи Верховной власти, правительство могло бы всегда опираться <...>» (*Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 314).

[13] *Родзянко М.В.* Крушение империи и Государственная дума и Февральская 1917 года революция. С. 317—318.

[14] *[Гучков А.И.]* Александр Иванович Гучков рассказывает. С. 122.

Предложение Шульгина можно было также понимать как радикальную (и даже капитулянтскую!) реформу Государственной думы. Именно поэтому она и была неприемлема для сторонников сохранения Думы как представительного органа, находящегося на каникулах или же в состоянии технического перерыва. В чем же конкретно проявлялось капитулянтское содержание проекта Шульгина? Он, во-первых, предлагал создание нового органа не на основе Государственной думы; во-вторых, отводил ей в проектируемом совещании только половину мест, отдавая другую Исполкому Петроградского Совета; в-третьих, исключал привлечение к активной политической деятельности в рамках совещательного органа всего состава Государственной думы, а лишь добавлял к членам ВКГД некоторое количество депутатов IV Государственной думы, видимо, из числа думских активистов. В связи с этим есть необходимость вновь вернуться к анализу предложения Шульгина и выяснить количественный состав проектируемого совещания. Ключом к этим расчетам является количественный состав членов Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ю.С. Токарев пишет, что с 28 марта и до 18 апреля численность совета возросла с 42 до 76 человек. Но тут же уточняет, что «в действительности же членов Исполкома с решающим голосом было, вероятно, несколько больше указанного количества». При этом Токарев, ссылаясь на сообщение «Известий» от 18 апреля 1917 г., в котором говорилось о том, что членов Исполкома «с лишком 90 членов», замечает: «возможно, конечно, что “Известия” имели в виду и членов с совещательным голосом»[15]. Уточним, что в объявлении от 28 марта было указано не 42, а 43 человека[16], т.е. до 18 апреля численность Исполкома увеличилась до 77 членов. В начале апреля Исполком предполагал увеличить свою численность до 90 человек. Об этом, например, говорил на заседании Исполкома 5 апреля Ю. Ларин: «Будет 90 членов Исполнительного комитета с новыми»[17]. 12 апреля Л.Б. Каменев назвал Испол-

[15] *Токарев Ю.С.* Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. / Отв. ред. О.Н. Знаменский. Л., 1976. С. 146.

[16] Видимо, Ю.С. Токарев не посчитал меньшевика-интернационалиста Э.К. Соколовского, фамилия которого была вписана над строкой черным карандашом (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы / Ред. кол.: Б.Д. Гальперина, О.Н. Знаменский и В.И. Старцев. Отв. ред. первого тома: В.И. Старцев, Ю.С. Токарев. Отв. сост. первого тома Б.Д. Гальперина. Л., 1991. Т. 1. С. 628).

[17] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. СПб., 1995. Т. 2. С. 45.

ком «коллегией из 90 человек»[18]. Думается, что и Ларин, и Каменев говорили о 90 членах Исполкома с решающим, а не совещательным голосом. Если предположить, что в состав совещательного парламента Исполком вошел бы в полном составе, т.е. и думское представительство в нем должно было составить 90 человек. В связи с этим некоторый интерес представляют следующие рассуждения С. Варашавского: «<...> собрание, так сказать отставных депутатов в полном своем составе не может претендовать на народное представительство, но может выделить из своего состава группу лиц в несколько десятков человек, политическое прошлое которых и общественная репутация обеспечивали бы им доверие населения и делали бы их авторитетными в его глазах»[19].

Участники заседания ВКГД, конечно, не могли не заметить в предложении Шульгина капитулянтских настроений в вопросе о возобновлении ее нормальной парламентской деятельности. Это разочарование было услышано членами ВКГД и встречено, кажется (!), даже с сочувствием. Было решено для «...правильной формулировки русского общественного мнения» создать «возможность высказаться не только Совету рабочих и солдатских депутатов, но и Государственной думе, хотя бы в виде частного совещания депутатов»[20]. Д.В. Ознобишин ошибается, приписывая В.В. Шульгину авторство плана создания постоянных частных совещаний членов Государственной думы[21]. Это предложение исходило скорее всего от противников шульгинского проекта. Не рассматривая подробно вопрос об учреждении думским Комитетом постоянных частных совещаний, заметим лишь, что они существенно отличались от той серии частных совещаний, начало которым было положено 27 февраля 1917 г. Напомним, что частное совещание, проходившее в этот день в полуциркульном зале Таврического дворца, приняло постановление о создании ВКГД, которым утвердило его состав, избранный Советом старейшин, и предоставило ему чрезвычайные (неограниченные) полномочия[22]. 5 марта частное совещание рассмотрело вопрос о функциях ВКГД и решило просить его членов «дать отчет о своих дей-

---

[18] Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. СПб., 1995. Т. 2. С. 141.

[19] *Варшавский С.* Народные представители // Русское слово. 1917. 27 апреля.

[20] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 23 апреля.

[21] *Ознобишин Д.В.* Указ. соч. С. 292.

[22] О создании ВКГД и его полномочиях см. подр.: *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 137—146, 158—159.

ствиях»[23]. Новые частные совещания какой-либо власти над думским Комитетом уже не имели.

Первое частное совещание членов Государственной думы состоялось 22 апреля 1917 года под председательством С.И. Шидловского[24]. В его работах приняло участие около 60 депутатов Государственной думы[25]. Они так и не смогли решить вопрос о проекте Шульгина и убедить последнего полностью отказаться от него. Депутаты также высказали сомнения в необходимости возобновления законодательной деятельности Государственной думы. Думается, что думское руководство продолжало надеяться, что в апреле будет реализовано, как и предполагалось (sic!), соглашение о новой системе власти, заключенное в дни Февральской революции между М.В. Родзянко и руководством формирующегося Временного правительства[26]. Но Г.Е. Львов, кстати, один из участников соглашения, ограничился тем, что созвал 27 апреля частное совещание депутатов Думы всех четырех созывов, приуроченное к 11-летию Государственной думы. Совместные совещания Временного правительства, Исполкома Петроградского Совета и ВКГД, проходившие 2, 3 и 4 мая, на которых обсуждался вопрос о создании коалиции, показали, что Временное правительство не собирается возобновлять заседания Государственной думы и не нуждается в опоре на суррогат парламента. 4 мая на частном совещании членов Государственной думы Н.В. Савич обратился с просьбой, поддержанной думцами, чаще собираться. М.В. Родзянко удовлетворил ходатайство Савича и заявил, что частные совещания будут теперь происходить периодически[27]. Итоги совместных совещаний начала мая 1917 г., в частности, позволили

---

[23] *Николаев А.Б.* Частные совещания членов Государственной думы // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 670.

[24] Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена, предисл. Э.Б. Лозинского. М.; Л., 1932. С. 286.

[25] *Ознобишин Д.В.* Указ. соч. С. 293.

[26] Предполагалось, что до созыва Учредительного собрания будут действовать ВКГД в качестве органа верховной власти, ответственное министерство при одновременном действии двух законодательных палат (Подробн. см.: *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 554—557).

[27] Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. С. 20. Некоторые восприняли это решение как выход цензовиков из подполья с целью «занять старое место совещательной Думы при верховной власти» (*Кливанский С.А.* Усложнение революции // День. 1917. 6 мая).

В.В. Шульгину вновь напомнить о своем проекте. Он писал, что необходимо создать «подобие парламента <...> из тех двух половинок общественности, которые родили это Временное правительство и которым <...> суждено родить еще раз». Шульгин предостерегал создателей коалиции, что без такого собрания контроль будет принимать «форму вмешательства в действия исполнительной власти, что создает двоевластие или же форму военных демонстраций»[28]. Но и это предложение Шульгина — опора коалиционного правительства на совещательный парламент, составленный из демократических и цензовых элементов, не нашла влиятельных сторонников ни в обществе, ни в правительстве.

Почему же проект Шульгина не был поддержан Временным правительством? На наш взгляд, это объясняется тем, что оно, с одной стороны, было не прочь использовать Думу как исходный материал для строительства удобной для него линии парламентаризма[29], а точнее — для создания квазипарламента, но, с другой, оно ясно видело падающий авторитет этого представительного органа. Во-вторых, для Временного правительства было бы выгоднее ограничить растущее влияние Советов и их стремление посягать на полновластие правительства, а не стимулировать эти процессы с помощью парламентаризма. В противном случае Советы могли создать советский революционный парламент и на базе предпарламентаризма. В общем и целом правительство предполагало препятствовать развитию парламентаризма в думских или советских формах. Именно поэтому совместные совещания Временного правительства, Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и думского Комитета не получили соответствующего юридического основания.

Временное правительство, если и нуждалось в поддержке, то в более широкой, чем соединенное в совещательном парламенте представительство Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Поэтому оно склонялось к проектам создания совещательного учреждения, составленного и из предста-

---

[28] *Шульгин В.* Киев, 3 мая 1917 г. (По телеграфу из Петрограда) // Киевлянин. 1917. 4 мая.

[29] О многолинейном развитии парламентаризма в России в 1917 году см. подробн.: *Николаев А.Б., Поливанов О.А.:* 1) Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1993. Вып. 1. С. 22—32; 2) К вопросу о российском парламентаризме в 1917 году // Российская государственность: этапы становления и развития. Тезисы и материалы научной конференции. Кострома, 1993. Ч. III. С. 3—7; 3) Российский парламентаризм в 1917 г. // Кентавр. 1995. № 2. С. 72—86.

вителей других организаций. Таким проектом и стало предложение ряда руководящих деятелей Московского комитета общественных организаций (МКОО) о созыве Государственного совещания, прозвучавшее в ходе частной беседы его членов 21 апреля 1917 г. Не останавливаясь подробно на этом проекте, отметим лишь, что во всех вариантах его состава (24 и 26 апреля) обязательно присутствовал Временный комитет Государственной думы. В виду того, что с 26 апреля 1917 г. Временное правительство перенесло вопрос о создании коалиции[30] из области дискуссий в область практических решений[31], 27 апреля МКОО отказался от проекта созыва Государственного совещания[32].

Укажем, что в случае реализации проектов созыва совещательного парламента мог разрешиться вопрос об унификации правовой базы функционирования тогдашних важнейших представительных учреждений — Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — на основе признания таковой законов Временного правительства. Правда, предварительно необходимо было, наконец, отменить Основные государственные законы, к чему правительство не было пока готово, так как этому препятствовал принцип непредрешения, встроенный в политическую жизнь России декларацией от 3 марта 1917 г. В том случае, если бы Временное правительство все же решилось реализовать, например, проект Шульгина, то тогда Государственная дума и Петроградский Совет временно[33] могли бы выступать только в роли представительных органов с правами источников власти Временного правительства и возможным (!) сохранением некоторых контрольных функций. О каких-либо законодательных или бюджетных правах речи идти не могло. Такая ситуация гипотетически могла сложиться в том случае,

[30] Меньшинство в МКОО (кадеты) считало, что Государственное совещание сможет сочетаться с коалиционным правительством и это приведет к невозможности возникновения в будущем политических кризисов (В Комитете общественных организаций / В Москве // Утро России. 1917. 25 апреля). Представители демократической курии видели выход из кризиса только в создании коалиции (В Комитете общественных организаций / Московские вести // Русские ведомости. 1917. 25 апреля).

[31] *Токарев Ю.С.* Курс на социалистическую революцию. Апрельский кризис // Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967. Кн. 1. С. 247.

[32] ЦГИАМ. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 127. Л. 48.

[33] Впредь до созыва Учредительного собрания или до выполнения договоренностей, заключенных между руководством ВКГД и формирующегося Временного правительства.

если Дума и Совет согласились бы уважать права Временного правительства как полновластного органа. Проведение же в жизнь проекта МКОО означало бы характеристику всех членов Государственного совещания как представителей общественных организаций. Иначе говоря, и Государственная дума (как и Петроградский Совет) низводилась до уровня пусть и влиятельной, но корпорации. Благодаря предпарламентаризму вопрос о двоевластии в апреле 1917 года мог быть разрешен в пользу Временного правительства за счет ущемления прав Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, при затягивании созыва Конституанты. Естественно, что такой поворот в развитии событий не устраивал революционную демократию, которая, по справедливому замечанию К. Соколова, весной 1917 года «...не хотела признавать никакого авторитета, кроме авторитета всеобщего избирательного права, с высокомерием отвергала всякие "суррогаты" народного представительства и до созыва Учредительного собрания допускала только существование Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[34].

Июльский кризис вновь вызвал к жизни идею создания совещательного парламента, способного оказать Временному правительству поддержку. Вопрос о созыве совещания, которое сплотит «живые силы» для успешной борьбы с кризисом и создаст правительству национальное признание, поднял в ночь с 11 на 12 июля на заседании Временного правительства член IV Государственной думы октябрист И.В. Годнев, занимавший пост государственного контролера. Укажем, что Годнев долгое время был сторонником возобновления законодательной деятельности Государственной думы[35]. Он подчеркнул необходимость созыва совещания из представителей всех организованных сил страны, не имеющих представительства в Советах. По его мнению, в состав должны были войти Государственная дума, представители торгово-промышленных организаций, Московской и Петроградской городских дум, Академии наук и других научных организаций[36]. П.Н. Милюков ошибочно утверждал, что И.В. Годнев предложил включить также в число участников совещания представителей кооперативов, профсоюзов и Советов[37].

Министрам-социалистам в ходе заседания 12 июля удалось перехватить инициативу: Советы получали места на совещании. По со-

---

[34] *Соколов К.* Предпарламентаризм / Политическое обозрение // Нива. 1917. № 40. С. 618.

[35] *Николаев А.Б.* Годнев Иван Васильевич // Государственная дума Российской империи. С. 132.

[36] К созыву совещания в Москве // Воля народа. 1917. 14 июля.

[37] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 219.

общению прессы, вопрос же об участии Государственной думы вызвал «большие дебаты». Первоначально предполагалось пригласить депутатов Государственной думы всех четырех созывов. Но затем это было признано неудобным и решено было пригласить депутатов IV Государственной думы. Министры-социалисты в ходе обсуждения этого вопроса подчеркивали, что «они ничего не имеют против приглашения Временным правительством» отдельных депутатов Государственной думы, ВКГД, «как представителей крупных буржуазно-демократических политических партий, крупных общественных деятелей». Но категорически возражали против того, чтобы на совещании «была представлена» Государственная дума «как таковая», так как они считали ее в настоящий момент упраздненной. Судя по газетным публикациям, участникам обсуждения этого острого вопроса удалось договориться о том, что, во-первых, министр-председатель «за своей подписью пошлет именные приглашения» депутатам Государственной думы[38]; во-вторых, ВКГД «будет присутствовать на съезде в полном составе»[39]. Было также решено, что совещание лишь пополнит состав Временного правительства двумя министрами — торговли и промышленности и финансов[40]. Совещание предполагалось созвать в Москве 18 июля[41] и провести не более трех заседаний, одно из которых «будет объявлено закрытым»[42]. По сообщению «Русского слова», совещание «продлится не более трех дней»[43]. А.В. Пешехонов, выступивший в поддержку предложения Годнева на заседании Временного правительства, сообщил прессе, что «на совещании в Москве будет присутствовать около 700 человек»[44].

По итогам заседания Временное правительство приняло постановление, в котором сообщало, что в самом ближайшем будущем созовет в Москве «собрание представителей общественных органи-

[38] В прессе сообщалось, что депутаты Государственной думы, принадлежавшие к правым партиям, на совещание приглашаться не будут (К созыву совещания в Москве // Воля народа. 1917. 14 июля).

[39] Чрезвычайное народное совещание в Москве // Биржевые ведомости. 1917. 14 июля (утр. вып.).

[40] К созыву чрезвычайного совещания в Москве / Последние известия // Русские ведомости. 1917. 14 июля; Всероссийское совещание в Москве // Русское слово. 1917. 14 июля.

[41] Совещание в Москве // Вечернее время. 1917. 14 июля.

[42] Московское совещание // Солдатское слово. 1917. 15 июля.

[43] Всероссийское совещание в Москве // Русское слово. 1917. 14 июля.

[44] Министры о Московском совещании / Всероссийское совещание в Москве // Русское слово. 1917. 14 июля.

заций для непосредственного сообщения ему Временным правительством о современном положении дел в государстве и задачах ближайшего времени»[45].

13 июля на объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов (ЦИК Советов) и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ИК ВСКД) А.Ф. Керенский сообщил о цели совещания. Он говорил: «Временное правительство постановило обратиться на Всероссийском собрании в Москве с призывом и требованием поддержать его в <...> основной задаче спасения государства и спасения революции»[46]. В своем докладе министр-председатель сообщил, что в совещании примут участие «все ответственные организации», среди которых: Государственная дума, городские самоуправления, ЦИК Советов и ИК ВСКД, Всероссийский Кооперативный Совет, Всероссийский Центральный Профессиональный Совет, университеты и другие организации[47]. Н.Н. Суханов заметил, что «...судя по приглашению 300 советских делегатов, состав предполагается тысячным: буржуазия, кадеты, биржевики должны были покрыть и удесятерить свое представительство под возможным соусами»[48]. ЦИК Советов не дал пока согласия на участие в совещании, но и не выступил резко против него.

Теперь Керенскому необходимо было уладить вопрос об участии Государственной думы в совещании в лице ее членов как крупных общественных деятелей, а не как высшего государственного учреждения. Это условие, напомним, вытекало из решения правительства, принятого 12 июля. Сразу же после заседания ЦИК Советов и ИК ВСКД министр-председатель отправился в помещение Временного комитета Государственной думы в надежде застать там М.В. Родзянко, но того не оказалось на месте[49]. Керенский, узнав об отсутствии Родзянко, сообщил о предстоящем совещании в Москве присутствовавшим членам Думы[50]. О чем конкретно говорил Керенский депутатам Думы, неизвестно.

Вечером 13 июля А.Ф. Керенский приехал на квартиру М.В. Родзянко и имел с ним беседу по вопросу о созыве совещания. Родзян-

---

[45] Временное правительство / Петроград // Вестник временного правительства. 1917. 13 июля.

[46] ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.

[47] Там же.

[48] *Суханов Н.* Записки о революции. М., 1992. Т. 3. Кн. 5. С. 21.

[49] А.Ф. Керенский во Временном комитете Г[осударственной] думы // День. 1917. 14 июля.

[50] *Сверчков Д.М.* А.Ф. Керенский (опыт политической биографии) // Красная новь. 1924. № 7—8 (24—25). С. 179.

ко ответил отказом на приглашение Керенского принять участие в Государственном совещании. Мотивы лежали в неясности программы и состава проектируемого правительством совещания. Родзянко говорил, что «Дума является учреждением государственным и не может принять участие в совещании при такой неопределенности». Однако Родзянко заметил, что отдельные члены Думы могут участвовать в совещании по приглашению Керенского[51]. Именно это Керенскому и было нужно, но тут же председатель Думы подчеркнул, что лично он в совещании участия не примет. По словам Родзянко, это «означало бы представительство в его лице Государственной думы»[52]. Для Керенского бойкот со стороны Родзянко был нежелателен. Поэтому он пожелал выслушать предложение председателя Государственной думы. Родзянко намекнул, что неясно, кто созывает совещание, что сначала необходимо сформировать правительство, причем в организации нового кабинета министров должен принять участие Временный комитет Государственной думы[53]. После этого новое правительство и Временный комитет установят состав совещания, и только тогда Государственная дума примет участие в его работах[54]. Родзянко дал ясно понять Керенскому, что если он не выполнит эти условия, то ВКГД в любой момент созовет Государственную думу[55]. Керенский выслушал условия Родзянко и уехал. Обо всем этом М.В. Родзянко сообщил 14 июля на заседании ВКГД. После оживленного обмена мнениями члены думского Комитета одобрили позицию Родзянко во время беседы с Керенским[56]. Позднее пресса сообщала, что ВКГД и «руководители влиятельных думских групп» высказали свое отрицательное отношение к Московскому совещанию. Подчеркивалось, что ни сама Дума, ни ее Временный комитет участия в Государственном совещании не примут, возможно лишь персональное участие отдельных членов Думы[57].

[51] Врем[енное] прав[ительство] и Гос[ударственная] дума // Земля. 1917. 16 июля; Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 15 июля.

[52] К Московскому совещанию // Петроградский листок. 1917. 15 июля.

[53] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 15 июля; Во Временном комитете Г[осударственной] думы // Русская воля. 1917. 15 июля (утр. вып.).

[54] К Московскому совещанию // Петроградский листок. 1917. 15 июля.

[55] Московское совещание // Власть народа. 1917. 15 июля; Отсрочка или отмена // Раннее утро. 1917. 15 июля.

[56] Во Временном комитете Гос[ударственной] думы // Речь. 1917. 15 июля.

[57] Частное совещание Гос[ударственной] думы // Вечернее время. 1917. 18 июля.

Требование руководства Государственной думы о предварительном сформировании правительства при участии ВКГД в том числе, сорвало план использовать Государственное совещание для выхода из правительственного кризиса путем пополнения кабинета. Поэтому на дневном заседании 14 июля правительство решило отложить созыв совещания с 18 на 23 июля, а до созыва его пополнить состав кабинета[58]. Тогда же пресса сообщала, что на «чрезвычайное народное собрание» в Москве «будут приглашены не менее 800 представителей различных общественных слоев»[59] без указания на то, сколько среди них будет депутатов Государственной думы (и будут ли они вообще приглашены!).

В ночь с 17 на 18 июля на заседании правительства снова рассматривался вопрос о совещании в Москве. По программе, намеченной Н.В. Некрасовым, совещание должно было проходить всего один день — 25 июля[60]. Его участники должны были выслушать правительство и разъехаться по домам. Тем самым вопрос о представительстве приобретал новую форму. Теперь можно было безбоязненно включить в список участников Государственного совещания и членов всех четырех Государственных дум (что и было сделано![61]), так как никакого влияния на формирование правительства они уже не смогли бы оказать.

18 июля вопрос о Государственном совещании был лишь затронут думцами в связи с предложением А.М. Масленникова. Он на частном совещании членов Думы призвал восстановить парламентские функции Государственной думы. Его поддержал В.М. Пуришкевич, который также призвал распустить Советы. П.Н. Милюков поспешил их успокоить, сказав, что сейчас не время для появления Думы как государственного учреждения. Далее он предложил обсудить «на завтрашнем» заседании вопрос о Государственном совещании. На следующий день, т.е. 19 июля, П.Н. Милюков имел козырь — решение правительства пригласить на совещание депутатов Государственной думы всех четырех созывов. Он предложил на-

---

[58] *Николаев А.Б.* Подготовка созыва Государственного совещания // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году. Сб. научн. тр. / Ред. колл.: О.Н. Знаменский (отв. ред.) и др. Л., 1989. С. 272.

[59] Под знаком всенародности // Война и мир. 1917. 16 июля.

[60] Беседа с Н.В. Некрасовым // Речь. 1917. 19 июля.

[61] Н.В. Некрасов сообщил прессе, что в состав Всенародного совещания в Москве «войдут члены Государственной думы всех четырех созывов» (Н.В. Некрасов о реконструкции кабинета // Воля народа. 1917. 19 июля; Беседа с Н.В. Некрасовым // Речь. 1917. 19 июля).

чать подготовку думцев к совещанию: «<...> следовало бы принять меры, чтобы, по крайней мере, один или два первые оратора действительно выражали бы не свое личное мнение, а мнение Думы, и чтобы это было подчеркнуто, чтобы эти ораторы могли сказать, что им поручено сказать то-то и то-то, для этого нужно сговориться: пусть они сообщат, что они будут говорить, дадут конспект своих выступлений». Милюков доказывал необходимость участия Думы в совещании: «на широкой арене поднять голос Государственной думы». В конечном счете было решено дать согласие на участие Государственной думы в совещании в Москве[62]. Таким образом, Дума дала согласие только после приглашения Временным правительством членов Государственной думы всех четырех созывов и при заверении лидера кадетской партии о связи созыва совещания с итогами переговоров о формировании кабинета, которые вели кадеты с Керенским[63]. Заметим, что в дальнейшем к формированию новой коалиции был привлечен и Временный комитет Государственной думы.

После организации второго коалиционного правительства представительство Государственной думы было снижено до 100 человек[64], а на заседании Временного правительства 29 июля вновь уве-

[62] Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. С. 198, 199, 202, 204, 220—221, 224—225, 230, 244—246.

[63] Поэтому ошибочна точка зрения некоторых исследователей о том, что Государственное совещание «было создано Временным правительством по требованию Временного комитета Государственной думы» (*Бромберг Л., Якушев И.* Большевики — организаторы разгрома корниловщины. М., 1957. С. 20). Наоборот, думцев заставляли и упрашивали принять участие в работах этого съезда.

[64] 25 июля на заседании Временного правительства А.Ф. Керенский вновь поднял вопрос о созыве совещания в Москве. В ходе заседания были рассмотрены некоторые организационные вопросы, связанные с созывом Государственного совещания. Комиссия Н.В. Некрасова, разрабатывавшая программу Совещания, была преобразована. От подготовки программы были отстранены председатели Исполкомов Совета рабочих и солдатских и Совета крестьянских депутатов. Ранее они входили в состав комиссии по должности. Разработка программы и окончательное определение состава Совещания были переданы правительственной комиссии, состоявшей из Н.В. Некрасова (кадет), А.С. Зарудного (народный социалист), Н.Д. Авксентьева (эсер), А.М. Никитина (меньшевик) — все они министры Временного правительства. Комиссия определила возможный срок созыва — между 10 и 15 августа — указала, что Совещание будет проходить три дня и участники его получат возможность высказаться. Разрабатывался список участников и нормы представительства: по 100 приглашений должны были получить Советы рабочих и солдатских депу-

личено до «депутатов всех 4-х Дум». Тогда же было решено, что совещание пройдет в Москве 10 и 11 августа 1917 г.[65]. Неуверенность правительства в вопросе о созыве совещания вызвали и колебания руководства ВКГД. М.В. Родзянко на запросы депутатов Государственной думы уклончиво отвечал, что о совещании в Москве еще «ничего не известно», «ничего не решено»[66]. В ответных телеграммах Родзянко не прояснял и позицию Думы относительно Государственного совещания.

Сомнения руководства ВКГД подпитывались некоторыми депутатами, которые продолжали настаивать на восстановлении парламентских функций Государственной думы и ставили вопрос об истинных целях Временного правительства, организующего Государственное совещание. Так, В.М. Пуришкевич писал, что «...правительство Керенского, устранив буржуазные элементы от власти, но, предчувствуя назревающие события, желает переложить на буржуазию ответственность за все те события, которые захлеснут Россию. Вот скрытая цель правительства, созвавшего Московское совещание»[67].

Государственная дума могла выступить ответственным лицом в том случае, если бы она на совещании оказалось той силой, которая изменила бы правительственную программу и остановила сползание страны к хаосу. Однако технически Государственная дума к такой роли не была готова. Частные совещания членов Думы были малочисленны, кроме А.И. Гучкова привлечь к их работе депутатов прошлых созывов не удалось. Всего в работах частных совещаний, как писал депутат IV Думы князь С.П. Мансырев, принимало участие «иногда человек 30, 40 и никогда более 100»[68]. В общем эти данные совпадают с исследовательскими подсчетами, согласно которым

татов, представители земств и городов, торгово-промышленные организации и члены Государственной думы. Всего предполагалось около 500 участников (К Московскому совещанию // День. 1917. 28 июля). Как видно из этого списка, представители буржуазии должны были получить на Совещании большинство. Причем большинство в немалой степени обеспечивалось участием представителей Государственной думы.

[65] Секретное заседание / Во Временном правительстве // День. 1917. 30 июля; Московское совещание / Последние известия // Речь. 1917. 30 июля.

[66] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. ЛЛ. 16, 18.

[67] Там же. Оп. 10. Д. 70. Л. 2.

[68] *Мансырев С., кн.* Что посеешь — то и пожнешь! // Русская будущность. 1917. № 5. С. 7. В другой своей статье Мансырев уточнил, что только один раз — «в самом начале революции» — число участников частных совещаний поднялось «выше 100 <...> обыкновенно же собирается человек 30—40» (*Он же.* Горе побежденным // Русская будущность. 1917. № 8/9. С. 4).

число участников частных совещаний ограничивалось 63[69] — 84 депутатами[70]. Б.Д. Гальперина приводит данные о том, что в мае — августе количество частных совещаний и число выступавших на них ораторов сокращалось[71]. Благодаря широкой антидумской кампании, развязанной левыми силами, авторитет Государственной думы значительно понизился по сравнению с периодом Февральской революции и весенних месяцев. Летом 1917 г. депутаты на местах подвергались несанкционированным арестам, а имущество их разграблялось крестьянами[72]. Надежды на то, что думцы примут активное участие в Государственном совещании, были не велики. Еще более мрачными были прогнозы относительно выступления всех четырех Дум единым фронтом, с общей декларацией. Таким образом, большой необходимости идти на Государственное совещание, чтобы показать России остатки былого величия, не было. Вряд ли можно было ожидать и спонтанной поддержки со стороны даже правых членов совещания. Ход подготовки различных организаций к Государственному совещанию показывал, что какой-либо мощной агитации в защиту Государственной думы не проводится. Хотя и раздавались отдельные голоса по этому вопросу как от избранных в члены Государственного совещания, так и от отдельных лиц. Так, С.М. Слоницкий, выбранный на Государственное совещание от Житомирской городской думы, говорил, что «...необходимо на Московском совещании громко кричать, что управлять Россией должна Государственная дума, состоящая из лучших людей, а не какие-нибудь Советы и Союзы»[73]. Директор Владивостокской метеорологической обсерватории Грибоедов послал на имя М.В. Родзянко телеграмму, в которой писал, что обсерватория, скорбя о судьбах России, «управляемой самозванными советами и партийным правительством, рассматривает Московское совещание, как первую здоровую попытку поставить вновь во главе России Гос[ударственную] думу, перед которой впредь до Учредительного собрания будет нести ответственность общенациональное правительство»[74].

[69] *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* Парламентская элита России в 1912—1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. № 3. С. 60.

[70] *Гальперина Б.Д.* Частные совещания Государственной думы — центр сплочения буржуазных партий России // Непролетарские партии России в трех революциях. Сб. ст. / Отв. ред. К.В. Гусев. М., 1989. С. 112.

[71] Там же. С. 112—113.

[72] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1168. Л. 17.

[73] С.М. Слоницкий отличается // Трудовая Волынь. 1917. 11 августа (Житомир).

[74] К Государственному совещанию в Москве // Сила земли. 1917. 10 августа.

Рассматривая вопрос об участии в работах Государственного совещания, Государственная дума решила предварительно усилить свои позиции с помощью Московского совещания общественных деятелей.

Члены ВКГД приняли участие в реализации идеи П.П. Рябушинского о созыве совещания общественных деятелей в Москве. В конце июля, когда Временное правительство в очередной раз решило не созывать Государственное совещание, устроители Московского совещания общественных деятелей поспешили предложить свои услуги обществу. Они указывали, что необходимо сплочение всех «живых сил» страны, что на совещании будет выслушан «голос всех патриотически и государственно-мыслящих»[75]. Было решено пригласить для участия в нем представителей Государственной думы всех четырех созывов, торгово-промышленных и других буржуазных организаций. Постановлено созвать его независимо от того, как будет решен вопрос о созыве Государственного совещания. Твердо было указано, что оно состоится 8—9 августа при возможном участии «нынешнего правительства»[76]. Т.е. совещание общественных деятелей должно было не только послужить объединению правых сил, но и подменить собой Государственное совещание, созыв которого был в это время под вопросом. Временному правительству в качестве опоры предлагалось буржуазное по составу совещание.

«Парламентские» надежды буржуазной общественности, поддержанные лидерами ВКГД, стали одной из причин того, что Временное правительство 31 июля было вынуждено вновь пересмотреть свою позицию и принять очередное решение о созыве Государственного совещания. Несколько ранее — 30 июля — в Москву выехал Н.В. Некрасов, который провел там переговоры с организаторами совещания общественных деятелей. Он получил от них одобрение идеи созыва правительством Государственного совещания в обмен на согласие, что Временное правительство выступит на нем с новой декларацией[77]. Видимо, Некрасов был уполномочен Керенским обещать им уступки по программным вопросам. Выполняя условие Некрасова, организационный комитет по созыву совещания общественных деятелей заявил, что оно «не находится в связи с совещанием, созываемым правительством»[78]. Тем самым оно превращалось в «частное совещание» общественности и отказалось от претензий государственного характера.

---

[75] ЦГИАМ. Ф. 179. Оп. 3. Д. 2048. Л. 2.

[76] Московское совещание // Ранее утро. 1917. 30 июля.

[77] Утро России. 1917. 2 августа.

[78] 31 июля / Москва (по телефону) // Дело народа. 1917. 1 августа.

Ситуация резко изменилась, когда в ход подготовки Государственного совещания вмешался главковерх генерал Л.Г. Корнилов. 3 августа он прибыл в Петроград с программой в форме докладной записки, суть которой он хотел изложить на Государственном совещании. В ходе встречи с А.Ф. Керенским была достигнута договоренность о переработке программы в Военном министерстве и об участии Корнилова в Государственном совещании[79].

В это же время Временное правительство решило вопрос об участии Государственной думы в работах Государственного совещания. 3 августа в одной из газет появилось сообщение о том, что приглашение на совещание послано председателю Государственной думы М.В. Родзянко, а тот уже сам «разошлет приглашение членам Думы всех четырех созывов»[80]. Здесь же указывалось, что «в совещании примут участие члены Гос[ударственной] думы независимо от их политических воззрений»[81]. Иначе говоря, устроители совещания готовы были к тому, что среди его участников могут оказаться и правые думцы! Судя по всему, эта информация прошла в прессе по итогам совещания министра почт и телеграфов А.М. Никитина, которому была поручена организация Московского совещания[82]. 4 августа такое же сообщение было помещено в ряде петроградских газет[83]. Заметим, что особых приглашений депутатам Государственной думы всех четырех созывов решено было не посылать, так как адреса большинства из них неизвестны[84]. В этот же день о приглашении 300—400-х членов Думы всех четырех созывов рассказывал на заседании Московской управы только что вернувшийся из Петрограда П.А. Бурышкин. Он подчеркнул, что эти сведения получил из бесед с членами правительства[85]. В заявлении министра почт и телеграфов А.М. Никитина указывалось, что члены Государственной думы всех четырех созывов «имеют право явиться на совещание без особого приглашения», а входные билеты они получат на основании

[79] Приезд генерала Корнилова // Власть народа. 1917. 4 августа.

[80] Вместе с тем некоторые депутаты Государственной думы были приглашены Временным правительством телеграммами на Государственное совещание. Среди них был перводумец Ф.М. Онипко (См.: *[Онипко Ф.М.]* На имя редакции / Телеграмма Ф.М. Онипко // Северокавказское слово. 1917. 17 августа (Ставрополь)).

[81] Московское совещание // Вечернее время. 1917. 3 августа.

[82] Там же.

[83] Последние известия // Речь. 1917. 4 августа.

[84] К Государственному совещанию в Москве // Петроградский листок. 1917. 4 августа.

[85] Состав совещания / Московское совещание (по телефону) // Новая жизнь. 1917. 6 августа.

списков Государственной думы[86]. М.В. Родзянко 5 августа, но еще до получения от Временного правительства официального приглашения, говорил: «— Мне известно, что Московское совещание созывается в Москве 12 августа. Но какова программа совещания, я официально ничего не знаю. Официального приглашения на участие в совещании я не получал и не знаю, поеду или нет. Государственная дума в ее целом, как законодательное учреждение, участие в совещании не примет, но зато члены ее, будучи приглашенными, от участия в совещании не откажутся». В конце интервью он заявил, что в случае получения приглашения от правительства примет участие в Московском совещании[87].

Вместе с тем конфликт, возникший между Керенским и Корниловым, а также намерение Керенского отправить Корнилова в отставку послужили сигналом, в частности, организаторам Московского совещания общественных деятелей, которые изменили его характер. Теперь оно должно было стать подготовительным к Государственному совещанию[88]. Между совещаниями устанавливалась связь, подчеркивалось решающее значение совещания общественных деятелей для организации «живых сил», которые примут участие в Государственном совещании. И только после этого решения ВКГД окончательно определился со своим отношением к Государственному совещанию и признал желательным участие думцев в его работах[89]. Опираясь на совещание общественных деятелей, лидеры IV Государственной думы предполагали на Государственном совещании организовать блок, способный противостоять левым и изменить программу правительства.

Московское совещание общественных деятелей, проходившее 8—9 августа, явилось важным этапом консолидации правых сил. Участники совещания открыто говорили о необходимости ликвидации Советов и создания правительства, способного раздавить революцию. Эти взгляды нашли отражение в резолюции 10 августа, принятой общественными деятелями[90]. Совещание установило связь с Л.Г. Корниловым и обещало ему поддержку. 9 августа М.В. Род-

---

[86] Государственное совещание в Москве (От министра почт и телеграфов) / Последние известия // Речь. 1917. 6 августа.

[87] М.В. Родзянко о Московском совещании // Петроградская газета. 1917. 6 августа.

[88] Последние известия // Речь. 1917. 6 августа.

[89] К Московскому совещанию // Русская воля. 1917. 8 августа (утр. вып.); Состав и порядок совещания // Утро России. 1917. 8 августа.

[90] Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8—10 августа 1917 года. М., 1917. С. 4, 133—136.

зянко от имени собравшихся послал телеграмму главковерху, в которой подчеркивалось, что совещание общественных деятелей «присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казаков» и считает преступным любое покушение на авторитет генерала Корнилова[91].

В целях давления на правительство, объединения и координации «живых сил» был создан постоянный Совет общественных деятелей под председательством М.В. Родзянко, в который вошли виднейшие представители IV Государственной думы: Н.Н. Львов, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, Н.В. Савич, С.И. Шидловский, А.И. Шингарев и В.В. Шульгин[92]. Постоянное бюро рассчитывало сплотить на Государственном совещании вокруг платформы 10 августа все «живые силы» страны.

Необходимость тщательной подготовки к Государственному совещанию со стороны «живых сил» объяснялось тем, что они в это время были не прочь превратить его в подобие парламента, противопоставленного Советам и способного сформировать новую власть, если Временное правительство не представит программу выхода из кризиса. По сообщению прессы, в кадетских кругах высказывалось предположение, что «большинство совещания окажется не на стороне правительства» и в этом случае ему придется уйти, «предоставив власть более умелым деятелям»[93].

Вместе с тем процесс объединения «живых сил» из числа членов Государственного совещания шел крайне тяжело и наталкивался на противодействие даже в думской среде. Это проявилось уже накануне открытия Государственного совещания в ходе собрания депутатов IV Государственной думы, которое прошло под председательством М.В. Родзянко вечером 11 августа в здании Московского университета. Пресса сообщала, что на заседание «депутатов съехалось много: кадеты, прогрессисты, октябристы и даже правые <...> и националисты»[94]. Судя по всему, представителей левых фракций на этом заседании не было. Родзянко сообщил собравшимся о том, что многие члены Государственной думы других созывов, главным образом III Думы, изъявили желание присутствовать на собрании депутатов IV Думы. Просьба их была удовлетворена и «через несколько минут университетская аудитория пополнилась новыми го-

[91] Цит. по: *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1978. Т. 2. С. 614.

[92] Избрание совета / Частное Московское совещание / Москва // Война и мир. 1917. 11 августа.

[93] К Московскому совещанию // Земля. 1917. 13 августа.

[94] Съезд участников совещания // Время. 1917. 12 августа.

стями»[95]. По сообщению «Раннего утра», на заседании присутствовало свыше 300 человек[96]. Участники собрания обсудили вопрос о выступлении думцев на Государственном совещании. По сообщению прессы, одни высказались «за выступление от имени Государственных дум всех четырех созывов». Другие участники собрания, преимущественно из числа членов кадетской партии, высказывались за партийные выступления. «Речь», кстати, утверждала, что «большинство стояло за партийные выступления, доказывая, что среди членов Государственной думы всех созывов нет полного единения»[97]. Все это еще раз свидетельствовало в пользу того, что кадеты не хотели усиления Государственной думы и ради этого были готовы сорвать формирование блока «живых сил» на Государственном совещании, применяя тактику партийных выступлений.

Видимо, была и третья группа депутатов, которая предложила сочетание думских и партийных выступлений. Сторонники этих взглядов одержали победу. Как сообщалось в газетах, участники собрания договорились, что «партийные выступления не исключаются общими заявлениями»[98]. Оживленный обмен мнениями вызвало предложение о декларации от имени Государственной думы всех четырех созывов. По сообщению прессы, многие из них сомневались в том, что «Думы всех созывов можно объединить». Депутаты утверждали, что I и II Дума «не сойдутся» с третьей и четвертой! Причем в качестве доказательства указывалось на «присутствие почти всей второй Думы среди социалистических групп, одновременно заседающих на другом конце города». В конечном счете собравшиеся решили поручить бюро прогрессивного блока заявление (декларацию) от имени IV Государственной думы, с которой предполагалось ознакомить депутатов Думы других созывов, чтобы «желающие присоединили свои подписи»[99]. В ходе собрания был избран

[95] Съезд участников совещания // Время. 1917. 12 августа. Выступление членов Государственной думы // Вечернее время. 1917. 12 августа.

[96] Совещание членов Государственной думы // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[97] В Москве (По телефону от нашего корреспондента) // Речь. 1917. 13 августа. Заметим, что «Биржевые ведомости» ввели в заблуждение своих читателей, сообщив, что именно П.Н. Милюков предложил, чтобы депутаты Государственной думы «выступали отдельно от своих партий» (Решение членов Г[осударственной] думы // Биржевые ведомости. 1917. 13 августа (утр. вып.)).

[98] Съезд участников совещания // Время. 1917. 12 августа.

[99] Выступление членов Государственной думы // Вечернее время. 1917. 12 августа.

Совет старейшин четырех Государственных дум. В функциональные обязанности его входили решение организационно-технических вопросов: установление порядка выступлений ораторов и взаимоотношений между депутатами всех четырех Дум. Членами Сеньорен-конвента избраны: Д.П. Капнист, П.Н. Милюков, С.И. Шидловский (от IV Думы), А.И. Гучков (от III Думы), П.Б. Струве (от II Думы) и В.Д. Набоков (от I Думы)[100].

Государственное совещание начало свою работу в Москве в здании Большого театра 12 августа 1917 г. В первый день работы члены совещания ознакомились с программой «порядка, жертв и обороны», которую изложили А.Ф. Керенский и другие министры Временного правительства. Она была составлена в духе средней линии и общенародных интересов.

Второй день работы совещания был отведен для фракционных и групповых заседаний. На собрании представителей Государственной думы всех четырех созывов 13 августа присутствовало около 250 депутатов[101] из 488 официально зарегистрированных в качестве членов Государственного совещания[102]. Персональный состав участников собрания думцев неизвестен. Укажем, что депутаты Думы выбирались на Государственное совещание и от других организаций[103]. Некоторый интерес в связи с этим представляет замечание Н.И. Кареева, который вспоминал, что на Государственном совещании мог работать в групповых заседаниях, «вырабатывавших свои деклара-

[100] Сеньорен-конвент четырех дум // Вечернее время. 1917. 12 августа; Совещание членов Государственной думы // Раннее утро. 1917. 12 августа.

[101] Предварительное совещание (По телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

[102] К списку участников Государственного совещания // Государственное совещание. Стенографический отчет. М., 1930. С. 309. 8 августа комиссия, осматривавшая Большой театр, решила, что пятый ярус будет закрыт (Государственное совещание // Власть народа. 1917. 9 августа). Иначе говоря, устроители Государственного совещания рассчитывали, что депутатов Государственной думы будет на нем немного. По сообщению прессы, число депутатов Государственной думы, «прибывающих на совещание, будет превышать 500 человек». В связи с этим, было даже принято решение «открыть пятый ярус, так как иначе разместить всех участников съезда в Большом театре представляется невозможным» (От комиссии по устройству Государственного совещания в Москве // Власть народа. 1917. 12 августа).

[103] См.: здесь же: Депутаты Государственной думы всех четырех созывов в составе представительств от различных организаций на Государственном совещании.

ции, и в качестве члена I Думы, и как председатель Академического союза», но «выбрал последнее»[104]. Депутаты Государственной думы, конечно, имелись и в составе правительственной делегации[105], но об их участии в думских заседаниях неизвестно. Вместе с тем некоторые думцы одновременно принимали участие в работах различных групп Государственного совещания. Так, например, П.Б. Струве участвовал в заседаниях представителей Государственной думы и Академической группы[106].

В связи с вопросом о партийном составе думских заседаний приведем слова Н.В. Савича, который вспоминал, что «на предварительных собраниях членов Государственной думы <...> появились давно забытые социалистические лидеры — представители социалистических партий первой и второй Государственных дум»[107]. «Речь» писала, что на заседании 13 августа «были представители с[оциалистов]-р[еволюционеров] первой и второй Дум, и представители трудовиков»[108]. По словам А.И. Чхенкели, отказались участвовать в думских заседаниях на Государственном совещании социал-демократические фракции всех четырех Дум[109]. «Речь» заметила, что в этом заседании были и некоторые социал-демократы, «принадлежащие к оборонцам» и указала на Г.А. Алексинского[110]. Среди перводумцев, которые собрались для обсуждения и принятия своей декларации, как вспоминал В.А. Оболенский, был социал-демократ М.И. Михайличенко[111].

---

[104] *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подг. текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарев. Л., 1990. С. 265.

[105] См.: здесь же: Депутаты Государственной думы всех четырех созывов в составе правительственной делегации на Государственном совещании.

[106] См. подробн.: *Николаев А.Б.* П.Б. Струве — член Государственного совещания // Петр Бернгардович Струве (к 125-летию со дня рождения). Сб. научн. ст. / Под ред. проф. В.И. Старцева. СПб., 1996. С. 53—57.

[107] *Савич Н.В.* Воспоминания / Под общей ред. Н.Н. Рутыча. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 248.

[108] Предварительное совещание (по телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

[109] *[Чхенкели А.И.]* Речь А.И. Чхенкели // Государственное совещание. С. 177.

[110] Предварительное совещание (по телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

[111] *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 540.

На повестке дня заседания думской делегации стоял вопрос о выработке общей декларации всех Государственных дум. Вокруг него разгорелись оживленные прения. Депутат III Государственной думы октябрист В.К. фон Анреп высказался за то, чтобы в декларации выступить за охрану права собственности. Ему резко возразил эсер депутат Ефремов[112], защищавший земельную политику В.М. Чернова. Однако большинство участников заседания высказалось за то, чтобы в декларации не поднимать земельный вопрос, так как в декларации «вообще не следует затрагивать вопросов, которые имеют классовый характер», что «вызовет непримиримые разногласия». Особенно ярко защищал эту точку зрения втородумец Г.А. Алексинский, который предостерег думцев, являвшихся «защитниками земельной собственности, от постановки этого вопроса в настоящий момент». Мотивировка была следующей: во-первых, «в глазах народа может упасть авторитет», которым пользуются депутаты Государственной думы; во-вторых, «отнять от народа мечту о земле — значит заставить прекратить войну с немцами на фронте и начать ее с буржуями в тылу». Кстати, эти последние слова вызвали шумные аплодисменты и выкрик В.М. Пуришкевича: «Верно, а это будет ужасно»[113]. Вместе с тем Алексинский подчеркнул, что можно «затронуть вопрос <...> о В.М. Чернове, но не как авторе земельных проектов, а как циммервальдисте», и указать в декларации, что «в правительстве национальной обороны не место циммервальдистам». Перводумец трудовик А.Ф. Аладьин потребовал создать орган, перед которым будет ответственно правительство. И тогда оно, по словам Аладьина, будет «чувствовать почву под своими ногами». Он предлагал для создания этого органа «гальванизировать» Государственную думу[114]. С горячей речью выступил на заседании депутат I и IV Думы Л.Н. Новосильцев, который призывал сказать на Государственном совещании «всю правду об армии». Причем он подчеркнул, что «правду эту может сказать только [А.А.] Алекссев, кото-

[112] Скорее всего, это был депутат II Государственной думы от Вятской губернии Л.А. Ефремов, входивший в думскую группу эсеров. В 1917 г. он был избран депутатом Учредительного собрания от Вятского избирательного округа по эсеровскому списку. Об участии же Ефремова в Государственном совещании в думской энциклопедии не сообщается (См.: Ефремов Лаврентий Александрович // Государственная дума Российской империи. С. 189).

[113] В отдельных политических группах / Государственное совещание / В Москве // Киевлянин. 1917. 15 августа.

[114] Предварительное совещание (По телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

рый за это поплатился увольнением с поста верховного главнокомандующего[115]. Депутат III и IV Государственной думы, октябрист барон А.Ф. Мейендорф говорил, что в основу своей политики Временное правительство прежде всего «должно положить вопросы национальной обороны»[116]. В выступлениях думцев давалась характеристика речам членам Временного правительства, с которыми они выступили в первый день Государственного совещания. С.И. Шидловский, в частности, указал на то, что речь министра-председателя А.Ф. Керенского произвела на депутатов «угнетающее впечатление»: «Так говорит не государственный деятель, но человек, изнемогающий под бременем власти». По сообщению прессы, думцы разобрали «с фактической стороны» речи и других министров и пришли к выводу о том, что «они отличались крайней бессодержательностью и полным отсутствием правительственной программы». В заключительной части заседания было решено поставить на Государственном совещании вопрос о причинах ухода М.В. Алексеева, А.А. Брусилова и Н.Н. Юденича[117].

Представители Государственной думы всех четырех созывов договориться об общей декларации так и не смогли. Поэтому в силу вступило условие организаторов совместного думского заседания о том, что IV Государственная дума примет свою декларацию, а все остальные смогут к ней присоединиться позднее, если пожелают.

Декларация IV Государственной думы, которую должен был огласить на Государственном совещании М.В. Родзянко, содержала в себе следующие положения: принятие мер для поднятия боеспособности армии, среди которых следующие: устранение из армии политики, восстановление дисциплинарной власти начальников и в полном объеме прав главнокомандующего, ограничение деятельности армейских комитетов исключительно хозяйственной сферой; полная независимость правительства от Советов; разрешение всех насущных социальных и национальных проблем Учредительным собранием; ликвидация земельных и продовольственных комитетов с одновременной передачей их функций органам местного самоуправления при условии удешевления всей организации продовольствия и привлечения к ней торгово-промышленного аппарата; борьба про-

[115] В отдельных политических группах / Государственное совещание / В Москве // Киевлянин. 1917. 15 августа.

[116] Предварительное совещание (По телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

[117] В отдельных политических группах / Государственное совещание / В Москве // Киевлянин. 1917. 15 августа.

тив чрезвычайных требований рабочего класса, которые способствуют остановке предприятий и крушению промышленности[118].

Во многом эта программа совпадала с тем, о чем заявляли А.Ф. Керенский и министры Временного правительства в ходе первого дня заседаний Государственного совещания. Но, в частности, по военным вопросам она была значительно правее. Заметим, что во время их обсуждения выступил председатель Главного комитета Союза офицеров армии и флота Л.Н. Новосильцев. Позднее он вспоминал: «На собрании IV Думы я говорил об Армии, говорил, что мы идем к гибели, привел несколько фактов угрожающего характера из жизни Армии, говорил о вреде комитетов, комиссаров»[119]. Существенно расходились требования IV Думы и по вопросу о судьбе земельных и продовольственных комитетов. Правительство не собиралось их ликвидировать, а предполагало установить наблюдение за закономерностью их действий со стороны правительственных комиссаров[120]. Укажем, что при обсуждении этой декларации, по словам депутата IV Думы трудовика Н.О. Янушкевича, «трудовики, и принадлежащие к другим партиям литовцы, не дали своих подписей под декларацией четвертой Думы и протестовали <...> на собрании»[121].

По сообщению прессы, собрание депутатов III Думы постановило присоединиться к декларации IV Государственной думы. Ораторами были избраны А.И. Гучков, который должен был выступать первым, и Ф.И. Родичев[122].

На групповом заседании II Государственной думы присутствовали 62 человека. Им было предложено присоединиться к декларации IV Думы, но это предложение было отклонено. Делегация втородумцев решила выступить самостоятельно, но не с какой-либо декларацией, а с речами двух ее представителей. В них предполагалось изложить следующее: «...доведение войны до победного конца в полном единении с союзниками, необходимость твердой власти и наделение крестьян землей». Первым выступающим был избран председатель II Государственной думы Ф.А. Головин. Кандидатом для произнесения второй речи участники заседания выдвинули Г.А. Алек-

[118] Государственное совещание. С. 163—165.

[119] *[Новосильцев Л.Н.]* «Единственный выход — военная диктатура». Из воспоминаний Л.Н. Новосильцева — председателя Союза офицеров армии и флота. Июнь-август 1917 г. / Публ. подг. Н.И. Канищева, К.Г. Ляшенко, В.В. Шелохаев // Исторический архив. 1994. № 1. С. 93.

[120] *[Авксентьев Н.Д.]* Речь Н.Д. Авксентьева // Государственное совещание. С. 19.

[121] *[Янушкевич Н.О.]* Речь Н.О. Янушкевича // Там же. С. 192.

[122] Решение 3-й Государственной думы // Биржевые ведомости. 1917. 14 августа (веч. вып.).

синского. Трудовик А.А. Булат потребовал отклонить его кандидатуру. Но по итогам голосования выяснилось, что против Алексинского голосовали только 8 трудовиков. Тогда в знак протеста Булат и трудовики покинули заседание[123].

Депутаты I Государственной думы собирались 13 августа дважды — утром и вечером. Было решено выступить на Совещании с декларацией от имени всех членов I Думы. Инициатором принятия декларации I Государственной думы выступил перводумец кадет В.А. Оболенский. Он вспоминал, что на заседании ЦК партии кадетов, проходившем 11—12 августа 1917 г. в Москве, «предложил сделать попытку составления общей декларации от всех перводумцев». Его поддержал В.Д. Набоков и возражал П.Н. Милюков, который, по словам Оболенского, выступал против общей думской декларации, так как она «не соответствовала намечавшейся им политической позиции союза с генералом Корниловым и полного разрыва с правыми социалистическими группами»[124]. Напомним, что П.Н. Милюковым был выработан курс, одобренный заседанием ЦК кадетской партии 11—12 августа, на достижение союза со «здоровыми элементами армии» и «буржуазными элементами», а с «умеренными социалистами идти не можем»[125]. Но, как писал Оболенский, Милюков «так был уверен в неисполнимости нашего плана, что не счел нужным ему препятствовать[126]. — Ну что же, попробуйте, — сказал он, — я заранее знаю, что у вас ничего не выйдет». После получения разрешения от Милюкова и других членов ЦК партии кадетов Оболенский и Набоков отправились в общежитие, в котором проживали перводумцы, приехавшие на Государственное совещание. Оболенский писал, что именно он вместе с Набоковым созвал на совещание всех перводумцев[127]. Думается, что мемуарист

[123] Решение 2-й Г[осударственной] думы // Там же.

[124] *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 539.

[125] *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период первой мировой войны и февральской революции. М., 1988. С. 195—196.

[126] Не исключено, что свое согласие П.Н. Милюков дал по другой причине. Дело в том, что в ходе неофициального собрания кадетов, принимавших участие в Государственном совещании, его позиция относительно разрыва с социалистами была подвергнута резкой критике, и он был вынужден ее уточнить. Выступая на собрании с заключительной речью, Милюков отметил, что «вопрос идет не о разрыве с социалистами, а о разрыве с той политикой, которую ведут теперешние вожди социалистов» (Заседание к[онституционных] д[емократов] / Московское государственное совещание (По телефону от нашего специального корреспондента) // Биржевые ведомости. 1917. 14 августа (веч. вып.)).

[127] *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 539.

несколько преувеличил свой вклад в организацию заседания депутатов I Думы. Во всяком случае председательствовал на нем не он, а князь П.Д. Долгоруков[128]. По словам Оболенского, «на собрании присутствовали члены всех бывших в Думе фракций, кроме польского коло». Оболенский с удовлетворением заметил: «Оказалось, что добиться соглашения было даже легче, чем мы предполагали. За 12 лет, протекших со времени роспуска Первой Думы, левые ее депутаты значительно поправели». По его словам, «все были резко настроены против большевиков, все стояли за продолжение войны в согласии с союзниками и за укрепление власти Временного правительства». Судя по воспоминаниям Оболенского, в момент обсуждения предложения о выступлении I Думы с общей декларацией, т.е. на утреннем заседании 13 августа, прозвучало предложение эстонского депутата Я.Я. Теннисона, которое мемуарист обозначил «неожиданной оппозицией». В чем же состояла эта «оппозиция» «бывшего правого кадета» Теннисона? Как утверждал Оболенский, Теннисон «требовал от нас признания независимости Эстонии и вызвал этим единодушное негодование всех остальных присутствовавших на собрании перводумцев»[129]. Проект декларации было поручено составить В.Д. Набокову.

На вечернем заседании в ходе обсуждения текста декларации выступил Л.Н. Новосильцев, который «протестовал против выражения, что 1-ая Дума не забудет Керенскому, что поднял русскую армию в наступление 18-го июня». «Я ведь знал, — писал Новосильцев, — что, в сущности, наступление не удалось и хвалиться Керенскому нечем — кроме окончательного развала Армии»[130]. Протест Новосильцева участниками группового заседания перводумцев был отклонен, и эти слова были оставлены в декларации[131]. Проект был принят с незначительными поправками. Автору декларации — В.Д. Набокову — поручено было огласить ее на Государственном совещании. Второй оратор — трудовик Н.И. Семенов — должен был «ограничиться несколькими словами»[132].

[128] Совещание членов Государственных дум // Биржевые ведомости. 1917. 14 августа (веч. вып.).

[129] *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 539—540.

[130] *[Новосильцев Л.Н.]* Указ. соч. С. 93.

[131] В.Д. Набоков говорил на Государственном совещании: «<...> мы помним тот великий порыв русской армии <...> и мы знаем, что этот порыв был вдохновляем, в нем принял участие тот человек, который сейчас во главе Временного правительства» (*[Набоков В.Д.]* Речь В.Д. Набокова // Государственное совещание. С. 50).

[132] Совещание членов Государственных дум // Биржевые ведомости. 1917. 14 августа (веч. вып.).

Декларация перводумцев содержала следующие положения, направленные на создание единой, независимой и твердой власти, сильной как в центре, так и на местах: ликвидация всех местных исполнительных комитетов, функции которых возьмут на себя органы местного самоуправления, созданные на основе всеобщего избирательного права; невмешательство общественных организаций (Советы!) «в сферу государственного управления» и отказ от посягательства на права новых органов местного самоуправления; создание ответственной и единой военной власти, под которой понималось уничтожение армейских комитетов, правительственных комиссаров, восстановление в армии дисциплины и власти командиров; непредрешение воли Учредительного собрания в национальном вопросе (сочетание единства России с установлением местных автономий). Отметим, что в декларации подчеркивалась необходимость «передачи земли в руки трудового крестьянства», но разрешение земельного вопроса тоже должно было провести Учредительное собрание. Временные же меры, принимаемые правительством, должны быть направлены на смягчение «обострившихся социальных отношений» и «не должны ни в коем случае санкционировать захваты и беззакония»[133].

14 августа на утреннем заседании Государственного совещания, В.Д. Набоков, отметив несовершенство этого собрания, огласил декларацию I Государственной думы. Окончив чтение декларации, Набоков отметил, что в ней не говорилось «о задачах войны и об условиях мира». Подчеркнув, что «в среде членов первой Государственной думы недопустимо и само предположение о возможности сепаратного мира», он остановился на понятии «почетный мир». Набоков заявил под аплодисменты присутствующих, что этот мир «должен быть результатом победы России и ее союзников»[134]. П.Н. Милюков писал позднее о выступлении Набокова: «Примирительный тон, мягкие слова, спокойная, разумная речь»[135]. Вторым от делегации I Думы выступил Н.И. Семенов, который вновь остановился на земельном вопросе, назвав его «главным российским вопросом». Под аплодисменты и возгласы: «Правильно» он заявил, что без разрешения его «нельзя кончить войну почетным миром». Но решать земельный вопрос надо было «в интересах народа с сохранением его интересов, с сохранением интересов всей страны, всего государства, чтобы интересы частные не проглотили интересов це-

[133] *[Набоков В.Д.]* Указ. соч. С. 48—50.
[134] Там же. С. 50.
[135] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 308.

лого». По словам оратора, «этот вопрос должен быть всесторонне и полно рассмотрен в Учредительном собрании»[136].

Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин в своем выступлении высказал сомнения, во-первых, в том, что Временное правительство обладает полнотой власти; во-вторых, в той политике суровых мер для восстановления дисциплины в армии, в применении административных высылок без суда, которые «свидетельствуют о том, что сила и единство государственной власти, быть может, как бы колеблются». В связи с этим он спрашивал: «Но если это так, то на нас всех, гражданах Российского государства, какая лежит обязанность?». И отвечая на этот вопрос, он призвал оказать коалиционному Временному правительству полное доверие. Но для этого, по словам Головина, оно «должно все силы напрячь на то, чтобы осуществить общенациональную задачу, чтобы быть внепартийным»[137]. Вторым оратором выступал Г.А. Алексинский, который заявил по уполномочию совещания членов II Думы, что «оно признает необходимым создание такой власти, поддержку такой власти, которая в своей деятельности руководилась бы следующими решительными условиями: 1) продолжение войны в единении с нашими союзниками <...> до полного изгнания неприятельских войск из пределов России и союзных стран; 2) организация революционной власти в виде коалиционного правительства национальной обороны, которое включало бы в свой состав как представителей партий и групп буржуазных, так и представителей партий социалистических». Оратор уточнил, что коалиция может быть составлена только из тех партий и групп, которые, стоят на почве, во-первых, «государственного переворота и не желают восстановления старого режима» и, во-вторых, «активной обороны». Говоря о земельном вопросе, Алексинский ни разу не упомянул Учредительного собрания, а связал его решение с победоносным окончанием войны с Германией. Хотя, справедливости ради, заметим, что об Учредительном собрании Алексинский все-таки один раз и в самом конце своей речи упомянул. Но сделал это не в связи с земельным вопросом, а пожелав правительству быть твердым и самостоятельным вплоть до созыва Учредительного собрания[138].

Вслед за выступлением Алексинского, слово было предоставлено председателю III Государственной думы А.И. Гучкову, но его не оказалось в зале Большого театра. Тогда на трибуну был приглашен

---

[136] *[Семенов Н.И.]* Речь Н.И. Семенова // Государственное совещание. С. 51.

[137] *[Головин Ф.А.]* Речь Ф.А. Головина // Там же. С. 53, 54, 55.

[138] *[Алексинский Г.А.]* Речь Г.А. Алексинского // Там же. С. 55, 56, 58.

Ф.И. Родичев как представитель III Думы. Заметим, что он являлся депутатом Государственной думы всех четырех созывов. Но был заявлен как оратор от группы третьедумцев. Подчеркнем, что Родичев ни словом не обмолвился о том, от какой группы думцев он выступает. В своей речи он призвал народ к «национальному единству», выступал за создание единой власти на фронте и в тылу. Резко критиковал то, что еще дореволюционная практика обогащения, присущая буржуазии, распространилась теперь и в пролетарских кругах и предупредил, что с этими призывами к обогащению «страна гибнет». Формально эти слова были направлены против всех «обогащающихся». Правда, их можно было понять и так, что Россия могла выдержать только обогащение буржуазии (sic!). Слова же Родичева — «Нужна жертва во имя свободы»[139] — были обращены, в первую очередь, к пролетарским массам.

«Речь» заметила, что «первые три Думы, которые уже успели высказаться устами Набокова, Семенова, Головина, Алексинского и Родичева, стояли все согласно на позиции поддержки Временного правительства»[140].

Вечернее заседание 14 августа открылось речью А.И. Гучкова. Он начал ее с характеристики положения на фронте, говорил, что «мы воюем еще хуже», чем до революции, «а иногда и совсем не воюем» и заметил, что Россия идет к тому, чтобы проиграть войну. Ничуть не лучше обстояло дело и в тылу: «Народное хозяйство расшатано в конец, непоправимо. <...> Падение производительности народного труда — ужасающее. Продовольственный кризис приобретает уже характер народного бедствия <...> Сельскому хозяйству нанесены тяжкие, подчас непоправимые удары. Расстройство транспорта, особенно железнодорожного, приобретает размеры чудовищ-

[139] *[Родичев Ф.И.]* Речь Ф.И. Родичева // Там же. С. 58—60. Заметим, что на собрании кадетов, принявших участие в Государственном совещании, выступил и Ф.И. Родичев. «Я — заклятый враг социалистов, — заявил он, — но надо различать между честными и нечестными социалистами. Нечестные социалисты — это те, которые своим партийным целям готовы принести и приносят в жертву интересы государства. С такими социалистами коалиция, разумеется недопустима и от них надо решительно отмежеваться. Но есть и такие социалисты, которые готовы пожертвовать партийными и личными целями ради интересов государственных. С ними, скрипя сердцем, приходится идти на соглашение» (Собрание к[онституционных] д[емократов] // Ранее утро. 1917. 15 августа).

[140] Государственное совещание в Москве. Впечатления // Речь. 191. 15 августа.

ной катастрофы <...>. Финансовый крах уже завершился<...>». Гучков говорил и о банкротстве органов самоуправления и о том, что «в общественной атмосфере грозно накапливается <...> озлобленное недовольство». Кто виноват в организации «этого трагического хаоса русской жизни»? По мнению Гучкова, этим виновником является «современная русская государственная власть». И в связи с этим он поставил важнейшую проблему — проблему оздоровления власти. Но прежде чем приступить к оздоровлению власти, необходимо было определить причины болезни. Обвинения были брошены им в адрес революционной демократии, которая «располагая значительной частью вооруженных сил среди солдат и рабочих, <...> являлась носительницей государственной власти». Характеризуя власть революционной демократии он назвал ее постоянной, очень бдительной и очень деспотической опекой «над той официальной властью, которую представляло собой Временное правительство». Гучков, под аплодисменты справа, назвал уродливым положение, «когда вся власть принадлежит безответственным людям, а вся ответственность лежит на людях безвластных». Именно в этом положении и видел оратор первопричину слабости государственной власти и «безнадежности попыток ее оздоровления». Вторая причина слабости официальной власти, по мнению Гучкова, лежала в самой природе революционной демократии. Но раскрыть причину оратор не успел, так как кончилось время, отведенное для его доклада. И, несмотря на одобрительные выкрики справа: «Просим, просим!», Гучков покинул трибуну. Заметим, что в своей речи он изложил личные взгляды. Во всяком случае в его речи нет даже намека на то, какую группу он представлял на Государственном совещании.

От делегации IV Государственной думы выступили 14 августа М.В. Родзянко и В.В. Шульгин[141]. Председатель IV Государствен-

[141] На вечернем заседании 14 августа выступали кадеты — депутат IV Государственной думы В.А. Маклаков и П.Н. Милюков. Но они в соответствии с решением собрания представителей кадетской партии на Государственном совещании, выступали как партийные ораторы (Выступление членов Государственной думы // Вечернее время. 1917 12 августа). Заметим, что Маклаков специально не акцентировал внимание на том, от какой группы он говорит на Государственном совещании (*[Маклаков В.А.]* Речь В.А. Маклакова // Государственное совещание. С. 112—117)). Что касается Милюкова, то он вполне откровенно заявил в начальной части своей речи: «Я выступаю от имени партии демократической <...> от имени партии, которая исповедует демократическую программу и которая двенадцать лет тому назад, при самом своем возникновении, поставила на своем знамени — достижение народной свободы» (*[Милюков П.Н.]* Речь П.Н. Милюкова // Государственное совещание. С. 129).

ной думы Родзянко указал, что свершившаяся революция «должна быть названа всенародной», напомнил, как «дружно, единодушно вся страна примкнула к Государственной думе, возглавившей это движение». Вслед за этим он остановился на истории создания Временного правительства: «<...> власть, возникшая по почину Государственной думы, по соглашению с только что организовавшимся тогда Советом Р. и С.Д., была создана, и, как вышедшая из народного представительства, она стала народной». По словам Родзянко, трагизм новой власти состоял, во-первых, в том, что она «не пошла рука об руку с народным представительством», во-вторых, попала под влияние классовых организаций и «вынуждена была забывать всенародные интересы». Председатель IV Думы видел выход в «подъеме духа» и в «общем единении» «во благо России». Он предупреждал, что «если Государственное совещание этого единения не вынесет, то <...> проклятие грядущих поколений нас заклеймит и опозорит». В заключение своей речи Родзянко хотел «доложить <...> резолюцию, которую выработали члены Государственной думы»[142]. П.Н. Милюков ошибочно предполагал, что Родзянко не успел огласить ее целиком «за истечением срока его речи»[143]. В действительности же, Родзянко не успел даже приступить к зачтению текста декларации, как был прерван словами Керенского: «Ваш срок истек». Бурные аплодисменты и голоса справа: «Просим, просим!», а также политическое значение председателя IV Государственной думы и его Временного комитета, видимо, заставили Керенского отступить от регламента заседания, и он предложил Родзянко огласить резолюцию. Но Родзянко отказался, сославшись на то, что «председатель Государственной думы никогда не позволит воспользоваться нарушением закона»[144].

В.В. Шульгин в своей речи остановился на ошибках, которые были совершены властью в послереволюционные месяцы. Первой из них, по его мнению, стала отмена смертной казни. Вторая ошибка состояла в том, что в условиях войны демократия «стремится управляться через выборные коллективы», а «это, значит, вести себя на верную гибель». Третья ошибка была совершена в вопросах веры и национальности. Он резко критиковал политику правительства по украинскому вопросу: «...хотели крестить Русь в украинство». И в конце своей речи, под звонок председателя, предупреждавшего о

---

[142] *[Родзянко М.В.]* Речь М.В. Родзянко // Государственное совещание. С. 103, 104, 105, 106, 107.

[143] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 299.

[144] *[Родзянко М.В.]* Речь М.В. Родзянко // Государственное совещание. С. 107.

том, что время для выступления оканчивается, успел заявить от лица 25 000 киевлян, что малороссы желают «держать с Москвою крепкий и ненарушимый союз»[145]. Подчеркнем, что Шульгин не огласил декларацию IV Думы. Попытался сделать это представитель группы губернских земств А.Е. Грузинов на утреннем заседании 15 августа 1917 г. Грузинов заявил: «В общей резолюции наша группа присоединяется к той резолюции, которую вынесла четвертая Государственная дума, и так как эта резолюция не была оглашена, то позволю себе ее сейчас огласить». Подчеркнем, что речь Грузинова была прервана председателем: «Ваше слово кончено»[146]. Таким образом, декларация IV Государственной думы так и не была полностью оглашена на Государственном совещании[147]. Позднее А.Е. Грузинов выступил в прессе с заявлением следующего содержания: «Так как я не имел возможности закончить свою речь в Государственном совещании, то считаю своим долгом печатно заявить, что группа представителей губернских земств присоединилась к резолюции 4-й Государственной думы с добавлением, что она считает необходимым ввести нормировку заработной платы и предпринимательской прибыли»[148]. Выступавший следом второй представитель этой группы С.С. Салазкин поспешил уточнить, что Грузинов, присоединяясь к декларации IV Государственной думы, говорил не от всех земств[149].

---

[145] *[Шульгин В.В.]* Речь В.В. Шульгина // Там же. С. 107—111.

[146] *[Грузинов А.Е.]* Речь А.Е. Грузинова // Там же. С. 163—165.

[147] 20 августа 1917 г. на частном совещании членов Государственной думы М.В. Родзянко в связи с тем, что эту декларацию так и не удалось огласить полностью на Государственном совещании, говорил: «<...> резолюция (декларация IV Думы — А.Н.) имеется здесь, сейчас она у члена Государственной думы Милюкова, позвольте ее напечатать теперь в газетах, во всех, где только можно, напечатать с объяснением причин, почему это делается и почему она не была оглашена своевременно в Государственном совещании. Можно этот вопрос считать решенным? Возражений против этого нет? (*Голоса:* «Просим!»)» (Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. С. 273). Заметим, что ни тогда, т.е. в августе 1917 года, ни в стенографическом отчете Государственного совещания, изданном в 1930 году, декларация IV Государственной думы полностью так и не была опубликована. В частности, в стенографическом отчете она дана по сокращенному тексту, напечатанному в «Русских ведомостях» (См.: Государственное совещание. С. 163—165).

[148] *Грузинов [А.Е.].* Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1917. 17 августа.

[149] *[Салазкин С.С.]* Речь С.С. Салазкина // Государственное совещание. С. 165.

Таким образом, среди думцев не было единства — они не смогли выступить на совещании с объединенной декларацией. Расхождения между Думами были в вопросе о земле и в вопросе об армии. Думы I и II созывов заявляли о желательности наделения крестьян землей, в противовес им Думы III и IV созывов обошли этот вопрос молчанием. Что касается вопроса о поднятии боеспособности армии, то I, III и IV Дума в своих декларациях и речах ораторов выступили против власти комиссаров и комитетов и за восстановление дисциплинарной власти командного состава. Втородумцы не стали останавливаться на этом вопросе. И, все-таки, было и общее, что объединяло думские речи и декларации — поддержка Временного правительства, правда, с теми или иными условиями.

Заметим, что декларация IV Думы была выдвинута в качестве общенародной программы для объединения всех «живых сил» страны и их представителей на Государственном совещании. Однако объединения всех правых сил совещания на этой платформе не произошло. К декларации присоединились III Дума, торгово-промышленная группа[150] (123 человека[151]), полностью представители 16 губернских земств и 13 земств частично (по одному или по два человека) (70 земцев). По свидетельству М.В. Родзянко, к ней также присоединились представители Земского союза[152] в количестве 11 человек[153], т.е. блок «живых сил», руководимый IV Думой, смог объединить около 300 членов Государственного совещания. Подчеркнем, что в демократический блок, созданный на основе декларации, зачитанной Н.С. Чхеидзе 14 августа, вошло 1240 человек из около 2600 членов Государственного совещания.

---

[150] *[Кутлер Н.Н.]* Речь Н.Н. Кутлера // Там же. С. 256.

[151] Подсчитано по: К списку участников Государственного совещания // Там же. С. 308—309.

[152] Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. С. 273.

[153] Подсчитано по: Список участников Государственного совещания / / Государственное совещание. С. 328.

Список депутатов I—IV Государственной думы, принявших участие в Государственном совещании[154]

1. Аджемов М.С., депутат II, III и IV ГД[155].
2. Аладьин А.Ф., депутат I ГД[156].
3. Александров А.М., депутат IV ГД[157].
4. Алексинский Г.А., депутат II ГД[158].
5. Анреп В.К., депутат III ГД[159].
6. Антонов Н.И., депутат III и IV ГД[160].
7. Балашев П.Н., депутат III и IV ГД[161].
8. Белогуров Н.А., депутат III и IV ГД[162].
9. Богданов Н.Н., депутат II ГД, Таврический губернский комиссар, присутствовал на ГС «в качестве бывшего члена второй Государственной думы»[163].

---

[154] Официальный список думской делегации не был опубликован в приложении к стенографическому отчету Государственного совещания. Известно лишь, что он включал 488 человек. Видимо, в него не были включены депутаты Государственной думы разных созывов, избранные на Государственное совещание от различных организаций, а также члены Временного правительства. В данном списке на основе преимущественно материалов периодической печати приведены сведения о 118 депутатах Государственной думы разных созывов, представлявших ее на Государственном совещании. В список включены и те депутаты, которые одновременно представляли и другие организации, принимая участие в деятельности думской делегации.

[155] Собрание к[онституционных] д[емократов] / Второй день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 15 августа.

[156] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[157] У входа в Большой театр/ Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа; Собрание к[онституционных] д[емократов] / Второй день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 15 августа.

[158] Государственное совещание. С. 55 — 58.

[159] Предварительное совещание (По телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

[160] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. Л. 18.

[161] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[162] Решение членов Г[осударственной] думы / Перед совещанием // Биржевые ведомости. 1917. 13 августа (утр. вып.).

[163] Губернское чрезвычайное земское собрание (заседание 25 августа) // Крымский вестник. 1917. 27 августа (Севастополь).

10. Брамсон Л.М., депутат I ГД[164].
11. Булат А.А., депутат II и III ГД[165].
12. Буслов Ф.Е., депутат I ГД[166].
13. Велихов Л.А., депутат IV ГД[167].
14. Винберг В.К., депутат IV ГД[168].
15. Вишневский И.И., депутат I ГД[169].
16. Волков Н.К., депутат III и IV ГД[170].
17. Волков С.И., депутат II ГД[171].
18. Воронков М.С., депутат II — IV ГД[172].
19. Воронцов-Вельяминов М.П., депутат IV ГД[173].
20. Гепецкий Н.Е., депутат III и IV ГД[174].
21. Герасимов П.В., депутат III и IV ГД[175].
22. Головин Ф.А., депутат II и III ГД[176].
23. Горватт С.А., депутат I ГД[177].
24. Грабский В.Ф., депутат I, II и III ГД[178].

---

[164] У входа в Большой театр // Раннее утро. 1917. 13 августа; Народные социалисты // Рязанская жизнь. 1917. 20 августа.

[165] У трудовиков и народных социалистов / Второй день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 15 августа; Народные социалисты // Рязанская жизнь. 1917. 20 августа.

[166] ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 4. Л. 96.

[167] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[168] Там же.

[169] Представительство поляков на Московском совещании // Киевская мысль. 1917. 10 августа (утр. вып.).

[170] Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа

[171] Приезд участников совещания // Московский листок. 1917. 12 августа.

[172] Депутат М.С. Воронков о казачестве // Утро России. 1917. 18 августа.

[173] К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

[174] *Николаев А.Б.* Гепецкий Николай Емельянович // Государственная дума Российской империи. С. 125.

[175] Партия народной свободы // Поволжский вестник. 1917. 15 августа (Кострома).

[176] Государственное совещание. С. 53—55.

[177] Представительство поляков на Московском совещании // Киевская мысль. 1917. 10 августа (утр. вып.).

[178] ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 4. Л. 96.

25. Грудинский П.Ф., депутат II ГД[179].
26. Гума В.И., депутат I ГД[180].
27. Демидов И.П., депутат IV ГД[181].
28. Дитц Я.Е., депутат I ГД[182].
29. Дмитрюков И.И., депутат III и IV ГД[183].
30. Долгополов Н.С., депутат II ГД[184].
31. Долгоруков Павел Д., депутат II ГД[185].
32. Долгоруков Петр Д., депутат I ГД[186].
33. Долженков В.И., депутат I и II ГД[187].
34. Евлогий, епископ, депутат II и III ГД, прибыл на ГС 13 августа 1917 года[188].
35. Емельянов Н.И., депутат II ГД, гласный Севастопольской городской думы[189].
36. Ермолаев М.К., депутат III ГД, солдат Витебского гарнизона[190].
37. Ефремов Л.А., депутат II ГД[191].
38. Захарьев Н.А., депутат III ГД[192].

---

[179] К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

[180] ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 4. Л. 96.

[181] *Николаев А.Б.* Демидов Игорь Платонович // Государственная дума Российской империи. С. 158.

[182] *Борисов В.* Камышин в 1917 году [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://kamyshin.34rus.ru/istoriya/Kamyshin-1917-godu.php

[183] Выдача входных билетов на совещание / Накануне совещания // Биржевые ведомости. 1917. 12 августа (утр. вып.).

[184] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 70. Л. 8.

[185] *Долгоруков П.* Великая разруха. Воспоминания основателя партии кадетов. 1916—1920. М., 2007. С. 35—37.

[186] *[Долгоруков Петр Д.]* Князь Павел Дмитриевич Долгоруков (Биографический очерк, написанный его братом Петром Дмитриевичем Долгоруковым) // *Долгоруков П.* Указ. соч. С. 288.

[187] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[188] Число и состав делегатов // Речь. 1917. 15 августа.

[189] Севастополь, 17 августа // Революционный Севастополь. 1917. 17 августа.

[190] Поездка М.К. Ермолаева на Государственном совещании // Витебский листок. 1917. 9 августа.

[191] Четыре Гос[ударственные] думы / Московское совещание (по телефону от наших корреспондентов) // Новое время. 1917. 15 августа.

[192] ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

39. Зиатханов М.Х., депутат I ГД, избран на ГС Бакинским мусульманским комитетом[193].
40. Казанский К.И., депутат III и IV ГД[194].
41. Капнист Д.П., депутат IV ГД[195].
42. Караулов М.А., депутат II и IV ГД[196].
43. Кейнис Ф.О., депутат III и IV ГД[197].
44. Клюжев И.С., депутат III и IV ГД[198].
45. Ковалевский Е.П., депутат III и IV ГД[199].
46. Комиссаров М.Г., депутат I ГД[200].
47. Коновалов А.И., депутат IV ГД[201].
48. Кочубей В.В., депутат IV ГД[202].
49. Крамарев А.П., депутат IV ГД[203].
50. Куракин Н.И. II ГД[204].
51. Леонов Д.А., депутат III ГД[205].
52. Лихачев А.Н., депутат III и IV ГД[206].
53. Локоть Т.В., депутат I ГД[207].

---

[193] Мусульманская жизнь // Каспий. 1917. 9 августа (Баку).

[194] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[195] Совет старейшин четырех Дум // Время. 1917. 12 августа.

[196] Беседа с Карауловым // Раннее утро. 1917. 12 августа; Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[197] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[198] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. ЛЛ. 15—16.

[199] Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. С. 267. В думской энциклопедии об участии Е.П. Ковалевского в Государственном совещании не сообщается (См.: *Николаев А.Б.* Ковалевский Евграф Петрович // Государственная дума Российской империи. С. 256).

[200] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа

[201] *Петров Ю.А.* Коновалов Александр Иванович // Государственная дума Российской империи. С. 282.

[202] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. ЛЛ. 19—20.

[203] Хроника // Ржевское единство. 1917. 11 августа (Ржев).

[204] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. ЛЛ. 6—7.

[205] Там же. Л. 21.

[206] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[207] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

54. Ломшаков А.С., депутат I ГД[208].
55. Львов Н.Н., депутат III и IV ГД[209].
56. Маклаков В.А., депутат II — IV ГД[210].
57. Мансырев С.П., депутат IV ГД[211].
58. Маньков И.Н., депутат IV ГД[212].
59. Марков Н.Л., депутат III и IV ГД[213].
60. Масленников А.М., депутат III и IV ГД[214].
61. Массониус П.П., депутат I ГД[215].
62. Мейендорф А.Ф., депутат III и IV ГД, отказался от звания депутата IV ГД в связи с назначением его 1 мая 1917 г. сенатором[216].
63. Микешин В.Н., депутат I ГД, председатель Симбирской губернской земской управы, в ГС принимал участие как перводумец[217].
64. Милюков П.Н., депутат III и IV ГД[218].
65. Михайличенко М.И., депутат I ГД[219].
66. Набоков В.Д., депутат I ГД[220].

---

[208] ГАРФ. Ф. 3529. Оп.1. Д. 6. Л. 13.

[209] Там же. Д. 4. Л. 96.

[210] Государственное совещание. С. 112—117.

[211] Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа.

[212] Там же.

[213] Приезд участников совещания // Московский листок. 1917. 12 августа; Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа.

[214] Совещание членов Государственной думы // Раннее утро. 1917. 13 августа. В думской энциклопедии об участии А.М. Масленникова в Государственном совещании не сообщается (См.: *Николаев А.Б.* Масленников Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи. С. 361).

[215] Представители Минска на Всероссийском совещании в Москве // Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 6 августа; К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

[216] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа; Предварительное совещание (По телефону от нашего специального корреспондента) // Речь. 1917. 15 августа.

[217] Из губернского земства // Симбирская народная газета. 1917. 13 августа.

[218] Государственное совещание. С. 128—134.

[219] *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 540. В думской энциклопедии не указано, что М.И. Михайличенко принимал участие в Государственном совещании (См.: Михайличенко Митрофан Иванович // Государственная дума Российской империи. С. 379).

[220] Государственное совещание. С. 46—53.

67. Николаев Н.Н., депутат IV ГД[221].
68. Новгородцев П.И., депутат I ГД[222].
69. Новосильцев Л.Н., депутат I, IV ГД[223].
70. Оболенский В.А., депутат I ГД[224].
71. Огородников Н.А., депутат I ГД[225].
72. Окунев В.Т., депутат I ГД[226].
73. Онипко Ф.М., депутат I ГД[227].
74. Орлов-Давыдов А.А., депутат IV ГД[228].
75. Остафьев А.А., депутат I ГД, Нижегородский уездный комиссар[229].
76. Панкеев Н.М., депутат III и IV ГД[230].
77. Папа-Афанасопуло И.А., депутат IV ГД[231].
78. Половцов Л.В., депутат III и IV ГД[232].
79. Понятовский Щ.А., депутат I ГД[233].
80. Пуришкевич В.М., депутат II — IV ГД[234].

---

[221] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. ЛЛ. 27—28.

[222] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[223] *Ляшенко Г.К.* Новосильцев Леонид Николаевич // Государственная дума Российской империи. С. 419

[224] *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 539—540.

[225] Партия народной свободы // Поволжский вестник. 1917. 15 августа (Кострома).

[226] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[227] У входа в Большой театр/ Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[228] Приехавшие // Вечернее время. 1917. 12 августа; Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа.

[229] Отъезд / В Нижнем Новгороде // Волгарь. 1917. 11 августа (Н.-Новгород); РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1385. Л. 18.

[230] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[231] К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

[232] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[233] Представители Волынского губернского земства на Государственном совещании // Волынская речь. 1917. 9 августа (Житомир).

[234] Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа; В зале совещания // Раннее утро. 1917. 13 августа.

81. Ратьков-Рожнов А.Г., депутат IV ГД[235].
82. Ременчик Д.Я., депутат II ГД[236].
83. Ржехин Ф.И., депутат II ГД[237].
84. Родзянко М.В., депутат III и IV ГД, председатель ВКГД[238].
85. Родичев Ф.И., депутат I — IV ГД[239].
86. Розанов Н.С., депутат III ГД, председатель Царицынского временного исполнительного комитета[240].
87. Савич Н.В., депутат III и IV ГД[241].
88. Салазкин А.С., депутат II и IV ГД, комиссар по делам Нижегородской ярмарки[242].
89. Сафонов П.А., депутат IV ГД[243].
90. Седельников Т.И., депутат I ГД, член Оренбургской войсковой управы[244].
91. Селинов Л.И., депутат II ГД, директор Орловского коммерческого училища[245].
92. Семенов Н.И., депутат I ГД[246].
93. Скирмунт Р.А., депутат I ГД[247].

[235] Съезд участников совещания // Время. 1917. 12 августа.

[236] К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа. В думской энциклопедии об участии Д.Я. Ременчика в Государственном совещании не сообщается (См.: Ременчик Даниил Яковлевич // Государственная дума Российской империи. С. 521).

[237] К Государственному совещанию в Москве / Хроника // Саратовский вестник. 1917. 8 августа.

[238] Государственное совещание. С. 102—107.

[239] Там же. С. 58—60.

[240] Отъезд доктора Н.С. Розанова // Рабочая мысль. 1917. 9 августа (Царицын).

[241] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[242] Отъезд / Нижний Новгород // Волгарь. 1917. 11 августа (Н.-Новгород).

[243] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[244] Седельников Тимофей Иванович // Государственная дума Российской империи. С. 552.

[245] К Московскому совещанию / Орловские вести // Голос народа. 1917. 9 августа (Орел).

[246] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа; Доклады о Государственном совещании // Саратовский вестник. 1917. 19 августа.

[247] Представители Минска на Всероссийском совещании в Москве // Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 6 августа; К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

94. Струве П.Б., депутат II ГД, на ГС принимал участие и в работе Академической группы[248].

95. Теннисон (Тыниссон) Ян Янович, депутат I ГД[249].

96. Тихвинский Ф.В., депутат II ГД[250].

97. Токарский А.А., депутат I ГД[251].

98. Толстой А.П., депутат III ГД[252].

99. Уразов Д.В., депутат II ГД[253].

100. Успенский В.П., депутат II ГД[254].

101. Фотинский А.П., депутат IV ГД[255].

102. Френкель З.Г., депутат I ГД[256].

103. Фридман Н.М., депутат III и IV ГД[257].

104. Хан-Хойский Ф.И., депутат II ГД, избран на ГС от Бакинского мусульманского комитета[258].

105. Ханенко В.А., депутат IV ГД, был среди думцев, встречавших генерала Л.Г. Корнилова, прибывшего на Государственное совещание[259].

[248] Съезд участников совещания // Время. 1917. 12 августа.

[249] *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 540. В думской энциклопедии не указано, что Я.Я. Теннисон принимал участие в Государственном совещании (см.: Теннисон (Тыниссон) Ян Янович // Государственная дума Российской империи. С. 608).

[250] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[251] Отъезд / Хроника // Саратовский листок. 1917. 11 августа; Среди приехавших делегатов // Раннее утро. 1917. 12 августа.

[252] У входа в Большой театр / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[253]Московское совещание // Старобельская жизнь. 1917. 20 августа.

[254] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[255] К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

[256] Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа.

[257] Приезд участников совещания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[258] Мусульманская жизнь // Каспий. 1917. 9 августа (Баку). В думской энциклопедии об участии Хан-Хойского в Государственном совещании не сообщается (См.: *Усманова Д.М.* Хан-Хойский (Хойский) Фатали-хан Искандер-оглы // Государственная дума Российской империи. С. 654).

[259] Пребывание в Москве ген[ерала] Л.Г. Корнилова // Русское слово. 1917. 15 августа. В думской энциклопедии об участии В.А. Ханенко в Государственном совещании не сообщается (См.: *Николаев А.Б.* Ханенко Василий Александрович // Государственная дума Российской империи. С. 654).

106. Хартахай А.П., депутат I ГД[260].
107. Хвощинский В.В., депутат III ГД[261].
108. Хомяков Н.А., депутат II — IV ГД[262].
109. Шельгорн Г.Х., депутат I ГД[263].
110. Шефтель М.И., депутат I ГД[264].
111. Шидловский С.И., депутат III и IV ГД[265].
112. Шиманский И.А., депутат II ГД[266].
113. Шингарев А.И., депутат II — IV ГД[267].
114. Шульгин В.В., депутат II — IV ГД[268].
115. Щепкин Н.Н., депутат III и IV ГД[269].
116. Щербина Ф.А., депутат II ГД[270].
117. Энгельгардт Б.А., депутат IV ГД[271].
118. Янчевский В.О., депутат I ГД[272].

---

[260] Отъезд А.П. Хартахая / Хроника // Ростовская речь. 1917. 11 августа (Ростов-на-Дону).

[261] Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа.

[262] В зале заседания / Государственное совещание // Русское слово. 1917. 13 августа.

[263] Отъезд / Хроника // Саратовский листок. 1917. 11 августа.

[264] На вокзалах / Накануне совещания // Раннее утро. 1917. 12 августа; Приезд участников совещания / Общегосударственное совещание в Москве // Русское слово. 1917. 12 августа.

[265] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа; См. также: *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. С. 135—140.

[266] Хроника минского дня // Минский голос. 1917. 9 августа.

[267] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[268] Государственное совещание. С. 107—111.

[269] В зале совещания / Первый день / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 13 августа.

[270] Щербина Федор Андреевич // Государственная дума Российской империи. С. 713.

[271] *Энгельгардт Б.* Контрреволюция собирает силы / Потонувший мир // Военно-исторический журнал. 1964. № 5. Май. С. 73—74. В думской энциклопедии об участии Б.А. Энгельгардта в Государственном совещании не сообщается (См.: *Николаев А.Б.* Энгельгардт Борис Александрович // Государственная дума Российской империи. С. 716).

[272] Представители Минска на Всероссийском совещании в Москве // Вестник Минского губернского комиссариата. 1917. 6 августа; К Московскому совещанию / Минск // Минская газета. 1917. 9 августа.

Депутаты Государственной думы всех четырех созывов в составе представительств от различных организаций на Государственном совещании

1. Араканцев М.П., депутат I и II ГД, избран на ГС как представитель Области войска Донского[273].

2. Ахтямов И.А., депутат IV ГД, на ГС входил в группу представителей городских самоуправлений[274].

3. Байдак Н.Д., депутат I ГД, на ГС представлял Совет частных железных дорог[275].

4. Бубликов А.А., депутат IV ГД, выступил на вечернем заседании 15 августа 1917 г. от меньшинства торгово-промышленной группы, которое считало необходимым «пойти на компромиссное соглашение с группами, стоящими левее ее»[276].

5. Булгаков С.Н., депутат II ГД, на ГС входил в группу представителей религиозных обществ[277].

6. Бурмейстер А.В., депутат II ГД, член Витебской губернской земской управы[278].

7. Гаврильчик А.А., депутат II ГД, член Борисовской земской управы, губернский земский гласный, на ГС избран от Минского губернского земства[279].

---

[273] Малый войсковой круг / Новочеркасск // Ростовская речь. 1917. 9 августа; Государственное совещание. С. 329.

[274] Государственное совещание. С. 313.

[275] Там же. С. 323. В думской энциклопедии не указано, что Н.Д. Байдак участвовал в Государственном совещании (см.: Байдак Николай Дмитриевич // Государственная дума Российской империи. С. 32—33).

[276] Государственное совещание. С. 267—269; После закрытия Совещания / Москва, 16 августа 12 час. дня // Биржевые ведомости. 1917. 16 августа (веч. вып.).

[277] Государственное совещание. С. 327. В думской энциклопедии об участии С.Н. Булгакова в Государственном совещании не сообщается (см.: *Аронов Д.В.* Булгаков Сергей Николаевич // Государственная дума Российской империи. С. 71—72).

[278] Поездка А.В. Бурмейстера / Земская жизнь / Витебск // Витебский листок. 1917. 9 августа. В думской энциклопедии об участии А.В. Бурмейстера в Государственном совещании не сообщается (см.: Бурмейстер Андрей Владимирович // Государственная дума Российской империи. С. 73).

[279] К Московскому совещанию // Минский голос. 1917. 10 августа. В думской энциклопедии об участии А.А. Гаврильчика в Государственном совещании не сообщается (см.: Гаврильчик Александр Алексеевич // Государственная дума Российской империи. С. 118).

8. Гольдман Я.Ю., депутат IV ГД, на ГС входил в группу представителей национальных групп от латышей[280].

9. Гучков А.И., депутат III ГД, на ГС представлял ЦВПК[281].

10. Жордания Н.Н., депутат I ГД, представитель Тифлисского совета рабочих депутатов[282].

11. Залит И.П., депутат IV ГД, выступил на утреннем заседании 15 августа как представитель латышской национальной группы[283].

12. Кареев Н.И., депутат I ГД, на ГС представлял Академический союз[284].

13. Килевейн Г.Р., депутат III ГД, нижегородский губернский комиссар Временного правительства[285].

14. Кузьмин-Караваев В.Д., депутат I и II ГД, сенатор[286].

15. Кутлер Н.Н., депутат II и III ГД, на ГС выступил как представитель торгово-промышленной группы[287].

16. Лаптев И.П., депутат I и II ГД, член Государственного совета с 16.9.15, на ГС представлял Петроградский совет биржевой торговли[288].

17. Львов Г.Е., кн., депутат I ГД, на ГС представлял Земгор[289].

18. Платон, архиепископ, депутат II ГД, на ГС представлял православное духовенство[290].

19. Смирнов А.В., депутат IV ГД, представлял на ГС Св. Синод[291].

---

[280] Государственное совещание. С. 327.

[281] Там же. С. 99—102, 328.

[282] *Розенталь И.С.* Жордания Ной Николаевич // Государственная дума Российской империи. С. 193. Заметим, что Н.Н. Жордания в своих воспоминаниях об участии в Государственном совещании ничего не писал (см.: *Жордания Н.* Моя жизнь / Перевод с груз. И. Жордания. Стэнфорд, 1968. С. 77—78).

[283] Государственное совещание. С. 188, 327.

[284] *Кареев Н.И.* Указ. соч. С. 265.

[285] Отъезд / В Нижнем Новгороде // Волгарь. 1917. 11 августа (Н.-Новгород); Среди приехавших делегатов // Раннее утро. 1917. 12 августа; Приезды / В Нижнем Новгороде // Волгарь. 1917. 18 августа (Н.-Новгород).

[286] В Большом театре / Первый день / Государственное совещание // Война и мир. 1917. 13 августа.

[287] Государственное совещание. С. 256—259, 322.

[288] Делегаты промышленников // Раннее утро. 1917. 10 августа; Государственное совещание. С. 323.

[289] Государственное совещание. С. 328.

[290] Там же. С. 327.

[291] Участие членов Св. Синода // Раннее утро. 1917. 10 августа.

20. Струве П.Б., депутат II ГД, на ГС принимал участие в работе Академической группы[292].

21. Тесленко Н.В., депутат II и III ГД, участвовал в ГС как представитель Совета присяжных (Москва)[293].

22. Титов И.В., депутат III и IV ГД, избран представителем на ГС от Совета съездов деятелей по средней и мелкой промышленности[294].

23. Топчибашев А.М., депутат I ГД, председатель Бакинского комитета общественных организаций, принял участие в ГС как представитель мусульманских организаций, выступил на утреннем заседании 15 августа 1917 года[295].

24. Филоненко Ф.Д., депутат IV ГД, представлял на ГС Св. Синод[296].

25. Харламов В.А., депутат I—IV ГД, избран на ГС представителем от Области войска Донского[297].

26. Церетели И.Г., депутат II ГД, на ГС входил в делегацию ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов[298].

27. Челноков М.В., депутат II — IV ГД, на ГС входил в группу представителей городских самоуправлений[299].

28. Чхеидзе Н.С., депутат III и IV ГД, на ГС входил в делегацию ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов[300].

29. Чхенкели А.И., депутат IV ГД, на ГС входил в группу представителей национальных групп от грузин[301].

30. Янушкевич Н.О., депутат IV ГД, на ГС входил в группу представителей национальных групп от литовцев[302].

---

[292] Академическая группа // Ранее утро. 1917. 12 августа.

[293] Государственное совещание. С. 326; Тесленко Николай Васильевич // Государственная дума Российской империи. С. 609.

[294] К московскому совещанию // Власть народа. 1917. 18 июля; Московское совещание // Утро России. 1917. 18 июля.

[295] Мусульманская жизнь // Каспий. 1917. 9 августа (Баку); Государственное совещание. С. 185 — 188, 328.

[296] Участие членов Св. Синода // Раннее утро. 1917. 10 августа.

[297] О Московском совещании / Войсковой круг / Новочеркасск (От собственного корреспондента) / В крае // Ростовская речь. 1917. 10 августа (Ростов-на-Дону).

[298] Государственное совещание. С. 118—128, 311.

[299] Там же. С. 314.

[300] Там же. С. 77—86, 311.

[301] Там же. С. 177—179, 328.

[302] Там же. С. 328.

Депутаты Государственной думы всех четырех созывов в составе правительственной делегации на Государственном совещании[303]

1. Демьянов А.А., депутат II ГД, товарищ министра юстиции[304].
2. Керенский А.Ф., депутат IV ГД, министр-председатель, военный и морской министр[305].
3. Кокошкин Ф.Ф., депутат I ГД, государственный контролер[306].
4. Некрасов Н.В., депутат III и IV ГД, заместитель министра-председателя Временного правительства и министр финансов[307].
5. Скобелев М.И., депутат IV ГД, министр труда, прибыл из Баку в Москву на Государственное совещание 13 августа 1917 г., а выехал в Петроград еще до его окончания[308].

[303] Персональный состав депутатов Государственной думы всех четырех созывов в составе правительственной делегации реконструирован по опубликованному стенографическому отчету Государственного совещания и материалам периодической печати. Обратим внимание, что среди членов правительственной делегации не указан министр государственного призрения И.Н. Ефремов. Но в думской энциклопедии упоминается, что он принимал участие в Государственном совещании (см.: *Хайлова Н.Б.* Ефремов Иван Николаевич // Государственная дума Российской империи. С. 189). В действительности же И.Н. Ефремов все дни работы Государственного совещания оставался в Петрограде. Решение о том, что И.Н. Ефремов не поедет в Москву на Государственное совещание, принято на заседании Временного правительства еще 7 августа. Накануне совещания оно было подтверждено (Московское Государственное совещание // Биржевые ведомости. 1917. 8 августа (утр. вып.); Остающиеся в Петрограде министры / Заседание Временного правительства / Всероссийское Государственное совещание // Раннее утро. 1917. 12 августа).

[304] На вокзалах / Накануне совещания // Ранее утро. 1917. 12 августа; В Большом театре / Первый день / Государственное совещание // Война и мир. 1917. 13 августа; Народные социалисты // Рязанская жизнь. 1917. 20 августа.

[305] Государственное совещание. С. 3, 16, 43 и др.

[306] ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; В Большом театре / Первый день / Государственное совещание // Война и мир. 1917. 13 августа; *Неманов Л.* Впечатления / Московское Государственное совещание // Биржевые ведомости. 1917. 13 августа (утр. вып.).

[307] Государственное совещание. С. 33—43.

[308] Временное правительство в Москве // Биржевые ведомости. 1917. 16 августа (утр. вып.); Беседа с М.И. Скобелевым // Там же.

6. Хрущов А.Г., депутат I ГД, товарищ министра финансов с 30 мая 1917 года[309].

7. Юренев П.П., депутат II ГД, министр путей сообщения, прибыл на Государственное совещание 13 августа 1917 года[310].

[309] На вокзалах / Накануне совещания // Ранее утро. 1917. 12 августа; В Большом театре / Первый день / Государственное совещание // Война и мир. 1917. 13 августа.

[310] ГАРФ. Ф. 3529. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Число и состав делегатов // Речь. 1917. 15 августа.

Думская биографика

Т.Д. ИСМАГУЛОВА

Жизнеописание «фарфорового» барона: депутат Государственной думы Николай Борисович фон Вольф (1866—1940)

Александр Николаевич Бенуа рассказал в своих дневниках марта 1917 года о телефонных звонках: «Отовсюду расспросы, что мы затеваем, а то и советы, предложения услуг (между прочим — от «фарфорового» барона Вольфа и от барона Дризена)[1]. А его брат, архитектор и художник Леонтий Николаевич Бенуа, был членом партии октябристов, которую депутат барон Вольф представлял в Государственной думе.

Барон Николай Борисович фон Вольф (Wolff) известен многим и в то же время никому не известен. Отчасти в этом виновен он сам. Дело в том, что его огромная, чрезвычайно информативная книга «Императорский фарфоровый завод 1744—1904» издана как бы без автора. Его имя спрятано так, что нужно быть чрезвычайно внимательным и настойчивым читателем, чтобы обнаружить: автор вступительной статьи барон Вольф еще и редактор, и составитель, хотя в подготовке материалов отдельных глав ему, вероятно, помогали. В результате в библиографии энциклопедических статей, посвященных барону Николаю Борисовичу фон Вольфу, эта книга не упомянута вообще[2].

[1] См.: *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916—1917—1918. М., 2003. С. 164. Комментаторы не опознали в нем директора фарфоровых и стеклянных заводов Николая Борисовича фон Вольфа, и в указателе значится: Вольф — «фарфоровый» барон (Там же. С. 648).

[2] Возможна, правда, ошибка, и обозначенная в библиографии Г. Ипполитовой книга Вольфа «Императорский паровозный завод» (1906) на самом деле означает «Императорский фарфоровый завод» (*Ипполитова Г.* Вольф Николай Борисович // Немцы России. М., 1999. Т. 1. С. 402). Вслед за ней эта ошибка перекочевала и в другие биографические статьи.

Род баронов Вольфов появился в России в начале XVIII века. Дворянский род произошел от старинного бюргерского рода из Нижней Саксонии, точнее «герцогства Силезии»[3], где в бумагах 1400 года был назван «бургомистр и купец Никель Вольф»[4]. Его потомок, также купец, Сигизмунд-Адам Вольф (1646—1720), спасаясь от религиозной войны, переселился из Германии в Нарву, где около 1668 года был избран бургомистром. Основателем российской ветви дворянского рода фон Вольф стал его сын, также Сигизмунд-Адам Вольф (24 февраля 1675—1752), фогт городского суда, юрист и нотариус. После сдачи Нарвы в 1704 году по приглашению Александра Даниловича Меньшикова он стал его доверенным лицом в Петербурге, а через 4 года как гофмейстер учил его детей. В те же годы он начал служить самому императору Петру как «тайный секретарь» и с 1721 г. вице-президент «юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел»[5]. После смерти Петра получил от императрицы Екатерины[6] имения в Лифляндии и Эстляндии. В 1747 году император Священной Римской империи Франц I даровал ему баронское достоинство «со всеми законными потомками обоего пола по нисходящей линии»[7]. В том же году был назначен британским генеральным консулом и получил герб[8]. Женат он был дважды. Первая супруга

[3] В грамоте на баронское достоинство, данной Вольфам императором Римской Империи Францем I, говорилось, что род происходил «из герцогства Силезии» (перевод 1855 года) (см.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1741. Л. 60 об.).

[4] *Адеркас О.* Вольфы (Wolff) фон, дворянский род // Немцы в Петербурге. СПб., 1999. С. 403.

[5] *[Долгоруков П.]* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1856. Ч. 3. С. 319.

[6] Редкий случай ошибки в самом документе: в переводе грамоты значится «награжден был ... Петром I и императрицей Екатериной II (нужно Екатериной I — *Т.И.*), в герцогстве Лифляндском поместьями Лустинфером, Каллекулем, Куристою, Таппиком...» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1741. Л. 60 об.).

[7] РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1741. Л. 61.

[8] Герб баронов Вольфов: «Щит разделен на 4 части, крестообразно, двумя диагональными, перекрестными линиями; в верхней части, в золотом поле, орел с дворянскою короною на голове; в нижней части, в золотом же поле, черный треугольник; в правой части, в серебряном поле, обнаженная рука держит пальмовую ветвь; в левой части, в голубом поле, выходит слева, из облака, рука в латах, держащая серебряный меч. Посреди герба зеленый щиток, разделенный горизонтально на две неравные части; в верхней, меньшей части, три серебряные лилии; в нижней, большей части, идущий вправо серый волк. На гербе баронская корона, и на

Елена (Гелена) фон Нуммерс[9], вторая — Анна-Луиза фон Гриневальд. От последней имел сыновей, старший из которых, третий Сигизмунд-Адам Вольф (26 сентября 1702—1766) — президент лифляндского гофгерихта с 1755 года. Его жена, Екатерина-Христина фон Рихтер подарила ему двух сыновей: Оттона-Сигизмунда, родившегося 13 августа 1743 года, и Иоганна Готлиба, который был моложе брата на 13 лет и появился на свет 18 марта 1756 года. Младший брат женился на Марии-Клеменции (или Клементине) фон Фаллоа, с которой они произвели на свет семь сыновей, старший из которых был четвертый Сигизмунд-Адам Вольф (27 мая 1779-18?), а четвертым — интересующий нас Карл-Эдуард (родился 17 января 1788 года).

К сожалению, до сих пор не удалось обнаружить документы, точно прочерчивающие этот фрагмент родового древа, но вычисляется все достаточно просто. Имя «Эдуард» появляется впервые в этой ветви, и «5 октября 1850 года»[10] на свет появился барон Борис (Бурхард) Эдуардович фон Вольф (1850—1917)[11], внук или правнук Карла-Эдуарда[12]. Родился скорее всего в Лифляндии, поскольку окончил Рижскую гимназию, а затем Дерптский (Тартусский) университет и «по представлении аттестата наук Императорского Дерптского университета» поступил на службу, где 23 апреля 1881 года получил чин титулярного советника. Тем не менее дальнейшая карьера его была успешной, барон удостоился чина действительного статского советника и придворной должности гофмейстера Императорского двора. Отмечали его «активную роль в общественной жизни Санкт-Петербурга», организацию госпиталей и детских приютов в столице и Пав-

---

ней два шлема с дворянскими коронами. На правом шлеме два орлиные крыла, и между ними серебряная лилия; на левом шлеме орел в дворянской короне. Намет справа зеленый, подложенный серебром; слева черный, подложенный золотом. Щит держат два льва с красными высунутыми языками и с поднятыми хвостами» (*[Долгоруков П.]* Указ. соч. С. 319).

[9] РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1741. Л. 102 об.

[10] Дело фон Вольфа Бориса Эдуардовича, директора // ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3524. Л. 1 об.

[11] См.: Балтийские немцы в России. Алфавитный справочник. М., 2000. Вып. 5. С. 19. По архивному документу в деле сына его имя Бурхард (или Борис) Илья Владимир (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23073. Л. 2).

[12] Скорее всего, внук. В РГИА есть письмо барона Эдуарда Вольфа М.П. Вонлярлярскому, датированное 1859 годом (См.: РГИА. Ф. 917. Оп. 2. Д. 17).

ловске, а 16 мая 1908 года фон Вольф был назначен директором Императорского Александровского лицея. Ушел он с этой должности 2 сентября 1910 года — его сменил известный историк Владимир Александрович Шильдер.

Интересная деталь — по документам, когда на свет появился будущий директор фарфорового завода, его отцу[13] исполнилось только

[13] В документах значится супруга (вероятно, вторая) директора лицея «девица Алиса Генриховна Барби» и две дочери — Александра, родившаяся 15 ноября 1894 года, и Ольга — 12 июля 1896. «Жена римско-католического вероисповедания, дети — православного» (ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3524. Л. 2 об.). Очень много сведений об этой сводной сестре Николая Борисовича фон Вольфа, владелице имения и замка в Стамериене под Гулбене (около Цесиса). Александра имела двойное имя Александра-Алиса (вероятно, в честь матери), поэтому ее в некоторых источниках называли «вдовой барона Бориса Вольфа», путая с матерью. О ней рассказывал известный итальянский писатель, Джоакино Ланца Томази, князь ди Лампедуза, родной племянник и приемный сын ее мужа Джузеппе Томази ди Лампедуза, автора романа «Гепард», по которому Лукино Висконти снял знаменитый фильм «Леопард» (1963) ... «У нее был с детства комплекс — отец покинул семью, а она любила отца и поэтому недолюбливала мать». Мать, католичка, вышла замуж за дядю писателя, автора «Гепарда-Леопарда», маркиза Пьетро Томази делла Торрето, он усыновил Александру и жил в 1917-м, во время Октябрьской революции, в Санкт-Петербурге с ее матерью.

«Князь любил путешествовать и в 1925-м познакомился в Англии с бывшей подданной Российской империи, а потом гражданкой Латвии баронессой Александрой Алисой фон Вольф, по профессии психоаналитиком. Александра, которую дома называли Лиси, была приемной дочерью дяди князя ди Лампедуза, маркиза Пьетро Томази делла Торрета.

В 1927-м Джузеппе Томази ди Лампедуза приехал в Латвию к Лиси в ее родовое имение Стамериену под Гулбене. Четыре года переписки — и сицилиец снова посетил Латвию. В 1932-м они венчались с Александрой в рижском православном храме Благовещения. В церковной книге их имена значатся как Александра Борисовна и Иосиф Юльевич.

До 1939-го супруги жили то в Палермо, то в Стамериене, а потом поселились в Сицилии навсегда. Еще раз Александра приезжала в свое имение в 1941-м, после начала войны, и больше никогда не была в Латвии. Она надолго пережила мужа: он умер в 1957 году, а баронесса-княгиня — в 1982-м».

Именно эта история любви заинтересовала соотечественников писателя, которые собирались снять о ней фильм под названием «Лиси».

У супругов не было детей. И после 1953-го писатель усыновил своего кузена Джоакино Ланца, тоже потомка знатного рода, дав ему и свой ти-

16 лет. Сперва показалось даже, что здесь какая-то ошибка. Но для тех времен случай не такой редкий.

Значительную придворную карьеру сделал также его брат, барон Павел Эдуардович фон Вольф (?—1918), гвардии полковник, шталмейстер, дослужившийся до звания действительного статского советника и состоявший одно время чиновником особых поручений при Министерстве Императорского двора.

Итак, Николай Борис Эрнест, барон фон Вольф родился 15 февраля 1866 года от законного брака его отца, обозначенного в документе как «владельца имения Фианден», и его «супруги Аннет Адельгейм Леонтины, урожденной фон Гроте», в этот самом имении. Род матери был весьма известен, и даже не столько в Прибалтике, сколько в российской столице. Существовали две его ветви — одна из Голштинии, представители которой еще в восемнадцатом веке переселились в Петербург, и вторая — Лифляндская. К ней принадлежал Грот (Гроте) Альфред Федорович (1822—1895) — действительный статский советник (1862), тайный советник (1872), дипломат, позже шталмейстер двора (1862) и сенатор (1868). Работая над темой «Гроты» для энциклопедии «Немцы России»[14], я предложила составителям сюжет об Альфреде фон Гроте (Grot, Grote), и он был там опубликован, хотя готовый текст подвергся значительным сокращениям. В частности, были опущены сведения о его лифляндских имениях, которые я хотела бы привести здесь, ибо отец его Федор (Фридрих) Грот, крупный помещик (ландрат), явно был близким родственником матери Николая Вольфа. В документах обозначены их «родовые имения (Рижский уезд: Лембург и Виттенгоф; Венденский уезд: Юмерден) и приобретенные (Веросский уезд: Каролен, Каверсгоф, Нангезе, Ребеберг, Зелесс и деревянный дом в Риге)»[15]. Даже имя мальчик получил скорее всего в честь материнской родни, ибо первым восприемником назван «статский советник Николай ф[он] Гроте». «Лифляндские» и «голштинские», а также «петербургские» Гроты считались близкой родней, а среди последних много известных историков и филологов. Будем считать, что «гротовские»

тул. Князь Джоакино Ланца ди Лампедуза, по профессии музыковед, написал уже две книги о своем знаменитом приемном отце. Третья сейчас готовится к выпуску» (Лебедева Н. Между Палермо и Стамериеной [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.ves.lv/article/83622).

[14] Отсылаю к первому тому энциклопедии, включившему шесть статей о Гротах. Три из них мои, три других — авторов В. Бема, В. Степанова и некоего В.К.

[15] РГИА. Ф. 472. Оп. 28/862. Д. 98.

гены повлияли на младенца, окрещенного 30 мая 1866 года «на дому».

Так же, как отец, мальчик окончил в 1883 году Рижскую городскую гимназию с оценками «весьма удовлетворительно»: по Закону Божию, немецкому, русскому и греческому языкам, а также математике, физике, истории и географии, и только по латинскому языку значилось «удовлетворительно». Этим он приобрел право «без экзаменов поступить в каждый университет Государства»[16], чем незамедлительно воспользовался, подав прошение на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета[17]. В столице служил его отец и, вероятно, у него он и остановился, в доме № 40 по Мойке. Правда, через некоторое время он переезжает, решив жить самостоятельно, по адресу Аптекарский переулок дом № 5, а через два года и вовсе оставляет Санкт-Петербургский университет ради Дерптского[18], в котором он учился уже не на юридическом, а на историко-филологическом факультете. Курс молодой барон окончил в 1889 году со степенью кандидата политической экономии и статистики, а через три года снова приехал в столицу, где 1 января 1892 года начал службу «кандидатом на классную должность» в Министерстве Императорского двора. Через три года, в 1896 году он был пожалован в камер-юнкеры, состоял бухгалтером, управляющим делами Канцелярии императрицы Марии Федоровны. В то же время был назначен казначеем комитета, состоящего под августейшим покровительством ея императорского величества попечительства о домах трудолюбия и работных домах[19]. А вот на следующий год барон женился.

Свадьба состоялась 16 (28) июля 1897 года. Жениху был 31 год, невесте 22. Она была единственной девочкой и старшей из четверых детей, внезапно осиротевших 7 лет назад, после скоропостижной смерти отца, графа Платона Александровича Зубова, последовавшей от последствий контузии головы, полученной им, совсем молодым, при героической обороне Севастополя. Портрет юной Ани,

---

[16] Дело Императорского Санкт-Петербургского университета Николая Бориса Эрнеста барона Вольфа // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23073. Л. 2 об.

[17] Там же. Л. 1.

[18] В апреле 1885 года Вольф был по его просьбе «уволен из числа студентов», а в августе того же года в канцелярию Императорского Санкт-Петербургского университета поступило прошение от «студента Дерптского университета Николая барона Вольфа» о высылке его документов (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23073. ЛЛ. 26, 27, 28).

[19] *[Вольф Н.Б., фон]* Императорский фарфоровый завод. СПб., 1906. С. 420.

графини Анны Платоновны Зубовой[20], украшал парадную лестницу родового особняка на Исаакиевской площади. Подрастали маленькие братья. Старший — Александр — учился в Александровском лицее, директором которого на несколько лет стал отец Николая Вольфа. Средний и младший, Сергей и Валентин, после окончания Второй классической гимназии поступили в тот же Императорский Санкт-Петербургский университет. Причем Сергей писал стихи и пьесы, сочинял музыку, а Валентин всерьез интересовался искусством. Можно ли последующие события приписать влиянию зубовской семьи или «гротовским» генам, но барон Николай фон Вольф от придворной службы постепенно отошел. 13 июня 1900 года он получил пост «управляющего Императорскими фарфоровым и стеклянным заводами». Через 4 года у фарфорового завода — юбилей, и сразу возник проект издания фундаментального труда, посвященного его истории.

Необходимо все-таки прояснить вопрос авторства. Начнем с того, что сама идея издания, очевидно, принадлежала Вольфу. В предисловии сказано: «Возбужденный в *конце 1900 года* (курсив мой — *Т.И.*) Управлением Императорскими заводами вопрос о составлении истории Фарфорового завода мог быть решен лишь после тщательного собирания, — за уничтожением архива Завода за время с 1757 по 1877 г., — материалов в других источниках»[21]. Напомню, что Вольф получил директорский пост 13 июня 1900 года (заступил с 15-го, первый подписанный им приказ от 15-го). Далее приведены точные сведения о всех участниках: «Архивные работы, начатые С.А. Розановым, были окончены Н.М. Спилиоти. По утверждении плана издания министром Императорского двора генерал-адъютантом бароном В.Б. Фридериксом и по приведении архивных материалов в систему Н.М. Спилиоти, на основании таковых и собранных о произведениях Завода данных составлен текст (надо бы — «*мною* составлен текст», тогда бы не возникло проблемы — *Т.И.*), в художественной части коего использованы сведения, сообщенные Александром Н. Бенуа»[22]. В самом тексте ссылок на «сведения Бенуа»

[20] Портрет начала 1880-х годов известного тогда художника Ивана Кузьмича Макарова, сейчас он находится в Русском музее (см.: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII — начало XX века. Каталог. Л., 1980. С. 188. (№ 3280). Портрет графини А.П. Зубовой, в замужестве боронессы Вольф. 1880-е. Холст, масло. Государственный Русский музей (Запасники) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.art-catalog.ru/picture.php?id_picture=16508).

[21] *[Вольф Н.Б., фон]* Императорский фарфоровый завод. С. Б/н.

[22] Там же.

немного, но плодотворный творческий контакт возник. В дневнике 1917 года Бенуа упомянул о телефонном звонке «“фарфорового” барона Вольфа»[23]. В монографии история фарфорового дела в России составлена с большой тщательностью и абсолютно документирована. Любопытно, что автор уделял большое внимание чисто литературным сюжетам, причем обнаружил недюжинную эрудицию. Например, в замечательном рассказе о зачинателе русского фарфора Дмитрии Виноградове он отметил, что «письма и другие бумаги Виноградова свидетельствуют о его знаниях, способностях и развитии. Занимаясь в Германии преимущественно металлургией, а потом в России фарфоровым производством, он, однако интересовался и знаниями, не касающимися его специальности, между прочим и поэзией»[24]. А далее в комментариях: «В бумагах, оставшихся после Виноградова, находятся рукописи его научных трудов... Между этими рукописями есть список оды Анакреона (Анакреонта в современной версии, название приведено по-гречески — *Т.И.*), с переводом ея на различные европейские языки, в конце — перевод на русский язык, в стихах, сделанный несомненно самим Виноградовым и отличающийся близостью к подлиннику и хорошим слогом»[25]. Этот пассаж заставляет вспомнить о дипломе историко-филологического факультета университета автора и о его высокой оценке по греческому языку в гимназии.

В процессе работы над книгой Николай Борисович фон Вольф опубликовал статью в журнале «Искусство и художественная промышленность» (1901. № 6). Она называлась «Заметки о фарфоровом производстве» и была подписана двумя инициалами «Б.В.». Может быть, я не смогла бы определить автора, искала бы более привычные нам инициалы с непременной буквой «Н», если бы не сталкивалась с такой же подписью барона Николая Николаевича Врангеля — «Б.В.» — «Барон Врангель». Очевидно, так было принято в те годы — первый знак инициала — титул, а не имя.

Если сравнить данную статью с главой из книги, вышедшей пять лет спустя, то видно, что фарфоровое производство за период работы в нем Вольфа быстро развивалось. Например, в статье автор заметил: «Главным затруднением при подглазурной живописи красками большого огня является ограниченное число самих красок: кобальт (синий), хром (зеленый), золото (оранжевый, розовый). Ограниченность выбора красок определяет и выбор сюжетов. Поэтому весьма существенное значение имеет то обстоятельство, что в

[23] См.: *Бенуа А.Н.* Указ. соч. С. 164.

[24] *[Вольф Н.Б., фон]* Императорский фарфоровый завод. С. 30.

[25] Там же. С. 383.

1900 году на Императорском фарфоровом заводе была успешно применена четвертая краска — черная, которая дала на первых предметах весьма удовлетворительные результаты»[26]. В книге, коротко заметив, что в производстве всегда затруднение вызывала «немногочисленность» употребляемых красок, Вольф сообщил: «Лабораторные работы обогатили палитру подглазурных красок... в дополнение к имевшимся раньше трем краскам: синей кобальтовой, зеленой хромовой и серо-оранжевой золотой, определены были условия получения черной иридиевой, кирпично-красной золотой и розовой цинковой красок»[27].

Если статью можно назвать беглым очерком, посвященным, в основном, технике фарфорового производства того дня, то глава книги включала пять подразделов, в которых фарфоровое дело было полно обрисовано и с разных сторон.

Статья, так же как и книга, богато иллюстрирована, но повторяется лишь одно изображение, напоминающее изысканное панно Врубеля «Раковина». Надо добавить, что полная его характеристика составляется только из обеих публикаций.

В книге (1906), с.305: Чаша для драгоценностей. «Сон». (Царс. Дв.) — (вероятно, Царскосельский Дворец — *Т.И.*). Baguer “Sommeil”.

В статье (1901): Videpoche «Сон» — “Reve”(Мод[ель] А. Тимус — mod. Par Timous). (7Х7 верш.).

Огромный том об Императорском фарфоровом заводе насыщен многочисленными и разнообразными изображениями. Для иллюстраций автору любезно предоставили свои собрания петербургские коллекционеры — «великий князь Николай Николаевич, князь А.С. Долгорукий, С.Э. и В.Я Евдокимовы, И.А. Бибиков, граф А.А. Мусин-Пушкин, князь Ф.Ф. Юсупов, графы Зубовы и И.Ф. Гейне»[28]. Но есть среди предметов фарфора и вещи самого барона Вольфа. Один из самых старых экспонатов, представленных там, — прелестная табакерка с изображением императрицы Елизаветы «из коллекции бар[она] Н.Б.-фон Вольф»[29]. Она выигрывает даже в сравнении с подобной эрмитажной табакеркой, где изображение значительно скромней. Трижды представлена в книге и коллекция фарфора графов Зубовых, в основном предметами не екатерининского времени, как можно было ожидать, а эпохи Александра I. Автор обратил внимание на редкие фарфоровые тарелки с петербургскими

[26] *Б.В. [Барон Вольф]* Заметки о фарфоровом производстве // Искусство и художественная промышленность. 1901. № 6. С. XLII.

[27] *[Вольф Н.Б., фон]* Императорский фарфоровый завод. С. 308.

[28] Там же. С. 377.

[29] Там же. С. 51.

пейзажами[30], а также на изысканную вазу в стиле ампир[31]. Сервиз с казацкими сценами[32], возможно, говорил о предках рода.

Дальнейшая биография барона Вольфа до 1910 года[33] связана с фарфоровым производством. И здесь ему охотно помогала его жена, баронесса Анна Платоновна, урожденная Зубова, которая давно была активным членом Императорского женского патриотического общества (там же служили и три ее младших брата), а с 1903 года заняла место помощницы патронессы школы Императорского фарфорового завода, созданной при нем. История создания «фарфоровой» школы принцессой Еленой Георгиевной Саксен-Альтенбургской была освещена в отдельном докладе[34]. Сейчас добавлю только, что баронесса Вольф — графиня Анна Платоновна Зубова, сумела за несколько лет с помощью благотворительных балов и ярмарок составить недвижимый капитал для «фарфоровой» школы[35].

Например, 13 апреля 1907 г. в зале Тенишевского училища (на Моховой улице) прошел благотворительный спектакль, чистый доход с которого пошел на приобретение свидетельств (акций) «Крестьянского Поземельного банка...» для школы[36], их баронесса просила перечислить «в неприкосновенный капитал состоящих по расходному капиталу Ольденбургской школы %-ных бумаг»[37], а далее

[30] *[Вольф Н.Б., фон]* Императорский фарфоровый завод. С. 131.

[31] Там же. С. 138.

[32] Там же. С. 130.

[33] См.: *Голлербах Э.* История Государственного фарфорового завода со времени основания до революции 1917 г. // Русский художественный фарфор. Л., 1924. С. 15.

[34] Доклад на международной научной конференции «Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома» (Санкт-Петербург и Ораниенбаум, 16—18 октября 2001 г.) «Принцесса и ее «фарфоровая» школа». Текст доклада вошел в публикацию под названием «Благотворительная деятельность герцогов Мекленбург-Стрелицких и графов Зубовых в Императорском Женском патриотическом обществе» в сборнике: «Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого дома». СПб., 2005. С. 173—182.

[35] О создании «нового неприкосновенного капитала» Школы принца П.Г. Ольденбургского сказано: «Первоначальное основание капитала положено баронессой А.П. фон Вольф, внесшей в 1907 году 2700 рублей, вырученные от концерта и базара, и 8408 рублей 60 ... коп.» (См.: *Шумигорский С.* Императорское Женское патриотическое общество (1812—1912). Исторический очерк. С иллюстрациями и автографом. СПб., 1912. С. 177).

[36] ЦГИА СПб. Ф. 535. Оп.1. Д. 413. Л. 1 об.

[37] Письмо баронессы А.П. Вольф барону Ивану Людвиговичу Остен-Сакену от 6 января 1908 года // Там же. Л. 5.

помощница патронессы стала использовать возможности самого фабричного производства, устроив продажу «фарфоровых и стеклянных вещей в пользу Ольденбургской школы... на базаре... 20 и 23 декабря»[38]. Опыт, вероятно, оказался удачным, потому что подобная продажа прошла 9 и 10 февраля 1908 года «в доме Шебеко»[39], а с 7 по 10 марта того же года в зале Дворянского собрания[40]. В результате образовалась значительная сумма[41].

Помогал школе и супруг Анны Платоновны, директор Императорского фарфорового завода. На его пожертвования была учреждена стипендия для приходящих учениц «Имени барона Н[иколая]Б[орисовича] фон Вольфа»[42].

Сразу после свадьбы супруги снимали квартиру № 4 на Малой Морской улице, недалеко от Исаакиевской площади в доме 8 «у полковника Ильи Леонидовича Татищева»[43]. А потом переселились в собственный дом на Сергиевской улице. В 1910 году барон Николай Борисович фон Вольф оставил пост директора, чтобы заняться политикой. Он собирался баллотироваться в Государственную думу, и для этого ему необходимо было прояснить свое имущественное положение. Тогда же он настоял на разделе имущества Анны Платоновны с братьями[44].

Чтобы точно определить имущественное состояние барона Николая Борисовича фон Вольфа, нужны дополнительные изыскания. Совершенно достоверно ему принадлежали имения в Латвии (Лиф-

[38] Письмо баронессы А.П. Вольф барону Ивану Людвиговичу Остен-Сакену от 6 января 1908 года. Л. 6.

[39] Там же. Л. 10.

[40] Там же. Л.13.

[41] В своей книге барон Вольф отмечал, что бедой фарфорового дела в России была высокая себестоимость изделий, которые проигрывали конкуренцию привозному фарфору из Европы. Поэтому необходимо было вывозить изделия на ярмарки и устраивать удешевленные распродажи, чтобы освободить склады завода, в течение десятилетий забитых товарами. Подобными распродажами как раз успешно занималась супруга барона в рамках благотворительной деятельности.

[42] См.: *Шумигорский С.* Указ. соч. С. 174, 180.

[43] Дело о найме квартиры графинею Анною Платоновною Зубовой на Малой Морской улице дом № 8 // РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Д. 268 а. Л. 1.

[44] Вопросам раздела имущества посвящены письма барона Н.Б. фон Вольфа к старшему из трех братьев Александру Платоновичу Зубову, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (См.: РГИА. Ф. 942. Оп. 1. Д. 540). Из общего наследства были выделены баронесса Анна Платоновна и граф Валентин Платонович, после развода с первой женой полученное наследство он использовал для обеспечения дочери Анастасии.

ляндии): Фианден Fianden (Lazbeka), где он родился, и которое перешло во владение семейства еще в 1809 году, а также Кайс (Kais),он владел также домом в Риге, «оцененном в две тысячи рублей», а кроме того имением Schlukkum в Курляндии (с 1874 года).

В 1912 году он стал депутатом IV Государственной думы от Лифляндской губернии. Он был избран 25 октября от съезда землевладельцев. В графе «партийность» — значилось «октябрист» (примыка[ющий]). В ЦК «Союза 17 октября» было немало его друзей и родственников, князья Волконский и Голицын, графы Гейден и Олсуфьев, барон Корф, потомственный дворянин Александр Аркадьевич Столыпин (брат премьер-министра, женатого, как известно, на Ольге Нейтгардт из рода графов Зубовых и Суворовых). «Октябристы» были последовательными сторонниками конституционной монархии, а в 1910-е годы старались заставить правительство пойти по пути «умеренно-либеральных реформ», придерживаясь «столыпинского курса»[45]. После раскола фракции «Союза 17 октября», к которой он примыкал, в январе 1914 г. оказался вне фракций (беспартийным). Был членом комиссий: финансовой (со 2-й сессии занял пост «товарища», то есть заместителя председателя), вероисповедной, входил в комиссию по таможенному законодательству (по направлению законодательных предположений), а также был председателем библиотечной.

Барон продолжал заниматься общественной деятельностью и в дальнейшем. 14 декабря 1912 г. он был избран ландратом лифляндского дворянства, а также в июне 1915 и членом Конвента лифляндского дворянства в Риге. С 1913 по 1916 годы Вольф занимал должность почетного мирового судьи по Валкскому уезду.

Переворот октября 1917 года застал и графов Зубовых, и баронов Вольфов за границей. В результате им не пришлось, как многим другим, с трудом выбираться из страны, но семейству грозила перспектива остаться без всяких средств. Племянница барона Вольфа, дочь графа Валентина Платоновича Зубова Анастасия вспоминала, что «сразу же после большевистской революции в октябре моему дяде Александру позвонил его шурин[46], который также находился в Финляндии, советуя мчаться в Петербург, забрать все семейные шубы и изъять из банка драгоценности. Так он, дядя, и сделал. И едва он все имущество переправил, как граница была закрыта. Сам он смог выбраться в последний момент»[47].

[45] Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 580.

[46] Очевидно, муж сестры Анны — барон Николай Борисович фон Вольф.

[47] *Bekker A.* (Анастасия Валентиновна Беккер, урожденная графиня Зубова) Exiles in Finland // Other Russia. London, 1984. P. 123. Подроб-

Граф Валентин Платонович Зубов, основатель и директор первого в стране Института истории искусств, третий, младший брат Анны Платоновны, выбравшийся из России в «самый-самый последний момент», в 1925 году, в предисловии к одной из своих книг вспоминал, что большую помощь в «подготовке к изданию» семейной хроники графов Зубовых оказал ему барон Вольф. «Воспоминания Якубовского трижды готовились к печати, но их преследовала превратная судьба. В первый раз революция 1917 г. прервала начатое издание, во второй — война 1939 г., в этом случае подготовкой издания занимался мой покойный шурин барон Николай Борисович фон Вольф; он составил указатель имен с краткими биографическими данными и сдал в печать в Риге, но занятие Лифляндии советами положило конец его начинанию, готовый набор пропал, и сохранились только корректурные листы»[48].

Из Финляндии, где застал их октябрьский переворот, семейство баронов Вольфов перебралось в Лифляндию, Ригу, где они прожили довольно долго, воспитывая троих детей — двух дочерей, Веру и Марию, и сына Бориса. Здесь в 1932 году вышла вторая книга барона «Livl. Landrвte und Landmarschвlle». Наступление на запад советской власти заставило семейство перебраться в Берлин, где 23 мая 1940 года барон Николай Борис Эрнест фон Вольф скончался.

нее об этом эпизоде рассказывается в статье: *Исмагулова Т.* Графы Зубовы и страна Суоми // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сборник научных трудов. СПб., 2004. С. 40—50.

[48] Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика светлейшего князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим. С предисловием и примечаниями графа В.П. Зубова и послесловием Дитриха Герхардта. Мюнхен, 1968. С. 19.

Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ

С.Т. ГАДЖИЕВ

История парламентаризма в Азербайджане (декабрь 1918 — апрель 1920 годы)

Сложная внешнеполитическая ситуация в республике диктовала необходимость ускоренного формирования представительного органа, способного установить прочную связь с европейской демократией.

Еще 17 июня 1918 г. была принята резолюция о самороспуске Национального Совета и ставилась задача в шестимесячный срок созвать высший законодательный орган Азербайджана — Учредительное собрание, избранное на основе всеобщего тайного и прямого голосования. Определенный Национальным советом срок истекал 16 декабря 1918 года.

14 сентября 1918 года правительством была создана комиссия по выборам в Учредительное собрание (под председательством Ф. Хойского), а затем 21 октября еще одна, более представительная, чем первая, комиссия по выработке закона о выборах в Учредительное собрание (под председательством М. Рафиева), но по различным причинам этим комиссиям ничего практически осуществить не удалось.

А время мирной конференции, которая должна была установить новую систему международных отношений после окончания первой мировой войны, неумолимо приближалось. Это обстоятельство требовало, чтобы Азербайджан имел какой-нибудь политический орган, способный представлять его на этой конференции. Как писала газета «Каспий», «Мирная конференция и вообще решение политических вопросов воюющими странами не станут ожидать выборов в Учредительное собрание Азербайджана. Мы можем остаться совсем в стороне, а там решат, например, вопросы об изъятии города Баку

из состава Азербайджана, а то и предпримут еще что-нибудь похуже»[1].

Исходя из этого, комиссия по выборам в Учредительное собрание предложила созвать временный парламент или предпарламент. 5-го ноября на своем первом заседании комиссия, принимая во внимание, что «в назначенный Национальным советом срок созвать Учредительное собрание невозможно, а условия политической жизни постоянно требуют участия народных представителей в разработке политических вопросов, выразила желание, чтобы в срочном порядке по упрощенной системе был созван временный Азербайджанский парламент»[2].

Основная трудность состояла в создании этого парламента. Формирование его в сложных политических условиях путем всенародных выборов не представлялось возможным. Метод кооптации или же назначения не мог соответствовать существующим в этот период в западных странах избирательным принципам, что, в свою очередь, означало, что мировое сообщество не признало бы его органом, представляющим интересы всего народа.

Единственно возможным поэтому оставалось восстановление прежнего состава Национального совета, члены которого были избраны на основе всеобщих выборов во Всероссийское Учредительное собрание.

Исходя из этого, решением правительства Республики от 9 ноября 1918 г. созыв Национального совета был назначен на 16 ноября. Для выработки избирательного закона была создана специальная комиссия в составе М.Э. Расулзаде, Н.Б. Рафиева и Г.Б. Агаева.

Собравшийся после пятимесячного перерыва 16 ноября 1918 г. Национальный совет, в связи с чрезвычайными обстоятельствами и невозможности в данной ситуации созвать Учредительное собрание, решил преобразовать себя в парламент. Комиссией по выработке законов был подготовлен закон об образовании Азербайджанского парламента, который и был принят Национальным советом 19 ноября 1918 года.

По закону выборы в однопалатный Парламент производились тайно. Азербайджанские лидеры проявили чрезвычайное политическое чутье, подыгрывая английской восприимчивости ко всему демократическому и, поэтому, в основу выборов был заложен принцип национального представительства. Тем самым они создавали

[1] Каспий. 1918. 7 ноября.

[2] Азербайджанская демократическая республика (1918—1920 гг.). Законодательные акты (сборник документов). Баку, 1998. С. 111.

реальные условия для достижения межнационального согласия в республике.

Исходя из этого, 25 ноября Национальный совет Азербайджана обратился к Армянскому и Русскому национальным советам с предложением послать своих представителей в парламент. Первоначально оба Совета ответили отказом. Армяне, сетуя на судьбу своих политических и национально-культурных интересов, считали свой Совет не полномочным представлять интересы всего армянства[3]. Основной контраргумент Русского национального совета заключался в том, что, несмотря на объявление независимых Закавказских республик, он впредь до решения Всероссийского Учредительного собрания и Мирной конференции считал весь Южный Кавказ частью Российского государства. «Не зная воли России, — мы не имеем права признавать ни самостоятельности Азербайджанской республики, ни ее Парламент»[4]. Однако саботаж со стороны национальных меньшинств не сломил твердости азербайджанского правительства, заявившего, что даже если ни одно национальное меньшинство не захочет участвовать в парламенте, оно образует свой парламент, ибо ответственность за судьбу страны ложится на большинство. Это большинство должно управлять страной одно, если национальные меньшинства откажутся от этого. Лишь после заявления генерала Томсона, что союзное командование будет оказывать полную поддержку правительству, созданному Ф. Хойским и утвержденным парламентом 26 декабря 1918 года[5]. Армянский национальный совет и Совет славянорусского общества, вынесли решение войти в Парламент. Славяно-русское общество, хотя и не признавало азербайджанскую государственность, но считало возможным в интересах русского населения впредь до образования Учредительного собрания России войти в Азербайджанский парламент «для совместной работы по защите интересов членов общества и организаций, входящих в его состав». Таким образом, эти силы своим вступлением в Парламент согласились если не с идеей, то с фактом азербайджанской государственности.

Основной костяк парламента составили 44 члена бывшего Национального совета, еще 36 депутатов-мусульман избирались от городов и уездов из числа бывших национальных комитетов. В тех уездах, где не было городского самоуправления и национальных комитетов, депутаты могли избираться съездом представителей сельских обществ. Из предполагаемых 120 депутатов 80 должны были представлять мусульманское население, 21 — армянское, 10 — русское,

[3] Знамя труда. 1918. 3 декабря.

[4] Единая Россия. 1918. 17 декабря.

[5] Азербайджан. 1918. 2 и 28 декабря.

4 — национальные меньшинства (немцы, евреи, грузины и поляки). Профсоюзам отводилось 3 места, Совету нефтепромышленников и Торгово-промышленному союзу — 2 места. Законом определились и территориальные пропорции: а) от мусульманского населения — 80: Баку — 5 человек, Геокчайский уезд — 2, Джеварский уезд — 2, Кубинский уезд — 2, Ленкоранский уезд — 2, Шемахинский уезд — 2, Гянджинский уезд — 3, Арешский уезд — 2, Джеванширский уезд — 1, Зангезурский уезд — 2, Казахский уезд — 1, Джабраильский уезд — 1, Нухинский уезд — 2, Шушинский уезд — 2, Закатальский уезд — 2, Азербайджанская часть Ериванской губернии — 3, Азербайджанская часть Тифлисской губернии — 1; б) от армянского населения — 21 человек, по 8 — от Гянджи и Шуши и 5 от Бакинского армянского национального комитета; в) от Бакинского русского национального совета —10 человек; г) от немецкой национальной организации — 1 человек; д) от Еврейского национального совета — 1 человек; е) от Грузинского национального совета — 1 человек; ж) от Польского национального комитета — 1 человек; з) от Бакинских профессиональных союзов — 3 человека; и) от Совета Бакинских нефтепромышленников и Торгово-промышленного союза — 2 человека (совместно)[6].

Национальный совет, а затем и Парламент Азербайджана пригласили все политические партии принять участие в его работе. Отношение политических партий к будущему парламенту выяснилось на демократическом совещании, состоявшемся 6—14 декабря 1918 года, в котором принимали участие все партии, за исключением большевиков. По настоянию эсера С. Саакяна, совещание обсудило вопрос о единстве и неделимости России. Большинство русских партий — кадеты, меньшевики высказались за единую неделимую Россию и призвали отказаться от признания новообразовавшихся государств и от участия в местном правительстве. Национальные партии Азербайджана — «Мусават», «Иттихад», «Гуммет» и «Мусульманский социалистический блок» резко выступили против идеи воссоединения с Россией. С позиции, близкой к позиции азербайджанских национальных партий, выступил Бунд: за создание парламента и правительства только по принципу национального представительства. Большевики объявили тактику активного бойкота. В оппозицию к Парламенту стал также Совет профсоюзов, где правили меньшевики. Совет единогласно, при 6 воздержавшихся, постановил не принимать участие в Парламенте[7]. Меньшевики-гумметисты, хотя и содействовали открытию Парламента, в то же вре-

[6] ГААР. Ф. 892. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.
[7] Народное знамя. 1919. 28 февраля.

мя считали этот шаг вынужденным, так как не готовы были к взятию власти в свои руки. Поэтому они рассматривали свою парламентскую деятельность только как возможность для своей революционной пропаганды[8].

Партия эсеров также рассматривала возможность участия в Парламенте. Бакинский комитет этой партии приветствовал идею самоопределения Азербайджана, но в пределах единой федеративной России. По мнению партии, Азербайджанская республика может обеспечивать нормальное развитие трудового народа, являясь равноправным членом великой Российской Федерации, а Парламент может быть авторитетным органом только при условии избрания его на демократических началах[9]. Основой демократических выборов они признавали только принцип партийности, а не национального представительства. 25 января 1919 года Парламент обсудил просьбу Бакинского комитета партии эсеров о выделении им 5 мест. Фракции «Эхрар» и «беспартийные» поддержали эту просьбу при условии, что они войдут в социалистическую фракцию, так как эти места были выделены национальным меньшинствам. Эсеры считали себя интернациональной партией, не входили ни в какой национальный комитет. Но поскольку парламент был образован не на партийной, а на национальной основе, решено было выделить эсерам место за счет национальных меньшинств.

М.Э. Расулзаде, поддержав участие эсеров в Парламенте, отметил необходимость оппозиционных сил в нем. «Критика наших действий и возражения против наших позиций, — писал он, — должны раздаваться не вне стен парламента, а с парламентской кафедры и ответы на это надо получать с той же кафедры». Но в дальнейшем они так и не принимали участие в деятельности парламента.

Такова была общая расстановка политических сил в Азербайджане к началу работы Парламента.

Открытие Азербайджанского парламента намечалось на 3 декабря. Затем эту дату перенесли на 7 декабря. Задержка с открытием Парламента была связана с давлением, оказываемым английским командованием на правительство Азербайджана. В письме, направленном начальником генерального штаба британской армии С. Стоксом на имя майора Ролансона, предписывалось не допустить открытие Парламента, пока союзное командование не признает коалиционное правительство[10].

---

[8] *Искендерова М.С.* Из истории борьбы коммунистической партии Азербайджана за победу Советской власти в Баку. Баку, 1958. С. 345.

[9] Знамя труда. 1918. 8 декабря.

[10] ГААР. Ф. 895. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

В такой сложной обстановке Азербайджанский парламент 7 декабря начал свою работу в помещении женской гимназии Г.З. Тагиева. Его первое заседание открыл председатель Национального совета и руководитель фракции «Мусават» М.Э. Расулзаде. Он выразил надежду, что самостоятельность даст возможность быстро развиваться и без принуждения стать свободным членом будущей лиги свободных народов. Обращаясь к членам Парламента, он призвал их ставить интересы родины и благополучие народа выше партийных интересов[11]. Затем М.Э. Расулзаде предложил избрать председателя парламента и его заместителя. Ш. Рустамбеков, выступивший от имени фракции «Мусават», выдвинул кандидатуру А. Топчибашева и его заместителя Г. Агаева. Секретарем Парламента был избран самый молодой депутат Рагим бек Векилов. Все кандидатуры были утверждены Парламентом. За отсутствием Топчибашева его обязанности были возложены на его заместителя Г. Агаева. Для управления текущими делами Парламента был избран сеньор-конвент (консультативный совет) в составе председателя, его заместителя и представителей фракций.

По случаю открытия Парламента, по предложению партии «Иттихад», была объявлена амнистия политзаключенным. Затем с отчетным докладом о внутренней и внешней политике правительства выступил премьер-министр Ф. Хойский, объявивший о сложении правительством полномочий и передаче всей власти парламенту. По предложению Г. Агаева были произведены выборы в комиссии: мандатную, регламентную и хозяйственную.

Основные принципы и программы будущей деятельности фракций были изложены ими в декларациях. Хотя в них выражалось общее стремление всех фракций к защите независимости и установления демократического строя в стране, пути и средства достижения этих целей фракциями виделись по-разному. По-разному они трактовали и роль Парламента в системе государственной власти.

В Парламенте были представлены 9 фракций и групп. К началу 1919 года парламент насчитывал всего 79 членов. Фракция «Мусават» — 23 члена, «Иттихад» — 11, «Эхрар» — 9, «Гуммет» — 5, «Мусульманский социалистический блок» — 5, беспартийные — 15, национальные меньшинства — 4, «Русское славянское общество» — 3, «Армянская фракция» — 4[12].

Вслед за образованием Парламента началось формирование нового кабинета министров. Заместитель председателя Парламента Гасан бек Агаев 13 декабря 1918 г. обратился к Хойскому с просьбой сформировать правительство. В обращении Г. Агаева отмечалось:

[11] Азербайджан. 1918. 10 декабря.
[12] ГАППОДАР. Ф. 277. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

«Желание фракций; а также политический опыт, выдающаяся деятельность и самоотверженность, проявленная Вами в деле служения Родине и Нации, обязывают меня пригласить Вас на важное и трудное дело, принять на себя пост премьер-министра и составить коалиционный кабинет»[13].

Хойский сформировал кабинет только после повторного к нему обращения. Формирование кабинета было связано с расстановкой классовых сил в самом Парламенте. Фактически правительственная коалиция создавалась после больших затруднений при участии всех групп, кроме «Иттихада». Пребывание «Иттихада» вне коалиции было вызвано тем, что иттихадисты были противниками Ф. Хойского, признанным остальными партиями отвечающим своему назначению. Партия «Мусават», занимавшая в начале образования республики позицию центра, опиралась на этом этапе на левое крыло Парламента, то есть на социалистов, и поддерживала их идею о безвозмездной передаче земли крестьянству, что могло решить только Учредительное собрание. Социалисты поддержали кабинет вхождением одного из своих членов — Аслан бека Сафикюрдского (партия «Халгчи»). Поэтому можно считать, что правительственный кабинет был образован по принципу доверия к личности главы правительства и его программе[14].

Премьер-министр Ф. Хойский выступил на заседании Парламента с изложением правительственной программы, основу которой составляла идея независимости Азербайджана. Этот тезис был поддержан всеми фракциями. В своем докладе он остановился на внутренней политике государства, которую связывал с разрешением рабочего и аграрного вопросов[15].

26 декабря 1918 г. Ф. Хойский представил на утверждение Парламента новый состав кабинета министров, сформированный на коалиционной основе. Состав правительства характеризует демократичность азербайджанского парламента, в котором были представлены как партийные, так и беспартийные деятели республики. На первом этапе своей деятельности, кабинет Ф. Хойского, состоявший, в основном, из «деловых людей», большей частью не принадлежавших ни к каким партиям, находил поддержку в парламентских фракциях, за исключением иттихадистов.

Во вновь сформированный состав правительства входили Фаталихан Хойский, премьер-министр, министр иностранных дел (беспартийный), министр внутренних дел Халил бек Хасмамедов («Мусават»), министр народного просвещения и вероисповедания — Насиб

[13] Знамя труда. 1918. 17 декабря.
[14] ГААР. Ф. 895. Оп. 1. Д. 10. Л. 53.
[15] Там же. Д. 13. Л. 10.

бек Усуббеков («Мусават»), военный министр — Самедага Мех-мандаров (беспартийный), министр торговли и промышленности — Мирза Асадуллаев («Мусават»), министр путей сообщения Халил бек Мелик Асланов (беспартийный), министр почт, телеграфа и труда Аслан бек Сафикюрдский (социалист-гумметист), министр государственного контроля — Мехти бек Гаджинский («Иттихад»), министр призрения Р.Х. Хойский («Мусават»), министр земледелия Хосров бек Султанов («Иттихад»). В январе 1919 г. получили соответственно портфели министров финансов и продовольствия О. Протасьев и К. Лизгар, а чуть позже доктор Гиндес стал министром здравоохранения[16].

Таким образом, следует отметить, что законодательную деятельность Азербайджанское правительство начало с первых дней своего существования.

Первые общегосударственные нормативные акты, изданные Национальным советом Азербайджана, закрепили государственную независимость, заложили основы демократической политической и государственной системы. Постановлениями Национального совета уже 28 мая 1918 г. было образовано правительство — Совет министров республики, а в ноябре-декабре 1918 г. заложены основы демократической представительной системы[17].

Будучи торжественно открыт 7 декабря 1918 г. Азербайджанский парламент стал высшим законосовещательным и законодательным органом в Азербайджане.

До открытия Парламента законотворческую деятельность в республике осуществлял Совет министров. После образования Парламента Совет министров Азербайджанской республики продолжил свою активную деятельность по изданию нормативных актов, одновременно осуществляя подготовку к рассмотрению на заседаниях Парламента законопроектов, составлявшихся обычно в заинтересованных министерствах и ведомствах.

---

[16] *Агамалиева Н., Худиев Р.* Азербайджанская республика. Страницы политической истории. Баку, 1994. С. 36.

[17] Азербайджанская демократическая республика (1918—1920 гг.). С. 5.

Е.А. ТАРАСОВА

Съезд народных депутатов РСФСР—РФ 1990—1993 гг. — коммунистическая оппозиция или демократическая альтернатива?

Российский Съезд народных депутатов открылся и работал в чрезвычайно сложное для истории современной России время — время перехода к новой политической системе и к совершенно иной экономической модели. Открывший свою работу в мае 1990 г. Съезд народных депутатов РФ сразу завоевал в средствах массовой информации титул «подлинно демократического органа власти», «оплота российской демократии». В период 1990—1993 гг. состав Съезда изменился мало, нельзя говорить и о кардинальном изменении политических взглядов составляющих его депутатов. Однако к осени 1993 г. в средствах массовой информации Съезд выступал уже как «красно-коричневый», «коммунистический», «рудимент советской эпохи».

Как же могла произойти такая метаморфоза, да и была ли она в действительности? Можно ли считать Съезд коммунистической оппозицией молодому демократическому режиму Б.Н. Ельцина? Может быть, изначально не следует говорить о Съезде как о демократическом органе власти? Или же он представлял собой демократическую альтернативу той политической системе, которая была создана в РФ под эгидой первого Президента России? Обратившись к истории Съезда народных депутатов РСФСР-РФ 1990—1993 гг., мы попытаемся ответить на эти вопросы.

Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти появился в СССР в 1989 г., и только РСФСР решилась воспроизвести аналогичную структуру на республиканском уровне. Появление Съезда народных депутатов должно было показать расположение власти к демократическим реформам и привлечь к управлению государством широкий круг общественных деятелей. Кроме того, двухступенчатая система новой власти — наличие постоянно действующего Верховного Совета, избираемого из числа депутатов Съезда, закладывала основы развития советского парламентаризма.

При обращении к истории Съезда народных депутатов РФ 1990—1993 гг. следует сразу отметить, что, несмотря на его формальное сходство со Съездами Советов 1920—1930-х гг., между данными органами власти мало общего. Как указывают исследователи А.В. Иванченко и В.М. Курицын, «появившаяся в конце 1980-х годов конструкция лишь очень отдаленно и поверхностно напоминала взаимоотношения Съезда Советов и его исполнительного комитета. Ново-

введения конца 1980-х годов не предполагали ни децентрализации власти, ни предварительного обсуждения общегосударственных вопросов в низовых Советах перед вынесением их на рассмотрение Съезда, ни делегирования депутатов местных Советов на Съезды. Другими словами, конструкция конца 1980-х годов по своей сути существенно отличалась от первых лет советской власти»[1].

27 октября 1989 г. состоялась первая конституционная реформа в РСФСР, которая зафиксировала в Основном Законе новации в сфере высшей государственной власти республики. Высшим органом власти в РСФСР стал Съезд народных депутатов, который избирался на альтернативной основе. Выборы должны были пройти по мажоритарной системе. В состав Съезда должны были войти 1068 депутатов: 900 избиралось от территориальных избирательных округов и 168 — от национально-территориальных. Съезд народных депутатов РСФСР мог принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР.

Высший орган власти РСФСР становился двухступенчатым. Он состоял из Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. Последний, по ст. 107 Конституции РСФСР, был подотчетен Съезду и являлся постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти РСФСР. Верховный Совет предусматривался как двухпалатный орган, состоящий из Совета Республики и Совета Национальностей. Палаты были равны в правовом отношении и по численности[2].

Выборы народных депутатов РСФСР прошли в два тура — 4 и 18 марта 1990 г. На выборах отменялось представительство общественных организаций, окружные предвыборные собрания в большинстве округов также были отменены. Для избрания необходимо было набрать более 50% голосов избирателей, участвовавших в голосовании. Выборы признавались действительными, если в них принимало участие не менее половины списочного состава избирательного округа[3].

В ходе предвыборной кампании выделились три основные политические силы, соперничающие между собой: во-первых, демократическое движение, находившееся в то время на пике популярности; во-вторых, коммунистическая партия, в которой в это время уже назревали расколы, де-факто (а с 14 марта 1990 г. и де-юре)

---

[1] *Иванченко А.В., Курицын В.М.* Российское народовластие: уроки истории. М., 2005. С. 90.

[2] См.: Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1303, 1304.

[3] Закон о выборах народных депутатов РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1305.

утратившая монополию на власть; в-третьих, национально-патриотические объединения, выглядевшие бледно на фоне соперников.

Демократические силы в январе 1990 г. объединились на учредительной конференции в Москве в предвыборный блок «Демократическая Россия». Его учредителями стали кандидаты от двадцати двух регионов РСФСР. На конференции была принята декларация-платформа блока, в феврале опубликованная в журнале «Огонек»[4].

Согласно принятой декларации, одними из первоочередных задач новой власти республики должны были стать принятие новой демократической Конституции и заключение нового Союзного договора. Предполагалось создание эффективного рыночного сектора вследствие преобразования значительной части государственной собственности в иные формы, не допуская при этом снижения жизненного уровня населения. Также в программе звучало требование действительной свободы слова и печати.

Коммунистическая партия в преддверии выборов в РСФСР организовала «блок коммунистов и беспартийных». В январе 1990 г. в качестве платформы блока было опубликовано «Обращение Российского бюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета министров РСФСР “К народам Советской России”»[5]. Коммунисты также выступали за реформы в области экономики, но при безусловном сохранении социалистического пути развития республики. В первую очередь, речь шла о кооперации и индивидуальной трудовой деятельности.

Национально-патриотические силы образовали предвыборный блок общественно-патриотических движений России «За политику народного согласия и российского возрождения». Предвыборная платформа блока была опубликована в газете «Литературная Россия» в декабре 1989 г. и феврале 1990 г.[6] В программе красной нитью проходит идея о недопущении распада СССР как великой державы, включающей исконно русские земли. Декларируется приоритет общественной собственности как основы народного хозяйства страны.

Выборы народных депутатов РСФСР, состоявшиеся в марте 1990 г., средствами массовой информации, а затем и в исследовательских работах были названы первыми подлинно демократическими в истории современной России. В предвыборной борьбе соперничали кандидаты от различных политических движений. В выбо-

[4] Огонек. 1990. № 6. С. 17—18.

[5] *Иванченко А.В., Любарев А.Е.* Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. М., 2006. С. 34.

[6] Литературная Россия. 1990. 9 февраля.

рах приняли участие 77% избирателей, при этом положенное число депутатов было отобрано из 6705 кандидатов[7].

В избранном депутатском корпусе 86,3% мест принадлежало членам и кандидатам в члены КПСС, соответственно 13,7% — беспартийным. При этом членство в КПСС в большинстве случаев было формальным, и в своей предвыборной агитации кандидаты в депутаты зачастую были уже весьма далеки от коммунистической идеологии[8]. Это показывает и разнообразие депутатских групп, образованных на Съезде. Уже на I Съезде их насчитывалось 24, причем в группу «Коммунисты России» входило всего 355 человек из 1068[9].

I Съезд народных депутатов РСФСР открылся 16 мая 1990 г. в 10 часов утра в Большом Кремлевском дворце. В первые же дни своей работы он принял важнейшие для развития России решения. Прежде всего, речь идет о принятии Декларации о независимости РСФСР и начале разработки новой российской Конституции. Кроме того, важным стало избрание Председателя Верховного Совета РСФСР и принятие закона «О механизме народовластия в РСФСР». Практически все принятые решения были реализацией предвыборной платформы блока демократических сил.

Принятие Декларации о государственном суверенитете РСФСР стало одним из весомых факторов в процессе распада советской государственности. Ее появление положило начало так называемой «войне законов» СССР и РСФСР. Тем не менее в мае 1990 г. депутаты, и, прежде всего, Б.Н. Ельцин как признанный лидер демократического движения и апологет демократических преобразований в России руководствовались благими намерениями и считали государственный суверенитет РСФСР необходимым условием для процветания страны. Так, 22 мая 1990 г. Б.Н. Ельцин заявил: «Нельзя мириться с положением, когда по производительности труда республика находится на первом месте в стране, а по удельному весу расходов на социальные нужды — на последнем, 15-м. Единодушное голосование народных депутатов по включению обсуждаемого вопроса в повестку дня говорит о том, что всем нам до предела ясно, что один из важнейших тактических путей выхода из кризиса — обеспечение реального народовластия в России. Средством достижения этой цели является обеспечение реального суверенитета России, равной среди равных союзных республик... Проблемы республики нельзя

[7] *Челноков М.* Россия без Союза, Россия без России... М., 1994. С. 27.

[8] Там же.

[9] Парламентские фракции и блоки: Справочник для парламентских журналистов. Приложение к инф. бюллетеню «Парламентская неделя». М., 1993. С. 28.

решать, не обладая полнокровным политическим суверенитетом... Необходим политический суверенитет России и в международных делах»[10]. Хотя вопрос вызвал острые дискуссии, 12 июня 1990 г. Съездом народных депутатов РСФСР Декларация была принята[11].

На I Съезде народных депутатов РСФСР впервые был официально поднят вопрос о подготовке новой Конституции РСФСР. В Постановлении Съезда народных депутатов РСФСР «О некоторых вопросах подготовки проекта Конституции РСФСР» от 22.06. 1990 г. признавалось, что действующая Конституция РСФСР не соответствует новым условиям и задачам. Для разработки новой Конституции в составе Верховного Совета РСФСР была образована Конституционная Комиссия[12].

Новая Конституция должны была, по мысли депутатов, объединить в себе все достижения действующего Основного Закона РСФСР и зарубежного опыта, особое внимание предполагалось уделить правам и свободам человека: «Новая Конституция должна стать юридической базой коренной перестройки всей жизни российского общества, законодательной основой окончательного преобразования тоталитарной империи в демократическую федерацию, надежной гарантией демократических прав и свобод каждого человека и гражданина, важным инструментом построения общества, социальная, экономическая и политическая жизнь которого отвечала бы современным стандартам культуры, благосостояния, гуманизма, свободы, демократии и справедливости»[13].

Закон «О механизме народовластия в РСФСР» заложил основы деятельности органов государственной власти на много лет вперед. Его появление показало, что новые органы власти дистанцируются от КПСС и господствующих ранее принципов управления. В частности, он предусматривал, что государственная власть в РСФСР осуществляется народом непосредственно или через представительные органы власти в центре и на местах. В РСФСР не допускается совмещение должности руководителя государственного органа власти или управления с любой другой должностью, в том числе в политических или общественно-политических организациях[14].

[10] Советская Россия. 1990. 25 мая.

[11] Известия. 1990. 13 июня.

[12] О работе над проектом новой Конституции РФ: Документы I—IX Съездов народных депутатов РФ. М., 1993. С. 2.

[13] *Кикоть В.А.* За демократизацию и гуманизацию конституционного строя России — вопреки сопротивлению «идейного» недомыслия // Конституционный вестник. 1990. № 2. С. 35.

[14] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 4. Ст. 52.

Высшим должностным лицом РСФСР с момента появления Съезда народных депутатов и до выборов первого Президента России 12 июня 1991 г. являлся Председатель Верховного Совета РСФСР. Будучи подотчетным Съезду народных депутатов и Верховному Совету РСФСР, он обладал широкими полномочиями и оказывал существенное влияние на работу этих органов. Выборы Председателя ВС РСФСР на I Съезде прошли в три тура. В качестве лидера демократической общественности была выдвинута кандидатура Б.Н. Ельцина. Он выступил на Съезде с радикальной программой вывода России из кризиса, предложив «не ломая систему сразу, строить рядом новое здание, отказываясь на деле от монополии партии на власть, передав власть народу и Советам»[15]. Б.Н. Ельцин выступал за суверенитет России в составе обновленного Союза, за предоставление полной экономической самостоятельности предприятиям и организациям, за суверенитет автономий и экономическую самостоятельность регионов и областей, считал необходимым перевод армии на профессиональную основу, требовал принятия закона о свободе слова и печати, считал возможным куплю-продажу земли[16].

Кандидатом, поддержанным ЦК КПСС, стал И.К. Полозков. Однако и его программу нельзя назвать консервативной. Он выступал за суверенизацию России, за новую Конституцию. Признавая необходимость реформ в экономике, он, однако, считал необходимым четкое регулирование рынка со стороны государства, развитие планово-рыночных отношений[17].

Первые два тура голосования не смогли определить победителя. В третьем туре состав кандидатов изменился: если от радикалов попрежнему выступал Б.Н. Ельцин, то в качестве его соперника был выдвинут Председатель Совета Министров РСФСР А.В. Власов. Третьим кандидатом стал В. Цой, набравший 11 голосов. А.В. Власов, не скрывая своей приверженности социалистическому строю, предлагал программу, во многом сходную с программой Б.Н. Ельцина: за децентрализацию управления, преодоление монополизма, равноправие разнообразных форм собственности, предоставление полной хозяйственной самостоятельности предприятиям, полноценный экономический и политический суверенитет РСФСР в составе СССР[18].

29 мая 1990 г. в третьем туре победу одержал Б.Н. Ельцин. Од-

[15] Первый Съезд народных депутатов РСФСР: Стенографический отчет. М., 1992. Т. 2. С. 232.

[16] Там же. С. 232—251, 381—390.

[17] Там же. С. 251—266.

[18] Там же. С. 391—406.

нако назвать эту победу убедительной трудно, поскольку Борис Николаевич получил 535 голосов из 531 необходимых, 502 депутата проголосовали против его кандидатуры[19].

Победа Б.Н. Ельцина на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР позволила ему оказывать огромное влияние на политическое развитие республики в 1990—1991 гг. Постепенно он приобретает все больший политический вес и уже летом 1991 г. становится Президентом России, формируя новые политические институты, а с 1992 г. начинает последовательно проводить линию на дискредитацию Съезда.

Обращаясь к фигуре Б.Н. Ельцина, на сегодняшний день мы сталкиваемся с целым рядом устоявшихся клише. Одно из них — безусловная и неоспоримая приверженность Б.Н. Ельцина демократическим ценностям, представление его политики как некоего эталона российской демократии. При этом политические силы, по тем или иным причинам не поддерживающие линию первого российского Президента, уже не могут рассматриваться как в полной мере демократические. Подобный стереотип прочно закрепился и в отношении Съезда народных депутатов РСФСР. Пока депутаты Съезда в большинстве своем выступали единым фронтом с Б.Н. Ельциным, Съезд представлялся в официальных СМИ как орган демократический, когда же стали появляться существенные разногласия, он потерял этот статус. В мемуарах Б.Н. Ельцина и книгах его сторонников при упоминании российского Съезда народных депутатов делается акцент на том, что большинство депутатов состояли в коммунистической партии[20]. Но из биографии Б.Н. Ельцина также нельзя вычеркнуть его партийное прошлое. Точно так же, как нельзя его вычеркнуть и из послужных списков его ближайших соратников. По данным на апрель 1993 г., более 80% чиновников в исполнительных структурах РФ в прошлом состояли в КПСС, кроме того, многие из них работали на ответственных постах в органах власти СССР[21]. И сам Б.Н. Ельцин, и демократическое движение в целом вышло из коммунистической партии. В этом смысле и Съезд народных депу-

[19] Первый Съезд народных депутатов РСФСР: Стенографический отчет. М., 1992. Т. 2. С. 445.

[20] См.: *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М., 1996; *Ельцин Б.* Записки президента. М., 1994; *Карпусь И.А.* Свое и чужое: Дневник современника (1967—1998). Омск, 1999; *Костиков В.* Роман с Президентом: Записки пресс-секретаря. М., 1997; *Коржаков А.* Борис Ельцин: От рассвета до заката. М., 1997; *Мороз О.* Так кто же расстрелял Парламент? М., 2007 и др.

[21] Политическая Россия сегодня (Исполнительная власть, Конституционный суд, лидеры партий и движений): Справочник. М., 1993.

татов, и сформированные Б.Н. Ельциным структуры имеют один источник.

Первые разногласия между депутатским корпусом и Б.Н. Ельциным стали проявляться уже в 1991 г. Действия Б.Н. Ельцина в области подписания нового Союзного договора, экономической политики республики, его стиль ведения заседаний Съезда и Верховного Совета РСФСР вызывали критику со стороны ряда депутатов. Так, 21 февраля 1991 г. на заседании Верховного Совета РСФСР прозвучало так называемое «заявление шести»[22]. В нем говорилось, что надежды, возлагаемые на Б.Н. Ельцина, воспринимаемого как сильного лидера, способного вывести страну из кризиса, не оправдались: «В прогрессивной поначалу деятельности Б.Н. Ельцина все явственнее стали проступать авторитарность, стремление единолично решать вопросы внутренней и внешней политики, пренебрежение законом и мнением конституционных органов. Обещая способствовать единению общества, он привел и Парламент, и республику к ожесточенному противостоянию политических сил»[23]. Зимой 1991 г. это заявление было негативно воспринято большинством депутатов и общественностью, однако позже, по мере приобретения Б.Н. Ельциным все больших властных полномочий, подобное мнение стало широко распространенным.

Важнейшим фактором в истории РСФСР 1990—1991 гг. стала борьба российского руководства с союзным Центром. В рамках этой борьбы депутаты Съезда рассматривали возможность создания и подписания нового Союзного договора с республиками, входящими в состав СССР. Разрабатывался проект новой Конституции России как самостоятельного государства. С помощью новой Конституции депутаты надеялись обеспечить самостоятельность РСФСР, изменить ее взаимоотношения с союзным Центром. Так, О. Румянцев назвал конституционную инициативу «главным козырем суверенитета»[24]. Вносились поправки в действующую Конституцию РСФСР[25]. Поправки в первую очередь касались изменений системы государствен-

[22] Заявление подписали: Зам. Председателя ВС РСФСР С. Горячева, зам. Председателя ВС РСФСР Б. Исаев, Председатель Совета Национальностей ВС РСФСР Р. Абдулатипов, Председатель Совета Республики ВС РСФСР В. Исаков, зам. Председателя Совета Республики А. Вешняков и зам. Председателя Совета Национальностей РСФСР В. Сыроватко.

[23] Известия. 1991. 22 февраля.

[24] Конституционный вестник. 1990. № 2. С. 13.

[25] По ст. 104 п.1 действующей Конституции РСФСР внесение изменений и дополнений в Конституцию РСФСР относилось к исключительному ведению Съезда народных депутатов РСФСР.

ной власти республики, в том числе усиления ее исполнительных органов, закрепляли разделение властей в РСФСР.

Так, на II Съезде народных депутатов РСФСР было принято постановление, определившее необходимость введения в РСФСР поста Президента[26]. Примечательно, что такое серьезное решение было поставлено на голосование Председательствующим уже в самом конце рабочего дня, без предварительного обсуждения. Постановление было принято 539 голосами «за»[27].

Вопрос о подписании нового Союзного договора стал камнем преткновения между Председателем ВС РСФСР и депутатским корпусом. Понимая важность этого вопроса, депутаты на каждом Съезде обращались к нему (причем как до подписания Беловежских соглашений, так и после). Однако в этом они вступали в противоречие с позицией радикалов Съезда, и, прежде всего, Б.Н. Ельцина. Когда народные депутаты РСФСР на II Съезде попытались начать обсуждение нового союзного договора, Б.Н. Ельцин в полной мере использовал прерогативы своего положения. Считая, что главный упор на Съезде необходимо сделать на продовольственную программу и аграрную реформу, Б.Н. Ельцин утверждал, что «если мы к этому добавим вопросы политические, в особенности Договор Союзный, декреты и т.д. и т.д., то мы просто перед народом не выполним свою задачу»[28].

После такого заявления Председателя ВС РСФСР на Съезде стали выступать депутаты, требующие внесения обсуждения нового союзного договора в повестку дня. Б.Н. Ельцину пришлось уступить, однако он предложил ограничиться только обменом мнениями народных депутатов. Таким образом, фактически вопрос о новом союзном договоре откладывался. Хотя депутаты, в конце концов, добились создания рабочей комиссии Съезда для работы по подготовке союзного договора, реального его обсуждения на Съезде не было, и, как показало время, разработка союзного договора на уровне Правительства РСФСР не дала практически никаких результатов. Подобная ситуация наблюдалась и на последующих съездах.

Важно заметить, что новый Союз, как явствует из материалов обсуждения этого вопроса на съездах, мыслился большинством депутатов уже не как Союз советских социалистических республик с соответствующей ролью коммунистической партии, а скорее как союз свободных государств. При этом Россия должна сама решать, какие именно функции будут переданы ею союзному центру.

---

[26] Российская газета. 1990. 15 декабря.

[27] Там же.

[28] Известия. 1991. 22 февраля.

После введения в России поста Президента и событий августа 1991 г. начался новый этап в эволюции государственности РСФСР. Обретение независимости от союзного центра вскрыло глубину противоречий в самой российской власти. Хотя осенью 1991 г. депутаты и Президент единодушно выступили за необходимость начала в России радикальных экономических реформ, а V Съезд народных депутатов предоставил Президенту чрезвычайные полномочия, позволявшие ему, в том числе, издавать указы, имеющие силу законов, отношение к Съезду среди соратников Б.Н. Ельцина уже изменилось. В октябре 1991 года в интервью газете «Аргументы и факты» Г. Бурбулис, занимавший тогда пост Госсекретаря РСФСР, заявил: «В свое время мы востребовали Президентство как форму правления, обеспечивающую полноценную государственность как форму управления Россией... Так давайте доведем до логического завершения этот замысел и давайте наберемся мужества и скажем, что нынешние Советы, созданные в свое время, могут стать серьезным тормозом этих самых радикальных реформ, поскольку и состав их, и предназначение, и способ организации работы во многом не являются оптимальными и эффективными»[29].

Президент по своему усмотрению сформировал Правительство, которое с 1992 года начало проводить в России радикальные реформы. Эти реформы, предусматривающие в первую очередь либерализацию цен и приватизацию государственной собственности, были призваны полностью изменить экономику России, знаменовали переход к рынку.

Важным решением осени 1991 г. стал Указ Президента РСФСР № 169 от 6 ноября «О деятельности КПСС и КП РСФСР», которым деятельность КПСС и КП РСФСР на территории РСФСР прекращалась, а их организационные структуры распускались[30]. К этому времени КПСС уже не была монолитной, и после запрета деятельности партии в России образовался целый ряд нелегальных коммунистических организаций. Многие депутаты Съезда еще ранее вышли из КПСС, теперь же в отсутствие партии идентифицировать того или иного депутата Съезда как последовательного коммуниста становится затруднительно. Хотя на Съезде продолжала существовать фракция «Коммунисты России», она, равно как и другие фракции, не оказывала определяющего влияния на результаты голосования входящих в нее депутатов.

8 декабря 1991 г. были подписаны Беловежские соглашения, положившие конец существованию СССР. Со стороны России они

[29] Аргументы и факты. 1991. № 41.

[30] Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 45. ст. 1537.

были ратифицированы Верховным Советом РСФСР, который являлся постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом государственной власти РСФСР и одновременно органом Съезда народных депутатов РСФСР. Большинство депутатов ВС РСФСР проголосовали «за» ратификацию Соглашений и денонсацию существующего Союзного договора. «За» голосовали и члены фракции «Коммунисты России». В голосовании приняли участие около 200 человек.

Правомерность действий Верховного Совета РСФСР до сих пор является предметом острых дискуссий. Согласно ст. 109 п. 15 действующей Конституции РСФСР именно Верховный Совет ратифицирует и денонсирует международные договоры РСФСР. В то же время, согласно той же Конституции, Съезд народных депутатов РСФСР правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению РСФСР и вправе отменять акты, принятые Верховным Советом РСФСР.

VI Съезд народных депутатов, открывшийся в апреле 1992 г., не одобрил ратификацию Беловежских соглашений. Однако речь не шла и об их отмене. Была создана общественная комиссия по подготовке к заключению нового Союзного договора[31]. В РФ продолжала действовать Конституция 1978 г. Депутаты высказались на Съезде против экономических реформ, предпринимаемых Правительством. Надо сказать, что «шоковая терапия» оказалась крайне болезненной для населения России, а значительное число промышленных предприятий было поставлено на грань банкротства. Депутаты потребовали пересмотра проводимого в стране курса реформ.

VI Съезд народных депутатов РФ является своеобразным водоразделом во взаимоотношениях депутатов, с одной стороны, и Президента и структур исполнительной власти — с другой. Именно тогда Б.Н. Ельцин впервые поставил под сомнение необходимость существования Съезда. Центральными проблемами противостояния в высших эшелонах российской власти стали экономические преобразования и конституционная реформа. Кроме того, важным был вопрос о дальнейшем взаимодействии РФ с бывшими союзными республиками.

Следует подчеркнуть, что критикуя правительственный курс, депутаты не предлагали вернуться к плановой экономике. Говорить о том, что народные депутаты РФ выступали против проведения рыночных реформ, неправомерно. Это доказывают как выступления депутатов на Съезде, так и появление альтернативных экономических программ, целью большинства которых было также установле-

[31] *Исаков В.* Госпереворот. М., 1995. С. 84—85.

ние в России рыночной экономики. При этом предлагаемые депутатами меры предполагали больший контроль со стороны государства за развитием реформ и большую роль государства в экономике в целом[32].

Проект новой Конституции, разрабатываемый Конституционной Комиссией, был в основном подготовлен уже к V Съезду народных депутатов РСФСР. Однако ни на этом Съезде, ни на последующих принят он не был. Этому было много причин. Во-первых, надежда многих депутатов на сохранение или создание союзного государства с другими республиками СССР, когда роль РСФСР в этом союзе еще предстояло определить. Во-вторых, позиция Б.Н. Ельцина, который, заняв пост Президента, а затем получив дополнительные полномочия на V Съезде в октябре 1991 г., был не согласен со статусом Президента в проекте Конституционной Комиссии. В-третьих, сложности самого процесса принятия новой Конституции. В-четвертых, наличие как на Съезде народных депутатов РСФСР-РФ, так и в целом на политической сцене России целого ряда политических сил, заинтересованных в коренном изменении существующего политического строя и предлагающих свои проекты нового Основного Закона России[33].

Политический кризис, развернувшийся на VI Съезде народных депутатов, завершился компромиссом, в состав Правительства были введены новые члены, кандидатуры которых были одобрены депутатским корпусом[34].

Новое обострение отношений между ветвями власти в России наблюдалось на VII Съезде народных депутатов в декабре 1992 г. К этому времени экономическое положение в России стало критическим. По данным института социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии Наук, реальные доходы населения к концу 1992 г. снизились до 44% от уровня начала года. Доля расходов на питание в потребительском бюджете российской семьи в 1992 г. в среднем составила 60%, а у семей с детьми и пенсионеров до 80—90% денежных поступлений. Уровень потребления упал существенно ниже, чем производство, — если в конце 1992 г. Россия по производству национального дохода находилась

[32] См., напр.: Реформа без шока. М.; Сан-Франциско, 1992; Программа выхода из кризиса и социальной переориентации экономики России. М., 1992 и др.

[33] См.: Конституции РФ: Альтернативные проекты. М., 1993; Проекты Конституции РФ и аналитические материалы (в двух частях). М., 1993.

[34] *Шевцова Л.* Режим Б. Ельцина. М., 1999. С. 82—83.

на уровне 1976 г., то по уровню и структуре потребления — на уровне 60-х гг.[35] В этих условиях депутаты признали работу Правительства неудовлетворительной и отказались продлить чрезвычайные полномочия, данные Президенту год назад. Кроме того, в действующую Конституцию РФ было решено ввести ряд поправок, главные из которых касались введения подотчетности Правительства не только Президенту, но и Съезду народных депутатов и Верховному Совету РФ. Кроме того, предлагалось дополнить ст. 121-6 Конституции, согласно которой полномочия Президента РФ не могут быть использованы для изменения национального устройства РФ, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, положением, что в противном случае эти полномочия прекращаются немедленно[36].

В ответ на это Президент с трибуны Съезда заявил: «С таким Съездом работать больше стало невозможно»[37] и предпринял первую попытку государственного переворота[38]. В конфликт законодательной и исполнительной ветвей власти вмешался Председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин. Благодаря его посредничеству было принято постановление «О стабилизации конституционного строя РФ»[39], между ветвями власти был достигнут компромисс. Утвержден новый состав Правительства, во главе которого теперь стоял В.С. Черномырдин.

Однако уже весной 1993 г. в РФ вновь разразился политический кризис. Правительство проводило курс, мало отличающийся от прежнего, согласование с Президентом проекта новой Конституции заходило в тупик, а экономический кризис в России все более углублялся. На собравшемся в марте 1993 г. VIII Съезде народных депутатов поправки в Конституцию, не принятые VII Съездом, были введены в действие[40]. В ответ на это 20 марта 1993 г. по Центральному телевидению прозвучало очередное обращение Президента к гражданам России. Назвав VIII Съезд народных депутатов генеральной репетицией реванша бывшей партноменклатуры[41], Б.Н. Ель-

---

[35] *Согрин В.* Политическая история Современной России. М., 1994. С. 130—131.

[36] Седьмой Съезд народных депутатов РФ (1—14 декабря 1992 г.): Стенографический отчет. М., 1993. Т. 1. С. 305—319.

[37] Российская газета. 1992. 11 декабря.

[38] См.: Андронов И. Моя война. Б.м., Б.г. С. 233—235.

[39] О работе над проектом новой Конституции РФ: Документы Первого—Девятого Съездов народных депутатов РФ. М., 1993. С. 5—6.

[40] Московские новости. 1993. № 12. 21 марта. С. 10.

[41] Российская газета. 1993. 23 марта.

цин заявил, что им подписан Указ об особом порядке управления страной, в соответствии с которым на 25 апреля 1993 г. назначалось голосование о доверии Президенту и вице-президенту РФ. Б.Н. Ельцин отметил, что одновременно с голосованием о доверии Президенту будет проводиться голосование по проекту новой Конституции и проекту закона о выборах федерального парламента. Согласно указу, объявленному Б.Н. Ельциным, любые решения любых органов и должностных лиц, направленные на отмену и приостановление указов и распоряжений Президента и постановлений Правительства, не имеют юридической силы[42].

Указ Президента тогда не поддержали Вице-президент А. Руцкой, Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин и силовые министры. В итоге текст Указа появился в газетах в измененном виде и не содержал уже радикальных предложений в отношении Съезда, озвученных Президентом.

Съезд народных депутатов РФ расценил действия Президента 20 марта как попытку государственного переворота. IX внеочередной (Чрезвычайный) Съезд народных депутатов РФ, проходивший с 26 по 29 марта 1993 г., вынес на голосование вопрос об импичменте Президента. Следует сказать, что этот вопрос не был изначально внесен в повестку дня[43]. Первоначально депутатский корпус был настроен на достижение компромисса с исполнительной ветвью власти, и только 28 числа в результате действий самого Б.Н. Ельцина голосование по импичменту Президента состоялось. За импичмент Президента проголосовали 617 депутатов, против 268. Для принятия решения требовалось квалифицированное большинство в 2/3 голосов, цифра 617 была меньше требуемой, таким образом предложение принято не было[44]. Интересные сведения о планах Президента в случае объявления импичмента содержатся в книге А. Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката»[45].

В борьбе со Съездом народных депутатов Б.Н. Ельцин широко использовал средства массовой информации. Показательно, что по мере обострения конфликта президента и Съезда СМИ все чаще определяют Съезд как орган коммунистический, да и сам Президент связывал его с бывшей партноменклатурой. Что же конкретно в решениях Съезда можно квалифицировать как возврат к коммунистической эпохе? Поправки в Конституцию, принимаемые Съездом

---

[42] Московские новости. 1993. № 13. 28 марта. С. 2.

[43] См.: Девятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РФ: Стенографический отчет, 26—29 марта 1993 года. М., 1994.

[44] Коммерсантъ-daili. 1993. 30 марта. С. 9.

[45] *Коржаков А.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997.

и уточняющие статус действующих государственных органов, являются его неотъемлемым правом и практиковались, начиная с 1990 г. Только пока они шли в приемлемом для Б.Н. Ельцина русле, они трактовались как нормальное явление в процессе эволюции политической системы, особенно если речь шла о приобретении независимости от союзного центра. Когда же Съезд попытался уточнить статус Президента (который де-факто существенно поменялся в течение 1991—1992 гг.), Б.Н. Ельцин счел это право опасным.

Критика «шоковой терапии» на Съезде была обусловлена тяжелейшим кризисом, в котором оказалась страна вопреки обещаниям Президента годичной давности. Причем на Съезде не было речи о возврате к прежней экономической системе, депутаты требовали корректировки курса реформ.

Проект Конституции, разработанный Конституционной Комиссией, предполагал создание в России парламентско-президентской республики. Когда в мае 1993 г. появился так называемый «президентский проект», который лег в основу текста Конституции 12 декабря 1993 г., он во многих положениях повторил проект Конституционной Комиссии. Разница заключалась главным образом в разделе, посвященном системе государственной власти РФ. В новом проекте Россия выступает как президентская республика с чрезвычайно широкими полномочиями Президента и слабым Парламентом. Наблюдая за дальнейшей эволюцией политической системы РФ, можно еще поспорить, где на самом деле имеет место реванш бывшей партноменклатуры.

Между тем образовавшиеся на руинах КПСС организации коммунистического толка Съезд народных депутатов «своим» не считали и относились к нему как к буржуазному парламенту, не имеющему ничего общего с настоящими органами советской власти. Мало того, в апреле 1992 г. в Нижнем Новгороде был образован Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьян, специалистов и служащих как альтернатива Съезду народных депутатов РФ[46]. Современ-

[46] См.: Документы Съезда рабочих, крестьян, военнослужащих и трудовой интеллигенции // Молния. 1993. № 50. С. 2; О ходе создания и деятельности Советов: Постановление съезда Советов // Наш выбор. 1992. № 21 (42). С. 2; Закон о порядке выборов и отзыва депутатов в Российской Советской Федеративной Социалистической республике [Проект] // Наш выбор. 1992. № 22 (43). С. 3; Постановление Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьян, специалистов и служащих «О подготовке и проведении съезда Советов, забастовочных и рабочих комитетов» // Молния. 1993. № 63. С. 2; Российский Съезд советов рабочих. Нижний Новгород, 18—19 апреля 1992 г. // Наш выбор. 1992. № 11 (32). С. 1.

ные коммунисты также дают крайне негативные оценки Съезду. Так, выступая на Юбилейной научно-практической конференции, посвященной 20-летию со дня начала работы Первого Съезда народных депутатов РСФСР, 15 мая 2010 г. в Москве Ю.М. Воронин заявил, что большинство депутатов Съезда только по форме носили партийные билеты. «Это были перевертыши, карьеристы, патологические ненавистники советской власти, которые сыграли зловещую роль в распаде СССР. Это была пародия на народное представительство»[47]

Думается, в 1993 г. определение Съезда как коммунистической оппозиции служило главным образом для его дискредитации в глазах общественности. Съезд, как ранее союзный Центр, представлялся сторонниками Президента как главный тормоз предпринимаемых в России преобразований, а его оценка как коммунистического предполагала возможность борьбы с ним. И после расстрела Дома Советов, оправдывая свою жестокость в отношении Съезда народных депутатов и его сторонников, Б.Н. Ельцин в обращении к россиянам 6 октября 1993 г. определит события октября 1993 г. в Москве как «вооруженный мятеж, спланированный и подготовленный руководителями бывшего Верховного Совета, бывшим вице-президентом, руководителями ряда партий и общественных организаций... Цель — установление в России кровавой коммуно-фашистской диктатуры»[48].

21 сентября 1993 г. Президент Б.Н. Ельцин обнародовал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в РФ». Этим Указом он упразднил Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ, предложил Конституционному Суду РФ временно приостановить свою работу и ввел на территории РФ прямое президентское правление[49]. Указ № 1400 противоречил целому ряду статей действующей Конституции, и уже в ночь с 21 на 22 сентября Конституционный Суд констатировал это в специальном заключении[50].

Уже вечером 21 сентября 1993 г. к зданию Дома Советов в Москве, где в это время проводил заседания Верховный Совет РФ, а с 23 сентября начал свою работу последний, X Чрезвычайный Съезд народных депутатов РФ, стали подходить люди. Они пришли в первую очередь на защиту Основного Закона, попранного Президентом. Многие из этих людей уже приходили к Белому Дому два года

[47] [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://kprf.ru/rus_soc/79209.html.

[48] Москва. Осень-93: Хроника противостояния. М., 1995. С. 526.

[49] Там же. С. 3—5.

[50] Там же. С. 17.

назад точно с такими же целями — защищать народовластие. Показательно, что большинство коммунистических политических организаций отказались поддерживать Съезд осенью 1993 г., а лидер КПРФ Г. Зюганов в решающий момент проявил лояльность к действиям Б.Н. Ельцина.

Последовавшая после Указа № 1400 блокада здания Дома Советов, ограждение территории вокруг Белого Дома «спиралью Бруно», недопущение к блокированному зданию даже машин скорой помощи, останкинская бойня 3 октября, расстрел здания Парламента на площади Свободной России и бесчинства ОМОНовцев в ночь с 4 на 5 октября 1993 г. в Москве — все это уже не вычеркнуть из двадцатилетней истории новой России. Так же, как не вычеркнуть из нее и работу Съезда народных депутатов РСФСР-РФ, органа, избранного на первых альтернативных выборах в истории современной России и принявшего ключевые решения для демократического преобразования политической системы РФ. Съезд народных депутатов последовательно выступал за рыночные преобразования в экономике, внес большой вклад в разработку новой Конституции России. Он является важным звеном в процессе эволюции политической системы РСФСР-РФ начала 1990-х гг., проложившим путь к демократическому развитию России.

В.В. ТКАЧЕНКО

Отмена «политреформы» 2004 года: новые политические реалии и перспективы дальнейшего развития Украины

Одним из ключевых событий осени для Украины стала отмена политреформы шестилетней давности. Решение Конституционного Суда Украины № 20рп-2010 от 30.09.2010 г. вне всякого сомнения, является знаковым в истории деятельности единственного органа конституционной юрисдикции нашего государства, поскольку впервые неконституционным был признан закон о внесении изменений в саму Конституцию. Данное решение имеет также конститутивное значение для правой системы Украины в целом, поскольку с его принятием Украина возвращается к существовавшей ранее президентско-парламентской форме правления.

Органам власти, всем субъектам властных полномочий теперь надлежит выполнить это решение и изменить нормативно-правовые акты, приведя их в соответствие с редакцией Конституции 1996 года. Может ли отмена политреформы повлиять на легитимность высших органов государственной власти? Какие изменения принесла хорошо забытая старая Конституция? Какие нормативные акты претерпят изменения с возвращением Основного Закона образца 1996 года? Эти и другие вопросы, вытекающие из решения КСУ, вот уже второй месяц продолжают активно обсуждать представители власти и оппозиции в Украине, отечественные и зарубежные эксперты.

Оппозиция уже успела окрестить Верховную Раду «кладбищем украинской демократии», а решение КСУ — нелегитимным. ПАСЕ утвердила резолюцию относительно новых реалий в Украине, где выразила обеспокоенность в отношении того, что «нынешняя политическая стабильность в Украине «является хрупкой, поскольку систематические причины нестабильности недавних лет не нашли своего разрешения». Кроме того, Парламентская Ассамблея призвала украинскую власть имплементировать конституционную реформу, которая «создаст стабильные политические рамки с четким разделением между различными ветвями власти и эффективной системой баланса и контроля между ними»[1]. Обратившись к Венецианской ко-

[1] Новая-старая Конституция: коалиции нет, оппозиции тоже // Вся правда [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://vsyapravda.com/news/id32920/toprn1.

миссии с просьбой представить свое виденье относительно ситуации в Украине, ПАСЕ получила неоднозначный ответ секретаря этой комиссии Томаса Маркерта: «Это очень сложный вопрос, поскольку мы имеем очень необычную ситуацию. Мы действительно не имеем европейского опыта по этому вопросу»[2]. Представители партии власти отмечают тот факт, что поправки оппозиции к резолюции ПАСЕ не были учтены, что подтверждает законность возвращения к президентско-парламентской системе правления. В свою очередь, оппозиция требует проведения досрочных президентских и парламентских выборов в связи с отменой политреформы.

Несмотря на утверждения оппозиционеров, что после отмены политреформы Европа отвернется от Украины, ничего подобного не случилось. Наоборот, европейцы позитивно восприняли конституционные изменения в нашем государстве, ибо, по словам Аркадия Мошеса — директора программы «Россия в региональном и глобальном контексте» Финского института международных отношений, «во время действия Конституции 1996 года ЕС прекрасно сотрудничал с украинской властью». Еврокомиссар по вопросам расширения и политики добрососедства Стефан Фюле подчеркивает необходимость проведения конституционной реформы даже после решения Конституционного Суда. «Решение КС не является конституционной реформой, так что широкая конституционная реформа в Украине все еще остается актуальной. Все, что нужно, — построить эффективную систему сдержек и противовесов между ветвями власти», — сказал Фюле[3].

Несомненно, конституционные изменения — это внутреннее дело любого суверенного государства. Но тот факт, что демократический мир поддерживает действия новой украинской власти, свидетельствует о том, что она находится на правильном пути. Президент уверен, что в нашей стране должно быть обеспечено верховенство права, поэтому решение КСУ должно пройти легализацию. И это будет сделано в соответствии с действующим законодательством Украины, а не в пользу «политического момента», как это привыкли делать оппоненты политики Виктора Януковича.

Российские эксперты по-разному оценивают решение Конституционного Суда Украины о признании незаконной реформы 2004 г.,

---

[2] В Венецианской комиссии сомневаются в легитимности власти в Украине // ИА УНІАН [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.unian.net/rus/news/news-399212.html.

[3] Евросоюз: решение Конституционного Суда — это еще не реформа / / Фокус.ua [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://focus.ua/politics/146944.

по которой Украина из президентско-парламентской превратилась в парламентско-президентскую республику.

По мнению директора Международного института политической экспертизы Евгения Минченко, данное решение является «спорным», а усиление президентских полномочий может стать для Украины «рискованным» и даже опасным.

«Для Украины это серьезный шаг, потому что это страна с очень разнородными группами влияния, разнородными территориями, поляризованным электоратом. Та модель, которая существовала на Украине, позволяла сбалансировать эти интересы и не дать возможности стопроцентной победы одной из сторон. Новая модель — с сильным президентом — рискованная, возникает опасность "перекоса" в одну из сторон, а для Украины все же очень важно понятие баланса», — заявил Е.Н. Минченко.

«Возникает также правовая коллизия. Виктор Янукович избирался президентом с теми полномочиями, которые были предусмотрены реформой 2004 года. Теперь появляется вопрос, начинает ли Янукович пользоваться новыми полномочиями или ими будет пользоваться следующий президент», — отметил он.

Противоположную точку зрения высказал директор международных проектов Института национальной стратегии РФ Юрий Солозобов.

По его мнению, решение КС Украины было предсказуемым, а укрепление роли президента является наиболее приемлемой моделью для Украины.

«Реформа 2004 года делалась под конкретное лицо — Виктора Ющенко, который ушел в политическую лету. Украинская политическая система еще не устоялась, однако опыт парламентской республики или парламентско-президентской республики с упором на парламент в таких странах, как Молдавия или Киргизия и отчасти Украина, показал, что такая форма правления не ведет ни к чему хорошему. Это путь к хаосу. Опыт показал, что Украине стоит вернуться к наиболее оптимальному варианту, реализованному в России и в Казахстане — к президентско-парламентской республике с достаточно сильной президентской властью», — сказал Ю.М. Солозобов.

По мнению обоих экспертов, подобные изменения в Украине являются позитивным сигналом для Москвы.

«Для России это неплохой сигнал, потому что одна из ключевых проблем в наших отношениях — это риски политической нестабильности, то, что те договоренности, которые мы достигаем, через какое-то время другими участниками отменяются. В этом смысле если будет сохраняться стабильность власти "Партии регионов", то для

России это было бы более комфортно», — считает Е.Н. Минченко[4].

По мнению Ю.М. Солозобова, сильная президентская власть открывает больше реальных возможностей для вовлечения Украины в такие интеграционные проекты, как Таможенный Союз и Единое экономическое пространство (Россия, Казахстан, Беларусь).

В чем же тут дело, и что действительно предусматривает отмена политреформы 2004 года? В Украине конституционная реформа была «долгоиграющей» темой, жившей с тех пор, как появилось независимое украинское государство. При этом доминировали два основных акцента дискуссий. С одной стороны, прослеживались последовательные попытки втиснуть институт президентства в какие-то жесткие рамки, ведущие к ограничению полномочий президента, а с другой — наблюдалось некоторое смещение вопроса парламентаризма в сторону административно-территориальной реформы, что создавало предпосылки для реализации единственного варианта развития Украины вместо создания условий и политико-правовых рамок выбора и реализации права на альтернативу.

Перспективы дальнейшего развития парламентаризма обычно обсуждались в плоскости ограничения полномочий президентской вертикали власти. При этом в Украине, особенно в последние годы, наблюдалась странная тенденция под понятием «власти» подразумевать прежде всего президентскую и исполнительную ее ветви, на дискредитацию которых целенаправленно были направлены все парламентские кампании оппозиции[5].

Первое, что нужно четко понимать при изучении последствий конституционных изменений 2004 года, — это то, что они принимались в самый «горячий момент оранжевой революции», когда верх брали эмоции, а не рассудок. Изменения вносились поспешно, в пользу личных интересов некоторых участников политического процесса. За годы действия политреформы в Украине так и не удалось создать эффективную парламентско-президентскую форму правления. Напротив, несовершенство конституционных изменений, непонимание предыдущей властью основного значения этих изменений стали причиной «большого властного конфликта». Главным результатом политреформы можно считать политический беспоря-

---

[4] Российские эксперты разошлись в оценках усиления роли президента на Украине // ИА “Новости — Молдова” [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.newsmoldova.ru/newsline/20101001/188304434-print.html.

[5] *Тантели Р.* Парламентаризм в Украине: время реформ // ДИАЛОГ.ua [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://dialogs.org.ua/ua/project_ua_full.php?m_id=5457.

док в Украине и, как производная от бездействия власти, — экономический упадок нашего государства.

Второе, и это особенно важно, о своем недовольстве решением КСУ заявила только оппозиция. Конечно, ей не выгодно, чтобы в Украине установились стабильность и сильная власть. Сильная, развитая Украина не нужна оппозиции, ибо в таком случае оппозиционерам нечего будет критиковать. Решение КСУ об отмене политреформы 2004 года возвращает нас к нормам Основного Закона 1996 года, который, кстати, признан одним из самых демократических в мире. Теперь в Украине снова действуют нормы президентско-парламентской формы правления. А это означает, что у Президента Януковича появился шанс построить действительно эффективную страну. Президентско-парламентская форма правления позволит главе государства создать действенную систему противовесов и сдерживания между разными ветвями власти, что будет способствовать повышению результативности работы государственных органов власти в Украине. Сегодня в Украине, наконец, власть начала работать. Многим это не нравится, потому что такая политика президента не соответствует амбициозным планам оппозиционеров. Но главное, что эта политика отвечает интересам украинского народа и Украины, а все остальное имеет второстепенное значения.

Оценивая данное решение, необходимо учитывать правовую позицию самого КСУ, которая на протяжении нескольких лет не была однозначной по рассматриваемому вопросу. Так, определением № 6-у/2008 от 05.02.2008 г. КСУ отказал в возбуждении конституционного производства о признании неконституционным «закона о политической реформе» № 2222-IV от 08.12.2004 г. В данном определении он высказал правовую позицию о том, что «Положения закона о внесении изменений в Конституцию Украины после вступления им в силу становятся неотъемлемой составляющей Конституции Украины — отдельными ее положениями, а сам закон исчерпывает свою функцию», оставив открытым вопрос о возможности признания такого закона неконституционным. Немногим позже КСУ прямо признал за собой право осуществлять последующий конституционный контроль законов о внесении изменений в Конституцию. В Решении № 13-рп/2008 от 26.06.2008 г. КСУ определил, что «... именно он должен осуществлять последующий конституционный контроль и относительно закона о внесении изменений в Конституцию Украины после вступления его в силу, поскольку отсутствие судебного контроля процедуры его рассмотрения и принятия, ... может иметь следствием ограничение или отмену прав и свобод человека и гражданина, ликвидацию независимости или нарушение территориальной целостности Украины или изменение кон-

ституционного строя способом, который не предусмотрен Основным Законом Украины».

Действительно, исходя из принципов правового государства, верховенства права и высшей юридической силы Конституции, при принятии изменений в Конституцию должны строго соблюдаться установленные ею процедура, требования и ограничения (ст. 157, 158). КСУ должен иметь возможность осуществлять не только предварительный, но и последующий конституционный контроль их соблюдения парламентом Украины. В противном случае, теоретически возможно принятие изменений в Конституцию без заключения КСУ или вопреки его заключению, которыми ограничиваются или отменяются права и свободы человека, ликвидируется независимость Украины и т. д. Поэтому с юридической точки зрения с позицией КСУ и Решением № 20рп-2010 от 30.09.2010 г. следует согласиться, поскольку при принятии парламентом «закона о политической реформе» № 2222-IV от 08.12.2004 г. действительно имели место нарушения установленной процедуры (не получено заключение КСУ после внесения изменений в первоначальный законопроект).

Что касается вопроса о легитимности органов государственной власти, то ч. 2 ст. 152 Конституции четко устанавливает, что признанный неконституционным закон утрачивает силу со дня принятия КСУ соответствующего решения, т.е. на будущее. Таким образом, решением КСУ № 20рп-2010 от 30.09.2010 г. не отменяется действие Конституции Украины в редакции закона № 2222-IV в период со дня его принятия до 30.09.2010 г. Поэтому органы государственной власти, избранные либо назначенные на основании действовавшей ранее редакции Конституции, осуществляют свои полномочия легитимно. Тут действует принцип: закон обратной силы не имеет. Таким образом, они будут продолжать осуществлять свои полномочия в тех пределах и сроках, которые установлены законами. При этом одним из основных их заданий будет «подгонка» всех нормативных актов, изданных за 6 лет реформы, под Конституцию 1996 года, поскольку своим Решением КСУ возложил на органы государственной власти обязанность безотлагательного выполнения Решения относительно приведения нормативно-правовых актов в соответствие с прежней редакцией Конституции.

В свою очередь, с принятием Закона Украины «О Кабинете министров Украины» ВР уже привела 32 Закона в соответствие с Конституцией 1996 г. Основными из них являются законы «О службе безопасности Украины», «О прокуратуре», «О Конституционном Суде Украины», «О местных государственных администрациях». В прежнюю редакцию будут возвращены также акты, которые были изменены с принятием в свое время Закона Украины № 2222-IV.

Кроме того, в ближайшее время претерпят изменения и акты ВР, которые были изданы во исполнение ее расширенных полномочий в период реформы[6].

С восстановлением действия Конституции в редакции 1996 г. существенно меняется действующий механизм власти, в котором заметно усиливается роль президента Украины. Он получает мощные рычаги влияния на исполнительную власть, вновь обретает важнейшие кадровые полномочия по формированию состава Кабинета министров Украины, принятию решения о его отставке, назначению руководителей центральных органов исполнительной власти. К Президенту возвращаются полномочия по созданию и ликвидации министерств и других центральных органов исполнительной власти, отмене актов Кабинета министров Украины.

Единственный минус для президента — смена условий роспуска парламента. Редакция Основного Закона от 1996 года предусматривает только один повод: если в течение 30 дней очередной сессии парламентарии не приступят к выполнению своих прямых обязанностей. (Кстати, Леонид Кучма, у которого были трудные отношения с парламентариями, неоднократно порывался распустить Верховную Раду, но вследствие отсутствия законных оснований так и не смог этого сделать). Конституционная реформа 2004 года позволяла главе государства распустить парламент в том случае, если в течение месяца не сформирована коалиция (в редакции 1996 года такое понятие отсутствует) и если в течение 60 дней после отставки Кабинета министров не сформирован новый.

Создание коалиции перестало быть неотъемлемым условием дееспособности парламента, а народные депутаты вновь обрели возможность менять фракции без риска утратить депутатский мандат. В ВР вместо коалиции депутатских фракций уже создано парламентское большинство. Правительство теперь не подотчетно парламенту и формируется не по квотному принципу. Несомненно, это плюс. Ставка на политических назначенцев привела к тому, что должности в исполнительной вертикали власти занимали люди, далекие от профессионализма. В редакции Конституции 1996 года отсутствует и понятие «оппозиция», что позволяет не соблюдать квотный принцип при распределении должностей глав профильных комитетов Верховной Рады.

Срок полномочий Верховной Рады Украины и местных советов сократился с 5 до 4 лет. Серьезные изменения ждет законодатель-

[6] Назад у майбутнє? Політреформу скасовано // Юридический портал Pravotoday [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://pravotoday.in.ua/ua/.

ство о выборах, так как фактически утратила силу система пропорционального голосования. Национальный банк вновь получил право законодательной инициативы.

Опыт воплощения в жизнь конституционной реформы, так и не завершившейся за пять лет, говорит о том, что и нынешние изменения законодательства могут занять немало времени, то есть, часть законов будет действующими по одной редакции Конституции, часть — по другой. Чтобы избежать правового хаоса, Виктор Янукович обещает привлечь к конституционной реформе западных экспертов, сделать процесс открытым и публичным, оградить новую редакцию от посягательств на изменения на долгие годы. По словам Виктора Федоровича, изменение Конституции не должно осуществляться в угоду конкретной политической силе.

Между тем, согласно проведенному Институтом Горшенина опросу, 35,6% респондентов полагают, что политическую реформу отменили с целью обогащения политиков и их окружения. Только каждый пятый респондент (21%) видит за решением желание снять юридические противоречия. Еще 13,7% высказали мнение, что политреформа была отменена ради проведения социально-экономических реформ. 20,8% опрошенных вообще не в курсе отмены конституционных изменений 2004 года. Более половины украинцев (51,8%) считают, что отмена политической реформы 2004 года никак не изменит их жизнь — все останется таким, каким было раньше, 23,1% опасаются ухудшений[7].

Тем не менее следует констатировать тот факт, что отмена конституционной реформы вернула государство в правовое русло и фактически поставила точку в вопросе консолидации власти. Теперь можно смело проводить обещанные экономические реформы, для воплощения которых необходима сильная президентская власть и компетентный структурированный парламент. Новая украинская власть демонстрирует свою готовность взять на себя ответственность и решать проблемы, которые казались неразрешимыми в предшествующий период. Возвращаясь к президентско-парламентской модели, действующая украинская власть во главе с президентом Януковичем берет на себя большую ответственность, поскольку принимает огонь «оппозиционной» критики на себя. Для действующего президента и Кабинета министров было бы формально проще оставаться в рамках более сложной и громоздкой «коалиционной модели», ибо она дает возможности перекладывания ответственности за

[7] Новая-старая Конституция: коалиции нет, оппозиции тоже // Вся правда [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://vsyapravda.com/news/id32920/toprn1.

неудачи и проблемы на парламент, партнеров по коалиции, на нижестоящие органы власти, наконец, на оппозицию, имеющую многочисленное представительство в стенах Верховной Рады. Собственно, именно этим регулярно и занимались в период своего президентства и премьерства Виктор Ющенко и Юлия Тимошенко. Однако положение в экономике и социальной сфере страны сегодня таково, что для улучшения ситуации требуется известная концентрация власти в руках президента как арбитра и дополнительное политическое «прикрытие» Кабинету министров, призванному решать накопившиеся «непростые вопросы». Это дает возможность превратить политическую волю в политический двигатель. Уже у всех на слуху примеры новой, ответственной политики. Это Харьковские соглашения, развязавшие «проблемный» узел вокруг базирующегося в Севастополе Черноморского флота, корректировка соглашений по поставкам российского газа, «размораживание» экономического сотрудничества с Россией и т. д. Важным тестом для новой украинской власти стали успешно проведенные выборы в местные советы. Команда Януковича находится в начале большого пути, который будет непростым и потребует не только твердости, но и известной политической гибкости и взвешенности. От успеха политики Януковича и его соратников в конечном счете сегодня зависит будущее украинской государственности.

В.Н. КОЛЕСНИКОВ

Эволюция российского парламентаризма: традиция против модернизации

Отечественный путь становления парламентаризма никогда не был гладким и однозначным. Отличительной чертой российской политической системы во все годы существования парламента (или предпарламентских форм) было существование над ним независимой от него и обладавшей значительно большими возможностями верховной государственной власти, как правило, неизбираемой или избираемой на таких выборах, которые были подобием плебисцита — низшей формы народного волеизъявления.

Однако в современном российском политическом процессе, в функционировании парламента в первую очередь отчетливо проявляется наличие особого отечественного исторического кода взаимодействия власти и общества.

Прежде всего речь идет о реконструкции «... традиционной для России политической организации» — прежде всего, концентрации и персонификации власти; определяющую роль «личных отношений, персональных и групповых неофициальных связей» в становлении и функционировании новых государственных учреждений[1].

Сохраняется (и даже усиливает свои позиции) традиционная российская бюрократия с весьма размытыми представлениями о законности и границах своих прав, ориентированная на исполнительность (в ущерб квалификации) и личную преданность в качестве залога успешной карьеры. Благополучно дожили до начала нового века патронажно-клиентские отношения в политике, имеющие под собой не только прежние традиции, но и характерный тип массового сознания[2].

---

[1] *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М., 2000. С. 191; *Лукьянов А.И.* Парламентаризм в России (вопросы истории, теории и практики): курс лекций: учеб. пособие. М., 2010.

[2] *Розенбаум Ю.А.* Какой должна быть государственная служба // Власть. 1996. № 7. С. 55; *Мельников В.П., Нечипоренко В.С.* Государственная служба в России: отечественный опыт организации и современность. М., 2000. Ч. 2. С. 244.

Очевидно, что историческая инерция традиционного политического развития еще велика[3].

В русской исторической традиции, включая и особенности функционирования современного российского парламента, отчетливо выделяется ведущая роль представительного начала, но никак не законодательного, тем более властного.

Древнерусское вече, Боярская дума, затем Земский собор и царские Думы, тем более советы народных депутатов, по существу не являлись центрами власти. В полной мере этой традиции соответствует и современный отечественный парламент.

Далеко идущие исторические последствия, в том числе и для современного российского политического процесса, имеет тот очевидный факт, что все известные отечественные формы представительной власти никогда не реализовывали учредительную функцию по отношению к политическому порядку в целом. Даже Земский собор 1613 г., имевший все потенциальные возможности для учреждения нового порядка общественного устройства, ограничился всего лишь восстановлением привычной для общества приказной системы управления и самодержавной власти. Современный российский парламент, зарождавшийся на рубеже 80—90-х гг. XX в. также не смог выступить ведущей силой в учреждении новейшего политического строя. Конституция России 1993 г. была принята фактически вне воздействия народных депутатов[4].

При разработке и принятии действующей Конституции была совершена принципиальная для развития демократического политического представительства ошибка: в этот процесс не была вовлечены депутаты Верховного Совета РФ, что в конечном счете привело к трагедии 1993 года.

Борьба интересов и социальный договор как результат этой борьбы были исключены. В результате был закреплен перекос в сторону исполнительной власти, исключающий общую коллективную ответственность за судьбу и развитие страны. Получившаяся в итоге президентская республика развивается уже по собственной инерции,

---

[3] См. об этом: Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996; *Пивоваров Ю.С.* 1) Между казачеством и кнутом. К столетию русской конституции и русского парламента // ПОЛИС. 2006. № 2; 2) Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Там же. 2005. № 6; *Глебова И.И.* Как Россия справилась с демократией. Заметки о русской политической культуре, власти, обществе. М., 2006.

[4] См. подр.: *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

не имея противовесов в обществе. Реальная власть в стране теперь уже принадлежит неконституционному органу — администрации Президента, о которой в Конституции не сказано ни слова. Именно она теперь курирует Правительство. Именно она готовит кандидатуры губернаторов. И именно она уже давно дирижирует Государственной Думой и партиями. И реальная «конституция» государства все больше и больше не соответствует номинальной, формальной, приходя с нею во все большее противоречие[5].

Но самое главное заключается в том, что в нашем обществе отсутствует устойчивое, укорененное представление о ведущей роли представительного органа власти. Если попытаться сформулировать основную задачу, которую решали все отечественные собрания представителей, то она практически сводится только к совещательному, «советному» началу, не более того. Так было всегда, так фактически продолжается и в настоящее время.

Законодательная, властная, контрольная, да в целом и бюджетно-финансовая функции Федерального Собрания Российской Федерации реализуются им в режиме следования в русле функционирования исполнительной власти.

Таким образом, и исторически и практически современный российский парламент «играет» вторым темпом в реальном политическом процессе. Отсюда вытекает и адекватная оценка роли и деятельности парламента в глазах населения. На протяжении существования современной Государственной думы она никогда не входила в глазах общественного мнения в число ведущих политических институтов, вызывающих одобрение граждан.

Основная функция отечественного парламента — законодательная, вызывает много вопросов относительно системности и эффективности принимаемых законов. И хотя за 16 лет новому российскому парламенту удалось в целом закрыть новое законодательное поле страны, но это поле представляет собой во многом противоречивую и пеструю картину.

Поэтому пока Федеральное Собрание не станет современной, эффективной, квалифицированной системой по разработке высококачественных законов, оно не сможет занять достойное место «первой леди» среди ветвей российской власти.

Еще один урок, вытекающий из опыта отечественного парламентаризма, касается роли политических партий. Аксиоматичным является утверждение о том, что у нас маловыразительный парла-

---

[5] См.: *Тульчинский Г.Л.* О российском федерализме [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://2020strategy.ru/21c

мент потому, что нет настоящих политических партий. С принятием федерального закона «О политических партиях» отчетливо прослеживается устойчивое стремление со стороны исполнительной власти поставить под контроль формирующийся партийный рынок.

Суммарным итогом такой активности оказывается заметное снижение уровня и характера представленных в Государственной Думе гражданских интересов. Выборы в Думу IV—V созывов (2003 и 2007 гг.) обеспечили безоговорочное господство единственной политической силы — партии «Единая Россия», которую при всем желании нельзя назвать общенародной. С чисто количественной точки зрения можно увидеть, к примеру, что на сегодняшний день в Государственной Думе не представлены интересы более четверти населения страны[6].

Но менее важным является и обратное утверждение: у нас нет настоящих политических партий, потому что нет настоящего парламента. Партии и составленный из них парламент, лишенный права формирования исполнительной власти и влияния на деятельность правительства, не есть полноценный парламент. В политике только конкуренция политических партий на политическом рынке, их чередование у власти является двигателем прогресса[7].

К настоящему времени не смогла проявить себя Дума и как орган, контролирующий, ограничивающий влияние исполнительной власти. Парламентская практика 1994—2005 годов показала, что введенные Конституцией Российской Федерации институты: «недоверия правительству» со стороны Государственной Думы (ч. 3 ст. 117) и постановки Правительством Российской Федерации «перед Государственной Думой вопроса о доверии Правительству» — являются во многом формальными как с политической, так и с правовой точек зрения.

В лучшем случае весь конституционно-правовой механизм постановки вопроса о доверии правительству на деле предполагал его обращение к президенту: а доверяет ли он своему правительству? Не более того. В том же большинстве случаев, когда голосование в Думе даже не давало права задать от имени парламента этот вопрос президенту, все сводилось к психолого-пропагандистскому эффекту. Оппозиция сохранила свою репутацию в качестве таковой.

Массовое восприятие вотумов недоверия постепенно трансформировалось в понимание значительной частью граждан, что прави-

[6] *Соловьев А.И.* Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития // Парламентаризм в России и Германии. История и современность. М., 2006. С. 7.

[7] См. подр.: *Кынев А.В.* Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М., 2011.

тельство является лишь отражением, тенью, более мощной президентской власти. А президент для парламента, как показало развитие политического процесса в России, в том числе и в вопросах правительственной политики, был практически не досягаем и не подконтролен Думе.

Сильное президентство и слабый парламент в постсоветской Российской Федерации в определенной степени были следствием доминирования лидерского фактора в российской политической культуре. Эта особенность проявилась и в отношении парламентского института в его думской форме.

Трансформация российской политической системы от однопартийности времен КПСС к политическому доминированию «Единой России» практически ставит вопрос о достижимости в ближайшей перспективе заявленных в начале 1990-х годов целей демократического транзита. Критично низкий уровень общественного доверия к думской форме российского парламентаризма делает всю российскую политическую систему, где единственным стабилизирующим, но скоропреходящим фактором является авторитет президента, крайне нестабильной.

Риски дестабилизации и делегитимизации существующего политического режима в России к середине первого десятилетия XXI столетия резко возросли. И нынешнее состояние: общественная роль и характер массового восприятия парламентского института — одно из ключевых потенциальных кризисогенных факторов.

С учетом эволюции массовых настроений, которые по многим показателям возвращаются к уровню конца 80 — начала 90-х годов XX века, можно полагать, что в нынешнем российском обществе пока еще подспудно, но закладывается база для почти такой же общественной дестабилизации, какая произошла в стране на рубеже 90-х годов прошлого века.

Общепризнанно, что общество «творит» парламент, но и он «творит» общество.

Парламентаризм выступает в форме опосредованной демократии, при которой волеизъявление народа реализуется через промежуточное звено — депутатский корпус. Основной недостаток парламентаризма вытекает из самой его природы — парламент является промежуточным звеном, посредником между народом и процессом законотворчества. В этих условиях возникает потенциальная возможность того, что закон будет отражать личные или групповые мнения депутатов. Это грозит неполным и даже искаженным отражением в законах и других принимаемых документах воли народа, несбалансированностью интересов различных его групп и т.п.

Новейшие исследования отечественных ученых дают достаточно

тревожную характеристику качественного состава российских парламентариев. Так, например, отмечается увеличение представительства управленцев и предпринимателей в постсоветской истории российского парламента. В процентном отношении в настоящее время эта категория составляет уже более 40%. При этом представительство малого и среднего бизнеса крайне незначительно (1,5%), в то время как бизнеса в целом — 44% (2003 г.)[8]. И это одна из главных черт, отличающих российскую Государственную Думу от других парламентов. К примеру, в Италии нынешнее представительство бизнеса в 30% расценивается как беспрецедентно высокое[9].

Если общество, государство и, прежде всего, сам парламент не выработают эффективный и надежный механизм отбора в высший законодательный орган страны самых достойных своих представителей, то законодательный процесс рискует превратиться в один из самых доходных видов криминального бизнеса.

Отсюда вытекает важнейшая научно-теоретическая и практическая проблема современного российского парламентаризма — определение оптимального баланса общегосударственных и групповых интересов.

В странах Европы история парламентаризма — тоже не победное шествие по восходящей[10]. Особенность России — двоякого свой-

[8] См.: *Гаман-Голутвина О.В.* Доклад «Государственная Дума Российской Федерации в 1993—2003 гг.: персональный состав и тенденции эволюции», на семинаре «Современный российский парламент: историческая ретроспектива и европейский контекст» 1 декабря 2005 г. [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http: //www.politeia.ru/seminar.php?

[9] Там же. В числе отличий Государственной Думы РФ от других европейских парламентов автор доклада называет высокий удельный вес представителей госсектора, крайне низкий уровень представительства реального сектора экономики и значительную роль того феномена, который исследователи условно именуют «партией власти».

[10] Как утверждают результаты соцопросов «Евробарометра», авторитет бюрократических структур ЕС среди жителей Евросоюза неуклонно тает. С сентября по апрель 2008 года доверие европейцев к ЕЦБ снизилось с 48 до 39%, к Еврокомиссии − с 47 до 42%, а к Европарламенту − с 51 до 45%. Последнее имеет особое значение в свете приближающихся выборов в Европарламент, которые пройдут с 4 по 7 июня. Падение доверия к этому институту логично сопровождается ростом безразличия к его работе: на сегодняшний день в голосовании готовы принять участие лишь 34% европейцев.

Для сравнения, в последнем голосовании 2004 года принимали участие 45,5% избирателей, а на первых выборах 30 лет назад − 63,8%. При

ства: с одной стороны, это ее особый исторический путь и самобытность в организации власти, а с другой и одновременно с этим, — отставание на один-два шага от передовых стран, в том числе и в утверждении парламентаризма.

На протяжении всей нашей многострадальной истории парламент был всегда «нелюбимым ребенком» монархов, генсеков, президентов. Всякий раз, когда он высказывал свою особую позицию по самым больным для общества вопросам, доносил до верховной власти глас народа, он распускался, разгонялся, урезался, высылался. В настоящее время отношение к парламентаризму весьма противоречиво. В этом смысле показательно заявление Президента РФ В.В. Путина, который на торжествах, посвященных 100-летию российского парламентаризма, среди целей государственной политики определил задачу «...ценить и беречь сам институт парламентаризма, создать условия для эффективной работы важнейшего органа, который избирается народом и должен представлять и отстаивать его интересы»[11]. Но спустя два года следующий Президент РФ Д.А. Медведев высказал убеждение, что Россия не должна быть парламентской республикой. Отвечая в ходе рабочей поездки в Ижевск в ноябре 2008 г. на вопросы региональных журналистов по поводу изменений в Конституцию, которые, в частности, вводят обязанность правительства отчитываться перед парламентом, президент сказал: «Это не превращает нас в парламентскую республику и, скажу откровенно, я считаю, что Россия не должна быть парламентской республикой, для нас это просто смерти подобно»[12].

Достаточно противоречиво реализуется и представительная функция современного отечественного парламента. Как сегодня отражают интересы значимых социальных групп российские партии, мы

этом 64% опрошенных говорят, что недостаточно знают о работе Европарламента, 62% считают, что их голос ничего не изменит, а 55% полагают, что Европарламент не занимается вопросами, касающимися лично их («Евробарометр» показывает бурю [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.rbcdaily.ru/2009/04/17/focus/411094).

[11] Выступление Президента РФ В.В. Путина на торжественном приеме, посвященном 100-летию российского парламентаризма. 27 апреля 2006 года, Санкт-Петербург, Таврический дворец // Управление пресс-службы и информации Президента РФ [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/04/105122.shtml.

[12] *Медведев Д.А.* Быть парламентской республикой для России смерти подобно [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://gzt.ru/politics/2008/11/18/181520.html.

знаем. Притом, что партия «Единая Россия» имеет в Государственной Думе конституционное большинство, лишь 15—17% населения, по результатам опросов, считают, что эта партия выражает их интересы. Территориальный интерес представлен через механизм формирования СФ. Можно также считать, что при существующей системе избрания губернаторов сенаторы, направляемые ими в Совет Федерации, реально представляют интересы скорее федерального центра, чем территорий.

По сути дела, мы имеем сегодня государство, в котором главный механизм обратной связи — это представительство крупных корпораций. Говоря о формировании эффективных механизмов обратной связи в России, следует иметь в виду эту опасную диспропорцию политического представительства. Именно в направлении обратной связи снизу вверх должны заработать партии и механизмы территориального представительства. Доминирование корпораций является непреодолимой преградой на пути инновационных процессов развития мелкого и среднего бизнеса, делает неустойчивой всю систему государственного управления[13].

В этих условиях для оптимизации парламентской деятельности важно было бы, на наш взгляд, уже в настоящее время избавиться от нескольких существенных недостатков отечественной избирательной системы. Первый из них — конструкция системы не совсем адекватна российской политической культуре. Пример тому — монополия на формирование депутатского корпуса у нас отдана партиям: Государственная Дума избирается по партийным спискам полностью, а региональные парламенты наполовину. Но партии у нас в рейтинге доверия институтам, который регулярно составляет ведущие социологические центры страны, постоянно занимают последние места. Получается, что парламенты формирует институт, которому общество не доверяет[14].

---

[13] *Шабров О.Ф.* Сущность и механизмы политического представительства // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 6. Т. 2. С. 110—111.

[14] Эта ситуация в настоящее время заметно актуализируется. Бывший лидер партии «Правое дело» М. Прохоров на встрече с Президентом РФ Д. Медведевым в июне 2011 г. предложил обсудить вопросы совершенствования избирательной и политической системы. Он заявил, что сейчас Россия излишне централизована и предложил «ввести 25% одномандатников в Госдуму, что позволит талантливым людям, минуя политические партии, выходить на политическую арену» (см.: [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.finmarket.ru/z/nws/news.asp?id=2224878).

Второй порок избирательной системы — некоторые нормы закона сформулированы не лучшим образом, зачастую слишком жестко.

Третий недостаток — фактически непрекращающаяся практика постоянного изменения избирательного законодательства. В этом плане было бы оптимальным закрепить параметры избирательной системы на конституционном уровне.

Сфера парламентских отношений включает в себя, с одной стороны, все общество как совокупность политических субъектов, реализующих свое конституционное право на участие в формировании органов государственной власти через институты представительства и выборов; с другой стороны, это та часть политического пространства, в которой функционируют собственно парламентские институты — легислатуры в совокупности их социально-политических функций, депутатский корпус, инфраструктура парламентской деятельности. Хотя среди отечественных парламентариев отдается приоритет таким ценностям, как причастность к государственным и общественным делам, депутатская ответственность и творческая активность во взаимосвязях парламентариев с электоратом снижаются. Согласно данным С.П. Обухова, почти половина депутатов в 1993—2006 гг. отмечала, что в настоящее время они выполняют лишь необходимый минимум депутатских обязанностей: 23% парламентариев указали на то, что для них политическая государственная карьера не имеет особого значения в сравнении с самоутверждением в крупном бизнесе и предпринимательстве; 42% респондентов связывают это с ограничениями в сочетании депутатской деятельности и их участием в бизнесе и предпринимательстве[15]. В парламентской работе обозначается тенденция снижения ответственности парламентариев за принимаемые законы и претворение их в жизнь, ухудшение взаимодействия с избирателями[16].

В настоящее время утверждение стабильности в деятельности институтов государства — составная часть общемирового процесса модер-

---

[15] *Савченко И.С.* Парламентская дисциплина: закономерности и факторы развития: Автореф. дисс. ... д. полит. н. М., 2007. С. 2—3.

[16] *Алейник А.А.* Проблема статуса и профессионализации деятельности депутатов в современный период: Дисс. к. юрид. н. М., 1996; Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е.Б. Шестопала. М., 2000. Вып. 19; *Никитов В.* Интеграция и учет многообразия интересов в современном мире средствами парламентаризма // Власть. 2001. №. 1. С. 3—8; *Обухов С.П.* Современный российский парламентаризм: политические проблемы развития и их отражение в общественном мнении страны. (1989—2005 гг.): Автореф. дисс. ... д. полит. н. М., 2007.

низации, глобализации, перехода от традиционного к современному, от аграрного к индустриальному и информационному обществу[17].

С теоретической точки зрения представительные институты независимо от формы правления и политического режима конкретной страны обладают значительным стабилизирующим потенциалом. Это вытекает из сущности самой социально-политической природы парламентаризма как института, порожденного свободной волей населения и отражающего все многообразие интересов общества.

Еще дореволюционный российский государствовед В.М. Гессен отмечал, что «...единственным существенным признаком — необходимым и достаточным — конституционного государства является участие народа или народного представительства в осуществлении государственной власти»[18].

В этом плане парламент — это не только, можно даже сказать, не столько законодательный орган, сколько орган политической борьбы, где различные общественные интересы сталкиваются, скрещиваются, воюют друг с другом в различных формах парламентской деятельности.

Законодательный процесс в любом демократическом государстве используется прежде всего для реализации определенных интересов и силой государственных полномочий навязывания воли одной части общества другой. В этом смысле стратегической целью демократического парламента является максимальное приближение его законотворческой деятельности к высшей форме социального регулирования, каковой выступает общественный договор[19]. Но подлинный общественный договор возможен лишь при рассмотрении самых различных точек зрения на обсуждаемые в парламенте проблемы. Принцип политического плюрализма вытекает из фундаментального основания конституционного строя России — народовластия. Он «...означает создание возможностей оказывать влияние на политический процесс всем социально-политическим или иным организациям, деятельность которых имеет политический аспект и находится в рамках Конституции»[20].

Важнейшей специфической чертой парламента является то, что в его деятельности сплетены воедино два феномена: политика и право, представляющие собой формы или инструменты социального

---

[17] Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998. С. 6.

[18] *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 31.

[19] *Аузан А.А.* Переучреждение государства: общественный договор. М. 2006.

[20] *Козлова Е.И., Кутафин О.Е.* Конституционное право России. М., 2006. С. 134.

регулирования общественных отношений, объективно необходимые практически на каждом этапе общественного развития и вместе с тем в значительной степени не просто различные, но даже полярные. Эта противоположность базируется на двух принципиально разных типах социального регулирования.

Первый из этих типов можно назвать государственно-патерналистским. Суть его состоит в том, что отношения регулируются с позиции наличия некоего властного центра. Люди здесь находятся между собой в отношениях соподчинения, субординации. И основные методы регулирования таких отношений состоят в директивах, приказах, командах, распоряжениях, короче говоря, во властных велениях, адресованных от одних субъектов к другим[21].

Второй тип социального регулирования иногда именуют либеральным, исходя из того, что в этой сфере отношений действуют люди, обладающие свободой, не находящиеся в отношениях власти-подчинения и строящие свое взаимодействие на принципах координации, согласования интересов. Иными словами, здесь главным инструментом регулирования является не властное веление, а договор, соглашение[22].

Из сочетания этих, казалось бы, мало сочетаемых типов общественного регулирования проистекает стабилизирующее воздействие парламента, ибо не один из других институтов государственной власти не обладает подобными возможностями совмещения политических и нормотворческих функций.

Новые коридоры возможностей общественного развития в современную эпоху основываются на прочном фундаменте демократических ценностей, общественном доверии к властным институтам, умении и способности субъектов общественного развития вести диалог и приходить к консолидированному решению, наличии современных каналов рекрутирования элит, их мобильности.

Принципиальное значение для российского варианта воздействия парламентских отношений на политическую стабильность имеет учет конкретно-исторической специфики данного процесса. В связи с этим следует отметить, что институционализация выборов и иных

---

[21] В политической теории подобные методы регулирования отношений часто называют императивными, иногда административно-командными.

[22] См.: *Похмелкин В.В.* Соотношение политических и правовых начал в законодательном процессе // Оценка законов и эффективности их принятия: Материалы Международного семинара 16—17 декабря 2002 года г. Рязань [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: // http://www.duma.gov.ru/

институтов, включая парламентаризм, происходила и происходит в условиях двоякого рода адаптации. С одной стороны, масштабная трансформация социально-политических оснований российского общества осуществлялась и продолжает осуществляться под массированным воздействием зарубежных, прежде всего западных, идейно политических доктрин и практик.

С другой стороны, все большее значение приобретает способность государства и общества адаптировать к современным реалиям отечественный традиционализм во всем его многообразии. И если в начале демократического транзита первое из этих обстоятельств, несомненно, доминировало, то в настоящее время все обстоит значительнее сложнее. Не случайно проблема эффективности современных демократий в условиях традиционных обществ, включая Россию, в настоящее время находится в центре внимания зарубежных и отечественных исследователей.

Низкая эффективность в России многих заимствованных институтов, в первую очередь выборов и парламентаризма, с методологической точки зрения демонстрирует своего рода «конец транзитологии» — дань, которой долгое время отдавали многие отечественные ученые. Демократия как мегаполитический концепт с конца XX в. сталкивается с целым рядом вызовов, ответом на которые стал принципиальный вопрос, ставший лейтмотивом Всемирного политологического конгресса в 2006 г. в Фукуоке: «Работает ли демократия?»

Большинство современных исследователей разделяет также подход К. Поппера, согласно которому современное открытое демократическое общество с эффективной рыночной экономикой «...может нормально функционировать лишь при условии, что они, граждане, доверяют друг другу, как это свойственно людям, и знают, что требуется от них: честность, порядочность и истина. В обществе должна существовать элементарная степень взаимного доверия. Однако ничто не приведет к этой цели быстрее, чем доверие к власти закона — ... то есть доверие к правовым институтам государства и к чиновникам, несущим ответственность за исполнение закона»[23]. При этом, очевидно, что поддержка гражданами политических институтов предполагает адекватное понимание целей, намерений, программ действий органов государственной власти, доверие к ним и участие граждан в реализации программ, решении насущных проблем и вопросов совместно с органами власти. Институты выборов и парламентаризма призваны в наиболее существенном виде служить механизмом формирования такого рода общественного доверия. Глав-

[23] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 11.

ный вопрос здесь заключается в том, на какой стадии институционализации находятся парламентские отношения в современной России? В поисках ответа на этот вопрос важно иметь в виду два методологических замечания. Первое заключается в том, что процесс институционализации целесообразней трактовать скорее как закрепление, утверждение и основание для стабильного развития тех или иных общественных отношений, нежели как процесс выработки концепции и подходов к изучению этих отношений.

Второе замечание связано с тем, что становление и развитие парламентских институтов (впрочем, как и всех других) нельзя определить как заданный процесс поступательного движения[24]. Исторический опыт институционального развития в России показывает, что учредительная функция при создании политико-правовых правовых институтов далеко не всегда является эффективной. Конституционных оснований деятельности институтов может быть недостаточно для реализации их общественного предназначения. Политические институты не представляют собой неких раз и навсегда заданных, а потому и жестко неизменных феноменов. Напротив, в конкретной общественно-политической жизни происходят изменения в функционировании органов государственной власти, общественных институтов, равно как и статусно-ролевые изменения в жизни каждого конкретного человека. В силу различных объективных и субъективных причин процесс становления институтов может пойти иначе и привести к деинституционализации, то есть к искажению социально-политической природы институтов. Именно в таком контексте следует, с наших позиций, трактовать реальный процесс становления и развития парламентаризма в современной России.

Институционализация означает становление политических элементов системы, четко регламентированной политико-правовыми нормами. Это приводит к определенности, предсказуемости процессов управления, выработки и реализации эффективных решений во всех сферах общественной жизни, экономики, политики и т. п. При таком политическом режиме субъекты политической жизни, все общество в целом относятся с доверием к деятельности институтов, а это, в свою очередь, является самым существенным основанием социально-политической стабильности и устойчивости общественного развития. Становление и эффективность политических институтов определяются степенью их укорененности как форм социально-политической деятельности.

---

[24] *Хутинаев И.Д.* Теория и практика институционализации ветвей государственной власти Российской Федерации. М., 2006. С. 15—16.

Некоторые из этих институтов участвуют в осуществлении политических решений, другие же принимают эти решения: устанавливают налоговые ставки, перераспределяют средства, определяют права. Д. Кауфман и его коллеги из Всемирного банка составили исчерпывающий перечень мер по управлению государством для всех стран мира в шести сферах, представляющих собой отдельные (но тесно связанные между собой) основополагающие измерения качественного состояния национальных институтов, включающий такие показатели, как политический голос и степень ответственности; политическая стабильность; эффективность государственного управления; качество регулирования; законность; решение проблемы коррупции[25]. Несомненно, что первые два из этих показателей в наибольшей степени связаны с эффективностью парламентских институтов.

Очевидно, что в социально неоднородном обществе, тем более в современном российском социуме, отягощенном глубокими социальными расколами и размежеваниями, очень сложно достичь общественного консенсуса и реализовывать общественный договор. Диалог различных социальных групп по определению нестабилен, но именно он в итоге может привести к стабильному политическому развитию общества как единому политическому синтезу. Социально-политическая природа парламентаризма заключается, в том числе, в функциональной предрасположенности парламентских институтов к общественному диалогу. Главными субъектами внутриполитической стабильности выступают государство и его институты, среди которых парламентские структуры играют существенную роль. Отсюда вытекает особая роль тех политических институтов, которые способны работать в реактивном режиме, адекватном назревающим общественным изменениям.

Таким институтом в силу своей социально-политической природы как раз и выступает парламентаризм. Но одновременно с этим необходимо сделать весьма существенную оговорку: не менее важна качественная сторона самого парламентаризма. Именно здесь скрывается важнейшая проблема современного российского парламентаризма — какова степень его соответствия теоретическим универсалиям представительной власти, разработанным в современной политической науке? Ответы на этот вопрос в научной среде и среди практикующих отечественных политиков существенно расходятся, иногда противоположным образом. Результаты современных кросс-

[25] *Kaufmann D., Kray A., Zoido-Lobalon P.* Governance Matters II: Updated Indicators for 2000—2001 // World Bank Working Papers. 2002. January; *Kaufmann D., Kray A., Masiruzzi M.* Governance Matters III: Governance Indicators for 1996—2002. Washington, 2003.

национальных политологических исследований показывают высокую корреляцию парламентаризма и демократии[26]. Как известно, исследовательская дискуссия о президентской и парламентской республиках имеет долгую историю, но в той или иной степени продолжает сохраняться. При прочих равных условиях признается, что парламентские системы стимулируют более сильные политические партии, более концентрированные и партийно оформленные выровненные группы интересов, более централизованный процесс принятия решений[27]. Парламентские системы являются решающими, президентские системы — решительными.

В политическом дискурсе и общественном мнении в настоящее время доминирует представление, что процесс демократизации в стране затормозился и попал в своеобразный замкнутый круг, когда новые демократические политические институты не способны стать достаточно эффективными, поскольку не пользуются необходимой поддержкой со стороны массовых и элитных групп общества, а получить поддержку и легитимность не могут, так как в глазах большинства населения не являются эффективными, позволяющими решать возникающие перед обществом проблемы.

Последние два десятилетия отчетливо показали, что если демократические институты не воспринимаются обществом как эффективные инструменты общественного развития, не востребуются людьми в практическом плане, то они постепенно увядают, превращаются в имитационные муляжи. Многие страны, и Россия в их числе, подошли к глубокому кризису представительной демократии, политического участия. Но если в зарубежных странах эти процессы идут на фоне развитого гражданского общества и высокой гражданской культуры, когда существует традиция взаимосвязи власти и общества, то в современной России воспроизводятся основы исторически традиционного политического порядка. Отчетливо виден дефицит таких важных слагаемых политической культуры, как гражданская ответственность, самоорганизация, способность бороться за свои права и интересы. Адекватно реагируя на сигналы внешней среды, успешно адаптируясь к ней на индивидуальном уровне, многие граждане России тем не менее оказались в очень сложном положении, поскольку формирование своеобразной культуры неучастия оставило их один на один с государством и с многообразием проблем, с которыми приходится повседневно сталкиваться.

---

[26] *Gerring J., Thacker S.C., Moreno C.* Are Parliamentary Systems Better? // Comparative Political Studies. 2009. March. Vol. 42. № 3. P. 329.

[27] Ibid. P. 330.

Сегодня российское общество подошло к рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. В этих условиях задача соединения жизненной энергии, направленной на индивидуальную личностную самореализацию, с потенциалом общественной, гражданской активности уже не представляется невыполнимой. Прежде всего потому, что в России уже есть достаточно многочисленные группы и слои, которые способны стать носителями новой «культуры участия», современных социально значимых форм поведения, взаимодействия и жизнедеятельности. Тем самым формируется социальная база для формирования институтов представительства этих новых социальных элементов.

Устойчивая общественная стабильность во многом может быть обеспечена современными парламентскими институтами. Создать их таковыми — весьма сложная задача, решение которой по плечу лишь подготовленному правящему классу, вооруженному глубоким знанием как своей страны, так и окружающего мира, пониманием тенденций их развития.

Успешное движение к стабильности предполагает прежде всего поиск новой модели общественного развития, включающей формирование современной политической системы, создаваемой правящим классом с учетом особенностей общества, его исторического опыта и тенденций мирового развития. Решение этой крупномасштабной общенациональной задачи в свою очередь предполагает решение других не менее сложных задач. Например, таких, как формирование новой партийной системы, новой властвующей элиты, формулирование новой национальной идеи, нового мировоззрения и т. д.

Противоречивость воздействия парламентских отношений на политическую стабильность в современной России во многом предопределяется наличием существенных дестабилизирующих факторов. К числу последних относятся коррупция, давно уже подтачивающая сам фундамент государства; углубление социальных расколов; углубление разрывов в уровне развития регионов; деградация советской техноструктуры, за счет которой все еще живет Россия — начиная с дорог и кончая коммунальным хозяйством. Еще один фактор нестабильности — слияние власти и собственности. Это слияние напрочь отрицает возможность эффективного развития общества, поскольку постоянно политизирует процесс экономического развития, подчиняя его политическим критериям, и провоцирует бесконечное перераспределение собственности. Там, где постоянно перераспределяют собственность, там постоянно присутствуют

конфликты, кризис, потрясения. В существующей системе государственного управления практически отсутствует механизм самокоррекции, выталкивая оппозицию за пределы политики; сам правящий класс ее радикализирует и превращает в деструктивный для себя фактор.

Результатом этих процессов стало построение системы с такими атрибутами как непубличный характер государственной власти; единство власти и собственности, традиционное для России при всех режимах, в настоящее время доведенное до максимума. По сути дела важнейшие административные рычаги и наиболее прибыльные экономические активы принадлежат одной очень узкой группе людей. Третья характеристика — все уменьшающаяся и сокращающаяся обратная связь между государством и обществом. Отсюда вытекают два возможных сценария развития современного политического процесса в России. Первый, наиболее вероятный, — продолжающаяся стагнация, которая может длиться долго и в конечном итоге — привести к распаду страны в ее нынешнем геополитическом формате. Второй сценарий — кризис политического режима, который вполне может стать фактором обновления системы власти. Решение вопроса о том, по какому из этих на сегодня равновесных вариантов пойдет развитие ситуации в России, во многом зависит от состояния парламентских институтов.

Внедрение любых социальных и политических инноваций — очень сложный и тяжелый процесс. Это в полной мере относится и к современным отечественным парламентским отношениям. Анализ их реального состояния в современной России приводит не к самым оптимистическим выводам. Прежде всего российским политическим элитам и гражданам предстоит понять и научиться использовать свои возможности реального воздействия на процесс принятия решений через институализированное политическое участие демократического типа.

Сведения об авторах

(на декабрь 2010 г.)

Афанасьев Григорий Юрьевич — кандидат исторических наук, ведущий специалист РГИА;

Бокарева (Бородулина) Людмила Сергеевна — аспирантка кафедры русской истории РГПУ;

Ведерников Владимир Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории гуманитарного факультета СПбГПУ;

Гаджиев Софи Тофиг оглы — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета БГУ;

Гайда Федор Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX — нач. XX вв. МГУ;

Гронский Александр Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин БГУИР;

Златина Мария Александровна — кандидат исторических наук, ассистент кафедры русской истории РГПУ;

Иванов Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ;

Исмагулова Тамара Джакешевна — научный сотрудник сектора источниковедения РИИИРАН;

Кирьянов Игорь Константинович — доктор исторических наук, декан историко-политологического факультета ПГУ;

Колесников Владимир Николаевич — доктор политических наук, доцент СЗАГС;

Корнева Надежда Михайловна — кандидат исторических наук, главный специалист РГИА;

Костылев Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и истории СПбГАУ;

Кротов Михаил Иосифович — Генеральный секретарь Совета МПА СНГ, доктор экономических наук, профессор;

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, стар-

ший научный сотрудник СПбИИРАН, член научно-методического совета при Центре истории парламентаризма;

Лукоянов Игорь Владимирович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, зав. Отделом источниковедения и Научно-историческим архивом СПбИИРАН, член научно-методического совета при Центре истории парламентаризма;

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории российской государственности РАГС;

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ, член научно-методического совета при Центре истории парламентаризма;

Пшенко Константин Андреевич — доктор исторических наук, профессор, председатель научно-методического совета при Центре истории парламентаризма;

Сидоренко Надежда Семеновна — доктор исторических наук, зав. кафедрой отечественной истории методики преподавания истории ЧГПУ;

Тарасова Екатерина Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры новейшей истории России исторического факультета СПбГУ;

Ткаченко Владимир Владимирович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИПНАПЕНУ;

Яковлева Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ЛГУ.

Список сокращений и аббревиатур

АБФРЗ — Архив библиотеки фонда «Русское зарубежье»;
БГУ — Бакинский государственный университет;
БГУИР — Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники (Минск);
ВР — Верховная Рада Украины;
ГААР — Государственный архив Азербайджанской республики;
ГАППОДАР — Государственный архив политических партий и общественных движений Азербайджанской республики;
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации;
ГД — Государственная дума;
ГС — Государственное совещание;
ГТУ — Главное тюремное управление;
ИПНАПЕНУ — Институт педагогики Национальной академии педагогических наук Украины (Киев);
КРИ — Кафедра русской истории РГПУ;
КСУ — Конституционный суд Украины;
ЛГУ — Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина;
МВД — Министерство внутренних дел;
МГУ — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
МЮ — Министерство юстиции;
ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПГУ — Пермский государственный университет;
ПОЛИС — Политические исследования;
ПСС — Полное собрание сочинений;
РАГС — Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации;
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства;
РГИА — Российский государственный исторический архив;
РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока;
РГПУ — Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;
РИИИРАН — Российский институт истории искусств Российской академии наук (Санкт-Петербург);
РФ — Российская Федерация;
СЗАГС — Северо-Западная академия государственной службы (Санкт-Петербург);

СПбГАУ — Санкт-Петербургский государственный аграрный университет;

СПбГПУ — Санкт-Петербургский государственный политехнический университет;

СПбИИРАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

ЦВПК — Центральный военно-промышленный комитет;

ЧГПУ — Челябинский государственный педагогический университет.

Таврические чтения 2010

Актуальные проблемы истории парламентаризма

Международная научная конференция

Подписано к печати 24.11.11. Формат 70x100 1/16.
Печ. л. 24,0. Усл. печ. л. 31.1. Уч.-изд. 21.0. Тираж 200 экз. Заказ 116

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «ЭлекСис», СПб, ул. Моисеенко, д. 10.